Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили

Полотно Истории. Gospel on Tesla's Rape

Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили

Полотно Истории. Gospel on Tesla’s Rape

2026

УДК 1
ББК 87
Х98

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Хугаева Тиникашвили Тесла Лейла
Х98 Полотно Истории. Gospel on Tesla's Rape / Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили. — [б. м.] : [б. и.], 2026. — 460 с.
[б. н.]

УДК 1
ББК 87

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили, 2026

Давно известен факт, что создание позитивной философии много сложнее негативной философии. Много проще дать критику существующему злу, нежели показать каким должно быть здоровое общество, очищенное от зла. О этом писали многие мыслители, поскольку вопрос добра и зла в обществе и способы очищения общества от зла всегда стоит в центре внимания здоровых людей с активной энергией духа.

Так, известный спор между двумя друзьями, Честертоном и Уэллсом, свелся к настойчивым просьбам Уэллса к Честертону написать свою утопию. Ведь сам Уэллс сделал несколько попыток, и в частности его «Люди как Боги» по многим параметрам проникает в самую суть здоровых отношений людей. Честертон ответил «Ортодоксией», в которой всячески попытался показать, что здоровое общество, как Церковь Христова, не может быть скучным и лишенным глубины чувств и импульса развития. Ведь именно скука, согласно Бертрану Расселу, всегда отличает Утопии. Он говорит об этом в Истории Западной Философии, когда после общего анализа Утопии Томаса Мора, в конечном итоге заключает, что все Утопии, начиная с этой первой страдают одним общим недостатком — скучные.

Гайто Газданов в своих отчаянных поисках позитивной философии, к которой он приходит в послевоенный период своего творчества, также отмечает, что всем мыслителям которых ему приходилось читать, значительно успешнее давались негативные философии о том, что надо разрушить и искоренить, и значительно хуже позитивные философии о том, какие институты необходимы для функционирования здорового общества. И в частности, его слова подтверждает «С того берега» Герцена, где великий поборник истины и справедливости вынужден признать, что он видит что разрушать, — тиранию царизма, — но не может пока в точности сформулировать какие институты обеспечат функционирование свободного общества. «Разве вы не видите новых христиан, которые идут в Рим?» — вот все что ему удается сказать о новом обществе Церкви Дружбы, постро-

енном на Естественном Праве Законов Психической Энергии, подтверждающих научно истины Евангелий. Представительным демократиям он не доверяет именно в силу того, что это негативные философии, в основе которых оберечь власть от зла злоупотреблений, но которые не говорят, какие институты должны гарантировать здоровье общества.

Блестящий пример негативной философии мы имеем в известной Антиутопии Джорджа Оруэлла «1984». Никто так четко, с научной точностью в деталях, не показал какого именно зла мы должны избегать — возникновения Расы Господ из Мертвой Мысли, Мертвой Совести, Мертвой Дружбы. Однако, Антиутопия ничего не говорит нам о том, каким должно быть здоровое общество, хотя с научной точностью показывает нам что такое больное общество.

В «2084» я делаю попытку представить первый набросок того, что впоследствии станет Утопией или Здоровым Обществом, как оно следует из Открытия Психической Энергии. Конечно, сейчас я не смогу раскрыть тему полностью, но буду считать задачу выполненной если сумею очертить главные положения и центральные институты этого общества. Прошу также понять правильно тот факт, что постольку поскольку Открытие ПЭ играет центральную роль для возникновения и функционирования Здорового человеческого сообщества, то мне при всей моей врожденной скромности никак не удастся обойти стороной факт тяжелого мученичества автора этого Открытия. Ибо факт этот займет должное место в Мировой Истории или иначе в Полотне Священной Войны Добра и Зла.

В томах по Открытию ПЭ я много раз заостряла внимание читателей на том факте, какое громадное значение для оздоровления человечества имеет Правильное Преподавание Мировой Истории подрастающему поколению. Ибо что есть Мировая История как не проявление законов психической энергии в процессе жизни? И что есть законы психической энергии как не Священная Война между Добром и Злом, или иначе между энергией духа поля Интеллекта и материальной энергией поля Эгосистемы?

В томах по Открытию ПЭ я постаралась показать, что самое лучшее объяснение всем фактам мировой истории можно найти только если трактовать их сквозь призму Законов ПЭ, то есть как противодействие двух энергий психики человека — поля Эгосистемы и поля Интеллекта. Первый набросок систематизации фактов Истории на основе законов ПЭ уже даны в томах по Открытию психической энергии. Там же сказано, что изречение дельфийских оракулов о важности «Познать себя», или современной гуманистической психологии от Кьеркегора до Фромма и Маслоу «Стать самим собой» — значит познать не детские воспоминания индивида, а мировую историю всего человечества. Но с условием, что факты мировой истории постигаются через призму законов ПЭ, через призму Священной Войны Дора и Зла, так что каждый отдельный индивид постигает историю своего собственного Я в истории борьбы мировой энергии Духа человечества со злом поля Эгосистемы материальной энергии.

Вот почему центральное место в Здоровом Обществе будет занимать Постижение Мировой Истории как Священной Войны Добра и Зла. Ведь это есть единственный способ «Стать самим собой», найти свое истинное Я энергии духа, и очистить его от поля Эгосистемы ложного Я. А процесс такого очищения поля Интеллекта от Поля Эгосистемы есть единственное условие избавления от зла в обществе. Избавления от материальной энергии психички через дезактивацию поля Эгосистемы.

Таким образом, Правильная система Образования как Правильное преподавание Мировой Истории — вот ключ к решению вечного вопроса Теодицеи Лейбница о существовании Зла в обществе.

С Открытием ПЭ мы можем ответить на вопрос, почему Господь попустил существовать Злу? Вопрос этот, который Лейбниц назвал Теодицеей, тревожил умы всех выдающихся мыслителей, Святых и духоборцев всех времен. Достаточно вспомнить работы Достоевского.

Открытие ПЭ показывает нам, что мы живем в доисторический период. История Человечества начнется с полным станов-

лением Энергии Духа Поля Интеллекта. То есть с Открытием ПЭ и с очищением сознания человечества от материальной энергии. Понятно, что в Здоровом Обществе, с концом существования материальной энергии заканчивает свое существование также и Зло, — то есть порочность бессовестных людей, а также психические расстройства.

Таким образом, Господь попустил существование Зла только в короткий Доисторический период младенчества человечества, когда сила научного контроля поля Интеллекта только формировалась. И попустил существование этого Зла не случайно, ибо спор который шел веками о том, что Зло нужно, чтобы понимать что есть Добро, тоже имеет свои основания. Однако, те кто считал, что по этой причине Зло будет вечно — ошиблись. И те, кто считали, что без преодоления зла существование энергии духа во многом теряет свой смысл и остроту чувств — тоже были правы. «Скучные Утопии» без Зла потому были скучными, что основная задача, которую Господь дал человеку, поместив в его сознании две антагонистичные энергии — это преодоление Зла поля Эгосистемы. Однако, Существование Зла настолько отравляет жизнь человеческого сообщества, что делает бессмысленным всякую активность добра, всякую активность здоровой части сознания человечества.

Вот почему Господь определил математический точный выход из положения. Зло перестает существовать реально вместе с Открытием ПЭ и деактивацией поля Эгосистемы через систему образования.

Однако, Зло будет существовать до конца существования человечества как Часть Громадного Полотна Мировой Истории Человечества — Истории Борьбы Добра и Зла, которая будет положена в основу всех образовательных систем здорового сообщества. И не только образовательных систем как вы понимаете. Но и религиозного культа, и развития искусства в самых разных сферах, литературы и жизни клубов интеллектуальных сообществ, которые будут набирать силу в здоровых обществах.

Понятно, как много самых глубоких сюжетов Священной Войны Добра и Зла, запечатлевающих самые сокровенные моменты красоты и мощи, тонкости и нежности, трагедии и драмы, комичности и юмора во взлетах и падениях Энергии Духа человечества на протяжении его становления в Мировой истории. Понятно, какую мощную волну в Искусстве и Религии спровоцирует возникновение этого Полотна из систематизации фактов истории вокруг Законов Открытия ПЭ.

Таким образом, жизнь людей до конца их существования будет центрирована вокруг пролем Зла, вокруг проблем материальной энергии, чтобы больше никогда не допустить ее реального существования. Чтобы раз и навсегда утвердить институты которые гарантируют деактивацию поля Эгосистемы у подрастающих поколений, и иммунитет к полю Эгосистемы у взрослых людей, чья культурная жизнь будет всегда вращаться вокруг Религии, Искусства, Науки, Литературы Великого Полотна Священной Войны Добра и Зла, как ее запечатлела Мировая История мученичества человечества.

Понятно, что в таком обществе скучать не придется. Чтобы держать реальное Зло под замком, чтобы гарантировать деактивацию поля Эгосистемы материальной энергии, люди снова и снова, с каждым новым поколением должны будут заново переживать все страшные перипетии борьбы Энергии Духас жуткими драконами материальной энергии. Снова и снова обсуждать, вникать, волновать свои сердца и умы страшными картинами прошлого. Это защитит их от возрождения Зла с одной стороны, с другой стороны «Жало» будет уже извлечено из мертвого Зла, оставшегося только в далеких исторических событиях на Полотне Священной Войны Мировой Истории. И эта прививка Зла каждому новому поколению уже не сможет отравить и испортить жизнь. В то же время Энергия Духа будет существовать в нормальном для него русле преодоления поля Эгосистемы — пусть уже нейтрализованного поля Эгосистемы, беззубого и неопасного для здорового сообщества.

К сожалению наша сегодняшняя действительность очень далека от такого положения вещей.

Совершенно напротив, ситуация прямо противоположная. Ложная научная парадигма привела к тому, что так называемая Научная Западная Цивилизация полностью скатилась в цивилизацию Гибрис-Эго шизоидной материальной энергии. А древние цивилизации традиционной циклической материальной энергии, открыто заявляют о своем возвращении к Левиафанам древних восточных деспотий (как например режим Путина в России). Этот процесс называют «Революцией Консерваторов», и действительно, по всему миру имеет место победа Консерваторов (как например в США движение MAGA). То что в Новое время уже казалось преодоленным — варварство роялизма во всех его проявлениях — вновь во всей мощи коронованных сатанинских рогов возвращается на социальную повестку дня. Ибо что есть символ короны на головах людей как не символ сатанинских рогов? Разве не сказал господь, что нельзя служить Богу и Маммоне? Разве не сказал Господь — только Богу поклоняйся? Короны варваров в свое время подчинила церкви Католическая Церковь Отцов Церкви. Но теперь эти варварские короны возвращаются уже с полным презрением дарвиновской парадигмы к воле Господа, в полном смраде Нероновских ЧеловекоБогов, поклоняющихся только своего Эго.

Что это значит для нас с точки зрения перспектив обрести когда-либо Здоровое Общество?

Это значит, что вместо очищения Энергии Духа от Зла материальной Энергии мы имеем обратный процесс разложения Энергии Духа под мощным толчком активации поля Эгосистемы материальной энергии. Долгий период поражения Энергии Духа — двадцатый век с его разложением философии Метафизики Интеллекта — привел к особенному загниванию материальной энергии на теле энергии духа человечества.

Из Милграм-Эго широких масс народа вышли так называемые «элиты» заматерелого поля Эгосистемы в Сатан-Эго Мертвой Мысли и Мертвой Совести — демоны садизма, лжи

и порока, которые повсюду поработили наивные народные массы.

Этот процесс, называемый в профетической литературе — Веком Дьявола (вместе с Честертоном и Мережковским, Бенда и Камю), мы называемый Ядерным Грибом взорвавшейся материальной энергии, удушающим планету своими ядовитыми испарениями. Захват Власти рептилиями Сатан-Эго всюду на земле привел к тому, что планета стала нежизнеспособна для нормальных, здоровых людей Энергии Духа. О том, что сегодня негодяи везде у власти, что для того чтобы «стать начальником» надо быть бессовестным негодяем, знают со времен «Князя» Макиавелли все. «Как бы поступил Макиавелли» Стенли Бинга, «48 законов власти» Р. Грина интерпретируют законы власти Сатан-Эго в мире победившей материальной энергии уже для современной действительности.

В чем прежде всего выражается отравление планеты удушающими ядами Грибного Облака Взрыва материальной энергии?

В двух вещах прежде всего.

— В Трагедии Распятого Духа Мысли, Совести, Нежности, Дружбы под автоматизмами мертвого Садомазохизма

Ф. Ницше, «так говорил Заратустра»:

> «О Заратустра, здесь большой город; тебе здесь нечего
> искать, а потерять ты можешь все.
> К чему захотел ты вязнуть в этой грязи? Пожалей свои ноги!
> Плюнь лучше на городские ворота и — вернись назад!
> Здесь ад для мыслей отшельника: здесь великие мысли
> кипятятся заживо и развариваются на маленькие.
> Здесь разлагаются все великие чувства: здесь может только
> громыхать погремушка костлявых убогих чувств!
> Разве ты не слышишь запаха бойни и харчевни духа? Разве не
> стоит над этим городом смрад от зарезанного духа?
> Разве не видишь ты, что души висят здесь, точно обвисшие,
> грязные лохмотья? — И они делают еще газеты из этих лохмотьев!
> Разве не слышишь ты, что дух превратился здесь в игру
> слов? Отвратительные слова-помои извергает он!»

— В Извращении отношений мертвого Садомазохизма, отношений насилия и подчинения, злорадства и подлости, предательства и лжи. В отношениях ненасыщаемого разврата, в извращении нормальной биологической жизни организма ненасытной жадностью садомазохизма материальной энергии.

Ф. Ницше, «так говорил Заратустра»:

> «В городах трудно жить: там слишком много
> похотливых людей.
> Не лучше ли попасть в руки убийцы, чем в мечты похотливой
> женщины?
> И посмотрите на этих мужчин: их глаза говорят — они не
> знают ничего лучшего на земле, как лежать с женщиной.
> Грязь на дне их души; и горе, если у грязи их есть еще
> дух!
> О, если бы вы совершенны были, по крайней мере как звери!
> Но зверям принадлежит невинность.
> Разве я советую вам убивать свои чувства? Я советую вам
> невинность чувств.
> Разве целомудрие я советую вам? У иных целомудрие есть
> добродетель, но у многих почти что порок.
> Они, быть может, воздерживаются — но сука-чувственность
> проглядывает с завистью во всем, что они делают».

ГЛАВА 1. ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ГЕЛЬДЕРЛИНА

В книге «Научные Формулы как Поразить Зло» я постаралась раскрыть тему о том, что Особенность Греческой Трагедии составляет Шизоидное Притяжение Самолюбленности Гибрис-Эго. Что именно этой особенностью сломанного физического контроля Гибрис-Эго объясняется странная специфика греческой трагедии с ее Сиренами, Фуриями, и Медузами Горгонами, пожирающими доверчивых влюбленных своими обманчивыми сладкими чарами и песнями.

По сути, основная идея греческой трагедии в том, что что Романтика Любви представляет собой соединение идеи чрезмерного блаженства, которое слишком хорошо чтобы быть правдой (так сладок мед, что наконец и гадок) с идеей чрезмерного страдания, которое также слишком мучительно, чтобы найти ему определение в реальном мире. Именно эта пропасть между чувственным позитивным и негативом, которое в о же время составляет единое целое в случае романтики греческих трагедий, и делает их такими особенными. И даже странными. Шекспир выразил эту странность больной любви шизоидного Гибрис Эго следующими словами «Ромео и Джульетте», — в пьесе примечательной именно правдой о больной шизоидной любви:

Ромео и Джульетта:

> «У бурных чувств неистовый конец,
> Он совпадает с мнимой их победой.
> Разрывом слиты порох и огонь,
> Так сладок мед, что наконец и гадок:
> Избыток вкуса отбивает вкус»

«Ромео и Джульетта»

> О, эта кроткая на вид любовь

> Как на поверку зла, неумолима!
> И ненависть мучительна и нежность,
> И ненависть и нежность — тот же пыл
> Слепых, из ничего возникших сил,
> Пустая тягость, тяжкая забава,
> Нестройное собранье стройных форм,
> Холодный жар, смертельное здоровье,
> Бессонный сон, который глубже сна.
> Вот какова, и хуже льда и камня,
> Моя любовь, которая тяжка мне.
> Что есть любовь? Безумье от угара,
> Игра огнем, ведущая к пожару.
> Воспламенившееся море слез,
> Раздумье — необдуманности ради,
> Смешенье яда и противоядья».

Я постаралась показать в упомянутой книге о Научных Формулах сознания, что знаменитый психоз Ницше происходил из его греческого романа с Вагнером. Речь разумеется только о платоническом чувстве, которое родилось из их общего восхищения греческой трагедией, описанного Ницше в книге которой Вагнер глубоко восхищался: «Рождение Трагедии из духа Музыки».

Я также в этой книге проанализировала роман Гельдерлина с греческой трагедией в его книге «Гиперион или Отшельник в Греции», где ясно продемонстрировала, что те же особенности Романтики Любви, характерные для Греческой Трагедии, где «разрывом слиты и порох и огонь», где боль слишком невыносима, а наслаждение слишком сладко и где этот диапазон негативного и позитивного разделен пропастью и в то же время слит воедино.

Гиперион или Отшельник в Греции: Москва, Наука, 1988:

> «И этому небесному созданию был адресован мой гнев? И за что же я гневался на нее? За то она не была нищей, как я, за то что носила еще в сердце небо и не утратила себя как я, и не нуждалась в другом существе, ни в чужом богатстве, чтобы заполнить пустоты, за то что не боялась погибнуть, как я и в страхе смерти не хотела прилепиться к другому какя! Ах! Именно наибожественнейшее в ней, это небесное спокойствие я оскорбил я

оскорбил своим недовольством, в неблагородном гневе позавидовал ее безмятежности.
«Ты должен стать другим» воскликнула она с чуть большей горячностью чем обычно. Отчаяние нахлынуло на меня. Я почувствовал как я мал и тщетно рвался ввысь. Ах, лучше бы мне погибнуть! подобно подлым душам я искал утешения своему ничтожеству в том, что пытался умалить великое, что я небесное… Беллармин! Ни с чем несравнимая мука знать, что несешь на себе столь позорное пятно. Она хочет избавиться от тебя, думал я, вот и все. Хорошо я стану другим, так сказал я несчастный, прикрываясь вымученной улыбкой, и ушел прочь. Будто гонимый злыми духами бросился я бежать и метался по лесу, пока не упал на редкую траву. Бесконечной ужасной пустыней лежало передо мной прошлое, и в адской злобе я истребил без остатка все что некогда лелеяло и превозносило мое сердце. Потом вновь злобно и презрительно хохотал над собой и надо всем и с наслаждением вслушивался в отзвуки эха и вой шакалов со всех сторон стекавшихся ко мне из ночи, отдавался отрадой в моей растерзанной душе.
Глухая, мертвая тишина последовала за этими убийственными часами, поистине мертвая тишина! Я больше не искал спасения! Все стало мне безразлично. Я был будто скотина под рукой мясника. «И она» И она оже» это был первый звук произнесенный моими губами спустя долгие часы и слезы навернулись мне на глаза. «Она не может поступить иначе» она не может взять себе то, что ей невозможно иметь — твою нищету, твою любовь!»

То была Мелите» Она должно быть испугалась увидев перед собой столь жалкое потерянное существо!»

В чем же загадка и разгадка этой особенной странности греческой трагедии, которая вызвала к жизни страшных сирен со сладкими голосами и голову Медузы Горгоны, от взгляда на которую каменеет герой?

Разгадка в Научной Формуле Третьего Притяжения Самовлюбленности Гибрис Эго шизоидов.

Дело в том, что нормальный циклический гомеостаз физического контроля имеет два Притяжения — Самолюбие и Влюбленность.

«Любовь» для примитивных людей материальной энергии означает всего лишь господство и подчинение, начальника и слугу, — вот почему так часты контакты подобного рода в ра-

бочих офисах современного мира, и не только современного. Вспомнить хотя бы феодалов, которые считали своим правом и долгом переспать со всеми своими крепостными женщинами — «право первой ночи».

О патологии таких отношений много сказано у Фромма, у Маслоу, у Бертрана Рассела, у Толстого, у Газданова, которые характеризуют эти отношения как «людоедство» садомазохизма. Рассел прямо сравнивает с кровопийцами и с поеданием баранины, Толстой говорит о людоедстве и порочности развратников, Фромм — о фиктивном контакте садомазохизма, не имеющем ничего общего с реальным контактом людей в любви-дружбе, Газданов называет Отравой и деградацией в обезьян зоологического сада. А Чехов говорит о саркоме мозга людей с физическим контролем материальной энергии, для которых садомазохизм или эротика отношения начальства и подчинения всегда в центре всех интересов («Дуэль).

Такова Патология физического контроля материальной энергии для нормальной здоровой энергии духа человека, которая в норме соединяется в искренности, совести и участии любви-дружбы, как отмечают те же авторы.

Патология шизоидного Гибрис Эго является в своем роде — патологией патологии. Ведь материальная энергия — уже сама по себе болезнь для энергии духа человека, паразит пожирающий здоровье базовой энергии сознания людей. А шизоидное Гибрис –Эго рождается из патологии нормального функционирования циклического гомеостаза Самолюбия –Влюбленности.

Дело в том, что Интеллект вторгается на поле Эгосистемы, и как в случае с философией Ницше доказывает логически Превосходство Эго над СуперЭго раз и навсегда. Понятно что интеллекту нае место на поле материальной энергии, что Интеллект открывает законы природы, и только тогда является интеллектом. А когда он вторгается на поле искаженной чувственной инфоомации материальной энергии, чтобы иметь дело с ее миражами кривого зеркала — то это уже не интеллект. С другой стороны, этот ложный интеллект своим доказатель-

ством постоянного превосходства Эго над СуперЭго ломает циклический гомеостаз Самолюбия-Влюбленности. Ведь теперь Подчинение другим для Сверхчеловека Ницше стало невозможным. Притяжения Влюбленности больше не существует. В этом и состоит вся специфика сломанного циклического гомеостаза шизоидной психики: формальная логика, оторванная от реальности, вторгается на поле Эгосистемы материальной энергии с тем, чтобы «создать философию Сверхчеловека» — то есть доказать логически поеду Эго над СуперЭго. Так оба контроля оказываются сломаны: и научный контроль поля Интеллекта (так как интеллект стал фиктивным) и физический контроль поля Эгосистемы (так как притяжение Влюблённости перестало существовать и циклический гомеостаз садомазохизма больше невозможен). «Гиперэстезия» шизоидов, о которой пишут все психиатры как о особой чувствительности самолюбия в том и состоит, что с потерей притяжения Влюбленности они теряют способность подчиняться.

Таким образом, Гибрис Эго разрушает нормальное функционирование материальной энергии. И с какой то стороны это хорошо — ведь именно Гибрис Эго античности привело к слому Левиафанов садомазохизма, сломав притяжение Влюбленности древних иудеев, греков и римлян, и разрушив таким образом отношения господства и подчинения. Так и возникли первые демократии известные своим «негативным содержанием» — не способностью подчинятся власти и строгим разделение мира господ и рабов античности. Разделением, не известным восточному миру, где люди одновременно оставались начальниками и слугами на социальной лестницей своих Левиафанов садомазохизма.

Но с другой стороны этот слом физического контроля, который разрушает отношения господства и подчинения не дает здоровья научного контроля энергии духа — ведь научный контроль тоже сломан фиктивным интеллектом на поле Эгосистемы.

Так возникает Гибрис Эго шизоидов как двойная патология и энергии духа и материальной энергии психики. Вот почему

все древние демократии всегда оказывались демократиями-тираниями, осциллировавшими между постоянными переворотами из правления народа в правление тиранов, и вот почему древний мир Греции и Рима рухнул в междоусобных войнах.

Гибрис Эго шизоидов таким образом разрушает способность этих людей к контактам с другими людьми, что известно как феномен «аутизма». Ведь нормальной дружбы они не знают, так как разбита в том числе и их энергия духа. А контакты через господство и подчинение материальной энергии стали невозможны. Та любовь «слуг и начальников», которая так проста и обыдена в обществах варваров здесь становится недостижима.

Однако, на место Влюбленности приходит притяжение Самвлюбленности. Именно эта Романтика Шизоидности и приводит в конечном итоге к психозу шизофрении.

Научная формула Притяжения Самовлюбленности очень проста.

Если нормальный циклический гомеостаз Физического контроля — это соединение Плюса и Минуса, то есть двух противоположных притяжений Самолюбия и Влюбленности, Господства и Подчинения, то специфика Самовлюбленности в чередовании Двух Минусов и Двух Плюсов.

Фрейд описывает обыкновенную Влюбленность материальной энергии как «Загрузки СуперЭго», которые подчиняют волю человека. Это случай Плюса и Минуса, Силы СуперЭго и слабости Эго, Господства того, кто воспринят как Загрузка СуперЭго и подчинение человека этому «магическому авторитету».

Для Гибрис Эго возможно только Равенство Эго и СуперЭго, то есть Два Плюса вместо Плюса и Минуса, так как Сила Эго и его победа над внешним миром была доказана «философией Сверхчеловека» и разрушила случай со слабым Эго притяжения Влюбленности.

Такое восприятие кого-либо через загрузку СуперЭго будет иметь простую математическую формулу: Мое Эго всесильно, тот кто признает всесилие моего Эго равен моему Эго. Другими сло-

вами, на Гибрис Эго будет оказывать магическое влияние Лесть их силе и превосходству — по существу такая лесть становится кислородом, необходимым для существования их сломанных двух контролей. Эта Лесть создает случай Романтической Любви, как ДВА ПЛЮСА поля Эгосистемы. Что само по себе уже патология сломанного циклического гомеостаза. Эти два Плюса и дают то ощущение чрезмерного блаженства, которое слишком сладко и гадко, о котором пишут Шекспир и «сладкие голоса» Сирен в греческих трагедиях.

Отсюда один шаг до следующего патологического феномена Самовлюбленности ГибрисЭго — до ДВУХ МИНУСОВ на поле Эгосистемы, что тоже неизвестно нормальному циклическому гомеостазу Плюса и Минсуа, Самолюбия и Влюбленности, Господства и Подчинения.

ДВА МИНУСА возникают тогда, когда на место лести приходит унижение всесилия Гибрис Эго. В этом случае при нормальном циклическом гомеостазе, люди материальной энергии переходят на подчинение Влюбленности и продолжают оставаться в русле нормального физического контроля. Здесь же, где уже не может быть силы большей чем Эго, возникает ситуация «УБИТОГО ЭГО», то есть ДВА МИНУСА, которые сменяют ДВА ПЛЮСА. Патология Притяжения Самовлюбленности как чередования Двух Плюсов и Двух Минусов, то есть как Романтики и Убитого Эго и создает ту особую симптоматику Греческой Трагедии, которая сегодня называется Романтической (Идолопоклонской по Фромму) любовью и культивируется в современном искусстве. Начать хотя бы с Рождения Трагедии Ницше и с его критики романтизма Вагнера в «Казус-Вагнер». Обо всем этом я подробно говорила в «Научный Формулах».

Итак, ни романтика двух плюсов, ни феномен «убитого эго» не знакомы нормальному физическому контролю, то есть циклическому гомеостазу садомазохизма двух притяжений Самолюбия и Влюбленности, Господства и Подчинения, Плюса и Минуса.

И именно из этого впоследствии развивается психоз шизофрении, который является прямым доказательством Метафизики

энергии духа и существования Ада, как говорит Честертон в «Ортодоксии», о чем мы еще будем говорить в последующих главах.

Здесь мы ставили своей задачей показать Научные Формулы физического контроля нормального циклического гомеостаза Садомазохизма и сломанного физического контроля Гибрис Эго шизоидов.

На примерах классической греческой трагедии и известного психоза Гельдерлина.

Вот как Ясперс говорит о феномене «убитого Эго» в преморбиде Гельдерлина. Еще более убедительно описывает это состояние крайней муки С. Цвейг в «Жизни Ницше».

Л. Ясперс, «Стриндберг и Ван Гог»:

> «Хотя Гельдерлин с юности был уверен в своем призвании поэта, но он постоянно испытывал трудности, чувствовал себя неспособным разобраться в реальной действительности и жаловался на современный ему мир. Проиллюстрируем сказанное фрагментами его писем. Примерно в 1793 году он пишет: «Святая цель моих стремлений и моей деятельности в том, чтобы заронить в нашем веке те зерна, которые созреют когда-нибудь в будущем. Поэтому, я думаю, и получается так, что я с несколько меньшей теплотой отношусь к отдельному человеку». 1798 год: «Очевидно, я слишком рано устремился вовне, слишком рано устремил взгляд к великому и, наверное, должен буду, покуда живу, за это расплачиваться; едва ли мне что-то вполне удастся, ибо я не позволил природе во мне вызреть в покое и непритязательной беззаботности… Я хотел бы жить искусством, к которому привязан душой, а должен что-то все время делать среди людей, которые мне часто обременительны до глубины души… Но ведь уж многие, рожденные быть поэтами, канули. Климат, в котором мы живем, не для поэтов. Поэтому из десятка подобных растений изредка расцветает одно». 1799 год: «… потому что это, быть может, несчастное сродство с поэзией, к которой я со дней моей юности неизменно и с добросовестным усердием стремился сквозь все так называемые «более основательные» занятия, все еще живо во мне и, судя по тем опытам, которые я произвел над самим собой, останется во мне, покуда я живу». 1799 год: «Каждый день я вынужден вновь призывать исчезнувшее божество. Когда я думаю о великих людях великих веков, — как они ощущали вокруг себя священный огонь и все мертвое, древесное, всю со-

> ломy этого мира обращали в пламя, которое вместе с ними взлетало к небу, а потом — о себе, — как часто я, мерцающая лампадка, брожу по миру и выпрашиваю капельку масла, чтобы еще немножечко посветить в ночи — о! странный озноб пробегает тогда по моим членам, и я тихо кричу самому себе ужасные слова: живой труп!» 1799 год: «Я глубоко сознаю, что дело, которым я живу, благородно, и что оно целительно для людей, когда доведено до верного выражения и формы. И если даже мое внутреннее никогда не обретет по-настоящему ясного языка и не будет исчерпывающе высказано — ибо ведь тут многое зависит от счастия, то все же я знаю, чего я хотел — и что я хотел большего, чем об этом можно догадаться, судя по видимости моих духовных попыток...»

Для нас важно знать это разделение научных формул нормального циклического гомеостаза Самолюбия-Влюбленности Садомазохизма, и патологии шизоидного Гибрис Эго, чтобы перейти к главам о Полотне Священной Войны Добра и Зла, — то есть к главной теме нашего изложения.

ГЛАВА 2. ГЕНРИХ МАНН О СТРОГОМ РАЗДЕЛЕНИИ МЕЖДУ ЗДОРОВОЙ ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТЬЮ ГЕРМАНИИ И РАСОЙ ГОСПОД ТРЕТЬЕГО РЕЙХА

Мне не хотелось бы, чтобы меня поняли превратно. Я вовсе не оправдываю ту часть философии Ницше, которая как известно всем абсурдна, и как известно нам, противникам дарвиновской парадигмы во многом способствовала Рождению Века Дьявола. Именно потому что теоретический цинизм Ницше и его теоретические попытки сломать «Скрижали» «добрых и праведных» был развитием Дарвиновской парадигмы, как всем известно. Его отчаянные попытки создать «евангелие Зла», чтобы противопоставить его христианскому Евангелию Добра носили как известно чисто теоретический характер, так что Ницше всегда оставался человеком исключительной добродетели совестливости и сострадания в реальной жизни.

Во многих своих книгах, как например «Век Дьявола и Философия Ницше» или в книге о философии Газданова, и во многих других я очень подробно остановилась на том критическом зле, которое по мнению многих ведущих мыслителей, философов, в том числе немецких, нанесла немецкая философия Веку Дьявола, разрушив рационализм Метафизики Интеллекта. Во всех моих книгах — это ключевой момент, и я приводила цитаты многих других авторов, согласных с моим определением вреда немецкого субъективизма, разрушившего метафизику интеллекта. И слова самого Ницше в «Шопенгауэре как воспитателе», где он определяет философию Канта как опаснейший скептицизм, который подобно ржавчине разъедает истину и науку.

Но помимо Ницше, который впоследствии превзошел Канта на той же дороге, об этом много говорят Альбер Камю и Жюльен Бенда, Альберт Швейцер и Честертон, Кьеркегора Бертран Рассел и Фридрих Шеллинг и их критика философии Гегеля. Много раз я цитировала фразу Карла Ясперса о Гибрисе немецкого идеализма. Наконец, в книге о философии Газданова, я также приводила пространные цитаты из Генриха Манна.

Таким образом, мне хотелось ы сразу подчеркнуть в этой новой своей книге я не планирую возвращаться к изложению аргументов критики против немецкого идеализма, которую считаю доказанной в своих предыдущих томах об Открытии ПЭ. Здесь я пытаюсь изложить Мировую Историю с точки зрения Закономерностей двух полей психики и войны между этими двумя энергиями.

И с этой точки зрения я уже рассматриваю немецких философов и поэтов, и в частности Ницше, Гёте, Гельдерлина не как философов и их вклад в науку, а как людей выдающегося ума, который завел их далеко в сторону формальной логики, оторванной от фактов реальности, от законов природы, но тем не менее оставил их людьми выдающихся гениальных способностей абстрактного мышления, о котором будут много говорить и много спорить будущие поколения людей, осуждая Полотно Священной Войны Добра и Зла, даже когда уже будет ясно что философии эти были ошибочны.

Как Библия и как другие великие памятники гения человеческой мысли они навсегда останутся в истории, даже после того, как перестанут быть актуальными. Вот почему здесь я возвращаюсь к немецкой философии идеализма Канта, Фихте, Гегеля, Ницше уже не с целью критики современной дарвиновской парадигмы, где эта философия составляет роль одного из несущих китов, а с целью показать место другому великому памятнику Гибрис Эго переходного шизоидного периода места человечества на Полотне Священной Войны Добра и Зла.

Ибо как говорит тот же Карл Ясперс

«нам не следует рассчитывать на клинические наблюдения обычных больных, мы должны искать исключительных духовно творческих людей, заболевших шизофренией. К таковым относятся Гельдерлин и Ван Гог».

В этом смысле, то что сделал Фромм, когда назвал западную цивилизацию «шизоидным» в скором времени, когда Мировая История будет создана как единое Полотно Священной Войны Добра и Зла на основе закономерностей ПЭ — будет сделано для всей западной мысли псевдонауки. Определить ложную философию как шизоидную очень важно как решительный шаг в сторону утверждения Метафизики Интеллекта и упразднения псевдонауки дарвиновской парадигмы. А утверждение Метафизики Интеллекта — это основа основ восстановления и сохранения Научного Контроля Энергии Духа, то есть здоровья общества.

Вот почему так важно вслед за Фроммом признать шизоидность лженауки дарвинизма и лжефилософии немецкого идеализма — и прежде всего с точки зрения критики немецких философ: Шеллинга, Ясперса, Швейцера, Генриха и Томаса Манна и других.

И вот почему здесь, в книге о Мировой Истории как Полотне Войны Добра и Зла, я ставлю вопрос о фиктивном шизоидном интеллекте, и о том какое место он будет занимать на этом полотне. Надо помнить о ключевом значении метафизики интеллекта для сохранения здоровья энергии духа, то есть о ключевом значении научного контроля.

Генрих Манн очень четко показывает, что Раса Господ нацистской Германии не имеет ничего общего с немецким народом, но как всякая Раса Господ всякого народа, происходит из садомазохизма Самолюбия — Влюленности, Господства и Подчинения физического контроля материальной энергии. И противопоставляет этому сатанизму — Интеллигентность энергии духа.

Генрих Манн, «Обхор Века», О немецком народе и его будущем:

«Следует признать, что пока немцы пользовались правом свободного волеизъявления, Гитлер не получил большинства голосов. Он добился своей цели при помощи измены и подкупа. Надо воздать должное добропорядочности большинства республиканцев из высших слоев общества. Они были честными людьми и и руководили ими благие намерения. Они не воровали, этим занимались нацисты — с начала и до конца своего правления, ибо по их понятиям, «права господ» состояли прежде всего в краже, не только в убийствах. Некоторые высокопоставленные представители республики с чистыми и стойкими убеждениями пошли на самопожертвование. Правда, не было десяти тысяч человек, которые пошли бы на смерть ради предотвращения самого худшего. Но отдельные герои взошли на эшафот — рабочий Эдгар Андре и сотни ему подобных. Длительным пыткам были подвергнуты писатели Осецкий, капеллан Россэн, пастор Ниммелер и сотни других. В этом оправдание немцев. Но обвинение которое им предъявлено гораздо сильнее. Они совершают ужасающие злодейства. Немецкие солдаты опустошают цивилизованные страны, которые хотели одного — никогда не знать войны. Они убивают в своем неистовстве лучших людей, они забыли цену человеческой жизни, свою собственную они отдают бесполезно и зря. Их героизм стоит немногого, ибо при Гитлере человеческая жизнь ни во что не ставится. Он ни одним словом ни благодарит за жертвы, он даже их отрицает.

Немецкие солдаты беспрестанно убивают и гибнут потому, что так приказал фюрер. Германия никуда не посылала их, она не нуждается в их никчемном героизме. Германии не принесет счастья ни их победа, ни их гибель. И надо опасаться — они это знают. Их преступление — в их покорности. Но в слепом повиновении они совершают неслыханные злодеяния. Они порабощают высокоразвитые страны Европы, как не смели порабощать даже самые отсталые колонии. Они расстреливают и вешают заложников. При этом они не могут не знать, что из всех воюющих сторон так поступают они одни. Когда погибает один немец чья жизнь, как это открыто признается не имеет никакой цены, за него мстят ста невиновным. За одного высокопоставленного нациста — палача Гейдриха — убили тысячу чехов. Но жертвами мести пали и немцы. Ко всему прочему надо прибавить еще эту мерзкую и нелепую затею с переселением целых народов, при помощи которой Гитлер надеется создать свою «немецкую Европу» и установить свой «новый порядок». Не только нацисты состоят в карательных отрядах, не только они участвуют в переселении людей. Для того чтобы осуществить свои планы несущие несчастье миру Гитлеру не хватает нацистов. Преступления совершаются немцами — теми самыми нем-

> цами, которые в прошлые времена следовали высоким общественным идеалам, которые чтили своих классических поэтов, свою великую музыку. Если теперь они преклоняются перед кем-нибудь, то только перед бесноватым насильником. Его измышления они принимают за откровенные истины, по крайней мере прикидываются что верят им. Какими бы не были наши чувства — таков этот народ: он не получил надлежащего воспитания, он не научился пользоваться своей свободой, своим разумом, не научился уважать самого себя. Таким он и останется пока его собственная история будет показываться ему в кривом зеркале, пока история наиболее достойных изумления наций будет преподносится ему в омерзительно искаженном виде. На примере немецкого народа мы видим последствия недостаточного воспитания. Как случилось что немцы-нацисты (к сожалению и другие немцы) стали считать себя «расой господ», а все другие народы — «расой рабов».

Генрих Манн, как вы можете видеть ниже, строго разделяет Интеллигентность как основу Энергии Духа немцев и других народов и с другой стороны, то, что он называет невежеством и отсутствием образования нацистов. Он строго отделяет Германию от Нацистов, и интересы Германии от интересов Третьего Рейха. В этом смысле, его анализ совершенно совпадает с анализом Теории ПЭ: он говорит об интеллигенции как энергии Духа своего народа, погубленными варварством физического контроля материальной энергии немцев-нацистов.

Генрих Манн, «Обзор Века», Построение будущего духовного мира:

> «Это произошло оттого, что в Германии в давних пор гораздо сильнее укоренилось варварство, чем культура. «Варварство» — это воспитание бездушно-бесчеловечного тупоумия, опустошенность, низменные побуждения. Чем гордились немцы и что они считали характерно «немецким», тем что отличало их от мира и в особенности от Европы. Организованность, техническую пунктуальность, пренебрежение индивидуальностью и ее моральным содержанием Немцы хотели «омолодиться», механизируя свою жизнь, они беспрестанно твердили о старых, усталых нациях и сравнивали себя с Америкой, развитие которой шло между тем по совершенно другому пути. Америка имела свой моральный кодекс — библию — и жила в атсмосфере веры в человеческое счастье. Германия же напротив, — особенно со дня основания Третьей Империи — пре-

давалась все возрастающему пессимизму, для которого и в самом деле имелись большие основания. Народ, упивающийся «технизацией», организованностью — такой народ не создаст ничего хорошего.

Немцы не извлекли урока из своего поражения. Они считали его результатом недостаточной механизации. Для того чтобы впоследствии покорить мир, они должны были создать государство, творящее бессмысленное насилие, а самим превратиться в беспрекословно подчиняющуюся чернь. Что он и сделали. Никогда не следует забывать непреложную истину: Гитлер — это продукт давно начавшегося умерщвления души Германии. Часть немцев еще задолго до Гитлера стремилась к стадности, абсолютной безответственности, к обезличиванию индивидуальности — и Гитлер осуществил эти стремления. Еще до Гитлера Германия ненавидела интеллектуальность. Бархатные куртки со шнурами, которые носили первые германоманы — представители определенного класса. Этим классом было среднее сословие, последним воплощением которого являются современные национал-социалисты. Пусть они не воображают, что представляют собой нечто новое. От их ненависти к возвышенному образу мыслей и к народной свободе уже давно несло подозрительным душком; теперь от них просто разит зловонием. Такая сильная и единообразная прослойка, как немецкое среднее сословие, должна была когда нибудь завладеть командными высотами и показать на что она способна. В результате — диктатура насилия и хитрости, разъединение народа под видом мнимого объединения, натравливание одной его части на другую и — самое главное — насильственный разрыв культуры двух основных звеньев — интеллигенции и пролетариата, уже ранее договорившихся между собой через голову третьего сословия. Оба эти звена отданы теперь на растерзание жестокому подобию человека, выродку с неполноценным мозгом, который всегда равно ненавидел как интеллигентов, так и рабочих и теперь осуществляет террор. Их господство не может быть длительным. Нельзя долго держаться на вершине власти одним только террором, без знания людей, без глубокого изучения социальных проблем.

Какую роль может играть культурность отдельной личности, если весь народ в целом предается насилию и лукавству. Для того чтобы в Германии стало возможным создать истинно народное государство ей необходимо невероятно многому научится. Заново глубоко и серьезно изучать все необходимое, начиная с азов: школьную хрестоматию, которая наконец будет содержать правду, настоящую историю вместо нацистской фальсификации. Новую но по существу очень древнюю мораль применимую ко всему что связано с лично-

> стью человека, гуманизм в социалистическом понимании. В чем упрекают немцев и что в них отталкивает? Главным образом их невежественность, твердолобость, отсутствие элементарных человеческих побуждений кроме самых низменных — трусости и алчности. Оснащенные всеми этими «качествами», жалкие фигуры, представляющие нацистскую Германию, выступают перед цивилизованным миром. Какой-нибудь негодяй, любимей фюрера, показывает в Париже свое остроносое лицо и надеется, что его не узнают. Но весь цивилизованный мир знает эту компанию и ясно видит ее неуклюжую хитрость, ограниченность ее психологии, нелепое и лицемерное повторение одних и тех же приемов: за военными угрозами следуют уверения в мире — и те и другие дутые. ...Нам предстоит столь многому научится — и в первую очередь стать простыми и честными — что мы не вправе ждать до тех пор пока будет основано наше народное государство. Катастрофы и войны только ускорят его создание. Культура — духовное приобретение. Ценность общества для окружающих измеряется духовным содержанием отдельных индивидов».

Гениальное провидение Генриха Манна, его безукоризненна объективность, его абсолютная своода от зашоренности предвзятости и эгоизма позволяют ему говорить пророчески о фундаментальном значении образования в становлении здорового общества будущего и прежде всего –о значении правильного понимания мировой истории. Он ставит точный диагноз болезни всего человечества погибающего под Ядерным Грибом материальной энергии, и в частности родной ему германии, роковая ошибка которой, как красноречиво пишет Кммю в Письмах к немецкому другу состояла в потере связи Интеллигенции с народом, в потере энергии духа, в оторванности интеллигенции от истинной науки.

Генрих Манн,» Обзор Века, статья Дух и Деяние»:

> «Из всех кто когда-либо писал самый большой и прочный успех выпал на долю Руссо. Его идеалистические романы нашли своего читателя, это был его подлинный герой — народ. Этот народ не со вершал революцию пока только голодал, он совершил ее когда узнал, что на свете есть справедливость и правда. Узнали об этом и его соседи, только они не перешли к действию, хотя голодали не меньше. Вера французов в силу духа воодушевила их, и мечты

писателя стали реальностью. Дворянство сошло со сцены, а на бес
крайних просторах десятки тысяч федератов поклялись друг другу
в любви. Крестьяне сказали друг другу что революция принадлежит
не Франции, а всему человечеству, и посланцы всех народов при
шли воздать должное французской нации и по братски протянуть
ей руку помощи. Это мгновение, стоявшее так много крови озарило
сказочным сияние грядущие века и по сей день согревает людей.
С тех пор у людей только одна задача: осуществить все то, что
предвосхитило это мгновение, вновь вернуть его. У истории теперь
лишь один смысл — этот великий час должен быть увековечен, мир
должен стать воплощением духа, окрылявшего поколение того го
да. Все что противоречит или сдерживает, любой триумф неспра
ведливости бессилен против величия духа, вспыхнувшего в те вре
мена. Должен был родиться народ, способный воевать за разум,
воплощенный Ratio Militans.
Писателям Франции, от Руссо до Золя, было легко выступать против
государственной власти: за ними стоял народ. Народ с прекрасным
литературным чувством, скептически настроенный по отношению
к власти, народ, у которого кровь закипала в жилах, как только ра
зум ему доказывал, что эта власть должна быть ниспровергнута....
Так возникла Европа. Всю страстность южного темперамента они об
ратили на сферу духа. Дух здесь вовсе не эфирный призрак, как
у нас, витающий где то в небесах, пока жизнь убого ковыляет
по грешной земле. Дух здесь сама жизнь, он творит жизнь, не боясь
ее сократить. В конце концов, справедливость может быть в ущерб
жизни, а правда привести к пропасти. Они, эти французы, не спра
шивали куда их может завести мечта поэта о рациональном государ
стве, сомнительный плод фантазии больного. Они действовали со
гласно с его словом, ведь они прозрели через него, они узнали все:
вину, победу, расплату — и остались бедными человеческими суще
ствами, как и все остальные. Но теперь они ближе к просветлению,
чем другие, ибо имели мужество увлечься. В целом они добились
для нации равенства в правах, и морального подъема. «Француз
ские солдаты могут пользоваться своим разумом, — говорил Наполе
он, — Поэтому они мягкий воск в руках того, кто имеет доступ к их
разуму. И тем не менее, они самые бесстрашные во всем мireЭ.
Идейным вождям Франции, от Руссо до Золя, было легко, у них были
солдаты.
В Германии им было бы труднее. Здесь им пришлось бы иметь дело
с народом, который хочет жить, не спрашивая о том, как он живет.
Никто не видел, чтобы здесь, где так много размышляли, энергия на
ции когда-либо была сосредоточена для претворения в жизнь откро

вений духа. Никого не увлекала мысль устранить несправедливую систему насилия. Широтой мысли они превосходили всех, подыма лись до вершин чистого разума, додумывались до небытия — в стране же царил произвол и кулачное право.

Здесь цепляются за ложь и несправедливость, как будто чувствуют за правдой зияющую пропасть. Неверие в разум — это неверие в че ловека, недостаточная уверенность в самом себе. Каждый в отдель ности предпочитает быть подданным и слугой, где же ему верить в демократию, в народовластие! Пусть богопомазанные, испытанные владыки иногда шокируют своей неотесанностью высокообразован ную нацию: с ними все же гораздо надежнее, безопаснее, чем с те ми, кем руководит лишь разум.

Нигде классы в такой мере не разделены снежными вершинами от чужденности. Здесь не любят друг друга, не любят людей. Монархия, государство господ — это организация человеконенавистничества и его школа. Масса маленьких людей, в жилах которых течет, как и всюду, более теплая кровь, обречена на неосуществимые мечта ния, она не способна сплотиться в единую братскую семью, что де лает народ великим. Здесь нет великого народа, здесь лишь великие люди.

Его великие люди! Было ли когда-либо подсчитано, чего они уже стоили этому народу? Сколько таланта, решимости и благородства задавлено, сколько вызвано к жизни покорности, зависти и самоуни чижения и как много упущено за сто лет в отношении уравнивания, то есть морального подъема нации в целом, — и вес ради того, чтобы раз в десятки лет появилось чудо человеческого совершенства, взращенное на самоотречении целых поколений и расцветшее по добно махровому чудо-цветку на живом перегное нации.

И менее всего позволительны такой обман и такая трусость челове ку духа, писателю, а именно он освятил и распространил этот об ман. Его назначение — дать определение действительности, и кри стально ясное совершенное слово обязывает его презирать тупую, нечистую власть. Силой духа на него возложено нести достоинство человека. Всю свою жизнь он жертвует выгодой ради правды. Он проникает в сущность явлений, ему дано увидеть великое малым и в малом человечески великое, поэтому равенство становится для него решающим требованием разума. Но именно писатель в тече ние десятилетий занимается в Германии тем, что приукрашивает неразумное, софистически оправдывает все несправедливое и вы ступает в пользу своего заклятого врага — власти. Какая странная болезнь довела его до этого? Чем объяснить этого Ницше, который освятил своим гением этот человеческий тип, и всех тех, кто после

довал за ним? Неужели тем, что это время и эта страна не видели ничего, кроме ошеломляющего успеха власти?

Этим ренегатам от литературы можно найти много оправданий, начиная трагическим честолюбием и кончая жалким тщеславием, глупой манией быть чем-то особенным и паническим ужасом перед одиночеством или отвращением к нигилизму. Пожалуй, главное их оправдание в том, что невероятно выросло расстояние, которое после столь длительного периода бездействия отделяет носителей духа в Германии от народа. Но что сделали они, чтобы сократить его? Жизнь народа была для них лишь символом их собственных возвышенных переживаний. Они отводили окружающему миру роль статиста, никогда их прекрасные страсти не имели ничего общего с той схваткой, которая шла внизу, они не знали демократии и презирают ее. Они презирают парламентский режим еще до того, как он установлен, а общественное мнение еще до того, как оно признано. Они держат себя так, как будто для них пройденный этап все то, за что другие проливали свою кровь. Они являют на своем лице пресыщение, хотя никогда не боролись и не наслаждались. Господство народа, господство разума должно было бы быть и их господством. Они могли бы принести этому народу счастье, если бы показали ему его подлинную сущность, тогда народ больше уважал бы себя и жил более полнокровной жизнью. Не только время, но и честь требует от писателя, чтобы он и в этой стране обеспечил наконец выполнение всех велений разума, чтобы он стал агитатором, вступил в союз с народом против власти, чтобы он всю силу слова отдал борьбе народа, которая есть и борьба разума. Он не должен превращать свою избранность в культ собственной личности. Свойственная немцам переоценка исключительного с каждым днем все больше обращается против разума и правды: эта избранность должна состоять в умении соблюсти меру и служить образцом. Ибо тип интеллигентного человека должен стать преобладающим в народе, который сегодня еще хочет подняться на высшую ступень. Пусть гений станет братом последнего репортера, чтобы пресса и общественное мнение, как наиболее популярные проявления человеческого духа, возобладали над соображениями корысти и пользы и достигли определенной идейной высоты. В поклоннике палки и авторитета надо видеть врага. Интеллигент, пристроившийся к касте господ, предает разум, ибо разум не признает ничего неподвижного и не дает никаких привилегий. Он разрушает устои, он несет равенство; по обломкам сотен оплотов насилия устремляется он навстречу последним свершениям правды и справедливости, их воплощению, даже если это грозит смертью»

ГЛАВА 3. ГАЗДАНОВ ВСТРЕЧАЕТ НИЦШЕ

1. ГАЗДАНОВ И ТЕМА РАЗДВОЕННОСТИ СОЗНАНИЯ В ШИЗОИДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ЛЖЕНАУКИ

Всем известно, что Данте в ад сопровождал великий Вергилий. Я выбрала одного из самых известных авторов, пишущих на тему своей личной раздвоенности, Гайто Газданова, посетить рай Утопии 2084 с тем, чтобы понять происходящее в его душе. На место Вергилия, который будет сопровождать Газданова в Утопию 2084 лучше всех подошел Ницше, как другой знаменитый писатель, известный своей душевной катастрофой.

Задача, которую я ставлю в этой книге, проста. Надо показать что современный период цивилизации есть период переходный от фиктивного интеллекта — к настоящему интеллекту научного контроля, к знаниям законов природы психики человека, к метафизике Единой истины в социальных науках, как мы ее имеем сегодня в науках физических. Ведь понятно, что без единых научных формул в физических науках у нас не было бы не самой науки, ни техники, ни мощи технической цивилизации. Наличию Научного контроля мы обязаны этой мощью. Точно также, нам никогда не обрести мощи в здоровье социальной жизни, пока мы не установим научного контроля Единой Истины Законов Природы — то есть законов психической энергии человечества.

Утопия 2084 задумана как наиболее наглядное изложение этого факта и его демонстрация на институтах здорового общества будущего, в котором Естественное Право законов психической энергии будет лежать в основе зрелого научного контроля.

Естественно, что переход к этому обществу может совершаться только через переходный период современного фиктивного интеллекта ложной социальной науки, которую мы имеем в дарвиновской парадигме. Эта переходная стадия интеллекта известна как шизоидный интеллект и ощущение раздвоенности своей личности у тех, у кого истинное Я энергии духа определилось достаточно сильно, чтобы антагонизм с материальным полем сознания стал ощутимым. Великим примером всегда будет оставаться «Болезнь к смерти» Серена Кьеркегора, — первая работа гуманистической психологии, подтолкнувшая исследования Э. Фромма, Карен Хорни, А. Адлера, Маслоу, Юнга, Роджерса и других ученых гуманистического направления в психологии, изучающих два поля психики — Истинное Я и Ложное Эго и антагонизм между ними.

Все исследователи, особенно Е. Кибальник и Ласло Диенеш выделяют «метатемой» Газдановского творчества раздвоенность личности. Действительно, Газданов ставит целью своих работ свой собственный внутренний психоанализ, и прямо говорит о том, что решение проблемы раздвоенности своего сознания стало для него самой важной проблемой. Другими словами постижение загадки антагонизма материального поля психики и поля Интеллекта Энергии Духа.

Laszlo Dienes, «On Gazdanov»:

> «narrator-hero whose split personality was such a marked feature of both The specter of Alexander Wolf and Buddha ' s Return.....Both are «metaphysical» or «psychological thrillers»; in both the hallucinatory phantom world of the narrator-hero's consciousness is interwoven with a suspense plot designed to illustrate a philosophy of fatalism and chance. Both narrators (young men, clearly alter egos of the author) suffer from a split personality, a state that besides being based on the author's personal experience gives him ample opportunity to introduce numerous psychological observations».

Г. Газданов, «Вечер у Клэр»:

> «Я делил свое время между чтением, гимназией и пребыванием до ма, на дворе, и бывали долгие периоды, когда я забывал о том мире

внутреннего существования, в котором пребывал раньше. Изредка, однако, я возвращался в него, — этому обыкновенно предшествова ло болезненное состояние, раздражительность и плохой аппетит, — и замечал, что второе мое существо, одаренное способностью бес численных превращений и возможностей, враждебно первому и становится все враждебнее по мере того, как первое обогащается новыми знаниями и делается сильнее. Было похоже, что оно боится собственного уничтожения, которое случится в тот момент, когда внешне я окончательно окрепну. Я проделывал тогда безмолвную, глухую работу, пытаясь достигнуть полноты и соединения двух раз ных жизней, которые мне удавалось достигать, когда представлялась необходимость быть резким в гимназии и мягким дома. Но то была простая игра, в этом же случае я чувствовал, что такое напряжение мне не по силам. Кроме того, мою внутреннюю жизнь я любил боль ше, чем другие».

Г. Газданов, «Призрак Александра Вольфа»:

«я сам страдал всю свою жизнь от непреодолимого и чрезвычайно упорного раздвоения, с которым тщетно пытался бороться и которое отравило лучшие часы моего существования. ….Впоследствии все это приняло несколько иные формы, далекие, однако, от какого бы то ни было улучшения, потому что, чем дольше это продолжалось, тем больше становилось расхождение и резкое противоречие, ха рактерное для моей жизни. Оно находилось между тем, к чему я чувствовал душевную склонность и тяготение, и тем, с чем я так тщетно боролся, именно этим бурным и чувственным началом моего существа. Оно мешало всему, оно затемняло те созерцательные воз можности, которые я ценил больше, чем что бы то ни было другое, оно не позволяло мне видеть вещи так, как я должен был их видеть, оно искажало их в своем грубом, но непреодолимом преломлении, оно заставляло меня совершать множество поступков, о которых я потом неизменно сожалел. Оно побуждало меня любить вещи, эсте тическую ничтожность которых я прекрасно знал, это были вещи яв но дурного вкуса, и сила моего влечения к ним могла сравниться только с отвращением, которое я необъяснимым образом испытывал к ним в одно и то же время. ….По мере того как проходило время и вместе с ним медленно двигалась моя жизнь, я привык к двой ственности своего существования, как люди привыкают, скажем, к одним и тем же болям, характерным для их неизлечимой болезни. Но я не мог примириться до конца с сознанием того, что мое дикар ское и чувственное восприятие мира лишило меня очень многих ду шевных возможностей и что есть вещи, которые я теоретически по

> нимаю, но которые навсегда останутся для меня недоступны, как мне будет недоступен мир особенно возвышенных чувств, которые, однако, я знал и любил всю мою жизнь. Это сознание отражалось на всем, что я делал и предпринимал; я всякий раз знал, что то ду шевное усилие, на которое я, в принципе, должен был быть спосо бен и которого другие были вправе от меня ждать, мне окажется непосильным»

Газданов, «Ночные дороги»:

> «На его неподвижном обычно лице появилась улыбка. Он был со вершенно трезв, и его разговор очень выигрывал от этого в связно сти и логичности, хотя тот абстрактный и книжный его характер, к которому трудно было привыкнуть, был еще более подчеркнут, чем всегда. Со стороны получалось впечатление, что он читает наизусть отрывки из ненаписанного трактата, — именно эта отвлеченность его речи создала ему в кафе, где его собеседники были чаще всего простые люди, репутацию сумасшедшего».

С. А. Кибальник, «Гайто Газданов и экзистенциальная тради ция в русской литературе»:

> «Метемпсихоз или близкие к нему явления неизменно характеризу ют героя-рассказчика и второго автобиографического романа Газда нова. Главного героя «Истории Одного Путешествия» Володю хоро шо его знающий брат характеризует как «ненормального»: «….он фантазер и путешественник, он не такой как другие. Мы живем сре ди чувств, которые мы испытываем и вещей, которые нас окружают. Нам этого достаточно. А Володе недостаточно. Его все тянет куда-то, ему все чего-то не хватает. Он лежит на спине и придумывает необыкновенные истории, в которых сам участвует, или ходит без току по городу, точно ищет чего-нибудь, точно что-то потерял. А что?
> Спроси его, он сам этого не знает»

Далее Кибальник говорит о ссылках Газданова на известное произведение Стивенсона о Докторе Джекиле и мистере Хайде, где Стивенсон прямо формулирует проблему раздвоенности ши-зоидов как проблему противостояния двух совершенно различных энергий, сосуществующих в одном сознании

Стивенсон, «Доктор Джекил и Мистер Хайд»:

> «Направление же моих ученых занятий, тяготевших к области мистического и трансцендентного, в конце концов повлияло и пролило яркий свет на эту вечную войну двух начал, которую я ощущал в себе. Таким образом, с каждым днем обе стороны моей духовной сущности — нравственная и интеллектуальная — все больше приближали меня к открытию истины, частичное овладение которой обрекло меня на столь ужасную гибель; я понял, что человек на самом деле не един, но двоичен. Я говорю „двоичен" потому, что мне не дано было узнать больше. Но другие пойдут моим путем, превзойдут меня в тех же изысканиях, и я беру на себя смелость предсказать, что в конце концов человек окажется всего лишь общиной, состоящей из многообразных, несхожих и независимых друг от друга сочленов. Я же благодаря своему образу жизни мог продвигаться в одном и только в одном направлении. В своей личности абсолютную и изначальную двойственность человека я обнаружил в сфере нравственности. Наблюдая в себе соперничество двух противоположных натур, я понял, что назвать каждую из них своей я могу только потому, что и та и другая равно составляют меня; еще задолго до того, как мои научные изыскания открыли передо мной практическую возможность такого чуда, я с наслаждением, точно заветной мечте, предавался мыслям о полном разделении этих двух элементов. Если бы только, говорил я себе, их можно было расселить в отдельные тела, жизнь освободилась бы от всего, что делает ее невыносимой; дурной близнец пошел бы своим путем, свободный от высоких стремлений и угрызений совести добродетельного двойника, а тот мог бы спокойно и неуклонно идти своей благой стезей, творя добро согласно своим наклонностям и не опасаясь более позора и кары, которые прежде мог бы навлечь на него соседствовавший с ним носитель зла. Это насильственное соединение в одном пучке двух столь различных прутьев, эта непрерывная борьба двух враждующих близнецов в истерзанной утробе души были извечным проклятием человечества. Но как же их разъединить?»

Эта работа Стивенсона замечательна не только тем, что глубокая религиозность его пуританского воспитания позволила ему прозреть истину о происхождении Зла как материальной энергии сознания, но также и тем, что он четко формулирует характеристики отношения этой материальной энергии к здоровью энергии духа. Он подчеркивает, что прежде всего Добро и Зло строго разделены в сознании человека, так что все здоровые импульсы происходят из здорового начала, а все порочные

импульсы из порочного начала. Он не смешивает добро и зло ни как не существующие в реальности абстракции, как делают дарвинисты, ни как сторонники относительной этики, прагматики и оппортунисты. Он говорит четко, что сознание человека раздвоено, и что одну его часть составляет здоровье, сила и добро, а другую его часть составляет болезнь, слабость и порок.

Стивенсон, «Доктор Джекил и мистер Хайд»:

> «Пока имя Хайда оставалось для него только именем, положение было достаточно скверным. Однако оно стало еще хуже, когда это имя начало облекаться омерзительными качествами и из зыбкого смутного тумана, столь долго застилавшего его взор, внезапно возник сатанинский образ.
> Мистер Хайд был бледен и приземист, он производил впечатление урода, хотя никакого явного уродства в нем заметно не было, улыбался он крайне неприятно, держался с нотариусом как-то противоестественно робко и в то же время нагло, а голос у него был сиплый, тихий и прерывистый — все это говорило против него, но и все это, вместе взятое, не могло объяснить, почему мистер Аттерсон почувствовал дотоле ему неизвестное отвращение, гадливость и страх.
> — Тут кроется что-то другое! — в растерянности твердил себе нотариус. — Что-то совсем другое, но я не знаю, как это определить. Боже мой, в нем нет ничего человеческого! Он более походит на троглодита. А может быть, это случай необъяснимой антипатии? Или все дело просто в том, что чернота души проглядывает сквозь тленную оболочку и страшно ее преображает? Пожалуй, именно так, да-да, мой бедный, бедный Гарри Джекил, на лице твоего нового друга явственно видна печать Сатаны.
> ...Правда, удалось узнать немало подробностей о его прошлом — гнусных подробностей: о его жестокости, бездушной и яростной, о его порочной жизни, о его странных знакомствах, о ненависти, которой, казалось, был пронизан самый воздух вокруг него, — но ничто не подсказывало, где он мог находиться теперь. С той минуты, когда он наутро после убийства вышел из дома в Сохо, он словно растаял, и постепенно тревога мистера Аттерсона начала утрачивать остроту, и на душе у него стало спокойнее. По его мнению, смерть сэра Дэнверса более чем искупалась исчезновением мистера Хайда. Для доктора Джекила теперь, когда он освободился от этого черного влияния, началась новая жизнь. Дни его затворничества кончились, он возобновил отношения с друзьями, снова стал их желанным гостем и радушным хозяином; а если прежде он славился своей благо-

> творительностью, то теперь не меньшую известность приобрело и его благочестие. Он вел деятельную жизнь, много времени проводил на открытом воздухе, помогал страждущим — его лицо просветлело, дышало умиротворенностью, как у человека, обретшего душевный мир в служении добру.
> ….Зло в моей натуре, которому я передал способность создавать самостоятельную оболочку, было менее сильно и менее развито, чем только что отвергнутое мною добро. Я замечал, что в облике Эдварда Хайда я внушал физическую гадливость всем, кто приближался ко мне. Этому, на мой взгляд, есть следующее объяснение: обычные люди представляют собой смесь добра и зла, а Эдвард Хайд был единственным среди всего человечества чистым воплощением зла»

С другой стороны, он также подчеркивает, что энергия зла в человеке — не составляет его истинного Я, и он вынужден говорить о своем Эго в третьем лице: «Он». И что эта чужеродная энергия есть Мертвая Энергия мертвой совести и мертвой мысли.

Стивенсон, «Доктор Джекил и мистер Хайд»:

> «Затем до ночи он просидел у камина в своем номере, грызя ногти; он пообедал там наедине со своими страхами, и официант бледнел и дрожал под его взглядом; с наступлением ночи он уехал, забившись в угол закрытого экипажа, и приказал кучеру возить его по улицам без всякой цели. „Он“, говорю я — и не могу написать „я“. В этом исчадии ада не было ничего человеческого, в его душе жили только ненависть и страх. ….Хайд, несмотря на всю свою жизненную энергию, представлялся ему не просто порождением ада, но чем-то не причастным органическому миру. Именно это и было самым ужасным: тина преисподней обладала голосом и кричала, аморфный прах двигался и грешил, то, что было мертвым и лишенным формы, присваивало функции жизни. И эта бунтующая мерзость была для него ближе жены, неотъемлемее глаза, она томилась в его теле, как в клетке, и он слышал ее глухое ворчание, чувствовал, как она рвется на свет, а в минуты слабости или под покровом сна она брала верх над ним и вытесняла его из жизни. Никому еще не приходилось терпеть подобных мук — пусть будет довольно этого»

Таким образом, знакомство с Утопией 2084 мы поставим в нашем повествовании как вопрос современного интеллигентного, а значит шизоидного человека, о том, как ему преодолеть

эту шизоидность. Как избавится от второго ложного Я, то есть от поля Эгосистемы материальной энергии? Прежде всего надо знать о ее существовании. То есть быть знакомым с основными закономерностями психической энергии. Затем, надо познать свое Истинное Я, а этот процесс не имеет ничего общего с фрейдовским психоанализом детских воспоминаний. Это процесс познания Истории Существования Энергии Духа человечества — ведь вся Энергий Духа человечества есть единой поле, единое Я, единый объект контроля закона сохранения силы. Познать себя — значит познать Энергию Духа всего человечества в том, как ее закономерности разворачивались в ходе процесса Мировой Истории. То есть в ходе священной Войны Энергии Духа человечества с материальной энергией поля Эгосистемы. Войны Добра и Зла. Вот почему для демонстрации здорового общества мы отправляем Гайто Газданова знакомится с Полотном Священной Войны Добра и Зла в поисках обретения Истинного Я и преодоления шизоидной раздвоенности.

2. НИЦЩЕ ЗНАКОМИТ ГАЙТО ГАЗДАНОВА С УТОПИЕЙ ЗДОРОВОГО ОБЩЕСТВА

— Но почему, — спросил Гайто Газданов, — прислали именно тебя, Ницше? Я никогда не был поклонником твоей философии.

— Да, нам это известно, — ответил Ницше, — хотя ты упоминаешь мое имя в Ночных дорогах, когда хочешь показать, что не быть знакомым с моей философией это невежество. Ответ очевиден Гайто. Меня прислали потому, что я самый большой мученик, распятый в поисках истинного Я. Ведь я сошел с ума потому что шел в том направлении, которое считал истиной. Шел как бы трудно и гадко мне не было. А я часто писал как гадок мне был этот путь, ведь я чувствовал, что иду в неверном направлении. Но я совершил этот подвиг воли, я дошел жо самого конца пути, который считал истинным. Я погиб не потому что путь был трудным. Я погиб потому, что направление в котором я шел было ложным. И мой опыт стал наглядной демонстрацией для всего

человечества, что всякого, кто откажется повиноваться законам природы, то есть всякого кто отринет божью волю, — ведь божья воля и есть начертанные им законы природы, как мы знаем со времен Ньютона, — вского кто возомнит себя свободным от божьей воли ждет самый страшный конец — Ад Психоза. Я шел в направлении прямо противоположном божьей воле, противоположном законам природы, отрицая самое их существование и противопоставляя им свою волю — и вот весь мир видел результаты моего катастрофического крушения. И для того оно и было это крушение, чтобы мир видел и знал это! За мою мученическую службу человечеству меня простили, — сказал Ницше грустно улыбнувшись Гайто, — теперь я знаю все о правильном направлении. И ты ведь понимаешь, что в твоих поисках преодоления раздвоенности сознания тебе не найти лучшего проводника.

— Да, теперь понимаю. — сказал Гайто улыбаясь Ницше в ответ. — Я даже не могу себе представить что будет представлять то здоровое общество будущего, которое я искал всю жизнь в таким отчаянием. Я всегда писал что слышал счастливую симфонию человечества. Но так до конца и не мог поверить в ее существование.

— Ну вот, оглянись, мы на улицах Утопии 2084. Дыши всей грудью и слушай это чудо гармонии.

— Красота архитектуры потрясает, но к этому я был готов. Ты ведь знаешь Фридрих, я всегда любил искусство, глубоко интересовался живописью, и считал что все самое важное в жизни будет сосредоточено вокруг культуры, вокруг цивилизации, вокруг мышления отвлеченного мира идей человечества

— Да, знаю, конечно. — сказал Ницше, улыбаясь, — Твои книги занимают важное место в здоровом обществе Полотна Священной Войны.

— Неужели? С трудом верится. Меня поражают лица прохожих. Да, даже по этим лицам можно сразу заключить что мы попали в совершенно другой мир, Фридрих! Посмотри на эти глаза! Они все светятся умом, энергией, доброжелательством!

Посмотри как они гибки и энергичны в движениях, посмотри какой счастливый глубокий смех посреди самых горячих дебатов! И как страстно они спорят! Посмотри на эти лица увлеченных спорщиков! Кажется, они больше ничем не увлечены!

— Да, ты прав, Гайто! В конечном итоге Утопия Честертона, которого Уэллс так отчаянно просил ее написать, оказалась в его описании его любви к Клубам интеллектуальных дебатов! Помнишь в его знаменитом «Что не так с миром» как мастерски он описал Camaraderie, Дружбу товарищей этих дебатов! Вот это и стало в конечном итоге самой близкой к жизни реального здорового общества Утопией.

Они здесь все поглощены дебатами во всех сферах, на всех уровнях — хлебом их не корми, дай им после работы собраться в каком-нибудь клубе, кафе как они начинают обсуждать какой нибудь фрагмент Полотна Священной Войны Добра и Зла. Многие клубы профильные — так что в зависимости от того, какой именно эпизод истории, какую литературу, какую философию ты хочешь обсуждать сегодня — ты выбираешь куда пойти.

— Знаешь Фридрих, чисто визуально, вот я смотрю на эти такие необычные для нашего глаза лица, и поражаюсь какой-то всепроникающей волне энергии между ними. Я никогда не мог сказать что такое счастье и считал этот вопрос пошлым. Но вот это единственное слово которое лезет в голову — вот словно бы путники какого то вечного поиска страдающие от какой то вечной неудовлетворенности вдруг ее нашли. Словно ключ, который идеально подходит к замку, — ты понимаешь меня Фридрих? Вот это то что читается на этих лицах. Меня так поражает глубина их глаз, в которых так часто слезы смеха — меня берет робость в их присутствии, дружище. Я преклоняюсь перед ними, вот что я чувствую.

— Вот тут ты прав, — и Ницше засмеялся тем самым глубоким счастливым смехом, который так поразил Гайто в проходящих мимо или сидящих на скамейках людях. — Ах, Гайто, я каждый день благодарю Господа за муки что он мне послал, если в конечном итоге, моим прозрением стало вечное общество

этих прекрасных людей. И я робел их поначалу. Но теперь я просто привык к тому что дух больше не растерзан, как в том нашем мире, где правили сатаны. Нет, Гайто, так выглядит мир где правит Энергия Духа. Не всегда они веселы, поверь. Многие и часто погружаются в свои грустные мысли. Но зато никто и никогда здесь больше не страдает спертого воздуха несвободы и невежества, от невозможности получить развитие! От необходимости посвятить все свое время поиска куска хлеба или подчинения воле идиотов. Все эти настоящие страшные проблемы мира сатанов ушли навсегда, так что и грустить о своем ты можешь также свободно, как посвящать все свое время своему развитию.

— Что же стало решающим фактором Фридрих? Что преобразило этот мир?

— Да, был такой фактор. Открылись врата Царствия Небесного — так тут принято говорить. Мы ведь очень набожны, Гайто. Здесь теперь никто не играет в игрушки с Великим Эго Сверхчеловеков! И меня почитают за то, что я собственной страшной трагедией показал людям, что это движение в противоположном от правды направлении — в направлении Ада Психоза, как правильно Честертон увязал доказательство метафизического существования духа с психозом в виде Ада. В «Ортодоксии».

— И что же это за Врата? — нетерпеливо перебил его Гайто.

— Ах, мой друг! Это врата Церкви Дружбы человечества! Видишь ли, что значит в социальном плане активность материальной энергии в обществе? Это значит Закрытые Врата для Единения Энергии Духа человечества. Ведь как общаются люди с активным полем Эгосистемы? Через физический контроль Садомазохизма, циклы Самолюбия и Влюбленности. Господа и Слуги, которые постоянно врут и интригуют друг против друга. Ведь так? Так. А энергетически это означает, что истинное Я людей, которое составляет единое поле совести и сочувствия, единое поле искренности поддержки уважения и юмора, единое поле творчества и любознательности — что это Истинное Я человечества заблокировано. Люди заблокированы друг

от друга потому что между ними функционирует поле Эгосистемы чуждое им материальной энергии! Понимаешь?

— Да, черт возьми! Теперь понимаю! Как это точно! Мне всегда казалось что какая то мертвечина поедает внешне живых людей. Ты помнишь, я называл их живой человеческой падалью.

— И был прав Гайто. И был прав! Я тоже говорил6 Отвращение! Маленькие человечки прыгаю по земле! Да, отвращение! Да, маленькие и мертвые! И все потому, что между ними функционировало поле чуждой мертвой энергии, забирая то, что могло стать раем Camaraderie — единым полем Энергии Духа человечества! Но вот, Гайто, секрет нашего рая в том, что Врата эти наконец открылись! Мы теперь знаем Церковь Дружбы Единого Я энергии духа человечества. И вот это вот все — вся эта интеллектуальная тонкость и глубина, что видом одним так тебя волнуют и внушают робость, и все это сочувствие и уважение друг к другу, и весь этот тончайший философский юмор, и бесшабашная храбрость, и долгие часы самопожертвования в совместной работе когда это требуется, и вся эта богатая эстетика божьего духа в людях что набирает глубину и мощь с каждым поколением, и наконец вся эта искренняя мистическая любовь к Господу, создавшему такие чудеса — все это открылось нам Гайто! Мы учимся в школах, мы рано становимся членами стольких интеллектуальных клубов сколько можем охватить с тем, чтобы однажды великим свадебным маршем единения с Господом и с божественной энергией Духа человечества вступить в Его Церковь! Вот какие Врата Царствия Небесного открылись нам. А когда ты в Церкви, то ты тоже не бездельничаешь. Ты работаешь для поддержания всей этой материальной красоты совместно с лучшими в мире друзьями просто потому что работать вместе для вас величайшее наслаждение, а содействовать счастью и благосостоянию друг друга — не только долг но и потребность каждого. И ты каждый день работаешь на то, чтобы Институты которые поддерживают Победу Дора на Полотне Священной Войны — чтобы институты эти работали! Чтобы

материальная энергия которая шевелится в сознании каждого, никогда больше не стала реальностью жизни. Чтобы никогда больше вместо Врат Церкви Дружбы нам не пришлось входить в жизнь Вратами адского Садомазохизма Насилия и Подчинения, коварства и лицемерия, мелкой зависти и пустого тщеславия дураков!

3. GOSPEL ON TESLA'S RAPE

— Да, Фридрих, теперь ты меня убедил. Это не сон и мы действительно находимся в здоровом обществе будущего! До чего же мне интересно познакомится с Полотном Священной Войны Добра и Зла! Знаешь, я ведь всю жизнь старался сам построить такой «целый новый мир» в своих абстракциях, где мое истинное Я энергии духа было скрыто от энергии духа других людей! И в книге Пробуждении я даже нарисовал себя в образе отца Мари-Анны, и посмеялся над своими попытками построить такое Полотно.

— Мы все его строили, Гайто! Мы все его искали! Задача оказалась слишком трудной. Без Откровения не обошлось! Его принес нам Ангел!

— Ангел?

— Конечно! Тесла и Открытие Психической Энергии. Ты услышишь много дебатов на эту тему в клубах Camaraderie. Ведь именно казнь Теслы стала тем критическим поворотным моментом, который сломал физический контроль Садомазохизма Сатанов и открыл нам Врата Церкви Дружбы! Ох, они только начали об этом говорить. Нет темы более неистово дебатируемой.

— О чем же спорят?

— Прежде всего о том, как в течении стольких лет не нашлось ни одной души на всей планете чтобы протянуть руку помощи Ангелу, принесшему нам Благодать Церкви Дружбы в таких мучениях. Она очень много страдала, с пятнадцати лет. Сначала психоз, потом на своем опыте стала открывать закономерности психики. Потом Сатаны, которые тогда правили пла-

нетой, сломали ей позвоночник и на 11 лет засадили в кровь и экскременты инвалидного кресла. И все эти годы под шквалом угроз и железным прессом сатанов она писала свои тома по Открытию ПЭ и не уставала обращаться в прессу и в университеты, рассылать им свои книги. И представь себе — и до сих пор об этом говорят больше всего — не нашлось никого кто бы сказал о том, что все правительства планеты соединились в демоническом сговоре против науки и истязают ученого. Все промолчали, представь себе! Мы и сейчас не можем найти объяснения этому факту! Ее действительно замучили, запытали, особенно самыми подлыми и низкими надругательствами морального характера. Не могли ей простить, что она открыла Amorphous Serpent, то есть сгнивание человека в мертвую рептилию материальной энергии на Самолюбии Верхней Эгозащиты физического контроля — Мертвая Мысль и Мертвая Совесть. Все об этом говорили, но как о метафоре, она научно доказала, что мертвые змеи в сознании людей потерявших жизнь энергии духа — это не метафора, а факт! И они ей не простили! Запытали бедняжку. Мы плачем, Гайто. Мы не всегда смеемся. Мы научились быть единым Я с Энергией Духа всего человечества, и мы часто плачем над нашими мучениками Священной Войны со Злом.

— Почему ты говоришь, что она открыла Врата Церкви Дружбы?

— Потому что Сатаны поставили ребром вопрос об изнасиловании Теслы с тем, чтобы доказать всему миру, что никакой Церкви Дружбы нет, а есть только Садомазохизм их извращений Насилия и Подчинения. Они все одиннадцать лет что она сидела в коляске, после того как они сломали ей позвоночник, старались ее соблазнить властью и деньгами. Она проявила божественную твёрдость. Твердость Ангела, который знает что несет ответственность перед богом за вверенных ему беззащитных младенцев божьих — людей с заблокированной энергией духа.

Тогда то и начались самые изощренные пытки, которые к ней применили. Они стали всячески давить на нее и угрожать

вывезти ее насильно в дурдом, там опоить обколоть наркотиками, и потом показать всем фотографии как они развратили пожилую калеку в инвалидном кресле. Ведь в последнее время на нее было страшно смотреть — ноги ссохлись, голова побелела от ужаса перед постоянным давлением сатанов, постоянных их угроз расправиться с невинными людьми только от того, что она отказывалась подчиняться негодяям. А сатаны стали показывать ее ноги — ногами балерины, а ее седую голову — головой блондинки, чтобы кощунствовать над ее добродетелью перед лицом Господа. Для них было самое важное насмеяться над Господом, над Церковью Дружбы — ведь они знали что если люди соединяться в одну семью, они перестанут подчиняться их давлению. Они ненавидели Церковь Дружбы, о которой Тесла постоянно говорила и проповедовала в своих книгах об Открытии.

Им было важно оставить Врата в Церковь единого Я Энергии Духа Закрытыми! А для этого они хотели показать и доказать всему миру что Тесла такая же как все — делали все чтобы вывезти ее из дома и надругаться над ней, а потом сказать, что она продалась за деньги сатанам у власти. Что никакого Открытия нет, и никакой Церкви нет, и чтобы все расходились по домам. Она была в ужасе бедняжка, и все время носила с собой мышиный яд. Но и тогда никто ей не ответил, хотя она постоянно писала в прессу и университеты. И достаточно им было просто сказать об Открытии, и сатаны оставили бы ее в покое. Но все промолчали! До такой степени Ядерный Гриб материальной энергии накрыл тогда мир! И да, до сих пор об этом очень горячо толкуют у нас. Нет темы важнее.

— Чем же все закончилось? Как она открыла Врата Церкви Дружбы если никто так и не поддержал Открытие?

— Поддержали, но только потом, через десять лет после ее смерти. Она выпила свой яд. Говорят умирала несколько дней. И там ей везения не было, бедняжке. Ни в чем никогда ей в жизни не повезло! Прямо как мне, Гайто. — засмеялся Ницше своим грустным смехом. — да и тебе тоже, дружище похвастать нечем. Две войны ты прошел, только последние двадцать лет работал

на радио, а до тех пор мучался таксистом с твоим интеллектом! Я бы сдох! — опять засмеялся Ницше. –И книги твои всего лишь только через год после твоей смерти открыл миру Ласло Диенеш! Как он был восхищен, как жалел что опоздал всего на один год! Да, Гайто, и тебе не повезло.

После смерти Теслы прошло десять лет. И тогда уже ей ответили! Это был самый страшный из всех ураганов, которые когда либо поднимал человеческий океан Гайто! Ты бы должен был посмотреть эту красоту! Еще увидишь много полотен у нас посвящены Научной Революции 2036 года. Тесла умерла в 2026. Через десять лет Революция смела сатанов и мы начали строительство Церкви Дружбы. Да, Гайто мы открыли Врата Царствия Небесного, и мы разрушили сатанинские врата Садомазохизма! Ядерный Гриб отпустил нашу планету и мы научились дышать чистым воздухом, без ядовитых испарений сатанов!

— Вот это да, дружище, у меня аж дыхание захватило. Теперь я понял что ты имел ввиду когда говорил о глубине чувств с которой здесь дискутируют в клубах.

— Теперь мы в эти клубы и отправимся!

ГЛАВА 4. РЕЛИГИЯ ЦЕРКВИ ДРУЖБЫ ОТЦА НЕБЕСНОГО

1. КРЕСТ МЕТАФИЗИКИ ИНТЕЛЛЕКТА

— Мы сидим с тобой в самом центре Европы 2084 года, Гайто! И ты можешь видеть, что Европа осталась предана готическим соборам христианской церкви.

— Да, черт побери! Я никогда не видал такого скопления такой божественной красоты! Просто голова идет кругом. Мне надо перевести дыхание. Это какой город Европы?

— Нет давно старых границ. Революция началась с Евросоюза. Здесь была колыбель и крепость международного Института Естественного Права! Здесь началась Религия Отца Небесного!

— Разве ты говоришь не о христианской церкви?

— Нет, конечно, Гайто! И ты, и я, и все великие мыслители последних годов, как минимуму осознавали, если говорить словами Мережсковского, что «человечество выросло из христианства как ребенок из пеленок»! Но мы не стали атеистами, Гайто! Религию Христа сменила Религия Отца Небесного, которая конечно же включает все основные аспекты христианства.

— Так значит в 2084 не будет наций?

— Ох, когда нибудь их может быть не будет. Скорее всего. Но все же не так быстро люди станут единым сообществом. Как же все в полном составе и как всегда соперничают. Но теперь это другое соперничество — в нем нет больше жала, как говорит Б. Рассел, когда учит отличать здоровую конкуренцию от нездоровой конкуренции. Теперь они больше не дерутся за власть, земли и богатства друг с другом. Теперь соперничают кто внес больший вклад в Научную Революцию.

Ведь очень много сделано после смерти мученицы Теслы. Очень много новых книг написано! Очень большая работа проведена! Много новых великих имен возникло за эти годы перехода к новому здоровому обществу. Много Святых и много мучеников, отчаянно жертвовавших собой за правое дело. Как ранняя христианская церковь.

— Так уже все страны присоединились к Церкви Отца Небесного?

— Пока не все. Но процесс идет полным ходом. Видишь ли в чем вся штука. Постольку поскольку наше сообщество не есть государство, — то есть не есть сообщество которое стоит на силовых институтах нормативного права, — а наше сообщество есть Церковь, то мы завоевываем страны не войной и армиями, а проповедью подобно апостолам Христа.

Конечно, у нас есть государство: и армия и силовые институты, но это вторично. Центральную роль нашего сообщества грает Церковь Отца Небесного, а также Международный Институт Естественного права. Наше государство приглашает к себе всех, кто принять религию Отца Небесного. И на сегодняшний день очень много народа различных наций покинули пределы своих государств, чтобы присоединиться к нам. Некоторые отпадали целыми областями от своих стран. Так половина России сегодня часть Евросоюза. Для нас совершенно ясно, что в скором времени все люди станут частью единого мирового сообщества Международного Института Естественного Права.

— Значит, если перефразировать слова Блока, который обращается от имени варварской России к враждебной Европе с просьбой прийти и стать братьями, и сказать наоборот от имени Европы к России, то получается примерно так. Ведь в конечном итоге все собрались под величественной красотой европейской христианской готики.

> «Придите к нам! От ужасов войны
> Придите в мирные объятья!
> Пока не поздно — старый меч в ножны,
> Товарищи! Мы станем — братья!

Мы любим все — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...
Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецьянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кельна дымные громады...»

— Нет, не все, Гайто. Самое упорное сопротивление до сих пор оказывают те, кого ояла сатанинская гордость, и кто не желает признавать никаких законов природы и никакой науки. Они до сих пор верны магическому сознанию физического контроля материальной энергии, но они называют это своими Священными Писаниями. Все эти страны одели на себя короны. Эти государства все грозятся опять идти на нас войной.

— Значит уже была война?

— О, да! Как ты себе представляешь что Государства физического контроля оставили бы дело народной революции без войны? Но мы надолго их проучили. Видишь ли, Гайто, ведь все решает энергия духа. Ты помнишь все самые красивые самые героические самые божественные победы истории, где величие человеческого духа в его ненависти ко злу потрясает до самой глубины души? Вот это все явило наше святое сопротивление поработителям, которые хотели отнять у мира Свободу Церкви Дружбы! Тогда же к нам целыми областями отходили части их стран. Все лучшие представители их народов давно вошли в наше содружество. С тех пор они боятся к нам соваться.

— Что же такое Религия Отца Небесного? Признаюсь я привык не доверять утопиям.

— Ну как все мы. Видишь ли Гайто, надо усвоить одну фундаментальную вещь. Это Законы Природы. Либо они существуют — и тогда вместе с ними получают твердую почву все: Господь- Интеллект, который создал эти законы. Энергия Духа Человечества как божественная энергия Активного Интеллекта: Мышления и Контроля Законов Природы. Цель и Смысл Жизни как познание истины и служение Господу.

Или же, Гайто, если мы отринем Законы природы, как до нам сделали эмпирики, материалисты, скептики и субъективисты — то все это рушится! И тогда больше нет ни Господа, ни Интеллекта, ни Духа божьего в человеке, ни смысла жизни, ни чего-либо твердого и постоянного кроме безумных вращений материальной энергии.

Вот в чем вся соль! Законы природы! Если ты будешь помнить, что вся философия здорового общества вращается вокруг законов природы, то есть вокруг метафизики интеллекта, то ты никогда не потеряешь нить рассуждений и смысла Откровения.

— Ты прав, Фридрих, если то твердое и постоянно на что надо опереться есть законы природы — то, конечно в это поверить совсем не трудно. И даже естественно. Тогда я готов выслушать о существе Религии Отца Небесного.

— Посмотри на наши Соборы, Гайто, что ты видишь? Что отличает их от христианских?

— Да, теперь замечаю! Я сразу увидел Крест, и решил что это Распятие. Но это не Распятие. О боже мой! Это Прекрасный Старец, который сидит на величественном троне, который высится за его спиной Крестом. Какая прекрасная скульптура! Какая пластика, какая выразительность линий и лица! А там другой вариант Креста! Там Старец Стоит и держит Крест в виде гигантского посоха, доходящего ему до груди, на которую ниспадают прекрасные локоны его седых волос! Ох, боже мой есть еще один вариант. Он опять сидит на троне, а на коленях его лежит высохшая фигура мученика! Христа наверное!

— Да, в одних случаях это Христос, но не всегда. Теперь принято изображать на коленях Отца Небесного всех известных истории святых мучеников, погибших за истину!

Вот ты познакомился с нашими символами! Видишь ли, Христианство исказило самую сущность религии метафизики Интеллекта, когда назвало человека — Богом! С этого момента легко было предсказать деградацию христианства назад в магию физического контроля материальной энергии. Ибо Богом может быть только та сила, которая создала интеллектуальную форму

вселенной — ее законы. Либо такой силы нет вовсе. Назвать человека богом, значит упразднить самое представление о Божественном. Богом может быть только Интеллект. А в том, что нам, людям, доступно в понимании этого Интеллекта — ведь не думаешь же ты Гайто, что мы все можем понять! А доступно нам в Интеллекте — законы природы, как форма космоса, как ее математическое строение. Это то, что мы можем понять в Боге и что мы вообще можем определить как интеллект.

— Почему же этот Интеллект — Отец Небесный? Почему не владыка всесильный?

— Здесь все решило Откровение Христианства. Откровение Христа. В этом его выдающаяся заслуга. Видишь ли, сегодня все знают что Христианство не было конечно же только проповедью одного великого еврейского пророка. То есть это знали всегда, но только узкая прослойка ученых. Сегодня этот факт широко обсуждается от школьной скамьи до клубов Камаридери (Camaraderie). Вклад еврейского Откровения конечно же вне сомнений. Исследования Ренана в этой сфере сделали его одним из Святых нашего общества. Однако, также несомненно, что равную долю вклада составляет Откровение Сократа-Платона, Откровение Римских Стоиков, — и в конечном итоге это сгущение всего Первого Осевого времени, как его определил Карл Ясперс. В чем несомненная заслуга последнего. Ах, Гайто, как сегодня нации спорят за своих гениев, за их вклад в становление Церкви Отца Небесного!

— Все таки не получается, что Откровение Евангелий Христа стоит на равных с другими, если именно идея Бога как Отца Небесного положена в основу вашей религии.

— Да, особая мистическая связь Христа с Отцом Небесным не отрицается. Его заслуга в том, что он сумел передать непосредственно через чувства энергии духа то, что еще нельзя было сказать на языке научного контроля энергии духа! И эта задача была по настоящему трудной! Он поставил первую церковь отца небесного, первую церковь Дружбы в смысле единения энергии духа человечества! И конечно же в этом состоит его выдающая-

ся роль. А роль Ренана в том, как блестяще он рассказал об этом в «Жизни Иисуса».

— Видишь ли Гайто, что мы можем знать о Великом Творце Вселенной? Только то, что есть кто то кто устанавливает законы, по которым вращается вселенная. И кто-то кто дал нам способность постигать эти законы, поставив нас таким образом Перпендикулярно к материальному миру! Мы не часть этого мира Гайто, иначе бы мы не обладали сознанием вместе со всеми прочими энергиями этого мира.

Мы стоим перпендикулярно посреди материального мира, отмечая законы его движения в своем сознании. Вот почему мы сохранили Символ Креста, Гайто! Вовсе не потому, что на нем распяли Христа! И между прочим первым об этом сказал Честертон в «Вечном Человеке» — о смысле Креста, отличающем его от символов Круга материальной энергии. Знаешь в чем отличие Свастики от Креста, Гайто? Свастика смазывает Перпендикулярные линии Креста в во вращение Колеса! В Круг циклического гомеостаза материальной энергии. И это тоже первым сказал миру Честертон. Один из самых больших Святых нашего общества!

— Как это связано с идеей Отца Небесного?

— Да, я как раз хотел тебе сказать Гайто. Что мы можем знать? Только то, что либо идея Христа об Отце Небесном — правда, и с Творцом нас связывают нежные узы того священного чувства, которые все мы знаем как нежность и самопожертвование родительских чувств, либо нас опять таки не нет! Как в случае с законами природы! Ведь тому чье сознание не зашорено кривым зеркалом магической Эгосистемы, тому кто видит мир интеллектом, — громада бесконечного космоса создает такое же громадное давление на сознание. Вспомни все выражения Эйнштейна о его благоговении перед Интеллектом, создавшим мир! Это чувствуют все, кто подобно этим ученым больше не стеснен коробкой магического сознания абориген, и смотрит на мир открытой мыслью. Вспомни как религиозны становились все истинные ученые — от Николы Теслы до Максвела, от Фарадея —

до Эйнштейна, от Ньютона –до Лейбница, от Декарта — до Спинозы! И так далее! Эта громада настолько давит своим величием, что только Откровение о Господе — Отце помогает пережить это давление и ощутить его как любовь, как нежность единения с Творцом!

Нет, ты не найдешь здесь таких идиотов, каким был я когда-то, — сказал Ницше усмехнувшись. — Для нас Слово Господа — только в науке и научном методе, только в законах природы, и это гарантирует нас от участи всех прежних религий: от сползания в магию материальной энергии. Но символом Господа для нас навсегда останется Откровение Христа — Религия Отца Небесного. Это то, о чем Честертон говорит в Ортодоксии как о потребности «уютного космоса».

— Тут мне трудно не согласится. Я сердцем чувствую что это правда, потому что приняв эту доктрину становится легче на сердце. И тем не менее насколько я понимаю, этого положения вы не можете доказать через законы природы своего научного контроля? Что Бог есть Отец? И что вы принимаете это в качестве «Откровения Сердца»?

— Можно и так сказать. Очень долгое время Христианство в качестве только «Откровения Сердца» как ты говоришь Гайто несло людям истину метафизики интеллекта и естественного Права. Истину двух антагонистичных энергий в психике. Пока однажды эта истина не стала частью точного знания, доказанного нашим научным контролем законов природы. Да, пока это только Откровение Сердца. Но нам неуютно без него существовать. Без Отца Небесного в Небесах чей Интеллект так громаден и так величественен, что раздавит каждого кто об этом всерьез задумается.

2. ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ ИНТЕЛЛЕКТА ЭНЕРГИИ ДУХА ЧЕЛОВЕКА

— Тогда объясни мне еще раз идею Креста как Символа Перпендикулярности Пространства Человеческой энергии? Меня поразила эта идея в самое сердце! Я всегда думал, что Крест означает — Распятие Христа! Никогда мне не приходило в голову, что Крест — это символ философии! Что это символ метафизики интеллекта!

— ну это довольно просто. Главное ты уже понял — все дело в разделении Пространства-Времени материальной энергии от Пространства- Времени энергии духа.

Знаешь почему теория относительности Эйнштейна кажется такой трудной для понимания? Потому что в норме человек понимает идею «времени» как идею своего субъективного ощущения энергии духа, своего сознания, своего Истинного Я. Когда человек говорит о «времени» он имеет ввиду прямую событий его памяти, направленную из прошлого к будущему. Другими словами, он имеет ввиду свое собственное движение среди фактов своей жизни, упорядоченных в памяти его сознания. Вот что обычный человек подразумевает под понятием «время».

Когда Эйнштейн доказал в теории относительности единство Пространства-времени он говорил совсем о другом понятии времени. Он говорит о часах, как о физическом времени соизмерения движения циклических энергий природы.

Это понятие о времени выражено у Э. Маха, чьи взгляды Эйнштейн во многом разделял, следующим образом.

Энштейн и Инфельд, «Эволюция физики»:

> *«Что такое часы?*
> *Примитивное субъективное чувство течения времени позволяет нам упорядочить наши впечатления, судить о том, что одно событие происходит раньше, другое позднее. Но чтобы показать, что промежуток времени между двумя событиями равен десяти секундам, нужны часы. Благодаря применению часов понятие времени становится объективным. В качестве часов может быть использовано любое физическое явление, если только оно может быть повторено столько*

раз, сколько необходимо. Если мы возьмем интервал между началом и концом такого события за единицу времени, то любые интервалы времени мы можем измерить повторением этого физического процесса. Все часы, от простых песочных до наиболее совершенных, основаны на этой идее. При пользовании песочными часами единицей времени будет являться интервал, в течение которого песок высыпается из верхнего стаканчика в нижний. Тот же физический процесс может быть повторен перевертыванием часов».

Э. Мах, «Познание и Заблуждение»:

«Что такое время в физическом смысле? Мы можем на это ответить только следующее: время есть зависимость изменений друг от друга. Если мы избрали в качестве масштаба для сравнения подходящее изменение, например изменение положения земли в ее движении вокруг солнца и около своей оси, то даже все остальные изменения оказываются зависимыми от этого одного. В то время например, как земля совершает 1/86400-ую часть своего оборота вокруг оси и проходит соответственную часть своего пути вокруг солнца, свет проходит 300 000 километров, выпущенное из рук тяжелое тело падает на 4,9 метров к земле, нитяной маятник длинной почти в 1 метр, совершает одно простое колебание, совершается вполне определенная часть всякого термического, электромагнитного или химического процесса, — часть, зависящая от условий среды, но также и от этой доли вращения земли. Не странно и не удивительно ли все это? Какая же связь между этими процессами и вращением земли? .....хотя эти процессы друг от друга не зависят, тем не менее мы можем их рассматривать как случайные масштабы друг для друга»

Теперь становится понятна вся путаница, которая мешает человеку понять смысл Теории относительности. Дело в том, что то что Эйнштейн называет «примитивным субъективным ощущением времени» — на самом деле есть Объективное ощущение Времени Энергии Духа. То есть движения Энергии Духа в Пространстве Интеллекта. Как мы измеряем Движение Духа в пространстве Интеллекта? Через количество приобретенного знания законов природы, ибо законы природы составляют Пространство Интеллекта! Чему равно время существования всего человечества в Пространстве Интеллекта? Оно равно количеству знаний законов природы, открытых человечеством! То

есть количеству открытых природных энергий, ведь законы природы могут быть только законами природных энергий, как доказал Вильгельм Оствальд в своей Энергетике. Чему равно время энергии духа отдельного человека? Тому количеству знаний законов природы, которое он усвоил из человеческого знания. Вот как просто определить Пространство-Время энергии духа человека. Пространство — это законы природы, которые человеку дано познавать мышлением. Время — это количество открытых законов природы, что составляет движение человека в пространстве интеллекта.

Тогда легко понять концепцию физического времени Эйнштейна-Маха как Часов соизмерения движения двух циклических материальных энергий, если отделить это определение времени от определения времени энергии духа. Теория относительности Эйнштейна доказала единство пространства-времени физического мира в его формуле E=mcc. Открытие Психической энергии доказывает, единство пространства-времени интеллекта, как особого отделенного от физического пространств-времени континуума.

Важно отделить эти два понятия времени, и тогда нет сложности в понимании теории относительности. Ведь человек инстинктивно чувствует, что есть еще другое время, но считает себя глупым что не может понять сразу концепцию физического времени циклических энергий. На самом деле ему мешает четкое ощущение того, что есть еще другая концепция времени — время энергии духа.

Вильгельм Оствальд, «Философия природы»:

> *«Вот это-то способность целесообразной деятельности, благодаря прозреванию в ближайшее или отдаленное будущее, и есть самое существенное в опыте. Как же мы достигаем этой способности?*
> *Мы достигаем ее посредством сравнения. Благодаря памяти мы в состоянии сопоставлять прошедшие состояния с настоящими, или с другими прошедшими, и при этом мы можем установить, что среди есть много если и не одинаковых, то похожих, то есть таких которые совпадают в некоторых, если не во всех своих частях. Эта способность сравнения есть основное свойство нашего ума; благодаря*

ей возможно заключение от прошедшего через настоящее к будущему, от которого как мы видим зависит вообще наше существование» «Согласно с этим времена жизни и не считаются за величины, и фраза: этот день был для меня очень длинным или очень коротким, не кажется нам противоречием или бессмыслицей, хотя она и выражает изменчивость отношения между субъективным и объективным временем. Следовательно, время вообще не есть величина в строгом значении этого слова, но с ним можно при известных условиях обращаться как с таковой, причем не возникает несогласия с опытом».

Кстати говоря, данные антропологии и психиатрии, как доказало Открытие Теслы, в полном согласии с ее теорией разделения пространства-времени для материальных энергий и для энергии духа.

Так, антропологи (Леви-Брюль, Мирча Элиаде) подтверждают, что аборигены, которые в основном пребывают на поле Эгосистемы магического сознания материальной энергии — ощущает время как циклическое движение, как чередование праздников и период счастья и несчастья. Примерно также ощущают течение времени и примитивные люди нашей цивилизации — циклами черных и белых полос и триумфальным празднованием «нового года». Мирча Элиаде, который считал магическое сознание абориген — здоровьем, в чем он сильно ошибался конечно, тем не менее отмечает именно цикличность этого сознания, циклическое течение времени у абориген.

Леви-Брюль Первобытное мышление.

«Представление, которое мы имеем о времени, кажется нам прирожденным свойством человеческого сознания. Это, однако, иллюзия. Идея времени почти не существует для первобытного мышления, которое усматривает непосредственную причинную связь между данным явлением и внепространственной таинственной силой. ... Так, „то, что мы, европейцы, называем прошедшим, связано с настоящим, а настоящее в свою очередь связано с будущим. Однако эти люди, верящие, что жизнь состоит из двух нераздельных и входящих одно в другое существований: человеческого в духовном и духовного в человеческом, — для этих людей время не имеет в действительности тех делений, которыми оно обладает для нас. Точно так же оно не имеет ни ценности, ни объекта, поэтому к нему относятся с безразличием и пренебрежением, совершенно необъяснимыми для евро-

пейца". Этот замечательный отрывок из сообщений майора Леонарда отличается неясностью, быть может, в не меньшей степени, что и сами представления, которые он хочет выразить. Однако таковы именно представления умов, которые по крайней мере живут столько же в мире невидимых реальностей, сколько в том мире, который мы называем объективной действительностью»

«Как показал Юбер, первобытное мышление обладает скорее неким чувством времени, сообразно субъективным качествам последнего, чем представляет его себе в объективных признаках. „Негры более отдаленных районов, — пишет Босман, — различают время весьма забавным образом, а именно на время счастливое и несчастливое. В некоторых областях большой счастливый период длится 19 дней, а маленький (ибо следует иметь в виду, что они делают еще и это различие) — 7 дней; между двумя периодами они насчитывают 7 несчастных дней, которые, по существу, являются их вакациями, ибо они не путешествуют в течение этих дней и не отправляются в поход, не предпринимают ничего значительного, а проводят их в ничегонеделании". Здесь легко прослеживается классическое деление на счастливые и несчастливые периоды у римлян. Периоды и выдающиеся моменты времени характеризуются происходящими в них проявлениями мистических сил; на них почти исключительно и сосредоточивается первобытное мышление»

Антон Кемпински отмечает в «Психологии шизофрении» что одним из основных признаков шизофренического психоза является субъективное ощущение остановки времени. Действительно, если учесть, что энергетическое существо психоза есть взрыв фундаментальной энергии психики — энергии духа, что часто приводит к смерти, то вполне понятно почему вместе с концом энергии духа, теряется ощущение движения в пространстве интеллекта, теряется ощущение времени, оно останавливается.

Антон Кемпински отмечает в «Психологии шизофрении»

«При шизофрении вся эта сложная пространственно-временная сеть иерархии ценностей подвергается разрушению. Иногда у больных возникает впечатление, что время остановилось — у них нет ни будущего, ни прошлого, быстрое течение времени обратилось в стоячую воду. Они не чувствуют движения времени, не скучают и не спешат, не способны определить, быстро ли проходит для них время или тянется медленно. Своеобразное <не-состояние>, как это определил один из больных Краковской психиатрической клиники.

Наконец, такой общеизвестный факт, как линейное развитие научной западной цивилизации, и циклическое движение восточной истории — другое доказательство двух различных пространственно-временных континуумов для энергии духа и материальной энергии.

— Из всего этого и вырастает Религия Креста Метафизики Интеллекта, Гайто.

Наше сознание, хотя оно отделено от материального мира, не параллельно материальному миру, как думал Платон. Оно перпендикулярно ему, как думал Аристотель. То есть нам нужен чувственный контакт с миром, чтобы из фактов материального мира мы могли понимать законы природы, которые лежат в основе его энергий. Мы пересекаемся с материальным миром, ибо для познания законов этого мира нам нужны факты чувственного опыта. Однако, наше движение, как правильно утверждал Платон, находится в пространстве интеллекта: Интеллект это то Солнце (Благо) которое позволяет нашим глазам (мышлению) видеть свет (законы природы). Бог Интеллект и наше поле Активного (мышление) и Пассивного Интеллекта (законы природы).

Вот какая простая формула Креста как Метафизики Интеллекта, Гайто.

— Формулу я понял.

Значит, смысл жизни вашего общества в том, если я правильно ее понял, чтобы уметь подниматься в Пространство-Время Интеллекта, и ни в коем случае не прозябать в душном подвале физического пространства-времени материальной энергии?

— Абсолютно верно! Это и есть символ Креста. Помнить что мы связаны с материей, но помнить также и о том, что наше место наверху, там где научный контроль материального мира. Там где хищники обезьяны превращаются в единство тончайшей нежности дружбы энергии духа. Там, где заканчивается варварство и начинается Красота творческой силы человека — активность контрольной энергии.

3. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНСТИТУТ ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА

— В чем же состоит религиозный культ Церкви Отца Небесного?

— Ох, Гайто, если ты думаешь, что мы добились этой Утопии 2084 просто, то ты очень очень ошибаешься. Было трудно. Были тяжелые времена. Когда здесь произошла Научная Революция нам всем пришлось очень много работать. Знаешь самое красивое в этом было то с каким чувством долга и самоотверженности работали все. Вообще это норма для энергии духа, но сама энергия духа, вдруг проснувшаяся с таким здоровьем в людях –это было в диковинку. Тесла в качестве опытного материала для подтверждения своих научных теорий часто цитировала исследования ученых Стенфорда — Д. Коллинза и Д. Порраса, «Построенные навечно» и «От хорошего к великому». Там есть слова о том, что самое главное подобрать правильных людей — именно в этом ключевой фактор успеха любой организации. Хотя о том каких именно правильных людей надо подбирать там сказано значительно меньше. Об этом подробнее можно посмотреть в Исследовании самоактуалов Абрахама Маслоу — и Тесла в своих работах провела сравнительную характеристику этих двух исследований, чтобы доказать что оба исследования говорят о людях со здоровой энергией духа. То есть о людях чья энергия духа очищена от поля Эгосистемы материальной энергии.

— Так вот все это оказалось чистой правдой. Ведь люди входившие в нашу церковь были людьми здоровой энергии духа, очищенной от поля Эгосистемы материальной энергии. Наймите правильных людей, говорят исследователи, и доверьтесь их самодисциплине. Ими не надо управлять, строгая самодисциплина, долг и ответственность управляют такими людьми. Вот где правда так правда, Гайто!

Ими не надо было управлять. Какой долг, какое чувство ответственности, какую чувствительность совести они проявляли во всем. Какую искреннюю заботу друг о друге. Какое геройское

самопожертвование когда этого требовали обстоятельства! И главное — эта способность страдать в своем служении истине, богу и церкви дружбы великих людей. Да, да Гайто мы как никогда ощущали величие друг друга. Именно величие этого пробудившегося смирения перед волей божьей, которое дало нам такое ощущение внутренней силы преодолеть все препятствия на своем пути к свободе и к единству с теми, в ком так уважали эту божественную энергию разума, красоты и совести!

Я никогда не перестану восхищаться этими великими мучениками первых десятилетий Научной Революции, их мужеству и стойкости, их чувству долга, их компетентности, их юмору и нежности друг к другу! Они приходили со всех концов света. Посмотри на них Гайто, здесь есть люди всех рас и национальностей! И они торжественно вступали в нашу Церковь. И в подавляющем большинстве случаев этого было достаточно, чтобы убедить нас в здоровье их энергии духа. Ведь прежде чем вступить они знакомились с основами законов ПЭ, с Полотном Священной Войны и приходили уже готовыми.

Понимаешь то что раньше мешало осуществиться утопиям всех революций, теперь мешать перестало. Ведь все эти революции всегда неправильно определяли Зло, и в конечном итоге настоящее Зло — подлость коварство зависть мелких душонок — опрокидывали все их величественные мечты о братстве народов. Но теперь было не так. Теперь мы видели настоящее зло и контролировали его. И в церковь принимали только тех, кто был готов в нее вступить. Так мы победили.

Но далеко не сразу.

Приходили толпы людей. И всех надо было устроить. Всех обучить. Представь сколько нашей доброй воли, сколько самопожертвования, сколько добровольного страдания было отдано этими пионерами чтобы подготовить это первое поколение Церкви Дружбы. Мы не жалели ничего. Мы работали. Мы забыли самих себя.

И в конечном итоге все начало у нас получатся. Мы научились эффективно давать людям знания и эффективно готовить препо-

давательский состав. А когда воспроизводство людей здоровой энергии духа стало массовым потоком, все проблемы решились сами собой. Знаешь, Гайто, нормальным людям надо немного. Мы делились последним, пока был дефицит, ну а потом работоспособность, интеллект и взаимопомощь энергии духа стали неисчерпаемым источником богатства. Ведь никакой науки экономики нет Гайто. В этом оказался весь секрет. Есть только проблема выхода на церковь дружбы единой здоровой энергии духа. А потом эта контрольная энергия вселенной сама собой обеспечивает такие ресурсы, что сегодня мы очень мало времени отдаем производству. Мы очень богаты, но думать об этом никому не приходит в голову. А о том как варвары гордились богатством — мы называем доисторических людей варварами — нам думать всегда очень смешно. Одна из основных тем для шуток здесь.

Да, я сказал бы — что первые трудные времена во многом напоминают самопожертвование и работоспособность первых ранних христианских церквей. Один из величайших периодов доисторического периода человечества.

— А как же в политическом плане? Если есть нации то должны быть и границы между ними?

Или их уже нет? Политические, географические границы?

— Есть конечно. Я тебе говорил, что пока еще очень далеко до снятия всех границ. Настолько что мы не можем точно знать будет ли оно вообще иметь место. Политические вопросы разрешил Международный Институт Естественного Права.

Нации сохраняют свои национальные правовые системы нормативного права. Однако, их соответствие нормам Естественного Права гарантирует Международное Сообщество Естественного Права. То есть это граждане всех стран которые входят в наше сообщество, избираемые через какой-то промежуток времени в МИЕП с тем, чтобы контролировать государственные правовые системы на их соответствие нормам Естественного Права. Помимо прочего, МИЕП осуществляет громадную работу по обеспечению прав человека всех рядовых граждан государств нашего сообщества.

Например, все существуют специальные институты для приема всякого рода жалоб рядовых граждан, для обеспечения доступа граждан к самым широким СМИ, для анализа научных разработок и научных идей граждан. И все это осуществляют такие же граждане как они сами, не имеющие никакого отношения к бюрократии государственных структур. Жалобы граждан на коррумпированных чиновников проверяются, передаются с рекомендациями с точки зрения Естественного Права в соответствующие государства и если те не принимают меры, то МИЕП через свои каналы СМИ принимает компанию дискредитации чиновников. Таким образом, защита простых граждан обеспечивается полностью. Все чувствуют себя защищенными и все имеют доступ к органам управления с тем, чтобы участие всех граждан в ощем деле построение свободного и эффективного сообщества было обеспечено.

Решающее значение оказало конечно Естественное Право. Что было у нормативного Права старых законодательных систем чтобы наказывать коррумпированных чиновников? Доказательства воровства и других преступлений? Но ведь это никогда не работало! Все знали что почти все чиновники и воры и развратники и часто негодяи или даже убийцы — но все они оставались при прежнем престиже и продолжали занимать свои кресла, кроме каких-то исключительных случаев как с Уотергейтом.

У нас все изменилось потому, что теперь есть четкое понимание добра и зла, и четкое понимание религиозного культа Церкви Отца Небесного. Если МИЕП выносит заключение об сгнивании чиновников в бессовестных негодяев, это значит что все дороги такому чиновнику отныне закрыты. А о жертвах таких чиновниках узнает все сообщество, и им быстро помогут встать на ноги специальные учреждения. С этим очень строго. Реакция мгновенная и страшная для нарушителей общественного благополучия.

Мы сделали все чтобы история с Теслой, когда ее саму и ее семью затравили только за то что она была автором научного открытия больше никогда не повторилась. В нашем обществе ни-

чего подобного невозможно. Достаточно написать в соответствующие институты МИЕП, как рассмотрят и твои научные идеи, и проверят все жалобы на анонимное преследование со стороны чиновников. Особенно анонимное давление принимается всерьез! Ведь у нас всем известно что такое Amorphous Serpent Сатан-Эго, Гады Бесхребетные мертвой совести и мертвой мысли! Здесь с этим очень серьезно.

И конечно со временем их становилось совсем мало, а теперь я не уверен что найдется еще хоть один. Так вот мы и выжили Гайто!

4. РЕЛИГИОЗНЫЙ КУЛЬТ ЦЕРКВИ ОТЦА НЕБЕСНОГО

— Так в чем же собственно состоял сам культ? Ты мне так и не ответил Фридрих?

— Ну как же, мы только о культе с тобой и говорим с тех пор как мы здесь.

Оглянись вокруг, вся эта прекрасная скульптура имеет в своей основе сюжеты Полотна Священной Войны Добра и Зла! Наш культ — Мировая История с точки зрения законов психической энергии, то есть с точки зрения войны между полем Эгосистемы материальной энергии и энергией духа.

Ты мог видеть что мы далеко не сразу преодолели порочность материальной энергии, и сейчас еще далеко до полной победы. Но пока стоят эти Полотна, фиксирующие вехи победы Добра над Злом и Вехи мученичества Добра — мы знаем что в наших руках самое мощное средство борьбы со Злом — наше Естественное Право законов ПЭ. Наша Мировая История в законах ПЭ Отними у нас это и мы опять останемся без ничего! Опять останемся нагими нищими и беззащитными перед лицом ощетинившегося зла! Опять утонем в Грибковом Облаке ядов материальной энергии!

— С тех пор как умерла Тесла — создательница Полотна Священной Войны Добра и Зла как Мировой Истории в законах Психической энергии — очень большой прогресс был сделан в этом направлении!

Она ведь только наметила основные факты истории и показала как применять теорию психической энергии к истории. А после нее за это Полотно Истории Энергии Духа принялись уже со всем усердием и с разработкой всех деталей исторического процесса так, чтобы все систематизировать и все уложить

с математической безупречностью. Это стало всеобщим увлечением. Разработка деталей Полотна Мировой Истории.

Теперь ведь все гордятся своим смирением перед волей Господа — то есть признают законы природы и знают что их достоинство в том, чтобы познать эти законы и научится их контролировать. Вот чем гордятся! Вот что есть смирение. Смирение перед Господом есть великая сила перед всем материальным миром — ведь это доступ к научному контролю, к силе энергий всего космоса.

Теперь очень стыдно то, что когда-то проповедовал в своей философии я, — сказал Ницше, усмехаясь. — Потому никто больше не сходит с ума. Ну или сходят все меньше и меньше. Теперь очень стыдно стараться «реализовать себя» как говорили раньше в науке, творчестве, искусстве, литературе.

Каждый стремится стать Великим в том, что есть познание законов природы. Но все презирают малейшие попытки Показать Свое Эго в особенном видении мира, прославится тем, что ты создал что то свое, особенное. Это кажется и смешным и жалким. Ибо теперь век разумных люде, и все знают что сила и слава в законах природы, в воле Господа, в научном контроле. И все что двигает нашу культурную жизнь, во всех сферах двигают ее в рамках Полотна СВДЗ, то есть в рамках естественного права, в рамках законов противоборства двух энергий, в рамках улучшения, прогресса на пути к детализации и уточнению фактов истории на Полотне истории.

Амбиции остались, — они стали еще больше. Но теперь нет дураков, кто понимает амбиции как тщеславие Эго. Теперь все стремятся к элите энергии духа, состоятся как выдающиеся люди в содействии настоящей культуре которая вся двигается в рамках истины научного контроля. Ты видишь все наше искусство связано с сюжетами Полотна Истории, а Полотно Истории — это наш религиозный культ и наш научный контроль.

— есть какая то социальная лестница? Какие то достижения, которые поднимают людей над другими?

— Да, старые добрые философы-правители Платона.

Видишь ли, мы всех принимаем в Церковь Дружбы, потому что Церковь Дружбы есть школа, которая учит людей находить свое Истинное Я и очищать его от поля Эгосистемы.

Но далеко не каждый может подняться до уровня, где мы признаем что он достиг чистоты энергии духа. То есть достиг Пространства-времени Интеллекта.

Вот ты Гайто, с твоим миром отвлеченных идей, за который тебя все называли сумасшедшим, — ты достиг уровня Пространства-времени Интеллекта. Его достигает философ, который живет вопросами философии, но удерживаются в нем только те, кто находит истину законов природы.

Самым торжественным мероприятием нашего Религиозного культа является посвящение людей в Пространство-время Интеллекта. Ведь это значит, что они стали единым целым со всеми нашими Святыми, вокруг которых течет вся наша духовная жизнь. Посмотри вокруг все наше искусство посвящено изображению периодов их жизненной борьбы — они наши отцы, и наши братья, и наши светочи в мире, где каждый день можно остаться один на один с хаосом вселенной. Тех, кого посвящают в Пространство-время интеллекта приравнивают по чистоте энергии духа, по уровню абстракции мышления, по уровню долга и ответственности, по уровню тонкости совести и сострадания, по уровню душевной воли защищать слабых и служить обществу — к нашим Святым. Именно их обычно выбирают в члены МИЕП, ибо доверие к ним всеобщее и безграничное. Ведь мы знаем что люди из Пространства-времени интеллекта как наши Святые люди ни от мира сего. Они бы и рады подумать о себе, да нет у них такого органа, — засмеялся Ницше. — Об этом тоже много шуток, и много юмора вокруг этой темы. И тем не менее, каждый мечтает пройти это святое посвящение в Пространство-Время Интеллекта.

— Для этого нужно показать глубину в познании теории психической энергии, теории Полотна Истории, а также в знании законов материальных энергий. И хоть пока с этим справляется примерно только одна десятая часть населения, число это посто-

янно растет, и ни у кого нет сомнений, что близок день когда все будут полноправными членами Пространства-времени Интеллекта.

Ну а пока они составляют элиту общества, и их любят как любят родных отцов, и полагаются на них во всем как полагаются на святых и пророков. И они никогда не обманывают доверия людей.

— Если хочешь Гайто мы зайдем в этот прекрасный собор готической архитектуры, чтобы послушать торжественный ритуал приема граждан в Церковь дружбы Отца Небесного?

— Ты меня очень обяжешь, Фридрих, — сказал Газданов. — Теперь я знаю что Бог есть. Ведь я получил ответы на такие вопросы, которые растерзали мне сердце в кровь при моей жизни.

— Ну тогда слушай, Гайто.

5. КЛЯТВА ИСТИННОГО Я НА ПОЛОТНЕ ИСТОРИИ ЭНЕРГИИ ДУХА

— Кто вы и зачем пришли сюда? — спрашивал священнослужитель молодых людей, торжественно одетых с тем изяществом, которое Газданов наблюдал здесь повсеместно.

— Мы дети Божьи и пришли искать воли Господа, направить нас на путь истинный.

Потом подошел один из них к алтарю и преклонил колена, оставив остальных дожидаться своей очереди.

— Когда ты родился?

— Я родился в Первое Осевое время, во время Первых Откровений Гуманистических Религий. С первым пробуждением Сознания и Разума. С началом движения от Мифа к Логосу, которое приведет к победе над магическим сознанием материальной энергии.

— Как зовут твоих родителей? — спрашивал священнослужитель.

— Мои родители — Отец наш небесный, а также Апостолы и Отцы Церкви!

— Кто родители Церкви?

— Это великие пророки Первого осевого Времени: ибо они принесли жизнь Энергии Духа нашего сознания. Нет человека вне энергии духа. Нет сознания вне энергии духа. Родители Церкви– Заратустра в Персии, Сократ и Платон в Греции, Исайа и пророки — в Израиле, Тацит и Плиний, великие стоики — в Риме, а Христос соединил их в своей проповеди!

— Куда ты идешь?

— Я иду в Пространство-время Интеллекта, туда где Божья Воля написана законами природы!

— Кто ждет тебя в Пространстве-времени Интеллекта?

— Мои братья, ибо Энергия Духа обладает общим Я. Это значит, что силовое поле энергии духа едино, и мы не просто близкие друг другу люди, но составляем одно целое. Это значит, что научный контроля закона сохранения силы имеет один объект контроля — все поле энергии духа человечества.

— Кто твои братья? Ты знаешь имена твоих братьев из Пространства-времени Интеллекта?

— Знаю. Я живу их именами. Это все великие мыслители и деятели культуры которые сослужили службу богу и человечеству в познании истины, в защите справедливости, в борьбе с подлостью материальной энергии. Это люди чистой совести, которые знают что такое быть честным. Быть честным значит быть верным Пространству-Времени Интеллекта.

Это великие герои и святые нашего времени, имена борцов и победителей, жертв и мучеников в священной Войне Добра и Зла мировой истории. Над мучениками мы плачем, Мучениками мы восхищаемся. Вместе с победителями празднуем победу Добра, утверждаем могущество силы Добра над гнилью Зла!

Имена моих братьев всем известны из трудов Теслы о Полотне Мировой Истории как священной Войны Добра и Зла! Я преклоняю колена перед Величием Славой и Мученичеством моих братьев! Я торжественно клянусь что буду помнить об их боли до конца своей жизни! Я торжественно клянусь что буду чувствовать горячую благодарность за их самопожертвование

до последнего вздоха! Я торжественно клянусь что пример великих борцов со злом будет вдохновлять меня до конца моей жизни!

— Кого ты любишь?

— Люблю энергию духа в людях!

— Кого ты ненавидишь?

— Ненавижу Сатанов, сгнившей энергии духа. Ненавижу материальную энергию поля Эгосистемы, которая убивает божий дух в людях.

— Как уберечь людей от страшной участи сгнить в Сатанов?

— Помнить о Полотне Священной Войны Добра и Зла Мировой Истории!

— Что надо чтобы помнить об этом Полотне?

— Надо знать, что Добро, то есть Энергия Духа — это ты сам и есть, и изучать Полотно как историю своей жизни. Потому что энергия духа есть единое целое во всех людях. Единое поле мысли, совести, справедливости и сострадания. Единое поле этики.

— Что выражает Полотно Мировой Истории?

— Войну двух силовых полей психики — материальной энергии и энергии духа. Энергия духа есть здоровье, тогда как материальная энергия есть мертвый паразит, который ее пожирает. Энергия Духа есть часть божественного пространства-времени Интеллекта, а материальная энергия поля Эгосистемы — заурядная материальная энергия физического пространства-времени.

Поэтому борьба этих двух энергий в сознании называется борьбой добра и зла. Задача Церкви держать силовое поле Эгосистемы неактивным. Иначе поднимутся Сатаны мертвой мысли и мертвой совести закроют планету ядерным грибом своих отравлений, как было когда они пришли к власти по всей земле в 20-м веке и в начале 21-го века!

— Каковы основные битвы которые выиграл ты в этой войне?

— Победа Революции Профетизма в Израиле, о которой рассказал Ренан!

Победа демократии в Древней Греции, о которой написано в книгах античных историков!

Победа Республики в Риме!

Потом Становление Империи Антонинов в Риме!

Отцы Церкви и становление ранней католической Церкви!

Победа Града Божьего Августина над варварскими королевствами в Папской Революции 11 века!

Победа Реформации Лютера!

Победа Великий Революций Кромвеля, Руссо, Вашингтона, и Толстого в России!

Становление Института Прав Человека и правовых государств!

Открытие психической энергии!

Научная Революция 2036 года!

— Каковы основные поражение которые ты потерпел в этой войне?

— С убийства великих пророков начались наши беды! Закололи Заратустру, отравили Сократа, Распяли Христа! Нерон казнил Сенеку и Тразея Пета! Лучшие из римлян, отмеченные в хрониках великого Тацита, Плиния, Плутарха, Светония казнены! Нерон казнил лучших людей своего времени — раннюю церковь христиан целыми сотнями прямо в цирке! Потом разложилась католическая церковь и зажгла аутодафе для лучших людей своего времени. Сожгли Джордано Бруно! Аутодафе Инквизиции поглощало лучших людей как когда то Сатаны Императоры Рима!

Однако, худшее случилось в 20-м столетии, когда Лженаука Дарвиновской парадигмы уничтожила научный контроль Энергии духа, создала мощную шизоидную культуру Верхней Эгозащиты физического контроля материальной энергии. В этой среде Сатаны сгнившей совести и мысли размножались со скоростью света. И вскоре случилось то, чего свет еще никогда не видел и что есть самое страшное наше поражение. АД на земле, ибо Зверь из Апокалипсиса, Сатан-Эго Развратников, о которых писал святой Иоанн, размножились и подчинили себе здоровую

энергию простых наивных неискушенных людей, одновременно уничтожая сильных духом людей, видевших их сатанизм.

Этот страшный период истории называется — Ядерным Грибом взрыва материальной энергии, отравившим планету, и превратившим ее в ад для существования людей, в ком еще теплилась здоровье энергии духа!

— Когда ты умрешь?

— Пока я помню кто я, пока лицо моего истинного Я могу видеть читать и узнавать на Полотне Истории Энергии Духа — я не умру никогда. Потому что мой путь лежит в Пространство-Время Интеллекта, и я достигну его при жизни. А после смерти моей биологической энергии мой дух останется в Пространстве-Времени Интеллекта.

— Можешь ли ты умереть?

— всякий может умереть если забудет свое Истинное Я, перестанет служить истине, Господу и церкви дружбы, и вновь деградирует в поле Эгосистемы материальной энергии. Там его ждет самая страшная смерть — сгнивание энергии духа в Сатан-Эго Верхней Эгозащиты физического контроля, — в мертвую совесть и мертвую мысль негодяев и человекоубийц! Спаси нас Господи от этой страшной участи! Спаси нас Господи от Сатанов! Спаси нас Господи от Ядерного Гриба победившей материальной энергии!

— Амен! — широко улыбнулся священнослужитель, лазского поднимая юношу с колен и обнимая его. Теперь ты часть Церкви Дружбы Отца нашего Небесного.

Юноша благоговейно приложился губами к кресту.

— Это просто невероятно, — сказал Газданов, вытирая слезы. — Однажды, меня так поразила панихида во время Второй Мировой.- Знаешь, Фридрих, я ведь тоже много сомневался в христианстве, не ты один. Но в эту церковь я бы непременно вступил.

— Ты и вступил, — ответил смеясь Ницше. — А позже ты увидишь культы наших святых. Как часть единого культа метафизики интеллекта, то есть Полотна истории Энергии Духа, разумеется.

ГЛАВА 5. РАСЩЕПЛЕНИЕ СОЗНАНИЯ В ТЕОРИИ ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ. СЛУЧАЙ НОРМАЛЬНОГО ЦИКЛИЧЕСКОГО ГОМЕОСТАЗА ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ: МИЛГРАМ-ЭГО И САТАН-ЭГО

1. ПЯТЬ СОСТОЯНИЙ ПСИХИКИ СОГЛАСНО ОТКРЫТИЮ ДВУХ СИЛОВЫХ ПОЛЕЙ СОЗНАНИЯ

1. Здоровое, истинное Я — Здоровое поле Интеллекта Энергии Духа, свободное от поля Эгосистемы материальной энергии

2. Милграм –Эго: Нижняя Эгозащита Притяжения Влюбленности физического контроля поля Эгосистемы материальной энергии. В основном простые, малообразованные люди. Название взято из экспериментов Стенли Милграма на Подчинение Авторитету, в ходе которых Стенли Милграм доказал, что нормальные, здоровые с виду люди, могут под влияние приказов «Авторитетов» идти на нелепые поступки против своей совести, хотя явно ощущали конфликт со своей совестью.

Это те «грешники», к которым пришел Христос в качестве врача и спасителя.

3. Сатан — Эго: Верхняя Эгозащита Притяжения Самолюбия физического контроля поля Эгосистемы материальной энергии. Специфика ее в полном отмирании Мысли и Совести Энергии Духа в большой активности материальной энергии. Название из совпадения характеристики Сатан-Эго с образом Зла как Лжи и Подлости безжалостных убийц в Первых Откровениях осевого времени, в Зороастризме, иудаизме, в христианстве. Это безумие преступников и маньяков мертвой мысли и мертвой совести. Это те «дьяволы, отцы лжи», та Ху-

ла на святого духа согласно Евангелию, которая никогда не простится.

4. Гибрис –Эго: Это тоже Верхняя Эгозащита физического контроля поля Эгосистемы. Однако это третье Притяжение Самовлюбленности, и сломанный циклический гомеостаз Садомазохизма физического контроля: разрушенные отношения господства и подчинения, невозможные для Притяжения Самовлюбленности, пришедшему на место двум притяжениям Самолюбия и Влюбленности нормального физического контроля.

Эти изменения есть результат Смешения Двух полей психики и Двух контролей психики — физического и интеллектуального. Смешение Двух полей психики приводит к патологии обоих полей и к взрыву фундаментального поля Интеллекта в психозе шизофрении. Это Мученики Незрелого Интеллекта и Трагедия Совести человечества. Поскольку Энергия Духа здесь жива за счет активного интеллекта в отличии от Сатан-Эго с его мертво мыслью и мертвой совестью –то активность своего поля Эгосистемы они ощущают как Трагедию Совести. Это болезнь и мученичество Незрелого Интеллекта человечества.

5. Психоз Шизофрении: громадная мощь взрыва поля Интеллекта Энергии Духа, которая доказывает, наряду с Трагедией Совести человечества — метафизику души, метафизику Энергии Духа.

Теория психической Энергии доказала правоту Первых Откровений о Раздвоении сознания человека на силы Добра и Зла, а также положения гуманистической философии и психологии об Истинном Я и Ложном Эго в сознании человека. Начиная с Заратустры, с первых иудейских пророков, с Пифагора, Сократа и Платона Откровения Первого Осевого времени говорили людям о драме человеческого существования как Борьбы сил Добра и Зла, сокрытых в его собственном сознании.

Позже, об этом стали писать философы — Спиноза («Этика»), Кьеркегор («Болезнь к смерти»), Фихте («Речи к немецкой на-

ции»), Б. Рассел («Завоевание Счастья»). И Наконец, зародилась Наука, гуманистическая психология Э. Фромма, Карен Хорни, К. Юнга, А. Адлера, К. Роджерса, А, Маслоу, Г. Олпорта, В. Франкла и других ученых, которые уже на базисе научного мышления поставили своей задачей исследовать феномен расщепления сознания человека — Истинное Я и Ложное Эго.

Однако, только с переходом к терминам Энергетики в рамках Научной Революции Энергетика, становится возможным действительно научный анализ этого феномена. Именно в силу того факта, что любое научное знание есть знание закономерностей энергий природы, и если бы психика человека не была одним из видов энергий природы, то мы вообще не смогли бы получить о ней научных знаний.

Энергетика позволяет нам говорить о расщеплении сознания как о сосуществовании двух антагонистичных силовых полей в рамках психики человека: Поля Интеллекта Энергии Духа и Поля Эгосистемы материальной энергии. О закономерностях сосуществования этих двух энергий в психике человека и рассказывают открытые в рамках Теории психической энергии законы природы психики.

Термины Энергетики позволили автору Открытия пойти дальше в своих научных изысканиях, нежели ученым гуманистической психологии, разделившими психику на истинное Я и Ложное Эго. Именно термины Энергетики позволили пойти дальше в классификации специфики психики людей в зависимости от состояния Физического контроля и Научного Контроля закона сохранения силы двух полей психики.

Так, было выделено три разновидности активности Физического контроля материальной энергии:

— Милграм-Эго простых людей

— Гибрис-Эго интеллектуалов

— Сатан-Эго преступников и маньяков

Четвертым и единственно здоровым состоянием психики является поле Интеллекта Энергии Духа, свободное вообще от активности поля Эгосистемы. Потому мы не будем его определять

в терминах «Эго». К сожалению, с самого начала Осевого времени К. Ясперса и вплоть до наших дней, пока еще здоровых людей со свободным от активности поля Эгосистемы материальной энергии сознанием, очень небольшой, мизерный процент населения. В основном, религиозные, научные, творческие гении, — то есть такие люди, которые стали объектами исследования Абрахама Маслоу в его теории о «самоактуалах» как самых здоровых людях. Известно, что «подопечными» Маслоу стали такие известные гении человечества как Чаплин, Спиноза, Эйнштейн, Хаксли, Брамс, Элеонора Рузвельт, Линкольн и многие другие.

Последним пятым состоянием психики является Разрушение обоих силовых полей в Психозе Взрыва поля Интеллекта Энергии Духа — то есть в шизофреническом психозе, который всегда приводит к полной деградации сознания, и очень часто к смерти человека. Тайну не-органических психозов, не связанных с физическим разрушением мозга, также открыла теория психической энергии, доказывая, что разгадка психозов в том, что в их основе Взрыв фундаментной энергии психики — взрыв поля Интеллекта Энергии Духа. И впервые в истории психиатрии, это объяснение шизофренического психоза позволяет дать полное объяснение всей широкой группе симптоматике как самого шизофренического процесса, так и его преморбида — шизоидности психики Гибрис-Эго.

2. СПЕЦИФИКА РАСЩЕПЛЕНИЯ СОЗНАНИЯ В СЛУЧАЕ С МИЛГРАМ-ЭГО ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ. ТОТЕМИЗМ МАГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Вопрос Расщепления сознания в случае с Милграм-Эго рассмотрен в основном в исследованиях антропологов, как случай первобытного сознания. И известен как Тотемизм магического сознания.

Леви-Брюль и др. исследователи часто пользуются терминами «магическое» и «мистическое» сознание как взаимозаменяемыми, и первое время я следовала их примеру. Однако, это гру-

бая ошибка, поскольку мистическое обозначает прямой контакт Энергии Духа человека с породившим его Интеллектом в Откровениях и др. известных эпифаниях. То есть принадлежит к проявлениям поля Интеллекта Энергии Духа. Лучший пример — мистики Откровения Христа.

«Магическое» — напротив принадлежит полю Эгосистемы материальной энергии и отображает Кривое зеркало искаженного чувственного восприятия физического контроля. Об этом очень подробно рассказано в моих предыдущих книгах: «Власть и Контроль или импотенция современной психологии», «Болезнь Эго и космическая сила психической энергии», и главное в «Проблемах развития духа», в «Клинике Доктора Бене Финкеля».

Нет ничего «магического» в смысле волшебства в этом искаженном чувственном восприятии. Его суть в двух фигурах Поля Эгосистемы, «Я и не-Я» Фихте, открытых на практическом опыте Фрейдом как «Эго и СуперЭго». Теория ПЭ доказывает, что это два полюса силового поля материальной энергии — Плюс и Минус поля Эгосистемы. Это поле отображает мир как все материальные энергии искаженно, и поскольку в его основе физический контроль закона сохранения силы материальной энергии — то оно дает информацию о соотношении сил человека и окружающего его мира: Сила Эго против Силы всего прочего мира СуперЭго. И показывает соотношение этих сил как войну двух сил — вот откуда Плюс и Минус, противостояние Эго и СуперЭго. Такими механизмами сформировано поле материальной энергии, его полюса Плюс и Минус, «Яи не-Я», «Эго и «скперЭго».

Леви-Брюль убедительно доказывает на протяжении известного «Первобытного мышления», что «магическое» в сознании абориген есть всего лишь «страх сверхъестественных сил», которым окрашено все восприятие дикарей. Понятно, что ничего «сверхъестественного» в этих силах нет — это всего лишь количественная абстракция силы, отраженная в двух фигурах (полюсах) поля Эгосистемы: количество силы Эго против количества

силы СуперЭго. «Сверхъестественными» их делает искажение в кривом зеркале физического контроля закона сохранения силы материальной энергии. Научный контроль энергии духа дает правильную и истинную информацию о законах природных энергий, в отличие от искажений чувственной информации физического контроля.

Э. Дюркгейм «Тотемические системы в Австралии»:

> «Это не религия таких-то животных, таких-то людей или таких-то образов, а религия своего рода безымянной и безличной силы, которая встречается в каждом из этих существ, но не тождественна ни одному из них. Никто не обладает этой силой полностью, но все они причастны ей. Она настолько полностью независима от отдельных субъектов, в которых воплощена, что предшествует им и переживает их. ...Мы не обнаружили у истоков и в основе религиозной мысли никаких определенных и отдельных объектов и существ, которые обладали бы сакральным характером сами по себе; напротив, то, что мы увидели, — это неопределенные и безликие силы. В разных обществах эти силы более или менее многочисленны (хотя иногда они сливаются в одну), а их безличность весьма похожа на безличность физических сил, проявления которых изучают естественные науки. Что же касается отдельных священных вещей, то они всего лишь ин дивидуализированные формы этого основного принципа. Таким об разом, нет ничего удивительного в том, что даже в религиях, где есть настоящие боги, существуют обряды, обладающие силой, которая действует самостоятельно и независимо от божественного вмешательства»

Л. Леви-Брюль, «Первобытное мышление»:

> «Член первобытного общества живет и действует среди существ и предметов, которые все кроме свойств, которые за ними признаем и мы, обладают еще и мистическими способностями: к их чувственной реальности примешивается еще и некая иная. Первобытный человек чувствует сея окруженным бесконечным количеством неуловимых существ, почти всегда невидимых и всегда страшных.. ....Так же обстоит дело и у североамериканских индейцев, существуют многочисленные и точные наблюдения. Мисс А. Флетчер, например, пишет: «они рассматривали все одушевленные или неодушевленные формы, все явления как проникнутые общей жизнью, непрерывной и похожей на волевую силу., которую они созна-

вали в самих себе. Таинственную силу, наличествовавшую во всех вещах они называли ваканда., этим путем все вещи оказывались связанными с человеком и между собой. Идеей непрерывности утверждалась связь между видимым и невидимым»

Л. Леви-Брюль, «Первобытное мышление»:

«Мы видели, что в Экваториальной Африке крокодилы, уносящие людей, никогда не считаются обыкновенными животными, их рассматривают как послушные орудия колдунов или даже как крокодилов-колдунов. В английской Гвиане „тигр, обнаруживающий необычную дерзость и не боящийся приближаться к людям, часто совершенно парализует даже храброго охотника, которому сейчас же приходит в голову мысль, что это, может быть, тигр-канаима". Если этот тигр, думает про себя индеец, только обыкновенный дикий зверь, то я могу его убить пулей или стрелой, но что со мной будет, если окажется, что я напал на убийцу людей, на ужасного канаима! Абипоны, по словам Добрицгоффера, говорили то же самое, что и индейцы английской Гвианы. Арауканцы, „стоит им только заметить что-то необычное в каких-нибудь птице или животном, сейчас же заключают, что птица (животное) „одержима". Лисица или пума, бродящая ночью близ хижины, — это колдунья, пришедшая посмотреть, нельзя ли чего украсть. Преследуя такое животное, туземец старается не причинить ему никакого зла из страха мести. Вообще, все, что не поддается непосредственному объяснению, приписывается действию либо злых духов, либо колдовству". Согласно Геваре, арауканцы „приписывают все, что они видят, или все, что случается из ряда вон выходящего, вмешательству злых духов или сверхъестественным причинам. Идет ли речь о плохом урожае, о повальной болезни среди животных, о падении с лошади, о болезни, о смерти... во всем всегда виноваты колдуны. От них зависят продолжительность жизни человека, всякие беды, случающиеся на жизненном пути, и т. д.". Обилие и разнообразие амулетов, талисманов, заклинаний, обычаев всякого рода, при помощи которых пытаются так или иначе защититься от возможных бед, свидетельствуют о том, как сильно забота о колдовстве владеет умами в низших и даже в более развитых обществах»

И Дюркгейм, и Леви-Брюль говорили о резкой черте между сакральным (священным, сверхъестественным) и мир ским (профанным, обычным), которую проводят аборигены в своем миро-

воззрении. Понятно, что сакральным они называют то, что видят сквозь «очки» поля эгосистемы (загрузки Супер Эго), а обычном то, что воспринимают через поле интеллекта, непосредственно. 18. Леви-Брюль, в отличие от Юнга, считал, что поле эгосистемы (пралогичное, мистическое сознание в его определении) не является частью здоровой разумной психики человека, но со существует рядом с ней. Он говорил о качественном различии 181 двух систем сознания, сосуществующих в одном индивиде. И считал, что эволюция состоит не в том, что поле эгосистемы развивается в поле интеллекта (то есть пралогичное сознание в разумное), а в том, что оба сознания всегда сохраняют свои характеристики, но у аборигенов больше развито мистическое сознание (поле эгосистемы), а у развитых людей научное сознание (поле интеллекта). Следовательно, эволюция приведет к изживанию мистического сознания, но пока современные люди могут вполне видеть мир подобно аборигенам: иногда как мистику сакрального, иногда как действительность научного восприятия

Далее, я привожу отрывок из моей книги «Проблемы Развития Духа. Критика Структурализма» 2020 года издания, Глава 6. Проблема структурализма. Леви-Брюль и Леви-Стросс.

Здесь приводятся цитаты из «Социальной статики» Спенсера, «Речи к немецкой нации» Фихте, «Добродетель Эгоизма» Айн Рэнд о Расщеплении сознания на магическое восприятие, и на восприятие научное. Об философии объективного рационализма Айн Рэнд я скажу ниже. Здесь важно подчеркнуть еще раз Грубую Ошибку в использовании термина «мистический» как синонима термина «магический», в том числе и Айн Рэнд.

> «22. Герберт Спенсер в книге «Социальная статика» понимает эволюцию в духе Леви-Брюля, то есть противоборства в человеке двух типов сознания, где первобытное общество характеризуется преобладанием аффективного мистического сознания, а в цивилизованном обществе все больше преобладает научное сознание по мере его развития. В конечном итоге аффективное сознание должно быть изжито окончательно, поэтому Спенсер именует его временным. У него несколько отличная терминология, но смысл тот же. Он противопо-

ставляет варварскому (дикарскому) «обожанию силы (власти)» «нравственное чувство» разумных людей. Поле садомазохизма дикарей — полю разума и сочувствия цивилизованных людей.

23. Герберт Спенсер «Социальная статика»: «Постоянно можно наблюдать, как для дикого эгоизма необходим соответствующий размер обожания силы. Такое чувство, служащее противовесом антиобщественности, заключается в обожании власти. Это чувство заставляет людей преклоняться перед проявлениями силы и подчиняться ей, в ком бы она ни проявлялась. Мы предположили, что уважение к авторитету пропорционально варварству членов общины и соразмерно с недостатком нравственного чувства, со стремлением искать для себя удовлетворения за счет ближнего. Не видим ли мы в самом деле, что низкопоклонное подчинение деспотическому правлению процветает бок о бок с обычаем человеческих жертв, детоубийством и частыми покушениями на человеческую жизнь? Всем известно, что готовность подчиняться всегда сопровождается страстью тиранить, и эта признанная истина служит лучшим доказательством связи раболепия с недостатком нравственного чувства. Сатрапы также господствовали над народом, как их царь господствовал над ни ми. Столь же многочисленны факты, убеждающие в том, что наклонность к воровству всегда связана с преобладанием чувства личной преданности. Записки путешественников показывают, что у племен, стоящих на низкой ступени цивилизации, бесчестность и воровство существуют рядом с безотчетною властью начальников. Среди более развитых народов встречается та же самая связь между бесчестностью и раболепием. ... При развитии цивилизации обожание „власти“ и нравственное чувство изменяются в противоположных направлениях. И в настоящее время люди настолько же проникнуты уважением к авторитету, насколько в них недостает уважения к правам других людей. Между временным и окончательным законным руководителем наших действий происходит непрерывная борьба, во время которой постоянно уменьшающееся влияние одной стороны дает рост другой. Выше было разъяснено, что чувство справедливости, симпатическое возбуждение которого заставляет людей поступать должным образом по отношению к другим, есть то же самое чувство, которое заставляет их настаивать на своих собственных справедливых требованиях. Оно побуждает их требовать свободы деятельности, свободы упражнять свои способности и понуждает их сопротивляться всякому нарушению в этом отношении. Этот стимул не терпит никаких ограничений за исключением тех, которые налагаются сочувственными побуждениями. Он оспаривает всякое притязание на излишнее преимущество, с какой бы стороны это последнее ни появлялось. Поэтому он

находится в постоянной вражде с чувством, обусловливающим рабо-
лепие. Мало помалу, когда нравственное чувство окрепнет до того,
что станет препятствовать людям совершать самое грубое насилие,
оно бу дет уже достаточно могущественно для успешной борьбы
с из лишними теперь крайностями принуждения».
27. Ту же мысль об эволюции противоборства двух противо
положных типов сознания в человеке развивает Фихте в «Речах
к немецкой нации». В данном случае субъективизм его кантиан
ской философии сказался только на том, что он не смог развить
этого четкого видения структуры психики в полноценную науч
ную теорию, но сама схема нарисована превосходно и почти
в тех же выражениях, что и у Спенсера. Так, подобно тому, как
Спенсер противопоставляет «дикий эгоизм» аборигенов «нрав
ственному чувству» справедливости и свободы разумных людей,
так и Фихте противопоставляет смутное чувство (аффекты Спи
нозы) эгоизма нравственному чувству разумных свободных лю
дей. И тот, и другой говорят о противоборстве двух типов созна
ния в одном человеке и понимают эволюцию, как постепенное
вытеснение разумным сознанием первобытного сознания.
28. Фихте «Речи к немецкой нации»: «Вследствие сказан
ного с точки зрения образования существует два совершенно
различных и полностью противоположных рода людей. Пер
вый основной тип сознания, возникающий во времени самым
первым, есть смутное чувство. С помощью этого чувства ос
новное побуждение обычно и как правило схватывается как
любовь единичного к самому себе, и смутное чувство изна
чально преподносит эту самость только как то, что хочет жить
и наслаждаться. Так чувственный эгоизм становится действи
тельным основным побуждением и движущей силой жизни,
запутанной этим переводом ее изначального основного по
буждения. Человек будет поступать эгоистично и не может
иначе до тех пор, пока он продолжает так понимать себя;
и в непрестанных изменениях его жизни единственно только
этот эгоизм постоянен, остается равным себе и всегда присут
ствует. Второй основной тип сознания, который, как правило,
не развивается сам по себе, но должен заботливо пестоваться
в обществе, — это ясное познание. Если основное побужде
ние человечности схватывается в этой стихии, то развивается
второй, совершенно отличный от первого род людей. Такое,
схватывающее саму фундаментальную любовь, познание
не оставляет познающего, как это, пожалуй, может произойти
с другим познанием, холодным и безучастным, но его пред

мет любим больше всего, так как он есть истолкование и пе
ревод нашей изначальной любви. Поскольку этим путем пер
вичным и истинным основанием и исходным пунктом жизни
вместо смутного чувства станет ясное познание, то эгоизм бу
дет совершенно исключен и лишен какого-либо развития.
Ведь только смутное чувство преподносит человеку его са
мость как нечто требующее удовольствий и страшащееся бо
лезненного; ясное понятие ни в коем случае не преподносит
его так, а показывает как звено нравственного порядка, что
дарует ему любовь этого порядка, которая возгорается и раз
вивается одновременно с развитием этого понятия. С эгоиз
мом это воспитание не имеет ничего общего, поскольку оно
ясностью заглушает смутное чувство, его корень; оно так же
мало борется с ним, как и развивает его, оно вовсе ничего
не знает о нем. Если бы было возможно, чтобы эта страсть
позже все же возбудилась, то она нашла бы сердце уже на
полненным более высокой любовью, которая не оставляла бы
для нее места. ... Все, что верит в духовность и свободу этой
духовности и хочет вечного развития этой духовности посред
ством свободы, — все это, где бы оно ни было рождено
и на каком бы языке оно ни говорило, нашего рода, принад
лежит к нам и превратит себя в нас. Все, что верит в застой,
возврат и танцы по кругу или даже ставит у руля мироправ
ления мертвую природу, — все это, где бы оно ни было рож
дено и на каком бы языке оно ни говорило, не немецкое
и чуждо нам, и чем раньше оно отделится от нас, тем лучше».
29. Интересно, что Леви-Брюль так же пишет в «Первобыт
ном мышлении», что аборигены ощущают время циклично, как
смену счастливых и несчастливых времен, и что у них нет
представления о хронологии. Так же и Фихте противопоставля
ет движению по кругу дикарей линейному развитию разумного
сознания. Мирча Элиаде, который сознательно отказывается
от разума подобно всем антиинтеллектуалистам (иррационали
стам), возвел мистичное и цикличное сознание дикарей в ста
тус общеобязательной нормы в своей «Истории религий».

3. ЭКСПЕРИМЕНТЫ МИЛГРАМА О МАГИИ СОВРЕМЕННОГО СОЗНАНИЯ ПРОСТЫХ ЛЮДЕЙ. ДОКАЗАТЕЛЬСТВО РАСЩЕПЛЕНИЯ СОЗНАНИЯ

Однако, Доказательства Расщепления сознания мы получаем в Экспериментах Стенли Миграма на Подчинение Авторитету. Так он пишет в своем отчете об экспериментах. Я вновь возьму отрывок из книги «Проблемы Развития Духа. Критика Структурализма».

> 34. Стенли Милграм экспериментальным путем обнаружил две противонаправленные системы в психике в процессе прове дения ряда экспериментов на «Подчинение авторитету». Выяс нилось, что в психике человека одновременно действует два противоположно направленных вектора — то, что Эрих Фромм называл в своих работах авторитарной и гуманистической сове стью. Люди испытывали одновременно сочувствие и жалость, а с другой стороны, побуждение повиноваться приказам автори тетов, как бы абсурдны и жестоки они ни были. Милграм пришел к выводу, что открыл какие-то важные механизмы психики, зна чение которых в полной мере объяснит только наука будущего.
> 35. Стенли Милграм «Подчинение авторитету»: «Вторым неожиданным аспектом было напряжение, вызванное процеду рой. Можно предположить, что человек просто прервет экспе римент или продолжит, как предпишет его совесть. Но это очень далеко от того, что мы наблюдали на деле. Некоторые испытуемые показали поразительную реакцию эмоционального напряжения. ... Как мы должны интерпретировать факт обнару жения нервного напряжения? Во-первых, это указывает на присутствие конфликта. Если бы тенденция соглашаться с властью была единственной психической силой, действующей в этой ситуации, все испытуемые довели бы эксперимент до конца и не было бы никакого напряжения. Напряжение, как принято считать, происходит от одновременного присутствия двух или больших несовместимых реакций. Если бы сочувствие жертве было единственной силой, все испытуемые спокойно отказались бы повиноваться экспериментатору. Вместо этого наличествовали обе тенденции — и послушаться, и отказаться от выполнения приказа, часто сопровождаемые крайним нерв ным напряжением. Конфликт развивается между глубоко уко ренившейся предрасположенностью не причинять вреда дру

> гим и равно принудительной тенденцией подчиняться предста вителям власти. Испытуемый тотчас же оказывается перед ди леммой, и наличие сильного напряжения говорит о значитель ной мощности каждого из антагонистичных векторов. Более то го, напряжение определяет силу уровня отвращения, которого испытуемый не может избежать через неповиновение. Когда человек чувствует себя некомфортно, натянутым или ощущает стресс, он старается предпринять шаги, которые позволят ему прекратить неприятные ощущения. Такое напряжение может служить в качестве движущей силы, которая позволяет избегать поведения. Но в данной ситуации, даже когда напряжение чрезвычайно высоко, многие испытуемые неспособны на реак цию, которая приведет к спаду напряжения. Поэтому должен существовать конкурирующий стимул, тенденция или запрет, которые предотвращают активацию реакции неповиновения. Сила этого запретного фактора должна превосходить силу стресса, иначе произошел бы спад напряжения через непови новение. Каждое свидетельство крайнего напряжения опреде ляют в то же время показатели мощности сил, которые управ ляют испытуемым в данной ситуации».

Мы видим, что и Дюркгейм и Э. Фромм вполне согласны с выводами Стенли Милграма о Расщеплении сознания на силовые поля авторитарной магии с одной стороны и гуманистической совести с другой стороны.

Э. Дюркгейм «Тотемические системы в Австралии»:

> «Кроме того, мы можем видеть, что сегодня, так же как и в прошлом, общество постоянно создает священные вещи практически с нуля. Если оно вдруг увлеклось неким человеком, решив, что обнаружило в нем свои основные устремления, которые движут его, а также средства для их реализации, то этот человек возносится над остальными и как бы обожествляется. Общественное мнение будет наделять его величием, полностью аналогичным тому, которое оберегает богов. Так было со многими правителями, в которых верили их эпохи: если их не делали богами, то, по крайней мере, считали непосредственными представителями божества. То, что единственным автором всех этих обожествлений является общество, очевидно из факта, что нередко подобным образом сакрализовывался человек, не имевший на это права, если исходить из его личных заслуг»

С. Милграм, «Подчинение Авторитету»:

«Другая психологическая сила, работающая в этой ситуации, может быть названа „контр — антропоморфизм". Потому как психологи много обсуждали примитивную тенденцию людей приписывать неодушевленным предметам и силам качества людей. Обратная тенденция, однако, приписывание неодушевленных качеств человеческим по своей природе силам, как в происхождении, так и в дальнейшем развитии. Некоторые люди обращаются с системами человеческого происхождения как если бы они существовали над и вне всего человеческого, вне контроля прихотей и человеческих чувств. Человеческая составляющая за посредниками этих сил и институтов отрицается. Так, когда экспериментатор говорит, „Эксперимент требует, чтобы вы продолжали", испытуемый воспринимает это как требование, которое находится над любой человеческой командой. Он не задает кажущиеся очевидными вопросы, „Чей эксперимент? Почему надо обслуживать автора идеи, в то время как жертва будет страдать?" Желания человека — автора эксперимента — стали частью схемы, которая отдает сознание испытуемого под влияние нечеловеческой силы. „Теперь оно будет продолжаться, теперь оно будет продолжаться" повторял один испытуемый. У него не хватило ума понять, что такой же человек как он хотел, чтобы это продолжалось. **Для него человеческий посредник испарился из ситуации, и „Эксперимент" сам требовал своего собственного нечеловеческого желания».**

Э. Фромм, «Человек для себя»:

«Использование термина «авторитарный» с необходимостью требует прояснить понятие авторитета. С этим понятием связана огромная путаница, поскольку широко распространено мнение, будто мы стоим перед альтернативой: диктаторский, иррациональный авторитет или вообще никакого авторитета. Но эта альтернатива ошибочна. Реальная же проблема в том, какой вид авторитета следует нам признать. Говоря об авторитете, имеем ли мы в виду рациональный авторитет или иррациональный? Рациональный авторитет имеет своим источником компетентность. Человек, чей авторитет уважается, компетентно справляется с задачей, возложенной на него теми, кто ему доверяет. Ему не нужно запугивать их или возбуждать в них восхищение его магическими свойствами; до той поры, пока он способен компетентно помогать, а не эксплуатировать, его авторитет базируется на рациональных основаниях и не взывает к иррациональному благоговению. Рациональный авторитет не только допускает, но и требует постоянного внимательного разбора и критики со стороны тех, кто его признает; он всегда временен, его признание зави-

сит от его действенности. Источником же иррационального авторитета, напротив, всегда служит власть над людьми. Эта власть может быть физической или ментальной, она может быть реальной или условной, порожденной лишь тревогой и беспомощностью человека, подпавшего под влияние этого авторитета. Власть — с одной стороны, страх -с другой, всегда служат опорой иррационального авторитета. Такой авторитет не только не нуждается в критике, но и запрещает ее. Рациональный авторитет основывается на равенстве между авторитетом и субъектом, которые различаются только уровнем знания и умения в той или иной области. Иррациональный же авторитет по самой своей природе строится на неравенстве, предполагающем различие в ценности. Когда речь идет об «авторитарной этике», имеется в виду иррациональный авторитет, так как термин «авторитарная» обычно считают синонимом тоталитарной и антидемократической систем. Читатель вскоре убедится, что гуманистическая этика совместима лишь с рациональным авторитетом.

Авторитарную этику можно отличить от гуманистической по двум критериям — формальному и материальному. Формально авторитарная этика отрицает у человека способность знать, что хорошо, а что плохо; здесь норму всегда устанавливает авторитет, стоящий над индивидом. Такая система основывается не на разуме и знании, а на благоговейном страхе перед авторитетом и субъективном чувстве слабости и зависимости; на отказе от решений, предоставляющем авторитету право принимать их, руководствуясь своей магической властью; его решения не могут и не должны подвергаться сомнению. Материально, или в смысле содержания, авторитарная этика отвечает на вопрос, что хорошо, а что плохо, исходя в первую очередь из интересов авторитета, а не интересов субъекта; она — эксплуататорская, хотя субъект может извлекать из нее значительные психические или материальные выгоды».

4. СПЕЦИФИКА РАСЩЕПЛЕНИЯ СОЗНАНИЯ ДЛЯ САТАН-ЭГО НОРМАЛЬНОГО ЦИКЛИЧЕСКОГО ГОМЕОСТАЗА ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ

1) БОГАТСТВО НАРОДОВ — ЭТО КАЧЕСТВЕННОЕ ПОНЯТИЕ, А НЕ КОЛИЧЕСТВЕННОЕ. ЭТО ЗДОРОВЬЕ ЭНЕРГИИ ДУХА

Здоровье Энергии Духа гарантирует в том числе и здоровье биологической энергии через обеспечение технической инфраструктуры. Через доступ к силам физических энергий природы, которые обеспечивает научный контроль.

Почему Открытие ПЭ утверждает, что Науки Экономики не существует? Математика и расчеты затрат и доходов — это конечно не наука. Это — математика. И математику никто не отрицает. Мы отрицаем экономику как науку со своими объективными закономерностями, которые якобы управляют процессами производства и накопления богатств в обществе. Такой науки конечно же не существует.

Существует наука о закономерностях психической энергии, о научном контроле Энергии духа, который получает доступ к силе других энергий природы. И именно в этом и состоит тайна «Богатства народов» — в научном контроле Энергии Духа, которая есть доступ к силе всех открытых материальных энергий природы. Наше богатство не в производстве товаров, наше богатство в доступе к силе природных энергий: В Научно-техническом прогрессе, который делает нас богаче на количество открытых нами энергий космоса.

Вопросы распределения богатства, добытого научным контролем человечества, опять таки упирается в вопрос о том, Какая энергия активна у человечества. Энергия Духа с ее совестью и справедливостью, рациональностью и контролем обеспечит справедливое и гармоничное распределение благ. Ведь доступ к энергиям природы делает человечество исключительно богатым, так что его возможности приобретения благ всегда будут превышать потребности в благах.

Все беды человечества, включая и его нищету сводятся к активности поля Эгосистемы материальной энергии. Прежде всего, как гениально показал Оруэлл в «1984» «вечная война» как средство существования физического контроля вместо конструк-

тивной деятельности энергии духа — уже залог нищеты человечества. Не только потому что это способ, как говорит Оруэлл выкинуть в никуда и распылить в ничто труд человечества, но и потому что предупреждает всякий конструктивный труд, направляя энергию на саморазрушение. Но даже во времена, когда войны в некоторых регионах отсутствуют (ибо при активном поле Эгосистемы человечества, они всегда будут наличествовать, там или здесь), всеобщее противостояние и безумие магического сознания превращают как производство так и распределение товаров в механизмы Садомазохизма физического контроля — в абсурдные игры Господства и Подчинения, в магические авторитеты и презренных рабов там, где нормальные люди просто бы сообща конструктивно трудились на общее благо.

Дело в том, что сегодня под Экономикой понимают две денежные системы:

— Плановую экономику Советов

— Капитализм рыночной экономики

Но главное в этих двух системах не их различия, чтобы там не говорили «ученые экономисты», а то что в них общего. А именно, что это две денежные системы, которые путем введения денежных отношений, вводят в производство Садомазохизм физического контроля материальной энергии.

Нормальная система энергии Духа ставит своей целью Здоровье Тела и Здоровье Духа в качестве Богатства Народов. То есть ставит цели Качественные в зависимости от потребностей Здоровья двух энергий человечества- его биологического и духовного Здоровья. И в этом Здоровье видит Цели Богатства Народов, цели производства и цели всей остальной активности человечества. Такая экономика никогда не опредлит Богатства как Накопления Капитала в виде «овеществленного труда» в товарах. Ибо Здоровье человека — не в товарах, и не в деньгах как в их эквиваленте, а в Здоровье психической энергии, и в здоровье биологической энергии тоже.

И значит Производство и Потребление ни в коем случае не может быть основано на механизмах Садомазохизма физи-

ческого контроля материальной энергии. Значит, Работать можно только из мотивации совести, справедливости и сострадания. Значит доступ к конечному продукту должен быть свободен. Значит не нужны никакие рынки и участие денег может быть очень небольшим (абстракции для расчетов).

Однако, обе денежные системы известные нам все делают наоборот.

Через введение этого так называемого «денежного эквивалента стоимости товаров» вводится негласно КОЛИЧЕСТВЕННАЯ АБСТРАКЦИЯ магического сознания материальной энергии, с которой мы только что познакомились у абориген. Деньги превращают всю жизнь людей в количественную абстракцию некоей «единой силы», подобно тому как «мулунгу, ваканда и вакан» у абориген пронизывают невидимый магический мир в котором они живут.

И здесь вступают «якобы законы экономики», которые на самом деле есть законы поля Эгосистемы физического контроля материальной энергии — то есть законы Садомазохизма Господства и Подчинения, законы Магических авторитетов, законы страха сверхъестественных сил, законы Идолопоклонства, Абсурда и Идиотизма в потере разума и совести энергии духа.

Ведь здесь сам человек с его совестью и справедливостью перестает играть какую-либо роль, и на сцену выходят «законы прибыли и оборота капитала», то есть законы которые переводят качество жизни психической энергии человека в абстрактное количество какого то роста. Этот количественный рост принято называть «Богатством», но почему эта «прибыль», «рентабельность», «накопление капитала» есть «Богатство», если они нисколько не увеличивают Здоровья человека, оставляя его глубоко разрушенным и несчастным никто не знает.

Давид Майерс Психология 2008

> *«Существуют мотивы, которые похоже не удовлетворяют никакой физической потребности. Миллиардеры стремятся заработать еще больше денег, кинозвезды стать еще более знаменитыми, политики — добиться еще большей власти, сорвиголовы — ощутить еще*

больший азарт. Подобные мотивы похоже не уменьшаются по мере их удовлетворения. Чем больше мы достигаем, тем еще больше желаем достичь»

David Myer, «Social psychology»:

«Does sustainable consumption indeed enable «the good life?» Does being welloff produce — or at least correlate with — psychological well-being? Once a comfortable income level is reached, more and more money produces diminishing long-term returns. World values researcher Ronald Inglehart (1990, p. 242) therefore found theincome-happinesscorrelationtobe«surprisinglyweak.«Eventhe super-rich — theForbes 100wealthiest Americans — have reported onlyslightlygreaterhappinessthanaverage (Diener&others,1985). And evenwinning a state lottery seems not to enduringly elevate well-being(Brickman&others,1978).Suchjoltsof joyhave«ashort half-life,«notesRichardRyan (1999).Wecanask, third, whether, over time, aculture'shappiness riseswith itsaffluence.Doesour collective well-being float upwardwith a rising economic tide? In 1957, as economist JohnKennethGalbraithwasdescribing theUnitedStates as The Affluent Society, Americans' per-person income was (in2000dollars) about $9,000. Today, as Figure16.6 indicates, the UnitedStates is adoubly affluent society. Although this rising tide has lifted theyachts faster than thedinghies, nearlyall boatshave risen. Withdouble the spendingpower, thanks partly to the surge inmarriedwomen's employment, wenowown twice asmany cars perperson, eatout twiceasoften, andaresupportedbyawholenew worldof technology. Since1960wehavealso seen theproportion of households with dishwashers rise from7 to 60 percent, with clothesdryers rise from20 to74percent, andwithair-conditioning risefrom15to86percent (Bureauof theCensus,2009).So,believing that it's«veryimportant»to«beverywell-offfinancially,«andhaving becomebetterofffinancially, aretoday'sAmericanshappier? Arethey happier with espresso coffee, caller ID, camera cell phones, and suitcases on wheels than before? They are not. Since 1957 the number of Americanswho say they are «very happy» has declined slightly: from35 to 32 percent. Twice as rich and apparently no happier. Meanwhile, thedivorce ratehas doubled, the teen suicide ratehasmore thandoubled, andmorepeople thanever (especially teens and youngadults) aredepressed. Wemight call this soaring wealthandshrinkingspirit «theAmericanparadox.«Morethanever, we have big houses and broken homes, high incomes and low morale, more comfortable cars andmore road rage. We excel at

making a living but often fail atmaking a life. We celebrate our prosperitybut yearn for purpose. Wecherishour freedomsbut long for connection. Inanageof plenty, we feel spiritual hunger (Myers, 2000a). It ishardtoavoidastartlingconclusion: Ourbecomingmuch better-off over the last five decades has not been accompanied by one iota of increased subjectivewellbeing. The samehas been trueof theEuropeancountries and Japan, reportsRichardEasterlin (1995). In Britain, for example, great increases in the percent of householdswith cars, central heating, and telephones have not been accompanied by increased happiness. After a decade of extraordinary economic growth in China — from few owning a phone and 40 percent owning a color television to most people now having such things — Gallup surveys revealed a decreasing proportion of people satisfied «with the way things are going in your life today» (Burkholder, 2005). The findings are startling because they challenge modern materialism: Economic growth has provided no apparent boost to human morale. It is striking that economic growth in affluent countries has failed to satisfy. It is further striking that individuals who strive most for wealth tend to live with lower wellbeing. This finding «comes through very strongly in every culture I've looked at,» reports Richard Ryan (1999). Seek extrinsic goals — wealth, beauty, popularity — and you may find anxiety, depression, and psychosomatic ills (Eckersley, 2005; Sheldon & others, 2004). Those who instead strive for intrinsic goals such as «intimacy, personal growth, and contribution to the community» experience a higher quality of life, concludes Tim Kasser (2000, 2002). Pause a moment and think: What is the most personally satisfying event that you experienced in the last month? At the bottom of the list
of factors predicting satisfaction were money and luxury. People who identify themselves with expensive possessions experience fewer positive moods, report Emily Solberg, Ed Diener, and Michael Robinson (2003).

Such materialists tend to report a relatively large gap between what they want and what they have, and to enjoy fewer close, fulfilling relationships. The challenge for healthy nations, then, is to foster improving standards of living without encouraging a materialism and consumerism that displaces the deep need to belong.

«I always in the back of my mind figured a lot of money will buy you a little bit of happiness. But it's not really true.» — GOOGLE BILLIONAIRE COFOUNDER SERGEY BRIN, 2006»

Как Советская система поработила своих граждан денежной системой знают все: Государственный капитализм, суть которого состояла точно также в обороте денежного капитала и прибыли, и мизерные зарплаты граждан, которые превратились в винтики большой «экономической» машины. На самом деле в винтики Левиафана Садомазохизма материальной энергии, которому денежные отношения очень сильно способствовали.

Однако, рыночная система делает то же самое со своими гражданами. Ведь это та же система денежной абстракции с целью получения «прибыли», что и в Советах. Та же классическая экономия «накопления капитала» и «овеществленного труда», что и марксизм, который вышел из этой школы.

Так Поппер в Открытом Обществе говорит о том, что Богатством Народов является не «накопление капитала» «овеществленного труда» — а Накопление знания. Потому что уничтожение всего нашего капитала легко восстановить пока сохраняются Знания, но с уничтожением наших знаний, мы навсегда потеряем Богатства даже физического плана. Таким образом, он подтверждает концепцию Теории ПЭ о том, что средство добыть физические Богатства в Научном контроле энергии Духа, а само понятие Богатства как цели труда — есть Здоровье Энергии Духа, которое гарантирует и здоровье биологической энергии через доступ к энергиям космоса и развитие технической инфраструктуры.

C. Popper, «Open society and its enemies':

> «This, however, is only a minor example of the danger of over-stressing economism. Often it is sweepingly interpreted as the doctrine that all social development depends upon that of economic conditions, and especially upon the development of the physical means of production. But such a doctrine is palpably false. There is an interaction between economic conditions and ideas, and not simply a unilateral dependence of the latter on the former. If anything, we might even assert that certain „ideas ", those which constitute our knowledge, are more fundamental than the more complex of the material means of production, as may be seen from the following consideration. Imagine that our economic system, including all machinery and all

social organizations, was destroyed one day, but that technical and scientific knowledge preserved. In such a case it might conceivably not take very long before it was reconstructed (on a smaller scale, and after many had starved). But imagine all knowledge of these matters to disappear, while the material things were preserved! This would be tantamount to what would happen when a savage tribe occupied a highly industrialized but deserted country. It would soon lead to the complete disappearance of all the material relics of civilization»

2) Э. ФРОММ: НАУКА ЭКОНОМИКА ДЕНЕЖНОГО ЭКВИВАЛЕНТА КАК КОЛИЧЕСТВЕННАЯ АБСТРАКЦИЯ ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ ФИЗИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ ЭНЕРГИИ

Книга Э. Фромма «Здоровое общество» и ее исключительное значение для цивилизации состоит в разоблачении экономики Денежного Эквивалента как сведения всего Качества Человеческого в Отношения Количества и Роста Прибыли (Роста абстрактной силы физического контроля) как Идолопоклонства магического сознания материальной энергии.

Э. Фромм, «Здоровое ощество»:

«Конечно же, современное массовое производство было бы немыслимо без количественного и абстрактного выражения. Однако в обществе, где экономическая деятельность стала главным занятием человека, процесс сведения всего к количеству и абстракциям перерос сферу экономического производства и распространился на отношение человека к вещам, людям и к самому себе.

В современной западной культуре эта полярность почти полностью уступила место оперированию только абстрактными свойствами людей и вещей и игнорированию связи с их конкретностью и единственностью. Вместо того чтобы вырабатывать абстрактные понятия там, где это необходимо и полезно, абстрагированию подвергается все, включая нас самих; конкретная реальность людей и вещей, с которой мы можем соотнести подлинную сущность нашейсобственной личности, заменяется абстракциями, призраками, воплощающими разные количества, но не разные качества.

Принято говорить: <Мост стоимостью в 3 млн долл.>, <20-центовая сигара>, <5-долларовые часы>, — и это не только с точки зрения из-

готовителя или потребителя, покупающего товар; такие определения воспринимаются как существенный элемент характеристики предмета. Когда человек говорит: <Мост стоимостью в 3 млн долл.>, — это значит, что его интересует в первую очередь не полезность или красота этого моста, т. е. не его конкретные качества; человек говорит о нем как о товаре, главное качество которого — его меновая стоимость, выраженная количественно в деньгах. Разумеется, это не означает, что человека не интересуют также и полезность или красота моста, но это значит, что при таком восприятии объекта его конкретная потребительская ценность является вторичной по отношению к его абстрактной (меновой) стоимости. Известная строчка Гертруды Стайн147 <Роза — это роза — это роза> отражает протест против абстрактного способа восприятия. Для большинства людей роза — как раз не роза, а цветок, относящийся к определенной стоимостной категории, покупаемый в установленных обществом случаях. Люди не ощущают прелести даже самого прекрасного цветка, если он полевой и обходится даром, потому что по сравнению с розой у него нет меновой стоимости.

Иными словами, вещи воспринимаются как товары, как воплощения меновой стоимости не только в момент покупки или продажи, но и в нашем отношении к ним вне торговой сделки. В этом смысле вещь, даже после ее покупки, никогда не теряет полностью свойство товара; она находится в употреблении, всегда сохраняя свое качество меновой стоимости.

Такой абстрактный подход существует и в отношении явлений, не принадлежащих к числу продающихся на рынке товаров, скажем, наводнения; газеты будут писать о нем, называя его <бедствием, нанесшим ущерб в миллион долларов>, подчеркивая скорее абстрактный количественный аспект, чем конкретную сторону человеческих страданий.

Однако абстрактный и количественный подход распространяется далеко за пределы мира вещей. Люди тоже воспринимаются как воплощение выраженной количественной меновой стоимости. Сказать о человеке, что он <стоит миллион долларов>, — значит говорить о нем уже не как о конкретной человеческой личности, а как об абстракции, сущность которой можно выразить цифрами.

Аналогичный процесс сведения к абстракциям наблюдается и во всех прочих областях. Нью-йоркская газета <Таймс> недавно опубликовала заметку под заголовком: <B.Sc. + PhD = $ 40 000> (то есть: <40 тыс. долл. за две степени: бакалавра и доктора наук>). В статье под таким несколько тяжеловесным заголовком сообщалось, что, согласно статистическим данным, выпускник технического

учебного заведения, получивший докторскую степень, заработает за всю свою жизнь на 40 тыс. долл. больше, чем человек, имеющий только степень бакалавра. Поскольку это действительно так, мы имеем дело с интересным социально-экономическим фактом, о котором стоит рассказать. Я упоминаю здесь об этом потому, что способ подачи этого факта в виде равенства между ученой степенью и определенной суммой долларов показателен для мышления, оперирующего абстракциями и количествами, при котором знания воспринимаются как воплощение определенной меновой стоимости на рынке личностей. То же самое имеет место, когда информационный журнал публикует политическое обозрение, в котором говорится, что, по мнению администрации Эйзенхауэра, она располагает настолько большим <капиталом доверия>, что может отважиться на проведение непопулярных мер, так как может <позволить себе> лишиться части этого капитала. Здесь опять такое человеческое свойство, как доверие, выражено в абстрактной форме, как если бы оно было капиталовложением, обращаться с которым надо так, как принято на рынке».

Э. Фромм, «Здоровое общество»:

«Величины, которыми мы оперируем, — это цифры и абстракции; они находятся далеко за пределами, допускающими хоть какое-то конкретное восприятие. Нет больше различимой, поддающейся управлению референтной системы, соразмерной человеку. В то время как наши зрение и слух воспринимают только воздействие, соразмерное человеческим возможностям, наше представление о мире утратило именно это свойство; оно уже больше не соответствует человеческим измерениям.

Это имеет особое значение в связи с развитием нынешних средств разрушения. В современной войне один человек может послужить причиной гибели сотен тысяч мужчин, женщин, детей. Для этого ему стоит только нажать кнопку. Возможно, что совершаемое им действие не окажет на него эмоционального воздействия, поскольку он не знает людей, которых убивает; все выглядит так, словно между нажатием кнопки и их смертью не существует никакой реальной связи.

Вполне вероятно, что тот же самый человек оказался бы неспособен не то что убить, а даже ударить беззащитного человека. В последнем случае конкретная ситуация вызывает в нем угрызения совести, свойственные всем нормальным людям; в предыдущем случае подобной реакции не произойдет, потому что действие и его объект отчуждены от исполнителя, само действие больше

уже не его, а как бы обладает собственной жизнью и собственной ответственностью.

Наука, бизнес, политика полностью утратили основания и масштабы, имеющие смысл в пределах, доступных человеку. Мы живем среди цифр и абстракций. Раз нет ничего конкретного, то нет и ничего реального. Все стало возможным, как практически, так и морально.

В идолопоклонстве человек склоняется перед отражением своего собственного отдельно взятого свойства и подчиняется ему. Он не ощущает себя центром, из которого исходят активные деяния любви и разума. Точно так же, как и его боги, он сам и его ближний тоже становятся вещами.

<Идолы язычников — серебро и золото, дело рук человеческих. Есть у них уста, но не говорят; есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат, и нет дыхания в устах их. Подобны им будут делающий их и всякий, кто надеется на них> (Псалом 134: 15—18).

Это же явление наблюдается в случае раболепного подчинения политическому лидеру или государству. На самом деле и вождь, и государство есть то, что они есть, лишь с согласия руководимых ими. Но они превращаются в идолов, когда человек переносит на них все свои силы и поклоняется им, надеясь с помощью покорности и почитания вновь обрести частицу своих же сил».

Э. Фромм, «Здоровое общество»:

«Человеку понадобились сотни тысяч лет для того, чтобы вступить в человеческую жизнь. Он прошел нарциссическую стадию, для которой характерна вера во всемогущество магии, стадию тотемизма30, поклонения природе, прежде чем в нем начали формироваться совесть, объективность, братская любовь. За последние четыре тысячи лет своей истории он выработал представления о человеке, родившемся и пробудившемся в полной мере. Эти представления были изложены (без заметных различий) великими учителями человечества в Египте, Китае, Индии, Палестине, Греции и Мексике.

….Мы можем говорить об идолопоклонстве и отчуждении, присущим отношению не только к другим людям, но и к самому себе в том случае, если человек находится во власти иррациональных страстей. Человек, движимый главным образом жаждой власти, уже не воспринимает себя во всем богатстве и во всей безграничности человеческого существа; он становится рабом своего частичного, проецируемого на внешние цели стремления, которым он <одержим>. Человек, предающийся исключительно страсти к деньгам, охвачен этим своим стремлением; деньги — идол, которому он поклоняется как воплощению одной отдельно взятой собственной си-

лы и его неудержимой тяги к ней. В этом смысле невротик — это отчужденная личность. Его действия не являются его собственными; хотя он и питает иллюзию, будто делает то, что он хочет, в действительности им движут силы, отделенные от его Я, действующие за его спиной; он — чужой самому себе, подобно тому как чужд ему его ближний. Он воспринимает другого человека и самого себя не такими, каковы они в действительности, его восприятие искажено неосознаваемыми им силами, действующими в нем. Душевнобольной — это человек, абсолютно отчужденный; он полностью перестал ощущать себя средоточием своего собственного восприятия; он утратил чувство самости.

Процесс отчуждения — вот то общее, что присуще всем этим явлениям: поклонению идолам, идолопоклонническому почитанию Бога и идолопоклоннической любви к человеку, поклонению политическому лидеру или государству, а также идолопоклонническому преклонению перед конкретными воплощениями иррациональных устремлений. Дело в том, что человек ощущает себя не активным носителем собственных сил и богатства личности, но лишенной индивидуальных качеств <вещью>, зависимой от внешних для нее сил, на которые он перенес свою жизненную субстанцию».

Э. Фромм, «Здоровое ощество»:

«Отчужденная личность, предназначенная <на продажу>, должна лишиться изрядной доли чувства собственного достоинства, столь свойственного человеку даже в самых примитивных культурах. Такая личность должна почти полностью утратить чувство самости, перестать ощущать себя существом единственным и неповторимым. Чувство самости вытекает из переживания собственно личности как субъекта ее опыта, ее мыслей, ее чувств, ее решений, ее суждений, ее действий. Оно предполагает, что переживание индивида является его собственным, а не отчужденным. У вещей нет своего Я, поэтому и люди, ставшие вещами, не могут иметь чувство Я.

Как я уже упоминал в другом контексте, пристрастие к обмену пришло на смену пристрастию к обладанию. Человек покупает машину или дом, намереваясь при первой же возможности продать их. Однако более важным является то, что стремление к обмену сказывается и в области межличностных отношений. Любовь часто оказывается не чем иным, как подходящим обменом между двумя людьми, получающими максимум того, что они могут ожидать, исходя из своей цены на рынке личностей. Каждый человек представляет собой своеобразный <набор>, в котором разные аспекты его меновой стоимости сливаются в одно: его <личность>. При этом под личностью подразу-

мевают те качества, благодаря которым человек может удачно продать себя. Внешний вид, образование, доход, шансы на успех — вот тот набор, который каждый человек стремится обменять на возможно большую стоимость. Даже посещение вечеров и вообще общение с людьми в значительной степени становится обменом. С целью завязать контакты, а возможно, и совершить выгодный обмен, индивид стремится встречаться с <наборами>, котирующимися несколько выше, чем он сам. Человек хочет обменять свое общественное положение, т. е. свое собственное Я, на более высокое; при этом он меняет прежний круг друзей, прежние привычки и чувства на новые, подобно тому как владелец <форда> меняет его на <бьюик>. И хотя Адам Смит считал эту потребность в обмене свойством человеческой природы, в действительности она служит признаком абстрактного и отчужденного отношения к окружающему, присущего социальному характеру современного человека»

Э. Фромм, «Здоровое общество»:

«Экономически функционирование рынка зиждется на конкуренции многих индивидов, которым необходимо продать свои товары так же, как им надо продать свою рабочую силу или услуги на рынке труда и личностей. Словно в противовес социальной неподвижности средневековой системы, в обществе развернулась неслыханная мобильность, когда каждый боролся за лучшие места, несмотря на то, что лишь немногим суждено было их занять. В этой борьбе за успех потерпели крушение общественные и нравственные нормы человеческой солидарности; значимость жизни свелась к стремлению быть первым в конкурентной гонке. Еще один составляющий элемент капиталистического способа производства: в этой системе любая экономическая деятельность преследует единственную цель — прибыль.
.....В голове современного человека возник новый вопрос: <Стоит ли жизнь того, чтобы ее прожить?>, а вместе с ним, соответственно, и чувство, что жизнь индивида — это либо <неудача>, либо <успех>. В основе такого взгляда лежит представление о жизни как о предприятии, которое должно доказать свою прибыльность. Неудача подобна банкротству фирмы, при котором убытки значительно превышают выгоду. Такое представление — бессмыслица.
.....Разве не настало время прекратить споры о боге и вместо этого объединиться в желании разоблачить современные формы идолопоклонства? Сегодня эти идолы — не Ваал или Астарта, обожествление государства и власти в авторитарных странах и обожествление машины и успеха в нашей собственной культуре. Это всепронизывающее отчуждение, угрожающее духовным качествам человека. Независимо

> от того, религиозны мы или нет, верим ли мы в необходимость новой религии или продолжение иудейско-христианской традиции, и поскольку нас интересует суть, а не оболочка, переживание, а не слова, человек, а не институты, мы можем объединиться на почве решительного отказа от идолопоклонства и, может быть, найти больше общей веры в этом отказе, чем в каких-либо утвердительных высказываниях о боге. И, конечно же, мы найдем больше смирения и братской любви».

3). Д. ПОРРАС И Д. КОЛЛИНЗ: В ОСНОВЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕЛИКИХ КОМПАНИЙ НЕ ОБНАРУЖЕНА ПОГОНЯ ЗА ПРИБЫЛЬЮ И ЦЕЛЬ РОСТА РАДИ САМОГО РОСТА

Результаты известного Исследования самых успешных компаний за всю историю человечества Стенфордского университета убедительно доказывают, что современная «наука экономика» убивает экономический потенциал общества. Убивает потому, что в ее основе тенденция противоположная условиям обретения Богатства Народов: вместо Здоровья Энергии Духа, она провоцирует и запускает на полную мощь поле Эгосистемы физического контроля материальной энергии.

Исследование Д. Порраса и Д Коллинза в двух книгах — «построенные навечно и От хорошего к великому — поделило все компании на Великие и на Сравниваемые.

Те, кто оказался Великими в смысле длительной и полной успешности — оказались вне обычной экономической системы и опровергли все ее законы. Прежде всего, это были компании нацеленные на Качество человеческой личности во всем — и в том, что ставили качества людей превыше денег и капиталов, и в заботе о людях, и в том что ставили научный контроль в своей философии компании выше физического контроля Роста ради Роста, и в том что понимали потребителей как людей, а не как средство своего обогащения.

Все характеристики которые авторы исследования привели как революционные для «науки экономики», поскольку они

опрокидывают эту науку полностью — в этом основной результат исследований — есть характеристики Здоровое Энергии Духа, свободной от поля Эгосистемы физического контроля.

И наоборот, все остальные компании, где как «сравниваемые» были выбраны далеко не самые плохие — оказались стандартными паттернами «науки экономики» количественной абстракции человека в рост прибыли ради прибыли. И в результате оказались синдромом полностью совместимым с тем, что было описано как поле Эгосистемы физического контроля материальной энергии:

— магическое сознание идолопоклонства деньгам и власти: тщеславие, рост ради роста

— «гений с тысячью помощниками» вместо демократии дебатов в великих компаниях

— иерархии где менеджмент образует «монархии и олигархии» вместо демократии профсоюзов и заботы о коллективах великих компаний

— физический контроль господства и подчинения вместо Научного контроля Философии, дисциплины, больших вкладов в научные разработки, в обучение персонала, в создание условие работы для персонала

— погоня за прибылью вместо «маховика» единой философии и стратегии

— особые «лидеры пятого уровня», которые подобно самоактуалам Маслоу «не-эгоцентричны» и направляют все свои амбиции на создание Организма научного контроля Энергии духа — то есть демократичных компаний где правит научный контроль

И так далее. Во всем абсолютное сходство принципов и лидеров со здоровыми людьми в исследовании самоактуалов Маслоу.

И важно подчеркнуть еще раз — именно великие компании опрокинули все законы «науки экономики», и напротив, сравниваемые, стандартные компании подтвердили и эти законы и все закономерности поля Эгосистемы материальной энергии.

Д. Поррас и Д. Коллинз, «Построенные навечно»:

> «Мерк, Сони и Форд — каждый из них образец общей закономерности: наличие философии смысла своей деятельности как ведущего элемента в процессе становления визинарных компаний. Подобно фундаментальным идеалам великих наций, церквей, школ или других долговечных институтов, философия смысла в визинарных компаниях представляет собой свод базовых принципов, фиксирующих их сущностный ствол: «Это кто мы есть; и какой смысл жизнь отстаиваем; это то, то нам действительно интересно». Подобно руководящим принципам, воплощенным в американской декларации независимости, философия смысла настолько фундаментальна для института, что он крайне редко ее меняет, если вообще меняет. В некоторых случаях, как в случае с Сони, идеология берет начало с самого основания компании. В других случаях, как с Мерком, она рождается во втором поколении. В третьих случаях, как с Фордом, идеология забывается со временем и затем вновь пробуждается к жизни в последующие годы. Но почти во всех случаях, мы обнаружили свидетельства в пользу того, что философия смысла существует не только на словах, но как формирующая жизненная сила компаний. Вопреки доктринам школ бизнеса, *мы не нашли «максимизации благосостояния учредителей» и «максимизации прибыли» в качестве доминирующей движущей силы или основной цели, изучая истории визинарных компаний.* Мы обнаружили у них тенденцию иметь совокупность целей, из которых деньги — это только одна, и не обязательно доминирующая цель.
>
> **Прибыльность необходимое условие существования и средство для более важных целей, но она не является самой целью для большинства визинарных компаний. Прибыль как кислород, пища, вода, и кровь для тела; они не являются смыслом жизни, но без них жизнь невозможна».**

Д. Коллинз, «От хорошего к великому»:

> «Руководители Walgreen поняли, что роста прибыли можно добиться, только отсекая все, что не укладывается в «концепцию ежа», а руководство Eckerd стремилось к росту во имя самого роста.
>
> «**Они делают только то, что понимают, и позволяют своим способностям, а не своим эго, определить, что именно предпринять**.«[11] Так писал Уорен Баффет о своих $290 млн вложений в Wells Fargo, которые он сделал, несмотря на серьезные сомнения по поводу банковской отрасли…·Фокус Wells Fargo на «концепции ежа» был настолько силен, что она стала, по их собственному признанию, «мантрой».

В ходе наших интервью люди на Wells Fargo повторяли одно и то же: «Это было не сложно. Мы просто очень критично посмотрели на то, что мы делали, и решили сконцентрироваться на тех нескольких вещах, которые, как мы знали, мы можем делать лучше, чем кто бы то ни было, и не отвлекаться на те области, которые потакали бы нашему самолюбию, но в которых мы никогда не стали бы лучшими».

Тогда нас осенило: *чудесного момента не было*. Хотя со стороны казалось, что осуществляется стремительный прорыв, для тех, кто осуществлял эти преобразования, все было будничным. Это был спокойный процесс, нацеленный на будущее, осуществление необходимых мер, одной за другой, оборот маховика за оборотом. После длительного толкания маховика в одном и том же направлении неизменно наступает момент прорыва, когда накопленная инерция начинает работать на вас.

Компании, которые добились выдающихся результатов, поняли простую истину — огромная сила заключена в самом процессе последовательных улучшений. Укажите на реальные результаты, которые сначала могут быть незначительными, и покажите, как достигнутое укладывается в общую концепцию развития бизнеса. Если вы сделаете это так, что люди увидят и *почувствуют,* что потенциал растет, они встретят ваши усилия с энтузиазмом. Мы назвали это «эффектом маховика», и это касается не только инвесторов, но и внутренней структуры.

Компании, которые мы использовали для сравнения, вели себя совершенно по-другому. Вместо спокойного, взвешенного подхода и анализа того, что должно быть сделано, и претворения в жизнь намеченного, эти компании пытались запустить новые программы, обычно с большим шумом и помпой, что должно было поднять боевой дух «в войсках», но, как правило, результаты этих программ не оправдывали ожиданий. Начальники пытались найти *единственное* действенное решение, выработать *всеобъемлющую* программу, сделать одно спасительное открытие, найти *магический* момент, который позволил бы проскочить тяжкий этап наращивания потенциала прямо к этапу стремительного роста. Они раскручивают маховик в одном направлении, затем останавливаются, меняют направление, снова толкают его, затем снова останавливаются и снова меняют направление. После многолетнего шарахания из стороны в сторону этим компаниям не удается накопить никакого потенциала, и они оказываются в ситуации, которую мы назвали «порочный круг».

«Лидеры 5 уровня перенаправляют потребности своего Эго от себя к более большой цели построения могучей компании. Дело не в том,

что лидеры 5-го уровня не имеют Эго или личных интересов. На самом деле они невероятно амбициозны — но их амбиции связанны в первую очередь с институтом, а не с ними самими».

Д. Поррас и Д. Коллинз, «Построенные навечно»:

«В следующих главах мы расскажем о множестве обнаруженных фактов для действия, но для того, чтобы правильно их использовать необходимо, прежде всего, правильно настроить свое мышление. И в этом суть данной главы. Мы просим вас сделать поворот в мышлении того же масштаба, что предшествовал ньютоновской революции, дарвиновской революции, и основанию США. До Ньютоновской революции, люди объясняли мир вокруг себя преимущественно в терминах Бога, который принимает конкретные решения....Люди думали о всемогущем Боге, который ответственен за каждое малейшее событие, которое случается. В 1600-х люди сказали: «Нет, все не так! Бог создал мир с определенными законами, а наша задача выяснить механизмы этих законов. Бог не принимает всех решений. Он устанавливает закономерности процессов, которые затем существуют в заданном режиме».

...Таким же образом, мы призываем вас видеть успех визинарных компаний — по крайней мере частично — происходящим от основополагающих процессов и фундаментальных механизмов заложенных в организации, а не преимущественным результатом великой идеи, или какого-либо великого, все знающего, богоподобного провидца, который делает великие решения, обладает харизмой, и подчиняет всех своей власти. Если вы занимаетесь строительством и управлением компании, мы призываем вас думать меньше о том, чтобы быть выдающимся провидцем успешных продуктов или же искать личные характеристики харизматического лидерства, и больше думать о том, как стать провидцем успешной организации и построить характеристики визинарной компании»

Представьте себя на месте Давида Паккарда 8 марта 1960 года. Ваша компания впервые продала акции публике три года назад. Электронная революция стала пусковым механизмом глобального роста компании. Вы боретесь с множеством вызовов, порожденных быстрым ростом компании, но вы особенно переживаете за способность HP развивать высококомпетентные, доморощенные, управленческие таланты (вы верите в выдвижение управленческих кадров изнутри компании, как элемент строительства часов). По этой причине, вы инициируете программу разработки управленческих талантов — программу, которую вы считаете центральной для долгосрочного здоровья вашей организации — и вы собираетесь провести старто-

вое совещание с людьми ответственными за эту программу. Вы хотите отпечатать в их сознании ключевой элемент, который им следует использовать как руководящий принцип в разработке программ по обучению поколения за поколением менеджеров HP. Что должно стать темой вашей речи? Что бы вам хотелось, чтобы эти воспитатели менеджеров запомнили?

...После короткой приветственной прелюдии, Паккард начал свою речь:

«Я хотел бы обсудить, почему компания существует в первую очередь? Другими словами, почему мы здесь? Я думаю, что многие люди думают, неверно, что компания существует просто, чтобы делать деньги. Несмотря на то, что деньги — это важный результат нашей деятельности, мы должны пойти глубже и разобраться в истинных причинах нашего существования. Когда мы исследуем этот вопрос, мы неизбежно придем к выводу, что группа людей объединилась и существует как институт, который мы именуем компанией, чтобы быть способными сделать что-то коллективно, чего они не могут сделать поодиночке — они несут свой вклад в общество, фраза, которая звучит банально, но тем не менее фундаментальна по значению....Вы можете оглядеть мир бизнеса и увидеть людей, которые интересуются только деньгами и ничем больше, но базисная энергия трудиться происходит по большей части от желания сделать что-то еще — создать продукт — оказать услугу — в общем сделать что-то полезное. и производство превосходного электронного оборудования для развития науки и благосостояния общества».

4) Э. ФРОММ, Г. ЧЕСТЕРТОН, Б. РАССЕЛ, А. РЭНД О МАГИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ «БОССОВ» — ДИКТАТОРОВ ФИЗИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ САДОМАЗОХИЗМА

Все исследователи, о которых мы говорили выше сходятся в одном:

Те, кто принимает «науку экономику» всерьез и ставит законы количественных абстракций в погоне за прибылью выше, чем законы совести, справедливости и сострадания Энергии Духа — это люди Магического сознания, люди Иррациональные, люди абсурда Идолопоклонства магическим авторитетам денег и власти, которые они видят через Кривое зеркало своего Поля Эгосистемы.

Так, Фромм называет людей «одержимыми» погоней за деньгами — идолопоклонниками, невротиками, которые отчуждены от самих себя. То есть люди с активным полем Эгосистемы, которое пожрало их истинное Я Энергии Духа. И он подчеркивает их «иррациональность» в смысле абсурда всей активности поля Эгосистемы материальной энергии.

> «Мы можем говорить об идолопоклонстве и отчуждении, присущим отношению не только к другим людям, но и к самому себе в том случае, если человек находится во власти иррациональных страстей. Человек, движимый главным образом жаждой власти, уже не воспринимает себя во всем богатстве и во всей безграничности человеческого существа; он становится рабом своего частичного, проецируемого на внешние цели стремления, которым он <одержим>. Человек, предающийся исключительно страсти к деньгам, охвачен этим своим стремлением; деньги — идол, которому он поклоняется как воплощению одной отдельно взятой собственной силы и его неудержимой тяги к ней. В этом смысле невротик — это отчужденная личность. Его действия не являются его собственными; хотя он и питает иллюзию, будто делает то, что он хочет, в действительности им движут силы, отделенные от его Я, действующие за его спиной; он — чужой самому себе, подобно тому как чужд ему его ближний».

Бертран Рассел говорит о «Религии бизнесмена» — «религии Успеха» (как и Фромм) и сравнивает эту религию с томлением «индийской вдовы». Понятно, что в данном случае, опять имеет место замещение понятий «религия» (мистическое) и магия (искажения чувственной информации поля Эгосистемы). Рассел хочет сказать о магическом сознании бизнесменов, и иронизирует на тему суеверных традиций индусов.

Он тоже всячески подчеркивает иррациональность «Науки экономики» как погони за прибылью, как количественной абстракции роста капитала, как «Богатства народов» в виде товарного рынка.

Б. Рассел, «Борьба за счастье»:

> «Если вы спросите любого американца или любого делового англичанина, что приносит им наибольшее удовлетворение в жизни, он

скажет: Борьба за выживание. Он скажет это со всей серьезностью, свято веря в то что говорит. В определенном смысле это правда; но в то же время, в другом, очень важном смысле, это глубоко ложное представление. Прежде всего, бизнесмен имеет ввиду нечто совершенно другое, когда он говорит о «борьбе за выживание». Это неточное выражение, которым прикрываются, чтобы придать достоинство чему-то изначально тривиальному. Спросите его, как много людей своего класса он знает, кто бы умер от голода. Спросите его, что стало с его друзьями после банкротства. Всем известно, что обанкротившийся бизнесмен значительно лучше благоустроен нежели человек, который никогда не был достаточно богат, чтобы иметь шанс для банкротства. Таким образом, истинное значение «борьбы за выживание» лежит в борьбе за успех. Реальный страх такой борьбы не в том, что они могут остаться завтра без завтрака, а в том, что им не удастся затмить своих соседей.

Это очень хороший доход и они могли бы, если бы захотели, жить на него. Но уйти из бизнеса и жить на проценты им кажется стыдным, как дезертирство из армии перед лицом врага, хотя если вы спросите, какой общественной пользе служит их дело, они затрудняться вам ответить, и пустятся в банальные оправдания необходимости напряженной борьбы за жизнь.

...Религия и слава бизнесмена требуют производства больших денег, поэтому, подобно индийской вдове, бизнесмен с радостью истязает себя во имя великой цели. Если американский бизнесмен хочет стать счастливее, он должен сначала изменить свою религию. Пока он не просто хочет успеха, но глубоко убежден, что успех есть долг настоящего мужчины, и что те кто не добивается успеха — презренные существа, он будет слишком напряжен и однонаправлен, чтобы быть счастливым. ....Следствием становятся частые потери денег и постоянная тревога и терзания. Лично я вижу пользу денег только в досуге и безопасности. Но для современного мужчины деньги — это средство пустить пыль в глаза, похвастать своим превосходством, блеском, шикарной жизнью, чтобы затмить тех, кто был до сих пор его ровней. Более того, умение делать деньги стало признанным средством меры интеллекта. Человек, который делает много денег — умен; а тот кто не может — глуп. Никому не нравится прослыть за глупца. Поэтому, когда рынок нестабилен, мужчина чувствует себя так, как юноши чувствуют себя на экзамене. ...Корень зла в той значимости, которую придают соревновательному успеху, конкуренции и победе, как основным источникам счастья»

То же самое говорит Г. Честертон в «Что не так с этим миром»:

Честертон подчеркивает, что Дух капитализма деспотичен и анти-демократичен и одновременно подчеркивает, что это Иррационализм Идолопоклонства (деревянная голова) и что это магическое сознание Романтики и Сказочной страны Финансов. Таким образом, он со свойственной ему гениальной проницательностью показывает в совокупности весь синдром поля Эгосистемы материальной энергии — от магического сознания до деспотии и анти-демократического направления в целом у физического контроля.

> «Таким образом, мы наблюдаем возникновение литературной моды в современной жизни посвященной Романтизации Бизнеса, идолопоклонникам полубогов жадности и сказочной стране Финансов. Эта популярная философия абсолютно деспотична и анти-демократична. Эта моде есть цветок цезаризма против которого я выдвигаю здесь свой протест. Идеальный миллионер силен своим железной головой. А факт что реальный миллионер чаще всего силен своей деревянной головой, вовсе не меняет духа и направления Идолопоклонства»

Айн Рэнд «Добродетель эгоизма»:

> «Но если человек ценит разрушение, как садист или самоистязание как мазохист, ес
> ли он выбирает иррациональные ценности, его эмоциональный механизм вместо функций охранной системы начинает выпол нять функцию разрушителя. Иррациональное невозможно, оно противоречит фактам реальности; факты нельзя отменить по собственному желанию, но они могут уничтожить того, кто этого пожелает. Если человек жаждет противоречий и стремится к ним, он разрушает собственное сознание; его внутренняя жизнь превращается в гражданскую войну слепых сил, сталки вающихся в темных, неясных, бессмысленных, бесполезных конфликтах. Нужно добавить, что эмоциональное состояние всех этих иррационалистов неправильно называть счастьем или даже удовольствием: это не более чем секундное облегчение преследующего их хронического ужаса».

Айн Рэнд «Атлант»:

> «Не заблуждайтесь относительно характера мистиков. На протяжении веков их целью было ослабить ваше сознание, их единственной страстью — править вами
> посредством силы. Каждый диктатор мистик, и каждый ми
> стик — потенциальный диктатор. Мистик жаждет от людей пови
> новения, а не согласия. Вы настолько порочны, что верите, что
> способны приспособиться к диктатуре мистика и угождать ему,
> повинуясь его приказаниям. Но угодить ему нельзя никак, если
> станете повиноваться, он будет менять свои приказания. Он хо
> чет повиновения ради повиновения и разрушения ради разру
> шения. Вы настолько трусливы, что верите, будто можно прийти
> к соглашению с мистиком, но откупиться от него нельзя никак.
> Откуп, которого он хочет, это ваша жизнь».

5) М. ВЕБЕР: КАПИТАЛИЗМ ПРОТЕСТАНТОВ ПРОТИВ КАПИТАЛИЗМА «ПОЭТОВ ЦИФР»

В тоже роде и Макс Вебер разделяет в «Протестантской Этике и Капитализме» «иррациональную романтика цифр …для „поэтов“ коммерческих кругов» от настоящих производителей Энергии Духа, то есть протестантов, которые подобно Великим компаниям работает не для денег и прибыли, но из веры, служения обществу и стремлению к созиданию.

Макс Вебер, «Протестантская Этика и капитализм»:

> «Надо сказать, что это действительно единственная правильная
> мотивировка, выявляющая к тому же всю *иррациональность* подобного образа
> жизни с точки зрения личного счастья, образа жизни, при котором человек
> существует для дела, а не дело для человека. Конечно, известную роль играет и
> стремление к власти, к почету, которые даются богатством, а там, где устремления всего народа направлены на достижение чисто количественного
> идеала, как, например, в США, там, разумеется, эта романтика цифр имеет
> неотразимое очарование для «поэтов» коммерческих кругов».
> «Именно *это* и представляется, однако, человеку докапиталистической эпохи

столь непонятным и таинственным, столь грязным и достойным презрения. Что
кто-либо может сделать единственной целью своей жизненной деятельности
накопление материальных благ, может стремиться к тому, чтобы сойти в могилу
обремененным деньгами и имуществом, люди иной эпохи способны были воспри-
нимать лишь как результат извращенных наклонностей, «auri sacra fames».
Именно в этом отчетливо проявляется отношение *самих*
носителей новых веяний к своей деятельности, в которой они усматривают некие
черты, *выводящие ее за рамки* нравственных устоев или даже *противоречащие* им.
Каким же образом эта деятельность, которую в лучшем случае признавали
этически допустимой, могла превратиться в «призвание» в понимании Бенджамина Франклина?»

Макс Вебер, «Протестантская Этика и капитализм»:

«When the imagination of a whole people has once been turned toward purely quantitative bigness, — says Weber, — as in the United States, this romanticism of numbers exercises an irresistible appeal to the poets among business men. Otherwise it is in general not the real leaders, and especially not the permanently successful entrepreneurs, who are taken in by it».
For, in conformity with the Old Testament and in analogy to the ethical valuation of good works, asceticism looked upon the pursuit of wealth as an end in itself as highly reprehensible; but the attainment of it as a fruit of labour in a calling was a sign of God's blessing. And even more important: the religious valuation of restless, continuous, systematic work in a worldly calling, as the highest means to asceticism, and at the same time the surest and most evident proof of rebirth and genuine faith, must have been the most powerful conceivable lever for the expansion of that attitude toward life which we have here called the spirit of capitalism. When the limitation of consumption is combined with this release of acquisitive activity, the inevitable practical result is obvious: accumulation of capital through ascetic compulsion to save. The restraints which were imposed upon the consumption of wealth naturally served to increase it by making possible the productive

> investment of capital. How strong this influence was is not, unfortunately, susceptible of exact statistical demonstration. In New England the connection is so evident that it did not escape the eye of so discerning a historian as Doyle. But also in Holland, which was really only dominated by strict Calvinism for seven years, the greater simplicity of life in the more seriously religious circles, in combination with great wealth, led to an excessive propensity to accumulation. That, furthermore, the tendency which has existed everywhere and at all times, being quite strong in Germany to-day, for middle-class fortunes to be absorbed into the nobility, was necessarily checked by the Puritan antipathy to the feudal way of life, is evident. English Mercantilist writers of the seventeenth century attributed the superiority of Dutch capital to English to the circumstance that newly acquired wealth there did not regularly seek investment in land. Also, since it is not simply a question of the purchase of land, it did not there seek to transfer itself to feudal habits of life, and thereby to remove itself from the possibility of capitalistic investment. In fact the whole history of monasticism is in a certain sense the history of a continual struggle with the problem of the secularizing influence of wealth. The same is true on a grand scale of the worldly asceticism of Puritanism. There follows the advice that those who gain all they can and save all they can should also give all they can, so that they will grow in grace and lay up a treasure in heaven».

Здесь очень важно провести параллель между теми выводами к которым пришли исследователи Стенфордского университета и выводами к которому пришел М. Вебер, сопоставляя Капитализм «Романтики Цифр» (Идолопоклонства деньгам магического сознания) и Капитализм Протестантской Этики.

Подобно Великим компаниям Порраса и Коллинза Протестантские компании существует не благодаря, а вопреки законам «науки экономики» о максимизации прибыли и подобно тем же компаниям именно эти протестантские компании в конечном итоге оказались наиболее успешными и оказали большое влияние на общее развитие своих стран через накопление и распределение капитала.

Макс Вебер, «Протестантская Этика и капитализм»:

> «Если спросить этих людей о «смысле» их безудержной

погони за наживой, плодами которой они никогда не пользуются и которая
именно при посюсторонней жизненной ориентации должна казаться совершенно
бессмысленной, они в некоторых случаях, вероятно, ответили бы (если бы они
вообще пожелали ответить на этот вопрос), что ими движет «забота о детях и
внуках»; вернее же, они просто сказали бы (ибо первая мотивировка не является
чем-то специфическим для предпринимателей данного типа, а в равной степени
свойственна и «традиционалистски» настроенным деятелям), что само дело с его
неустанными требованиями стало для них «необходимым условием существования». Надо сказать, что это действительно единственная правильная
мотивировка, выявляющая к тому же всю *иррациональность* подобного образа
жизни с точки зрения личного счастья, образа жизни, при котором человек
существует для дела, а не дело для человека. Конечно, известную роль играет и
стремление к власти, к почету, которые даются богатством, а там, где устремления всего народа направлены на достижение чисто количественного
идеала, как, например, в США, там, разумеется, эта романтика цифр имеет
неотразимое очарование для «поэтов» коммерческих кругов. Однако ведущие
предприниматели капиталистического мира, достигающие прочного успеха,
обычно не руководствуются в свой деятельности подобными соображениями.
Что же касается стремления пристать к тихой гавани в виде имения и
жалованного дворянства, видеть своих детей студентами университета или
офицерами, чье блестящее положение заставляет забыть об их плебейском
происхождении, стремления, характерного для выскочек из среды немецких

капиталистов, то это лишь продукт эпигонства и упадка. «Идеальный тип»
капиталистического предпринимателя, к которому приближаются и отдельные
выдающиеся предприниматели Германии, не имеет ничего общего с такого рода
чванством ни в его более грубом, ни в его более тонком выражении. Ему чужды
показная роскошь и расточительство, а также упоение властью и внешнее
выражение того почета, которым он пользуется в обществе. Его образу жизни
свойственна — на историческом значении этого важного для нас явления мы еще
остановимся — известная аскетическая направленность, отчетливо проступающая в цитированной выше «проповеди» Франклина. В характере
капиталистического предпринимателя часто обнаруживаются известная
сдержанность и скромность, значительно более искренние, чем та умеренность,
которую столь благоразумно рекомендует Бенджамин Франклин. Самому
предпринимателю такого типа богатство «ничего не дает», разве что
иррациональное ощущение хорошо «исполненного долга в рамках своего
призвания»

Макс Вебер, «Протестантская Этика и капитализм»:

«Борясь за *производительность* частнохозяйственного богатства, аскеза
ратовала как против недобросовестности, так и против *инстинктивной*
жадности, ибо именно ее она порицала как «covetousness», «мамонизм» и т.п.,
другими словами, против стремления к богатству как *самоцели*. Ибо имущество
само по себе, несомненно, является искусом. Однако тут-то аскеза превращалась в
силу, «что без числа творит добро, всему желая зла» (зло в ее понимании — это

> имущество со всеми его соблазнами). Дело заключалось не только в том, что в
> полном соответствии с Ветхим заветом и с этической оценкой «добрых дел» эта
> сила видела в стремлении к богатству как *самоцели* вершину порочности, а в
> богатстве как *результате* профессиональной деятельности — Божье благо-
> словение; еще важнее было другое: религиозная оценка неутомимого,
> постоянного, систематического мирского профессионального труда как наиболее
> эффективного аскетического средства и наиболее верного и очевидного способа
> утверждения возрожденного человека и истинности его веры неминуемо должна
> была служить могущественным фактором в распространении того мироощу-
> щения, которое мы здесь определили как «дух» капитализма. Если же
> ограничение потребления соединяется с высвобождением стремления к наживе,
> то объективным результатом этого будет *накопление капитала* посредством
> принуждения к *аскетической бережливости*. Препятствия на пути к потреблению нажитого богатства неминуемо должны были служить его
> производительному использованию в качестве *инвестируемого* капитала».

Таким образом, мы опять можем видеть со всей ясностью, что вовсе не варианты денежных систем или рыночных систем решают эффективность общественного производства. Но качество человеческой энергии. Будет ли это физический контроль материальной энергии или научный контроль совести энергии духа — вот от чего зависит эффективность производства. При том же капитализме, энергия поля Эгосистемы превращает жизнь в Ад, в джунгли выживания и смертельной войны за кусок хлеба. И тот же капитализм показывает как в случае с Визинарными компаниями Порраса и Коллинза или в случае с проте-

стантами Макса Вебера в работу включается исключительно эффективная Энергия совести и разума — Энергия духа, Здоровье человечества.

6) Г. К. ЧЕСТЕРТОН И СТЕНЛИ БИНГ: САТАН-ЭГО «ДЕЛОВЫХ КРУГОВ». МЕРТВАЯ МЫСЛЬ И МЕРТВАЯ СОВЕСТЬ «МАКИАВЕЛЛИ»

Книга Стенли Бинга «Как бы поступил Макиавелли» обрела свою широкую популярность вполне заслужено. Она очень четко выражает тот факт, который мы здесь отметили:

Стандартный Бизнес «Науки Экономики» (не тот что у Визинарных компаний и Протестантов Вебера, которые отвергли законы максимизации прибыли) — это активация механизмов поля Эгосистемы физического контроля материальной энергии.

И в данном случае, С. Бинг очень точно подчеркивает тот факт, что «Бизнес» для таких людей — боссов, которые добиваются успеха», превращается в способ просто стать Царем, одеть на голову корону, получить власть и умножать свою власть. То есть это Верхнее Притяжение Притяжения Самолюбия — это Сатан-Эго мертвой мысли и мертвой совести. И Именно эти психологические факторы –иррациональность, нарциссизм гипер-инфляции Эго, и культивацию бессовестности приводит С. Бинг как основные характеристики приспевающих «Боссов». Не единого слова не говорит он о «науке экономике». Он говорит о психологии физического контроля поля Эгосистемы.

Стенил Бинг «Как бы поступил Макиавелли?»:

1. Вот здесь Бинг формулирует иррациональность мотивации, и дает понять, что речь идет только о мании величия:

> «Я проработал пятнадцать лет, прежде чем понял, что, собственно говоря, представляет собой бизнес. Или, лучше сказать, что он сам по себе не представляет. Задача бизнеса не в том, чтобы предлагать товары или услуги. Не в том, чтобы давать работу людям. Не в том, чтобы правильно руководить предприятием, изменять жизнь к лучшему, заботиться о сотрудниках, устраивать деловые обеды, ужины или хранить верность дяде Бобу. Не в том, чтобы добиваться пре

> восходного качества товаров. Не в том, чтобы иметь возможность играть по выходным в гольф. А в том и только в том, чтобы стано виться все больше и больше. Для крупных Макиавелли, которые мыслят в категориях макроэкономики, это означает поедание дру гих существ и расширение своего денежного пространства. Больше, чем Рим! Больше, чем Византия! Это… [место для названия вашей компании]! Не суть. Суть в том, что, каких бы размеров ни было ва ше государство, существуют прилежащие территории, которые мож но было бы попытаться захватить. Оглянитесь вокруг. Нет ли кого нибудь поблизости, кого вы могли бы взять под полный контроль? Какая-нибудь мелюзга вроде парня, который работает за соседним станком, скажем. Надо расти! Хватайте все, что ни попадя. Вперед! Без остановок! Никакие семейные обстоятельства не должны быть в ущерб бизнесу — правило для тех, кто желает доминировать во Вселенной; никакие друзья не могут заменить навязчивой идеи успеха, богатства и власти; лишь только индивидуумы, страдающие маниакальным расстройством и стремящиеся к ликвидации всех остальных, имеют шансы подняться на самый верх».

2. Здесь он говорит о том, что мания величия прямо проти воположна не только разумному поведению, но и здоровой доб

росовестности человека:

> «Уничтожение собственной совести — один из самых сложных мо ментов, который вам доведется постичь. Не всякому человеку это дано. Если вы находитесь на более низкой ступени эволюции, поста райтесь внести коррективы в собственную личность, с тем чтобы из бавиться от груза совести, насколько это представляется возможным. Чтобы полностью следовать принципам Мастера, мы должны быть эгоистами, отличаться самовлюбленностью, манипулировать людьми. Потребуются, по большому счету, две вещи: Смелость: способность обнаружить свое истинное «я», спрятанное за многовековыми куль турными наслоениями, извлечь то самое неприятное жабообразное существо внутри вас и вручить ему ключи от машины. Практика: ве ликие люди не становились великими за одну ночь. Они начинали как обычные люди и лишь позднее превратились в монстров. Вам придется выработать в себе новые привычки и делать это каждый день, вне зависимости от то — го, насколько добрым, маленьким, мягким или уязвимым вы кажетесь самому себе в том или ином от ношении. Не беспокойтесь. Чем больше вы будете тренироваться, тем легче вам будет, пока вы, наконец, не превратитесь в чудовищ

ного тролля, которого все ненавидят. И вот в этот самый момент оглянитесь вокруг и убедитесь, что у вас все хорошо — и с финансо вой, и с профессиональной точки зрения. Вы будете поражены. Не только гендиректорам дано вести себя как герцогам-правителям. Обман. Манипулирование людьми. Припадки ложного гнева. При падки истинного гнева. Угрозы. Лесть. Жестокость. Наглая эксплуата ция верных вам людей. Культивация чувства вины в людях, которые ложно воспринимают старшее должностное лицо как своего отца или мать, — все эти тактические приемы и многие другие должны стать частью повседневной тактики на всех уровнях руководства, а не только уделом «крутых» парней».

3. Здесь он пишет о том, что активность этой энергии эгоза щиты, иррациональной и безнравственной, всегда связана с войной и с мучительством других людей:

«Он постоянно находился бы в состоянии войны. Отрезать пару го лов тут или там совершенно необходимо время от времени, и из лишние сантименты по этому поводу ни к чему. Умелое сочетание паранойи с военными действиями является тем фундаментом, на ко тором зиждется всякое макиавеллистское правление. Жажда крови, обращенная вовне, — более эффективное средство, чем аналогич ные эмоции, направленные вовнутрь — на вас самих. Поэтому сту пайте и убивайте… кого придется! Поднимите флаг! Определитесь с врагом. Соберите войска! Трубите поход! Цель — деньги. Сражать ся, сражаться, сражаться! Он изводил бы людей пытками, пока они сами с радостью не наложили бы на себя руки. Если человек у вас в руках, есть масса способов мучить его. лишение сна. Старый прием в деле промывания мозгов. Держите сотрудников на работе без осо бых причин, помимо той, что «вы можете вызвать их к себе в любую минуту», пока они не начнут выть от голода. Звонок подчиненному рано утром с обвинениями в нерадивости и прочими обидными сло вами также дает нужный эффект. неопределенность. Кто нас покупа ет? Кто станет моим боссом? Что я буду делать, если мою должность упразднят? Все это хорошие вопросы, на которые вы, впрочем, не даете ответа подчиненным. держать пятки над огнем. Рост, выра женный двузначным числом, должен быть даже тогда, когда рынок не благоволит. носом в точильный круг. Увеличивай прибыль! Вжик! Вжик! капать воду им на голову, пока они не свихнутся»
Греческая шизоидность тоже проявилось в постоянном состоянии войны друг с другом: это и убило Древнюю Грецию. И. Суриков пи шет: «Наверное, ни в одной другой человеческой цивилизации со

> стязательность не была развита до такой высокой степени. Причем, подчеркнем, зачастую это была состязательность практически беско рыстная, не ориентированная на получение материальной прибыли. Не случайно именно Древняя Греция — родина такого феномена, как спорт. Да, в сущности, вся жизнь греков в каком-то смысле была «спортом». Находясь в состоянии почти постоянных войн друг с дру гом, греческие полисы при этом стремились к установлению все бо лее тесных контактов различного характера».

В ниже приведенных цитатах из Бертрана Расссела и Г. Честертона можно видеть, что они полностью подтверждают наблюдения Стенли Бинга — который сам долгое время был боссом такой компании. В особенности все они подчеркивают, что то, что сегодня называется капитализмом, то есть идолопоклонством деньгам в «максимизации прибыли» на самом деле есть просто способ через рыночные отношения вернуть вновь физический контроль поля Эгосистемы материальной энергии. Это деспотия, «откровенная монархия», это анти-демократия и цезаризм, говорят в один голос авторы.

Теория ПЭ показывает, что менять надо не «экономические отношения», которые есть иллюзия, а менять надо отношения психологические, энергию психики, которая участвует в производстве.

Мы видели, что и через капитализм Энергия Духа в случае с Визинарными компаниями и протестантами Вебера смогли добиться и эффективности производства и совестливости духа. Важно поставить акцент на психологию, и сделать очевидным факт что «науки психологии» не существует.

А потом, когда Энергия Духа будет здорова, экономические механизмы изменятся сами собой, без какого либо специального участия правительств и ученых экономистов.

Bertrand Russell, Authority and Individual:

> ««In the large company there is more than a sense of frustration; there is a peculiar meaninglessness about its operations to the member of the rank and file. He knows little of the significance of his job in the company as a whole. He does not know who is the real boss; he frequently does not know who is the General Manager, and, of ten

enough, he has never been spoken to by the head Works Manager. The Sales Manager, the Cost Manager, the Planning Manager, the Chief Welfare Manager and many others, are just people with good jobs and short hours. He has no part with them, they do not belong to his group.»

Democracy, whether in politics or in industry, is not a psychological reality so long as the government or the management is regarded as «they', a remote body which goes its lordly way and which it is natural to regard with hostility — a hostility that is impotent unless it takes the form of rebellion. In industry, as Mr Gillespie points out, very little has been done in this direction, and management is, with rare exceptions, frankly monarchical or oligarchic.

This is an evil which, if left unchecked, tends to increase with every increase in the size of organisations.

Ever since history began, the majority of mankind have lived under a load of poverty and suffering and cruelty, and have felt themselves impotent under the sway of hostile or coldly impersonal powers. These evils are no longer necessary to the existence of civilisation; they can be removed by the help of modern science and modern technique, provided these are used in a humane spirit and with an understanding of the springs of life and happiness. Without such understanding, we may inadvertently create a new prison, just, perhaps, since none will be outside it, but dreary and joyless and spiritually dead».

Chesterton, «What is wrong with the world»:

«Now the peculiar peril of our time, which I call for argument's sake Imperialism or Caesarism, is the complete eclipse of comradeship and equality by specialism and domination. There are only two kinds of social structure conceivable — personal government and impersonal government. If my anarchic friends will not have rules — they will have rulers. Preferring personal government, with its tact and flexibility, is called Royalism. Preferring impersonal government, with its dogmas and definitions, is called Republicanism ...The real truth is that adumbrated in the introductory section when we spoke of the sense of home and property, as now we speak of the sense of counsel and community. All men do naturally love the idea of leisure, laughter, loud and equal argument; but there stands a specter in our hall. We are conscious of the towering modern challenge that is called specialism or cut-throat competition — Business. Business will have nothing to do with leisure; business will have no truck with comradeship; business will pretend to no patience with all the legal fictions and fantastic handicaps by which comradeship protects its egalitarian ideal. The

modern millionaire, when engaged in the agreeable and typical task of sacking his own father, will certainly not refer to him as the right honorable clerk from the Laburnum Road, Brixton. Therefore there has arisen in modern life a literary fashion devoting itself to the romance of business, to great demigods of greed and to fairyland of finance. This popular philosophy is utterly despotic and anti-democratic; this fashion is the flower of that Caesarism against which I am concerned to protest. The ideal millionaire is strong in the possession of a brain of steel. The fact that the real millionaire is rather more often strong in the possession of a head of wood, does not alter the spirit and trend of the idolatry. The essential argument is „Specialists must be despots; men must be specialists. You cannot have equality in a soap factory; so you cannot have it anywhere. You cannot have comradeship in a wheat corner; so you cannot have it at all. We must have commercial civilization; therefore we must destroy democracy." ….But we live and die in the vessel of the state; and if we cannot f ind freedom camaraderie and the popular element in the state, we cannot find it at all. And the modern doctrine of commercial despotism means that we shall not find it at all. Our specialist trades in their highly civilized state cannot (it says) be run without the whole brutal business of bossing and sacking, „too old at forty" and all the rest of the filth. And they must be run, and therefore we call on Caesar. Nobody but the Superman could descend to do such dirty work. Now (to reiterate my title) this is what is wrong. This is the huge modern heresy of altering the human soul to fit its conditions, instead of altering human conditions to fit the human soul. If soap boiling is really inconsistent with brotherhood, so much the worst for soap boiling, not for brotherhood. If civilization really cannot get on with democracy, so much the worse for civilization, not for democracy. Certainly, it would be far better to go back to village communes, if they really are communes. Certainly, it would be better to do without soap rather than to do without society. Certainly, we would sacrifice all our wires, wheels, systems, specialties, physical science and frenzied f inance for one half-hour of happiness such as has often come to us with comrades in a common tavern. I do not say the sacrifice will be necessary; I only say it will be easy».

Г. Честертон, «Вечный человек»:

«Я ничуть не стыжусь назвать его ненавистью, ненавистью к аду
и делам его. Хотя, конечно, теперь не верят в ад и потому не обяза
ны верить в ненависть. Но все это — длинное введение, а понадоби
лось оно потому, что я хотел напомнить, что такое религиозная вой

на. В такой войне встречаются два мира, как сказали бы сейчас, две атмосферы. Что для одних воздух, для других — отрава. Никого не убедишь оставить чуму в покое. Именно это мы должны понять, даже если нам придется поступиться некоторыми нравственными взглядами, иначе мы не поймем, что же случилось, когда на другом берегу закрыл римлянам небо Карфаген — темный, как Азия, и по рочный, как империализм.

……..Глубоко практичные, отнюдь не поэтичные люди любили по лагаться на страх и отвращение. Как всегда в таких случаях, им казалось, что темные силы свое дело сделают. Но в психологии пунических народов эта странная пессимистическая практичность разрослась до невероятных размеров. В Новом городе, который римляне звали Карфагеном, как и в древних городах финикийцев, божество, работавшее «без дураков», называлось Молохом; по-ви димому, оно не отличалось от божества, известного под именем Ваала. Римляне сперва не знали, что с ним делать и как его на зывать; им пришлось обратиться к самым примитивным античным мифам, чтобы отыскать его слабое подобие — Сатурна, пожираю щего детей Но почитателей Молоха никак нельзя назвать прими тивными. Они жили в развитом и зрелом обществе и не отказыва ли себе ни в роскоши, ни в изысканности. Вероятно, они были намного цивилизованней римлян. И Молох не был мифом; во вся ком случае, он питался вполне реально. Эти цивилизованные лю ди задабривали темные силы, бросая сотни детей в пылающую печь. Чтобы это понять, попытайтесь себе представить, как манче стерские дельцы, при бакенбардах и цилиндрах, отправляются по воскресеньям полюбоваться поджариванием младенцев.

Нетрудно было бы рассказать обо всех торговых и политических превратностях той поры, потому что вначале дело действительно сводилось к торговле и политике. Казалось, Пуническим войнам нет конца, и нелегко установить, когда именно они начались. Уже греки и сицилийцы враждовали с африканским городом. Карфаген побе дил греков и захватил Сицилию. Утвердился он и в Испании; но меж ду Испанией и Сицилией был маленький латинский город, которому грозила неминуемая гибель. И, что нам особенно важно, Рим не же лал мириться. Римский народ чувствовал, что с такими людьми ми риться нельзя. Принято возмущаться назойливостью поговорки: «Карфаген должен быть разрушен». Но мы забываем, что Рим был разрушен. И первый луч святости упал на него, потому что Рим вос стал из мертвых.

Как почти все коммерческие государства, Карфаген не знал демо кратии. Бедные страдали под безличным и безразличным гнетом бо

гатых. Такие денежные аристократы, как правило, не допускают к власти выдающегося человека.

……Римские авгуры и летописцы, сообщавшие, что в эти дни родился ребенок с головой слона и звезды сыпались с неба, как камни, го раздо лучше поняли суть дела, чем наши историки, рассуждающие о стратегии и столкновении интересов. Что-то совсем другое навис ло над людьми — то самое, что чувствуем мы все, когда чужеродный дух проникает к нам как туман или дурной запах. Не поражение в битвах и не поражение в торговле внушало римским жителям про тивные природе мысли о знамениях. Это Молох смотрел с горы, Ва ал топтал виноградники каменными ногами, голос Танит-Неведомой шептал о любви, которая гнуснее ненависти. Гибли виноградники, го рели поля, и это было реальней реального — это была аллегория.

Все простое, все домашнее и человеческое губила равнодушная мощь, которая много хуже того, что зовут жестокостью. Боги очага падали во тьму под копытами, и бесы врывались сквозь развалины, трубя в трубу трамонтаны Рухнули ворота Альп, ад был выпущен на волю. Схватка богов и бесов, по всей очевидности, кончилась. Бо ги погибли, и ничего не осталось Риму, кроме чести и холодной отва ги отчаяния.

Ничего на свете не боялся Карфаген, кроме Карфагена. Его подтачи вал дух, очень сильный в преуспевающих торговых странах и всем нам хорошо знакомый. Это — холодный здравый смысл и проница тельная практичность дельцов, привычка считаться с мнением луч ших авторитетов, деловые, широкие, реалистические взгляды. Толь ко на это мог надеяться Рим.

Даже римляне не так глупы, чтобы сохранить верность заведомо проигранному делу. Так рассуждали лучшие финансовые авторитеты, отмахиваясь от новых и новых тревожных и настойчивых просьб. Из глупого предрассудка, из уверенности деловых обществ, что ту пость — практична, а гениальность — глупа, они обрекли на голод и гибель великого воина, которого им напрасно подарили боги.

Почему практичные люди убеждены, что зло всегда побеждает? Что умен тот, кто жесток, и даже дурак лучше умного, если он до статочно подл? Почему им кажется, что честь — это чувствитель ность, а чувствительность — это слабость? Потому что они, как и все люди, руководствуются своей верой. Для них, как и для всех, в основе основ лежит их собственное представление о природе ве щей, о природе мира, в котором они живут; они считают, что ми ром движет страх и потому сердце мира — зло. Они верят, что смерть сильней жизни и потому мертвое сильнее живого. Вас уди вит, если я скажу, что люди, которых мы встречаем на приемах

и за чайным столом, — тайные почитатели Молоха и Ваала.
Но именно эти умные, практичные люди видят мир так, как видел его Карфаген. В них есть та осязаемая грубая простота, из-за которой Карфаген пал. Он пал потому, что дельцы до безумия безразличны к истинному гению. Они не верят в душу и потому в конце концов перестают верить в разум. Они слишком практичны, чтобы быть хорошими; более того, они не так глупы, чтобы верить в какой-то там дух, и отрицают то, что каждый солдат назовет духом армии. Им кажется, что деньги будут сражаться, когда люди уже не могут. Именно это случилось с пуническими дельцами. Их религия была религией отчаяния, даже когда дела их шли великолепно. Как могли они понять, что римляне еще надеются? Их религия была религией силы и страха — как могли они понять, что люди презирают страх, даже когда они вынуждены подчиниться силе? В самом сердце их мироощущения лежала усталость, устали они и от войны — как могли они понять тех, кто не хочет прекращать проигранную битву? Одним словом, как могли понять человека они, так долго поклонявшиеся слепым вещам: деньгам, насилию и богам, жестоким, как звери? И вот новости обрушились на них: зола повсюду разгорелась в пламя, Ганнибал разгромлен, Ганнибал свергнут, Сципион перенес войну в Испанию, он перенес ее в Африку. Под самыми воротами Золотого города Ганнибал дал последний бой, проиграл его, и Карфаген пал, как никто еще не падал со времен Сатаны. От Нового города осталось только имя — правда, для этого понадобилась еще одна война. И те, кто раскопал эту землю через много веков, нашли крохотные скелеты, целые сотни — священные остатки худшей из религий. Карфаген пал потому, что был верен своей философии и довел ее до логического конца, утверждая свое восприятие мира. Молох сожрал своих детей.
Боги ожили снова, бесы были разбиты. Их победили побежденные; можно даже сказать, что их победили мертвые. Мы не поймем славы Рима, ее естественности, ее силы, если забудем то, что в ужасе и в унижении он сохранил нравственное здоровье, душу Европы. Он стал во главе империи потому, что стоял один посреди развалин. После победы над Карфагеном все знали или хотя бы чувствовали, что Рим представлял человечество даже тогда, когда был от него отрезан.
Тень упала на него, хотя еще не взошло светило, и груз грядущего лег
на его плечи. Не нам судить и гадать, каким образом и когда спасла бы Рим милость Господня; но я убежден, что все было бы иначе, ес

> ли бы Христос родился в Финикийской, а не в Римской империи. Мы должны быть благодарны терпению Пунических войн за то, что через
> века Сын Божий пришел к людям, а не в бесчеловечный улей. Антич ная Европа наплодила немало собственных бед — об этом мы скажем
> позже, — но самое худшее в ней было все-таки лучше того, от чего
> она спаслась. Может ли нормальный человек сравнить большую де ревянную куклу, которая забирает у детей часть обеда, с идолом, по жирающим детей? Врагу, а не сопернику отказывались поклоняться римляне. Не о хороших дорогах вспоминали они и не о деловом по рядке, а о презрительных, наглых усмешках. И ненавидели дух нена висти, владевший Карфагеном. Мы должны им быть благодарны
> за то, что нам не пришлось свергать изображения Венеры, как сверг ли они изображения Ваала. Благодаря их непримиримости, мы не от носимся непримиримо к прошлому. Если между язычеством и хри стианством — не только пропасть, но и мост, мы должны благодарить тех, кто сохранил в язычестве человечность. Если через столько веков
> мы все-таки в мире с античностью, вспомним хоть иногда, чем она
> могла стать. Благодаря Риму груз ее легок для нас и нам не противна нимфа на фонтане или купидон на открытке. Смех и печаль соединя ют нас с древними, нам не стыдно вспомнить о них, и с нежностью
> видим мы сумерки над сабинской фермой и слышим радостный го лос
> домашних богов, когда Катулл возвращается домой, в Сирмион: «Карфаген разрушен».

Таким образом, в нашем анализе Сатан-Эго как Верхней Эгозащите циклического гомеостаза физического контроля мы старались показать, что его главное отличие от Милграм-Эго простых людей, а также от Гибрис-Эго интеллектуалов в том, что Сатан-Эго преодолел расщепленность через умерщвление здоровой Энергии Духа. И поскольку основа человеческой психики — Энергия Духа, это без всякого сомнения тяжело больные люди.

Нет расщепления на два силовых поля психики также у здоровых людей Энергии Духа, тех кого изучал Маслоу как самоактуалов, — но здесь обратная ситуация. Они потому и здоровы, что у них отсутсвует поле Эгосистемы материальной энергии.

Сатан-Эго те, кто расправившись с честность и совестью, решили обойтись без правды и справедливости Энергии духа. Те, кто преодолел расщепление Милграм-Эго и Гибрис-Эго умертвив в себе фундаментальный источник жизни человека — энергию поля Интеллекта. Расщепление Милграм-Эго простых людей и Гибрис-Эго интеллектуалов говорит о том, что они нездоровы, но живы. Что разум и совести энергии духа мучаются, но дышат под активным полем Эгосистемы.

Отсутствие угрызений совести у Сатан-Эго идолопоклонников магического сознания говорит о смерти Энергии духа. Именно это есть настоящее безумие преступников, тогда как расщепление Милграм-Эго и Гибрис-Эго - это трагедия совести незрелого интеллекта. Это трагедия людей, чьи страдания могло облегчить только Откровение. И Иисус пришел к ним в качестве врача, пришел к грешникам, чья совесть еще жива, чтобы помочь им спастись.

Газданов в своих книгах говорит, что пройдя две войны он знает свинцовую, енпрозрачную пленку на глазах мертвецов. И он же говорит, что такая же пленка на глазах тех, кого он называет «живой человеческой падалью». Люди, которые не просто потеряли совесть, но культивируют потерю совести, чтобы ничего не мешало им поклоняться идолу денег и власти — несомненно являются такой живой человеческой падалью мертвой Энергии Духа.

Беда в том, что дарвиновская парадигма, которая породила и фантом «науки экономики», такой же ложной как она сама, безудержно плодит мертвецов Сатан-Эго, вовлекая их в идолопоклонство деньгам и власти.

ГЛАВА 6. РАСЩЕПЛЕНИЕ СОЗНАНИЯ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ. ЭТИЧЕСКОЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ. КУЛЬТ АПОЛЛОНА И КУЛЬТ ДИОНИСА

1. КУЛЬТУРА ТЩЕСЛАВИЯ И КУЛЬТУРА ВИНЫ. ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ КАК ЭСТЕТИКА И КУЛЬТУРА СТЫДА

Приведу цитату из моей книги «Ось мировой истории. Авраамические религии в век разума», 2020, Глава 11:

«В чем эта болезнь проявилась в Античность? У греков, римлян, израильтян, или скажем у Наполеона, который по своему характеру и образованию еще всецело был человеком античности?

У всех шизоидность имеет одну и ту же специфику. Прежде всего шизоидный интеллект никогда не приходит один, но всегда вместе с параллельно развивающимся научным интеллектом, поскольку это источник его рождения. Поэтому люди культуры, в которых являет себя шизоидный интеллект — это культуры расщепления сознания на научный и шизоидный интеллект. Далее, это формальный интеллект, с высокими операционными способностями мышления (то что психиатры называют формальной логикой, высокой абстракцией, построением схем и систем), которому не хватает связи с фактами действительности. Примерно такой, каким был интеллект схоластической философии. Наконец, это магический интеллект противоборства всемогущих сил, поскольку он берет на себя функции эгозащиты на поле эгосистемы. Это сознание устойчивого самолюбия, греческого «гибриса», «сверхчеловека»

Ницше; или аутизм иудейской мистификации, сознательно отрывающей себя от фактов действительности.

Вот что пишет о расщепленном сознании Древних греков И. Суриков в книге «Пифагор»:

> «Настроения мистицизма нарастали в ту самую эпоху, когда имели место и духовные явления совершенно иного толка: насаждение дельфийским жречеством этических идей умеренности, введение письменных законов во многих полисах. Если эта последняя тенденция воплощала в себе коллективистские начала, то мистические течения, напротив, характерны для возрастания индивидуализма. Опять перед нами та же извечная борьба двух принципов в античной культуре: «принципа Аполлона» и «принципа Диониса». Характерно, что если законодатели, как правило, обращались за божественной санкцией к Аполлону, то греческие мистики особое почитание оказывали Дионису. Итак, перед нами очередной парадокс культурной истории Древней Греции. В архаический период, когда возникли мистические, иррациональные учения, впервые родилось и самое яркое проявление античного рационализма — философия. И настолько бурным и противоречивым было «духовное кипение» эпохи, что нередко философ-рационалист и вдохновенный мистический пророк совмещались в одном лице. Религиозные воззрения эллинов к этому моменту были уже вполне сформировавшимися, в том числе и представления об Аполлоне. Двойником-антиподом этого «светлого бога» был Дионис, который являлся олицетворением как раз противоположной стороны бытия — экстаза, порыва, слома всех и всяческих перегородок. В XIX веке выдающийся немецкий философ Фридрих Ницше, глубокий знаток античности, предложил (в труде «Рождение трагедии») видение всей греческой цивилизации как сосуществования и борьбы двух начал — «аполлонического» и «дионисийского», светлого, рационального и темного, трагического. Сам Ницше симпатизировал «дионисийскому» началу. Со времен Ницше в «эллинской душе» выявлена, наряду с «аполлонической», «дионисийская» сторона, иррациональная по самой своей сути. Борьба двух тенденций пронизывала буквально всё бытие: с этим мы и в предшествующем изложении не раз сталкивались, и в дальнейшем еще столкнемся. Но вот историко-культурный парадокс: в Дельфах девять месяцев в году почитался Аполлон, а остальные три месяца — Дионис. Очевидно, сами греки не мыслили этих двух начал в отрыве друг от друга.
>
> …Одним из этапов судьбоносного для формирования европейского мироощущения пути «от мифа к логосу», проделанного греками,

> и считается то самое «рождение философии» — совершенно новой ментальной традиции, предпринявшей первые попытки объяснить мироздание с позиций не традиционных представлений, а разума и логики… Но точно так же среди предтеч первых философов были и чудотворцы-мистики. Удивляться не приходится: повторим, в Элладе той эпохи, о которой сейчас идет речь, всё как бы «двоится» и выступает в самой причудливой смеси противоположных принципов. Парадигматичные фигуры Аполлона и Диониса, являющиеся в разнообразных обличьях.
> .. Да, две стороны было в античном эллинском мироощущении: светлая, солнечная, и темная, «ночная». Из этих двух сторон, естественно, первая больше бросается в глаза и гораздо лучше известна. Ведь именно с ней связаны самые главные достижения древнегреческой культуры, литературы, искусства, как бы лучащиеся ярким сиянием. Темную сторону своей души грек, судя по всему, старался подавить, вытеснить в подсознание. Но она то там, то здесь прорывалась, давала о себе знать».

И. Суриков видит в этом расщеплении сознания — парадокс, мы понимаем, что такое расщепление сознания при незрелом интеллекте абсолютно закономерно. Далее, этот автор-антиковед говорит о том, что древние греки страдали манией величия, которую они сами именовали непереводимым на современный русский термином «гибрис». Там же он пишет, что у древних эллинов преобладала «культура стыда», то есть тщеславие поля эгосистемы над «культурой вины», то есть совестью поля интеллекта. О том же пишет и Ренан, когда противопоставляет греческую и иудейскую культуру.

> «Однако индивидуализм, если он нарастал в слишком большой степени, переставал играть конструктивную историко-культурную роль. Напротив, он был способен подорвать целостность и стабильность гражданской общины, формирующегося полиса. Это „чрезмерное“ акцентирование личностного принципа общественным мнением уже не поощрялось. Для его обозначения существовал труднопереводимый термин гибрис. Обычно это слово переводят как „спесь, наглость, гордыня“, но всё это не вполне точно. Если попытаться передать значение термина „гибрис“ описательно, то окажется, что это — дерзостное стремление человека подняться над своим человеческим уделом, превзойти его, стать существом высшего порядка. Слово „гибрис“ происходит от предлога гипер — „над“. Греческое ги-

> пер — то же самое, что латинское супер. „Гибрис“ — это стремление стать „суперменом“, сверхчеловеком. „Гибрис“ осуждался. Считалось, что он способен только ввергнуть в пучину бед и самого человека, поддавшегося этому соблазну, и всю его общину… Специалисты по исторической этологии — науке, изучающей моральные ценности различных эпох и народов, — делят все человеческие культуры на „культуры вины“ и „культуры стыда“. В первом случае регулятором поведения людей служит некое внутреннее чувство нравственно должного — то, что в христианской цивилизации называют совестью. Во втором же случае человек действует всецело с оглядкой на то, как его оценят другие. Главное — не „ударить в грязь лицом“, чтобы не пришлось испытывать стыд. Античная греческая культура была типичной „культурой стыда“. Само понятие „совесть“, судя по всему, эллинам архаической и классической эпох было еще вполне чуждо, даже и слова такого в языке не существовало. Для грека превыше всего — суждение общины, суждение окружающих. Именно таковы герои Гомера. Им абсолютно чужды те нравственные ценности, которые столь близки нам и которые сопряжены именно с внутренней самооценкой: доброта, милосердие, сострадание… Всё это — порождение более поздних эпох, тесно связанное с возникновением христианства. Зато среди витязей, изображенных в эпосе, очень высоко котируются воинская доблесть, величественность, щедрость — словом, то, что характеризует человека с „внешней стороны“. А ведь именно эти гомеровские герои служили образцом для греков последующих эпох, особенно для аристократов».

Все антиковеды отмечают в этой связи исключительную состязательность этой культуры тщеславия, которая держалась на желании обретения славы, превращая в спорт все свои занятия, и которая собственно и изобрела спорт. В этом спорте за место первого и лучшего война шла не на жизнь, а на смерть. Известна кровавая борьба между богатыми и бедными в греческих полисах, и не менее ожесточенная война между полисами, которые готовы были умереть, но отстоять свою независимость. Федерация демократических полисов, к которой стремился Перикл, закончилась 27 летней войной между Афинским и Спартанским военными союзами, и привели к политической гибели Греции. «Два факта погубили Грецию, — говорит Бертран Рассела, — жестокая война между богатыми и бедными и неспособность греческих полисов к политическим союзам». Таковы след-

ствия «гибриса», который превращая людей в сверхчеловеков Ницше, лишает их способности к мирному сосуществованию и сотрудничеству.

Э. Фромм в книге «Иметь или быть» тоже подчеркивает, что песни Гомера — это «культура стыда» тщеславного Самолюбия, равно как и вся последующая завоевательная история Рима несет в себе выраженные черты этого греческого «гибриса», погубившего античность:

> «Цель греческих и германских героев — завоевание, победа, разрушение, грабеж; а итог жизни — гордость, власть, слава, превосходство в умении убивать (Святой Августин сравнивал историю Древнего Рима с историей разбойничьей шайки). У языческого героя мерилом доблести человека служила его способность достичь власти и удержать ее, он с радостью умирал на поле брани в момент победы. „Илиада" Гомера — это величественное поэтическое описание деяний прославленных завоевателей и покорителей».

2. ЭТИЧЕСКОЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ КАК РАСЩЕПЛЕНИЕ СОЗНАНИЯ В ФИЛОСОФИИ КЬЕРКЕГОРА И НИЦШЕ

Приведу цитату из моей книги «Век Дьявола. Ницше и Крушение Рационализма», 2025:

«Итак, рассмотрим в чем состоит противоположность учения Кьеркегора и Ницше об эстетическом и этическом сознании, а также о сознании трагическом и комическом в их философии.

«Кривое зеркало» поля Эгосистемы, — очки материальной энергии, искажающие мир не были секретом уже для Платона и Спинозы, которые четко разделяют истинное и ложное восприятие (аффекты). Не было оно секретом ни для Кьеркегора, который видимо и применил впервые термин «кривое зеркало» (индусы называли это зеркало «покрывалом Майа»), ни для Ницше, который пользовался терминологией Канта и говорил, что социальный мир есть комедия, основанная на видении «явлений» (феноменов) вместо «вещей в себе». Однако, выводы Кьеркегор и Ницше сделали разные из этого знания.

Когда Кьеркегор противопоставил эстетику и этику таким образом, он конечно не имел ввиду, что красота чужда моральному, потому что он говорит о «Поэте религиозной ориентации» как об «истинной эстетике». Кьеркегор подчеркивает, что противопоставляет не сами понятия, а «энергии» сознания, где доминирует одно или другое, эстетическое над этическим или этическое над эстетическим. Иными словами, в чем смысл жизни: в морали или в красоте? И здесь, Ницше согласился с Кьеркегором, когда обозначил свое «трагическое сознание эстета» как энергию «По ту сторону добра и зла». Кьеркегор также подчеркивает, что эстетическое сознание есть энергия «по ту сторону добра и зла», как нечто «безразличное к добру и злу».

Ф. Ницше, «Рождение Трагедии», «Опыт Самокртики»:

> «Уже в предисловии, обращенном к Рихарду Вагнеру, метафизиче ской деятельностью человека по существу выставляется искусство, а не мораль; в самой книге неоднократно повторяется язвительное положение, что существование мира может быть оправдано лишь как
> эстетический феномен. Действительно, вся книга признает только художественный смысл, явный или скрытый, за всеми процессами бытия — «Бога», если вам угодно, но, конечно, только совершенно беззаботного и неморального Бога-художника, который как в сози дании, так и в разрушении, в добром, как и в злом, одинаково стре мится ощутить свою радость и свое самовластие»

Для Кьеркегора — это «безразличие» эстетического к моральному выбору есть проявление чужеродности этой энергии истинной разумной энергии человека которую он понимает как метафизику единого и вечного духа. Энергия эстетического — это энергия порожденная «кривым зеркалом», а следовательно энергия во всем ложная, и главная заурядная, обычная, материальная энергия. Только духовная, разумная энергия человека, как часть вечной божественной метафизики есть истинная сила и истинное величие. Как человеку узнать, когда он опирается на истинную энергию духа, а когда на миражи ложной энергии? Это просто, говорит, Кьеркегор, только тогда человек является «самим собой», только тогда он здоров и силен, когда он выби-

рает истинную духовную энергию разума (или этику, мораль, что одно и тоже). А когда человек делает эстетический выбор, и хочет стать каким то необыкновенным человеком как Цезарь или еще кто то, он вступает в область миражей кривого зеркала материальной энергии, и теряет самого себя, а вместе с собой и все небеса вечного и метафизического что есть в духовной энергии. То есть единственное и истинное величие человека.

С. Кьеркегор, «Равновесие между эстетическим и этическим в развитии личности»:

> «Поскольку тут было показано, что всякое эстетическое мировоззрение есть отчаяние, единственно правильно теперь будет предпринять движение, благодаря которому появляется этическое начало. Вот то сокровище, которое я собираюсь оставить в наследство тем, кого люблю в этом мире. Это сокровище заложено в твоей внутренней сущности: существует «или-или», делающее человека превосходнее ангелов. Когда все вокруг человека затихает, становится торжественным, как ясная звездная ночь, когда душа остается в одиночестве в целом мире, — тогда перед ним является не какое-то выдающееся человеческое существо, но сама вечная сила, тогда небеса как бы раскрываются, — и «я» выбирает самое себя, или точнее получает самое себя. Тогда душа видит высшее, то что не способен увидеть никакой смертный взор, она видит то, чего никогда больше не сможет забыть, — тогда личность обретает рыцарское посвящение, которое облагораживает ее на всю вечность. Ибо величие состоит не в том, чтобы быть тем или этим, но в том, чтобы быть самим собой, а на это способен любой человек, если он только этого пожелает.
>
> при выборе важно не столько умение выбирать верно, сколько энергия, серьезность и пафос, с которыми человек выбирает. В таком выборе личность возвещает о себе в своей внутренней бесконечности, и благодаря ему личность еще больше укрепляется в своем единстве. Потому что даже когда человек выбирает неверно, он и может — именно опираясь на энергию с которой он выбирает, — обнаружить, что выбрал неверно. Как раз потому, что выбор был сделан со всем внутренним содержанием личности, все существо человека очищается, и сам он приводится в непосредственное отношение с той вечной силой, которая вездесущим образом проницает собой все его наличное существование. Тот же кто выбирает только эстетически, никогда не достигает этого преображения, этого высшего посвящения. Несмотря на всю страсть,

> ритм его души является только лишь spiritus lenis (слабое придыхание).
> Возможно тебе и без того удастся осуществить многое; возможно ты сумеешь даже привести в изумление мир (я ведь не мелочен); и все же тебе будет недоставать высшего, единственного, что поистине сообщает жизни смысл, — ты можешь приобрести весь мир и потерять самого себя.
> Ибо тот кто живет эстетически не выбирает, — а тот кто выбирает эстетическое после того, как ему явилось этическое начало, живет не эстетически, так как он уже согрешает и подлежит теперь этическим определениям — пусть даже жизнь его приходится определять как неэтическую.
> В этом то и заключается печальная сторона, когда мы рассматриваем человеческую жизнь, — сплошь многие проживают свои жизни в состоянии тихого проклятия; они переживают самих себя, они исчезают, как тени, их бессмертные души уносятся прочь, и они не страшатся вопроса об их бессмертии; ибо души эти уже рассеялись уже до смерти.
> Мое «или-или» обозначает не выбор между добром и злом, оно обозначает скорее уж выбор, благодаря которому человек выбирает добро и зло — или не выбирает их. Вопрос здесь состоит в том в каких определениях человек собирается рассматривать все налично существующее и жить сам. А утверждение, что человек, выбирающий между добром и злом, тем самым выбирает добро, — по сути совершенно справедливо, ибо эстетическое — это не зло, но нечто безразличное, и именно поэтому я и говорил, что этическое образует выбор».

Итак, то что представляется Ницше «великим и трагическим», то есть «маски бога Диониса на персонажах греческой трагедии», «маски мифологических богов языческого Олимпа» — для Кьеркегора только миражи и иллюзии ложного восприятия обычной материальной энергии. Великое для Кьеркегора только метафизика духовного, где человек является без маски, «быть самим собой в необходимости, заданной богом». Ибо Кьеркегор подчеркивает, что «Я» человека есть «необходимость», то есть законы природы, установленные его творцом. И соответственно, быть самим собой значит делать выбор в пользу закономерностей истинной духовной энергии. Для Ницше слова «бог» уже нету, как мы знаем, ведь «Он убил

его». Для него есть «боги» языческих мифов, которые все отличаются друг от друга только «количеством силы» как все «идолы» язычества — порождения кривого зеркала поля Эгосистемы. Здесь нет духовной энергии разума и Бога-интеллекта, устанавливающего «необходимость» закономерностей природы. Здесь есть только противоборство «количеств силы», спрятанных под разными масками языческой мифологии.

Ницше, «Рождение Трагедии»:

> «с той же степенью уверенности можно утверждать, что никогда, вплоть до Еврипида, Дионис не переставал оставаться трагическим героем, но что все знаменитые фигуры греческой сцены — Прометей, Эдип и т. д. — являются только масками этого первоначального героя — Диониса. То, что за всеми этими масками скрывается божество, представляет одно из существенных оснований для вызывавшей столь часто удивление типичной «идеальности» этих знаменитых фигур. Не помню, кто утверждал, что все индивиды, как индивиды, комичны и посему непригодны для трагедии, из чего пришлось бы заключить, что греки вообще не могли выносить индивидов на трагической сцене.
> единственный действительно реальный Дионис является во множественности образов, под маской борющегося героя, как бы запутанный в сети индивидуальной воли. …Тому, кто понял, из какого материала лепили прометеевские трагики до Еврипида своих героев и как далеко было от них намерение выводить на сцену точную маску действительности, будет безусловно ясна и отклоняющаяся в совершенно другую сторону тенденция Еврипида. Человек, живущий повседневной жизнью, проник при его посредстве со скамьи для зрителей на сцену; зеркало, отражавшее прежде лишь великие и смелые черты, стало теперь к услугам той кропотливой верности, которая добросовестно передает и неудачные линии природы. Одиссей, типичный эллин древнейшего искусства, опустился теперь под руками новейших поэтов до фигуры graeculus'a, представляющего отныне в качестве добродушно-пронырливого домашнего раба средоточие драматического интереса».

Мы видим, что если Кьеркегор может оправдать «величие» истинной духовной энергии, как части «правящего дома метафизики интеллекта», то есть Творца- разума, то Ницше, который ссылается не на метафизику, а на языческих идолов, все

превосходство которых в «количествах физической силы» (абстракция бога-Диониса), Ницше нечем обосновать «величие» своих героев. Действительно, люди, герои и боги языческой мифологии в самом неразборчивом хаосе все перемешаны, дерутся между собой, и мало чем друг от друга отличаются, кроме «волшебства» фантазии. В то же время, Бог-Интеллект есть четкая систематизации вселенной на полюса активного и пассивного интеллекта, на Творца, установившего законы энергий, на материальные энергии, у которые есть законы природы, но нет мышления, и на духовную энергию человека, у которого есть и законы природы и активный интеллект — мышление (а значит, и «величие» принадлежности к метафизике интеллекта). Всего этого лишается философия Ницше и его попытки найти «величие» в магическом сознании языческой мифологии, которая есть только миражи материальной энергии и абстракции оторванной от действительности формальной логики.

И когда Ницше, который раздавил метафизику интеллекта уже в этой своей книге «Рождение Трагедии», пытается сослаться в «величии» своих героев на метафизику, он сам знает что он лжет, и позже он скажет об этом открыто в предисловии, которое добавит к книге под названием «Опыт самокритики»:

Ницше, «Рождение Трагедии», «Опыт самокритики»:

> «Да разве Ваша пессимистическая книга не есть сама обломок антиэллинизма и романтики, сама нечто «столь же охмеляющее, сколь и отуманивающее», наркотик во всяком случае? И в самом деле послушаем:
> «Представим себе подрастающее поколение с этим бесстрашием взора, с этим героическим стремлением к чудовищному, представим себе смелую поступь этих истребителей драконов, гордую смелость, с которой они поворачиваются спиной ко всем этим слабосильным доктринам оптимизма, дабы в целом и в полноте «жить с решительностью» 5: разве не представляется необходимым, чтобы трагический человек этой культуры, для самовоспитания к строгости и к ужасу, возжелал нового искусства, искусства метафизического утешения, трагедии, как ему принадлежащей и предназначенной Елены, и воскликнул вместе с Фаустом:

> Не должен разве я стремительною мощью Единый вечный образ вызвать к жизни? 6»
> «Разве не представляется необходимым?»... Нет, трижды нет, о молодые романтики, это не представляется таковым! Но весьма вероятно, что это так кончится, что вы так кончите, т. е. „утешенными", как писано есть, несмотря на все самовоспитание к строгости и к ужасу, „метафизически утешенными", короче, как кончают романтики, христианами... Нет! Научитесь сперва искусству посюстороннего утешения, — научитесь смеяться, молодые друзья мои, если вы во что бы то ни стало хотите остаться пессимистами; быть может, вы после этого, как смеющиеся, когда-нибудь да пошлете к черту все метафизическое утешительство — и прежде всего метафизику!»

Итак, вот как видится Ницше «величие» и «трагедия»: мир как абстракция количественной силы, где люди борются с «идолами-богами», чтобы доказать свое превосходство над ними. Здесь нет «добра и зла», и если здесь есть красота, эстетика, то это образы героев победителей богов, чтобы самим занять место богов. Ницше много раз проводит эту мысль в книге, что истинный смысл — это противоборство количеств одной единой силы под разными масками, и выражает эту мысль в терминах философии Шопенгауэра: единая воля, единая сила, единое могущество в основе бытия. И мы видим, что он ссылается на «эстетику» Гете, у которого выбор Кьеркегора между этическим и эстетическим также пришелся на эстетическое: то есть победу поля Эгосистемы над полем метафизики интеллекта.

Ницше, «Рождение Трагедии»:

> «...поколение с этим бесстрашием взора, с этим героическим стремлением к чудовищному, представим себе смелую поступь этих истребителей драконов...
> ...Лучезарному венцу пассивности я противопоставлю теперь венец активности, сияющий вокруг главы эсхиловского Прометея. То, что мыслитель Эсхил имел нам сказать здесь, но что как поэт он дает нам лишь почувствовать в своем символическом образе, молодой Гёте сумел открыть нам в смелых словах своего Прометея:
> Я здесь сижу, творю людей
> По своему подобию,
> Мне равное по духу племя —

Страдать и слезы лить,
И ликовать и наслаждаться,
И ни во что тебя не ставить,
Как я!

Человек, поднявшийся до титанического, сам завоевывает себе свою культуру и принуждает богов вступить с ним в союз, ибо в своей самоприобретенной мудрости он держит в руке их существование и пределы»

Мы могли видеть, что Кьеркегор и Ницше видят обе энергии: энергию поля интеллекта и энергию поля Эгосистемы, но каждый выбирает как «силу, здоровье и величие» противоположную. Если для Кьеркегора — это метафизика поля интеллекта, и он может обосновать свой выбор, то для Ницше — это кривое зеркало поля Эгосистемы, иррационализм которого он старается скрасить философией Канта (все иллюзия явлений против вещи в себе), и философией Шопенгауэра (весь мир есть противоборство единой количественной абстракции силы). Но мы знаем, что поле интеллекта — есть духовная энергия разума, величие которое в доступе к научному контролю, тогда как поле Эгосистемы — заурядная материальная энергия, замкнутая в в своем циклическом гомеостазе. Кто же прав, когда смеется над «величием» другого: Кьеркегор или Ницше? А ведь и тот и другой называют позицию другого комической, и Ницше даже говорит, что может умереть от «гомерического хохота» над этикой добра и зла.

Мы видели, что для Кьеркегора такие термины как «трагедия», «этика» (борьба добра со злом), «эстетика» (в ее истинном значении»), «величие» возможны только для уникальной духовной энергии, для метафизики интеллекта, потому что нет ничего великого в «твари», но есть великое в «Творце», а ведь мышление дает человеку возможность доступа в Пространство Интеллекта Творца, к познанию и контроль законов природы. И также нет «трагедии» в противоборстве разных физических сил, ибо они противоборствуют бессознательно согласно установленным творцом законам. Но есть великая трагедия, когда сознательная духовная энергия человека теряет самое себя в миражах материальной энергии, поскольку это имеет отношение к сознанию и к Богу.

Вот как понимает «печаль трагедии» Кьеркегор, и как совсем не грустно понимает трагедию Ницше? А трагедия ли то, о чем говорит Ницше?

Кьеркегор: «В этом то и заключается печальная сторона, когда мы рассматриваем человеческую жизнь, — сплошь многие проживают свои жизни в состоянии тихого проклятия; они переживают самих

> себя, они исчезают, как тени, их бессмертные души уносятся прочь, и они не страшатся вопроса об их бессмертии; ибо души эти уже рассеялись уже до смерти».

Ницше:

> «... Ибо на отдельных примерах такого уничтожения нам лишь становится яснее вечный феномен дионисического искусства, выражающего волю в ее всемогуществе, как бы позади principii individuationis, вечную жизнь за пределами всякою явления и наперекор всякому уничтожению. Метафизическая радость о трагическом есть перевод инстинктивно бессознательной дионисической мудрости на язык образов: герой, высшее явление воли, на радость нам отрицается, ибо он все же только явление, и вечная жизнь воли не затронута его уничтожением. „Мы верим в вечную жизнь!“ — так восклицает трагедия. И дионисическое искусство также хочет убедить нас в вечной радостности существования; но только искать эту радостность мы должны не в явлениях, а за явлениями. Нам надлежит познать, что все, что возникает, должно быть готово к страданиям и гибели; нас принуждают бросить взгляд на ужасы индивидуального существования — и все же мы не должны оцепенеть от этого видения: метафизическое утешение вырывает нас на миг из вихря изменяющихся образов. Мы действительно становимся на краткие мгновения самим Первосущим и чувствуем его неукротимое жадное стремление к жизни, его радость жизни; борьба, муки, уничтожение явлений нам кажутся теперь как бы необходимыми при этой чрезмерности бесчисленных стремящихся к жизни и сталкивающихся в ней форм существования, при этой через край бьющей плодовитости мировой воли; свирепое жало этих мук пронзает нас в то самое мгновенье, когда мы как бы слились в одно с безмерной изначальной радостью бытия и почувствовали в дионисическом восторге неразрушимость и вечность этой радости. Несмотря на страх и сострадание, мы являемся счастливо-живущими, не как индивиды, но как единое-живущее, с оплодотворяющей радостью которого мы слились»

Ницше отказывается от «теоретического и этического человека Сократа» потому, что он «оптимистичен», и лишает таким образом его, Ницше, того «пафоса и ужаса борьбы титанов», которые кажутся ему «трагедией».

Ницше, «Рождение Трагедии»:

> «Сократ, диалектический герой платоновской драмы, напоминает нам родственные натуры еврипидовских героев, принужденных защищать свои поступки доводами „за“ и „против“, столь часто рискуя при этом лишиться нашего трагического сострадания; ибо кто может не заметить *оптимистического* элемента, скрытого в существе диалектики, торжественно ликующего в каждом умозаключении и свободно дышащего лишь в атмосфере холодной ясности и сознательности? — И этот оптимистический элемент, раз он проник в трагедию, должен был мало-помалу захватить ее дионисические области и но необходимости толкнуть ее на путь самоуничтожения, вплоть до смертельного прыжка в область мещанской драмы. Достаточно будет представить себе все следствия сократовских положений: „добродетель есть знание“, „грешат только по незнанию“, „добродетельный есть и счастливый“, — в этих трех основных формах оптимизма лежит смерть трагедии».

Для Ницше «смерть трагедии» — это смерть мифологии язычества, а именно с отказом от мифологии язычества в угоду интеллекту и этике Ницше не согласен мириться. Для него трагедия — это священнодействие, где оживают языческие боги Олимпа, и где зрители могут побыть этими богами вместе с ними. Потому в слово «трагедия» он вкладывает не тот смысл, который позже вложит в нее Шекспир, как трагедию разрушенной духовной энергии, а обратный, противоположный смысл — победа поля Эгосистемы над духовной энергией, триумф «инфляции Эго» как сказал бы Карл Юнг. Увы, история античности доказала нежизнеспособность Гибрис-Эго древних эллинов, погубивших свое великое дарование в междоусобных войнах.

Различие между этическим и эстетическим как его в этих книгах противопоставляют Кьеркегор и Ницше не есть различие между научным и физическим контролем, но различие между научным и шизоидным интеллектом Гибрис — Эго, который как известно стал младенческой болезнью западной цивилизации. Гибрис-Эго как ложный интеллект на поле Эгосистемы, как формальная логика оторванная от действительности, мышление, которое вместо того, чтобы открывать законы природы, воюют с ветряными мельницами миражей поля Эгосистемы. Этот шизоидный интеллект и создал манию величия Гибрис-Эго,

и феномен «эстетического отдельно от этического». Обычный физический контроль (насилие-подчинение) поля Эгосистемы есть противостояние духовной энергии совсем другого рода. Кьеркегор в этой связи говорит, что болезнь (отчаяние) бывают двух типов: отчаяние когда нет духа (физический контроль поля Эгосистемы), и отчаяние, когда дух есть, но он заблудился (в кривом зеркале поля Эгосистемы). Этот последний случай и есть то самое болезненное эстетическое замков на песке, то Гибрис-Эго греческой трагедии, которое уже в «Илиаде» отображает радикальный внутренний раскол античного общества, и предрешает его гибель («ибо если царство разделится внутри себя, то как устоит?»).

Кьеркегор, который как все одаренные мыслители сам прошел через эту детскую болезнь интеллекта, и в книге «Или-или» пересказывает свою борьбу с самим собой как советы отца сыну сделать выбор в пользу этического, и избежать всех миражей и иллюзий эстетического, сделал правильный выбор в конечном итоге. Ницше, который шел теми же путями, плутая между полем интеллекта и шизоидным Гибрис-Эго, в конечном итоге становится на сторону Гибрис-Эго, и конечно погибает. Однако, его видимой заслугой остается тот факт, что в книге «Рождение Трагедии» он четко разграничил антагонизм двух культур в Древней Элладе: дионисизм и сократизм (или иначе мифологию язычества как магическое сознание поля Эгосистемы и научное сознание поля интеллекта и совести в философии Сократа и Платона). Пусть он выбрал неправильную сторону, что стоило ему психического здоровья, но он все же показал что четко видел эту «раздвоенность сознания» человека и правильно показал основные различия между этими сознаниями. А в «Шопенгауэре как воспитателе» он еще блуждая в своих поисках, становится на правильную сторону, на сторону этики и интеллекта.

Таким образом, мы видим эти две симметричные в своей противоположности теории этического и эстетического у Кьеркегора и Ницше, когда оба достаточно гениальны, чтобы увидеть два поля психической энергии, и когда один настолько безумен,

чтобы встать на поле материальной энергии и ложного интеллекта поля Эгосистемы. Ницше оправдывает «преступление» как арийскую традицию только на основании мифа о Прометее, языческом великане который выступил против других языческих великанов (языческие мифологии не содержат ни бога ни метафизики), и сравнивает эту войну животных с преступлением против этического Бога метафизики интеллекта, презирая при этом «страх перед грехопадением», который и есть истинная трагедия. А ведь истинной трагедии никто в здравом уме не возжелает, и тем более так пламенно как Ницше горит страстью к трагедии.

Кьеркегор поразительно проницателен, когда разграничивает удар по полю интеллекта (истинная трагедия совести) и удар по полю Эгосистемы (ложная трагедия ложной энергии). И он смеется над «трагедией» разрушенного Гибрис- Эго, в котором Ницше виделось столько пафоса и столько глубины.

Кьеркегор «Болезнь к смерти»:

> «Стало быть, он отчаивается или, скорее, по странному обманчивому видению, будучи как бы завлеченным вглубь, к собственному субъективному Я, он говорит, что отчаивается. Однако отчаиваться — значит терять вечность, но вот как раз об этой-то потере он не говорит ни слова, он о ней даже не подозревает. Отчаяние во внешнем само по себе даже не является отчаянием, однако о нем так говорят, и это называют отчаянием… называя себя отчаявшимся, человек не подозревает, что в это самое время отчаяние действительно появляется у него за спиною, без его ведома»

Кьеркегор «Болезнь к смерти»:

> «Стало быть, отчаявшийся человек только и делает, что строит замки в Испании и воюет с мельницами. Сколько шума всегда о добродетелях такого постановщика опытов! Эти добродетели на мгновение очаровывают, подобно восточному стиху: такое владение собою, каменная твердость, вся эта атараксия [25] и так далее, они как из сказки. И они действительно выходят прямо из сказки, ибо за ними ничего не стоит. Это Я в своем отчаянии хочет вкусить наслаждение самому создавать себя, облекать себя в одежды, существовать благодаря самому себе, надеясь стяжать лавры поэмой со столь ис-

> кусным сюжетом, короче, так прекрасно умея себя понять. Но что он подразумевает под этим, остается загадкой: ибо в то самое мгновение, когда он думает завершить все сооружение, все это может, по произволу, кануть в ничто. Если же отчаявшееся Я пассивно, отчаяние все равно остается таким, когда желают быть собою. Возможно, испытующее Я, подобное уже описанному, желая предварительно сориентироваться в своем конкретном Я, наталкивается на некоторую трудность, на то, что христиане назвали бы крестом, то есть на некое фундаментальное зло, каким бы оно ни было. Это Я, отрицающее конкретные, непосредственные данности Я, возможно, начнет с того, что попытается выбросить зло за борт, притвориться. что его не существует, не пожелает ничего о нем знать. Но это ему не удастся, его гибкость и искусность в опытах не доходит до такой степени, как, впрочем, и его искусность строителя абстракций; подобно Прометею, бесконечно негативное Я чувствует себя пригвожденным к такому внутреннему рабству».

3. ГРЕЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ КАК КУЛЬТУРА ТЩЕСЛАВИЯ (СТЫДА) И КУЛЬТУРА СОВЕСТИ (ВИНЫ) В «РАСШИФРОВАННОЙ ИЛИАДЕ» Л. КЛЕЙНА. А ТАКЖЕ У С. БЛЭКБЕРНА

Л. Клейн, известный российский археолог, настаивает в книге «Расшифрованная Илиада» на том факте, что Илиада распадается на две части — раннюю, аутентичную, где развивается традиционная для греческой трагедии тема «культуры стыда», «эстетического» начала Победы Сильнейшего, и более поздние добавления, где развивается нетипичная для греческой трагедии тема «культуры вины», то есть совести поля энергии духа.

Автор, вслед за римским философом 1 века Дионом Хризостомом, убежден в том, что Илиада — это народный эпос, оплакивающий Поражение ахейцев в Троянской войне, а вовсе не победу. И что поражение в Троянской войне стало результатом специфичных для культуры Гибрис-Эго постоянных гражданских войн, которые в конечном итоге окончательно погубили Древнюю Грецию. Потому истинный сюжет Илиады — о войне между двумя ахейскими царями в разгар войны с Троей — Агамемноном и Ахиллом. И народный эпос пла-

чет и осуждает эти внутренние распри, а вовсе не восхваляет их.

И потому позднейшие добавления к эпосу в виде «культуры вины» или «Трагедии совести» Ахилла — это зачатки прозревания ложности поля Эгосистемы материальной энергии (культуры тщеславия магического сознания), и обращение к полю совести энергии духа.

Л. Клейн, «Расшифрованная Илиада»:

> «Какова была действительная причина перехода к новому варианту эпизода? Главное отличие — в ином отношении к нравственным ценностям, в иных идеалах. На первый план теперь выступает восхваление жалости, милосердия. Сострадание к человеку и милосердие чувствуются в «Похоронах Патрокла», где бывшие враги Агамемнон и Ахилл совместно хоронят Ахиллова друга. Но главная причина по которой приходится отвергнуть исконность последней песни в «Илиаде» — это свидетельства того, что первоначальное завершение поэмы было вообще другим — без выкупа тела Гектора и без похищения его. Во многих местах поэмы Ахилл грозится опозорить тело Гектора — обезглавить, вышвырнуть псам и птицам на растерзание, а в последней песне неожиданно, либо упускает труп врага, либо выдает его отцу, Приаму.
>
> …Тема Патрокла — это гимн беззаветной дружбе и в то же время реквием, ибо время дружбы скоротечно и друзьям суждена разлука навек. Патрокл погиб за друга, вместо друга и перед ним: вскоре погибнет и кратковечный Ахилл. Но пока он жив его терзает осознание безнадежности утраты и тяжести ошибок. Он предвкушал близкое торжество над ахейцами и упивался этим, не зная, что цена торжества — утрата того, кто был ему дороже всех. Чего стоят слава, дары и ненужная дева! Это тема суетности и величия, возмездия и раскаяния. Раскаяния — в чем? Возмездия — за что? Тут есть о чем подумать. Излишне и говорить, как важна эта тема для Илиады в ее нынешнем виде — поэмы о гневе Ахилла, о его злосчастной обиде, о ссоре с Агамемноном, выведшей Ахилла из боев, сделавшей его врагом ахейцев и предопределившей смерть Патрокла. Об этом гибельном междоусобном раздоре из-за несправедливости одного и обидчивости, болезненного самолюбия другого.
>
> …Трогательная дружба Ахилла и Патрокла с давних времен служит лучшим примером боевого союза двух героев и античного представления об идеальной дружбе вообще. Тема Патрокла — это гимн беззаветной дружбе и в то же время реквием. Чего стоят теперь слава

и дары! Герой, оплакивающий друга сравнивается со львом или львицей, у которой отняли львят. Ахилл долго отказывается похоронить друга, наконец погребает, заливая прах медом и маслом. Во сне Ахилл пытается обнять тень Патрокла. Под Троей тень Патрокла печально посещает Ахилла. Все предрекают Ахиллу близкое следование в мир иной за Патроклом и сам он это чует. Ахилл знает, что вступаясь за Патрокла, он будет убит, но это не может его удержать.

….Реальное историческое поражение ахейцев явно не вяжется с победным славословием Гомера. Но возьмем в руки Илиаду или Одиссею. Прочтем их повнимательнее — так, как историки давно уже прочли надписи Рамсеса Второго о битве с хеттами при Кадеше. Там за пышными самовосхвалениями проступает горькая правда о поражении. Обратимся к Гомеру. Чем оканчивается повествование в «Илиаде»? По сути ничем. Вся Илиада густо насыщена зловещими предчувствиями ахейцев относительно их собственного грядущего поражения, и это не может быть ничем, кроме по нечаянности не убранных остатков начального повествования, следов исторической реальности. Отблески грядущего поражения так многочисленны, что складываются в систему, охватывающую помыслы всех в Илиаде — героев, богов, судьбы.

…Илиада — не о войне. Война в ней только фон и канва. Еще в главном веке ученые заметили, что главный герой поэмы — не царь Спарты Менелай и не его брат Агамемнон, верховный вождь ахеян, а юный царь небольшого царства мирдонян Ахилл. Сюжет поэмы — ссора двух ахейских вождей, Ахилла и Агамемнона, во время осады города. Причина ссоры, ее развитие и результат — этим определен стержень сюжета, этим обусловлены границы поэмы. Последствия ссоры оказались бедственными. Поэма не воспевает Ахиллов гнев, поэма его осуждает. Все заканчивается похоронами Патрокла и душевным обновлением Ахилла. Чувство вины в смерти друга так потрясло Ахилла, что сердце его смягчилось, и он согласился выдать тело Гектора отцу его, Приаму, для почетного погребения.

По греческому миру ходило много подобных песен. В Илиаде перелагается рассказ об обиде и гневе Мелеагра, в Одиссее упоминается ссора Одиссея с Ахиллом на пиру, в Эфиопиде излагается ссора Одиссея с Аяком, закончившаяся самоубийством Аякса. Что породило всю эту серию однотипных песен о ссорах вождей на радость врагу? Прежде всего конечно, сама действительность. Какая же сила настоятельно обращала взоры поэтов 8—7 вв до н.э. на враждующих вождей? Какая сила подняла поэму о ссоре над сказаниями о ходе великой войны, даже над песнями о победе,

> развернула именно ее в грандиозную эпопею и сохранила на века?
> …Историческое значение «Илиады» в призыве к единению всех греческих племен в борьбе за освоение и защиту Эгейского мира от складывавшихся на востоке все более крупных и грозных империй, армии которых волнами лавы катились на запад. Призыв прозвучал своевременно: за век два до самого опасного, персидского нашествия. И не пропал даром. Отстояв свою цивилизацию, греки сохранили для будущего мира разработанные наиболее полно для того времени основы демократии и культуру, в которой человек стал мерой всех вещей. Призыв к единению был естественным образом сопряжен в «Илиаде» с прославлением взаимопонимания, сдержанности и человечности, и уже в ней самой это требование было распространено на контакты между народами, даже воюющими. Коль скоро так, этот призыв звучит злободневно и без малого три тысячи лет спустя — как обращенный ко всему человечеству в самый ответственный и опасный час его истории».

Другой исследователь, английский ученый Саймон Блэкберн, подчеркивает в книге «Республика Платона», что Право Сильного, то есть физический контроль поля Эгосистемы материальной энергии, оставался в основе той самой «культурой тщеславия (культурой стыда) до самого поражения Древней Греции.

Именно конфликт между культурой тщеславия (стыда) греческой мифологии и культурой совести (вины) философии рационализма Пифагора, Сократа, Платона и стал причиной смерти сначала Пифагора, а потом Сократа. Такое же расщепление сознания между полем Эгосистемы и полем интеллекта энергии духа в первое осевое время привело к убийству Заратустры жрецами магии, а позже к казни Христа фарисеями. Ведь Платон считал греческую трагедию, и в том числе Гомера, недопустимыми в его Республике!

С. Блэкберн, «Платон и его «Государство»:

> «Историк Фукидид рассказывает один из самых мрачных эпизодов из своей истории Пелопонесской войны, когда Афины, с позиции власть держащего, потребовали от маленького независимого госу дарства под названием Мелос, сдаться. Это событие произошло за 40 лет до «Политии» Платона, когда Афины направили 37 воен ных кораблей и 10000 воинов против 500 человек мелян. Можно

представить что один из таких безжалостных и дерзких посланцев из Афин на этот остров послужил прототипом Фрасимаха. Прежде всего, эти посланцы грубо отвергают все призывы к соблюдению прав и к справедливости и настаивают на том что дело должно ре шаться с точки зрения личных интересов: «Вы также хорошо знаете как и мы, что между людьми только тогда говориться о правах спра ведливости, когда сила с обеих сторон равна, а сильнейшая сторона требует всего, что только может, а слабейшая соглашается на эти требования».

В драме Платона Фрасимах фактически представляет интересы афинских посланцев. Они представляют собой людей реальной по литики, знающих, что они живут в жестоком мире, и приспосаблива ющихся к нему. Вместе со своими преемниками они оставляют огромное красное пятно в истории человечества (меляне не захоте ли сдаваться, и тогда афиняне уничтожили мужчин и обратили в раб ство женщин и детей). От них нам в наследство достались блицкриг, терроризм, почитание свободного рынка и этика бизнес-школы.

От них же Америка унаследовала «неоконсерватизм», идеологию, вдохновителем которой послужил политик Лео Страус.

В девятнадцатом веке Фрасимах снова стал популярным благодаря теории Дарвина, которую зачастую рассматривали как оправдыва ющую жестокость мира не только как обоснованную с точки зрения морали, но и неизбежную. Поэтому любая попытка смягчить ее или облегчить суровые результаты считалась бесполезной. Реальная по литика являлась законом природы. Победители побеждают, а про игравшие отходят в сторону. Логику необузданного капитализма считали собственной логикой природы, вмешиваться в которую не только бесполезно, но и неблагочестиво. Конечно же, в резуль тате мы пришли к скудному или несуществующему социальному обеспечению внутри страны, колониализму и империализму за ее пределами и конкуренции между индустриальными державами, ко торая переросла в милитаристскую экспансию и агрессивную гонку вооружений. Мелянский спор показывает, Фрасимах был не просто воображаемым противником. Подобные ему есть и сейчас. Стоит вспомнить, что прежде чем Гоббс стал популярным за свою теорию Левиафана и «войны всех против всех», он первым в 1628 г. пере вел Фукидида с греческого на английский.

Герой Шекспира Фальстаф так и говорит: «Что же тогда честь? Слово. Что же заключается в этом слове. Воздух».

Вот насколько трудный вызов бросает Фрасимах Сократу, и сколь сложная задача стоит перед Сократом. Сократ отвечает введением нового закона: что справедливость и добродетель совпадают с поня

тием счастья. И таким образом, доказывает обратную связь между несправедливостью и несчастьями. Это значит, что справедливость является хорошим душевным состоянием (правильно организован ной души), а несправедливость — плохим, и значит справедливый человек будет счастлив, а несправедливого ждет плохая жизнь. Ка жется, Сократ пытается прийти к заключению, что плохое поведение приведет к внутренней дисгармонии, психологическому надлому, который разрушит счастье и благополучие, как будто афинским по сланцам предстоит испытать стресс, чувство вины и угрызения сове сти за свой поступок. (Даже если у них на самом деле возникли бы проблемы с совестью, Фрасимах мог бы сказать, как Ницше спустя две тысячи лет, что угрызения совести — это болезнь).

...Теперь афинские посланцы не являются образцом разума в пове дении. Не страдая от тревоги за мелян, они должно быть отсекли часть своего разумного «я», и потому не могут быть хорошо органи зованными и справедливыми.

Вопрос заключается в том, заслужило ли «Государство» Платона ска зать это, и имеются подозрения, что не заслужило. Так как у нас до сих пор нет ни малейшего намека на то, почему наличие хорошо организованной души позволит нам иметь общие взгляды с окружа ющими и склонность принимать во внимание их нужды и проблемы. Именно этого так не хватает афинским посланцам, когда дело каса ется мелян. Мы не знаем почему, если они следуют своим чисто эго истическим интересам, это пошатнет их счастье или процветание.

Мы не знаем, почему посланцы, если им надлежит быть «разумны ми» должны поступиться или пренебречь интересами Афин. И пока мы не сможем доказать причинную связь между хорошо организо ванной душой и счастливой душой ситуация не изменится. Это зна чит, что Фрасимах, афинские посланцы, неоконсерваторы и другие сторонники реальной политики все еще не получили достойного от вета»

С. Блэкберн, «Платон и его Государство»:

«Образцом мужественного человека служил Ахилл из «Илиады» Го мера. Ахилл как львы представляет проблему. Он нетерпелив, и его необузданная свирепость может быть направлена как против врага, так и против Агамемнона, что почти и происходит, когда во власти гнева он совершает непростительные зверства. Однако, он притяги вает к себе более слабые характеры. Александр Македонский с чув ством неловкости выбрал его в качестве образца для подражания, а арийская «мужественность» занимала важное место в нацистской идеологии. Сегодня ни один из демократов-политиков не осмелится

бросить тень на этот романтический ореол. Только подумайте о Бу ше-младшем, позирующем на авианосце, или жителях Калифорнии, избирающих надуманного героя своим губернатором, или о всеоб щей тенденции среди британских политиков симулировать интерес к футболу. Наоборот, для Платона кто-либо подобный Ахиллу далек от идеала, а его thumos является проблемой. На самом деле то, что именно такой тип характера стремится к доставляющей удоволь ствие драме, частично вызывало у него опасения о вредном влиянии драматургии. Таким образом Платон далек от того, чтобы воспевать идеал «мужественности». На самом деле тут Ницше находит повод поворчать о том, что его философия бледная и нездоровая, активно выступающая против «стремления к власти». Платон в особенности хочет чтобы мы пересмотрели свой идеал храбрости, отделив ее от стремления к власти, военного духа и жажды военной славы. Храбрость-это не надменное расположение духа, а скорее твер дость и стойкость проявленные Сократом. Как мужчины так и жен щины могут присоединиться к правящей элите. Если перевести на язык правильно организованной души, то женская добродетель тождественна мужской добродетели, а это само по себе проводит грань между « добродетелью и «мужественностью»

4. РИМЛЯНЕ ПРОТИВ КУЛЬТУРЫ ТЩЕСЛАВИЯ ГРЕЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ. МИР В ПРЕДДВЕРИИ ХРИСТИАНСКОЙ ПОБЕДЫ КУЛЬТУРЫ СОВЕСТИ

К. Марта, «Философы и поэты моралисты во времена Рим ской Империи»:

«Такое предубеждение римлян против греков было уже очень дав нее, и Ювенал не более как передатчик всех этих жалоб, раздавав шихся в Риме с первого появления греков во времена Катона. Кто не помнит вечных иногда странных жалоб Катона-цензора и его сарказмов против этих иностранцев, их подозрительной филосо фии, лживой риторики и даже человекоубийственной медицины. Плавт, подражатель греков, нисколько не стыдится обижать их он вполне уверен что обрадует свою грубую публику и польстит ей, если выставит этих ловких красноречивых людей развратниками, интриганами и мошенниками. Вследствие того, в комедии и в на родном языке явилось несколько поговорок, наивно доказывающих это римское прегрешение: развратничать называлось «жить по гре чески»; недобросовестность звали «греческим уверением». О чело

> веке, обдумывающим на сцене мошенничество, говорят: посмотри те, он философствует. Все эти патриотические эпиграммы были очень приятны римлянам, не доверявшим науке, и думавшим, что деревенская простота — наилучшая подруга добродетели. Сам Ци церон, вышедший из школ Афин и Родоса, горячий поклонник Гре ции, притворялся будто он разделяет общее предубеждение и гото вил себе ораторский успех, если делал в речах нелестное изображение греческого характера. Но эти искренние или притвор ное презрение не помешали однако грекам победить Рим и навя зать своим суровым завоевателям свои искусства, обычаи, моды и даже удовольствия. Ювенал такой завзятый римлянин что он не мог не найти у греков всех пороков. Он говорит то, что говори лось во времена Плавта: они сладострастны, коварны, лживы. «Жестче всякого оружия роскошь поживает нас и мстит за побеж денный мир. Разврат устремил на нас всяческие преступления и всяческие гнусности с тех пор, как погибла римская бедность. Роскошь привела на наши холмы изнеженность Сибариса, нравы Родоса, Милета и увенчанного цветами, опьяненного и разрушен ного Тарента».

К. Марта, «Философы и поэты моралисты во времена Римской Империи»:

> «Впрочем, к чему было стараться разрушить религию, не представлявшую ни малейшей строгости, и не только не подавлявшую страстей, но делавшею их еще более притягательными и украшавшую их тысячью прелестных украшений? Следовательно, мифология меньше должна была опасаться вольнодумцев чем честных людей. Испорченность нравов мирилась с языческой мифологией, и наиболее развратные люди, для того чтобы действовать вполне свободно и исполнять все свои прихоти, не считали нужным возмущаться против языческой веры.. Вот почему басня, которую никому не было интересно разрушать господствовала так долго несмотря на свою лживость. Не только народ продолжал оставаться верным своему культу, но кроме того, таинственные догматы Востока, азиатские и египетские религии явились для того, чтобы подтвердить и обновить язычество. В эпоху Лукиана боги уже не имели того величия, которое им придал Гомер. Критика Лукиана точна, несмотря на всю свою ненависть к религии, он передает баснословные предания во всей их неприкосновенности. Лукиана извлекает из басен мифологии естественные и законные следствия, показывающую всю мелочную, безнравственную и постыдную сторону поведения богов. Это серьезная,

едкая и действительно философская критика. Он рассеивает обманчивые иллюзии басни и ставит ее перед взорами разума. То, чем мы больше всего восхищаемся в Гомере, кажется нам теперь не более, как ребяческими бреднями; наше смущенное воображение уже не смеет одобрить того, что только что было осуждено нашим здравым смыслом. Трудно описать ту при творную скромность с которой автор дотронулся пальцем до всех гнусностей своей религии. Божеская комедия Лукиана, также как и человеческая комедия Менандра, обязана своим интересом живому наблюдению нравов., он не считает нужным искажать их историю ради их унижения. Есть ли какой-нибудь сюжет который легче бы поддавался карикатуре, чем разнообразные любовные похождения Юпитера?... Когда речь идет о какой-нибудь небесной мерзости, о чем-нибудь слишком смешном, о какой-нибудь черес чур постыдной и нелепой басне, он шутит самым смелым и свободным образом? Надо сознаться, что в эту эпоху было очень легко уронить в людском мнении богов; достаточно было подобно Лукиану, выставить как бы на театре весь небесный двор, как труппу актеров, и предоставить зрителям размышлять о степени моральности пьесы. Так как религия оставалась неподвижной, а человеческая нравственность делала успехи, то люди могли считать себя лучше богов. Это была странная аномалия в языческом мире. Те самые преступления, которые разрешались примером божества, осуждались философией и законами. Лукиан изобразил нам это странное положение: „Когда еще в детстве я читал у Гомера или Гесиода о войнах и возмущениях между полубогами и между самими богами, об их прелюбодействах, наси лованиях, похищениях, спорах, об изгнаниях ими своих отцов, об их браках между братьями и сестрами, я воображал себе, что все это чрезвычайно хорошо и не мало восхищался всем этим. Но когда я увидел что законы воспрещают все это, запрещают прелюбодеяние, мятежи, похищения, я очутился в большом затруднении. Я не мог ве рить тому, чтобы боги были прелюбодеями не находя этого честным, ни тому что законодатели предписали совершенно противоположное". Эти слова объясняют нападения Лукиана на язычество. С од ной стороны законно было разрушать развращающую религию; с другой стороны легко было выставить на посмеяние богов, которых не только могла порицать деликатная нравственность, но которых даже положительный закон приговорил бы к самым позорным наказаниям, если бы их вызывали к суду как простых смертных. Лукиан довольно ясно указывает, что намерения его серьезны, цель возвышенна, и что его моральное стремление состоит в том, чтобы извлекать людей из их невежества и безумства».

Г. Л. Честертон, «Вечный человек»:

«Но неверно думать, что римское отвращение к греческим порокам было чистым лицемерием. Я совсем не считаю римлян идеальными рыцарями — мир не знал настоящего рыцарства до христианских времен. Но я верю, что у них были человеческие чувства. Дело в том, что поклонение природе привело греков к отвратительному извращению; их довела до беды худшая из софистик — софистика простоты. Они пошли наперекор естеству, поклоняясь природе, отошли от человечности, превознося человека. Конечно, в определенном смысле Содом и Гоморра лучше, человечнее Тира и Сидона. Когда мы вспоминаем бесов, пожирающих детей, мы понимаем, что даже греческий разврат лучше пунического сатанизма. Но мы ошибаемся, если в отвращении к разврату увидим чистое фарисейство. Расскажите про культ Ганимеда юноше, которому посчастливилось вырасти нормальным и мечтать о любви. Он даже не будет шокирован — ему просто станет противно. И это первое впечатление окажется правильным. Наше циничное равнодушие — просто обман зрения, иллюзия привычности. И нет ничего странного в том, что по-сельски чистые римляне содрогались от одних слухов о таких делах — содрогались почти так же, как от жестокости Карфагена. Именно потому, что гнев их был меньше, они не разрушили Коринф, как разрушили Карфаген. Но если вы все же считаете, что плохое отношение к грекам было вызвано только государственными и торговыми интересами, я скажу вам, что, как ни прискорбно, вы не понимаете некоторых вещей и потому вам не понять латинян. Вы не понимаете демократии, хотя, без сомнения, много раз слышали это слово и нередко произносили его. Всю свою мятежную жизнь Рим тянулся к демократии; ни государство, ни политика ничего не могли сделать, не опираясь на демократию — на ту демократию, которая прямо противоположна дипломатии. Именно благодаря римской демократии мы знаем так много о римской олигархии. Современные историки не раз пытались объяснить славу и победы Рима продажностью и делячеством — словно Курций подкупил македонских воинов или консул Нерон обеспечил себе победу из пяти процентов. Однако о пороках патрициев мы знаем только потому, что плебеи их разоблачали. Карфаген был пропитан сделками и подкупом. Но там не было толпы, которая посмела бы назвать своих правителей взяточниками.

Римляне были слабы, римляне грешили, как все люди, — и все же возвышение Рима действительно было возвышением здравомыслия и народности. Особенно здравой и народной была ненависть к из-

вращению; у греков же оно вошло в обычай. Оно до того вошло в обычай, стало литературной условностью, что римские писатели и сами подражали ему. Но это — одно из непременных осложнений снобизма; а глубже, за пленкой моды, дух этих двух сообществ был совершенно различен. Действительно, Вергилий взял темы из Феокрита; но вряд ли кому-нибудь покажется, что их пастухи похожи. Сам Вергилий воспевает прежде всего естественные, нравственные и здоровые вещи — умеренность, патриотизм, сельскую честь. Ведя рассказ об осени древнего мира, я хотел бы остановиться подробнее на имени того поэта, который в таком высоком смысле воплотил зрелость и ясную печаль осени. Всякий, прочитавший хоть несколько строчек Вергилия, знает: кто-кто, а он понимал, что значит для человечества нравственное здоровье. Две черты великого римского поэта особенно важны для нашей темы. Во-первых, его патриотический эпос основан на падении Трои, — другими словами, Вергилий славит Трою, несмотря на то что она пала. Он возвел к троянцам свой любимый народ и положил начало великой троянской традиции, которая проходит через всю средневековую и современную литературу. С легкой руки Вергилия она вышла за пределы литературы и стала легендой о священном достоинстве побежденных. Эта традиция — одна из немногих — подготовила мир к приходу христианства и особенно — христианского рыцарства. Мужество человека, припертого к стене, помогло пронести цивилизацию сквозь бесконечные поражения Темных веков и варварских войн, в которых родилось рыцарство; а стена эта была стеной Трои. И в средние века, и в Новое время европейцы, подобно Вергилию, возводили свои народы к героическим троянцам. Самые разные люди считали великой честью называть своим предком Гектора. Никто, кажется, не пытался возводить свой род к Ахиллу. Показательно даже то, что троянское имя вошло в наши святцы, и мальчиков крестят Гекторами в далекой Ирландии, а греческое имя мы слышим очень редко, и звучит оно претенциозно. А прославление Трои тесно связано с тем духом, из-за которого многие считали Вергилия почти христианином. Словно из одного дерева сделаны два орудия Промысла — божественное и человеческое; только деревянного коня Трои можно сравнить (и поставить рядом) с деревянным крестом Голгофы. Не так уж кощунственна дикая аллегория: младенец Христос на деревянной лошадке сражается с драконом деревянным мечом»

ГЛАВА 7. РАСЩЕПЛЕНИЕ СОЗНАНИЯ НЕЗРЕЛОГО ИНТЕЛЛЕКТА. ВЕЛИКИЕ РЕАЛИСТЫ ШЕКСПИР, ВАЛЬТЕР СКОТТ, Г. ЛЕССИНГ, Н. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ ПРОТИВ РОМАНТИЗМА ГИБРИС-ЭГО

1. ДВИЖЕНИЕ РОМАНТИЗМА И ХРИСТИАНСКАЯ СОВЕСТЬ КАК РАСЩЕПЛЕНИЕ СОЗНАНИЯ НЕЗРЕЛОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Греческая Трагедия, воспетая Ницше в «Рождении Трагедии» оставалась до конца трагедией Гибрис-Эго, то есть Трагедией «Убитого Эго» Притяжения Самовлюбленности. Феномен «Убитого Эго» знаком только сломанному циклическому гомеостазу Гибрис-Эго, то есть Притяжению Самовлюбленности. Нормальный циклический гомеостаз имеет два Притяжения — Самолюбие и Влюбленность — и потому защищен от феномена «Убитого Эго». Ведь каждый раз, когда наносят удар по Самолюбию можно перейти на Притяжение Нижней Эгозащиты — Подчинение Влюбленности, и тем избежать разрушенного физического контроля поля материальной энергии. Понятно, что все это значимо только с точки зрения абсурдных механизмов материальной энергии, и не имеет никакого отношения к реальному и здравому существованию человека как здоровой энергии духа.

И одной из ярких иллюстраций «Убитого Эго» Притяжения Самовлюбленности является как раз драма Ахиллеса, пораженного обидой до такой степени, что он ждет разгрома своей страны и своего народа только чтобы отомстить обидчикам своего

Эго — царю Агамемнону и его союзникам, воюющим с Троей. Мы видели, что Трагедия совести Ахиллеса в связи с гибелью Патрокла только постепенно была добавлена к основному содержанию, типичному для «культуры тщеславия», и что в целом культура совести по общему согласию антиковедов не составляла сколько-нибудь значимой роли в истории Древней Греции.

К. Марта и Г. Честертон пишут о том, что напротив, в римской цивилизации, культура совести получает гораздо более широкое распространение в трудах известных философов стоиков. К. Марта перечисляет имена Диона Хризостома, Эпиктета, сравнивает проповеди Сенеки с католиком Боссюэ, говорит о «христианстве» Марка Аврелия, о моральных проповедях Ювенала, Персия и Плутарха. И к ним по моему мнению необходимо добавить имена таких известных моралистов, как Тацит и Плиний.

С приходом Христианской церкви то что историки называют «культурой совести (вины)», то есть поле интеллекта энергии духа одерживает значительные победы над «культурой тщеславия (стыда)», то есть над полем Эгосистемы материальной энергии.

И теперь Расщепление сознания между полем тщеславия Гибрис-Эго и полем совести Энергии Духа заостряется еще сильнее.

Именно в силу того факта, что Становление Интеллекта происходит очень медленно и постепенно, что эпоха Незрелого Интеллекта длится вплоть до Открытия Законов Психической Энергии, человечество на своем пути к здоровому и чистому от активности Эгосистемы полю Совести должно пройти стадию резкого расщепления между двум силовыми полями психики.

И эта стадия острого противостояния между полем тщеславия материальной энергии и полем Совести Энергии Духа достигает своего апогея в эпоху так называемого Романтизма.

Эта эпоха пришла вместе с Ренессансом и с Просвещением Нового времени, в период когда значение Христианской церкви значительно понизилось и она стала сдавать свои позиции.

Понятно, что на энергетическом языке движение Романтизма означает возврат назад, к Гибрис-Эго античности, которое Христианская церковь в свое время смогла притупить сделав такой мощный акцент на поле совести Энергии Духа.

Теперь, когда ресурсов Ветхого и Нового Заветов оказывалось недостаточно, чтобы удержаться на поле Совести Энергии Духа, и Откровения Священных Писаний стали постепенно деградировать назад в магическое сознание материальной энергии — вновь наступает расцвет поля Эгосистемы или иначе «культуры тщеславия» материальной энергии. Однако, победы, одержанные христианской церковью в культивировании поля Совести Энергии Духа также сохраняют свои позиции.

И в результате, западная цивилизация, как цивилизация Интеллекта, оказывается в фазисе наибольшего заострения Расщепления сознания между двумя полями психики.

Так как с одной стороны Незрелый Интеллект начинает заново раздувать Гибрис-Эго Притяжения Самовлюбленности в движении Романтизма. А с другой стороны, мощное влияние Христианской совести максимально развило и сознательность поля совести Энергии Духа.

Важно также отметить, что Незрелому Интеллекту шизоидов исторически была предназначена громадная роль в становлении энергии духа, и в переходе к обществу научного контроля Энергии Духа.

Так, Огюст Конт выделял три стадии эволюции общества: магическую (магическое сознание аборигенов), «метафизическую» (здесь он говорит о Незрелом Интеллекте шизоидов), и научную стадию (то есть стадию здоровой Энергии Духа со знаниями научного контроля).

В целом, он безупречно показал три стадии на пути к становлению здорового общества:

— стадия где преобладает поле Эгосистемы материальной энергии и ее физический контроль

— стадия где Незрелый Интеллект смешивается с физическим контролем поля Эгосистемы, и в результате ломаются оба

контроля: и физический для поля Эгосистемы, и научный для поля Интеллекта

— стадия где поле Интеллекта очищается от поля Эгосистемы и устанавливается научный контроль Энергии Духа.

Все верно, только путаница в терминах как всегда: он называет «метафизикой» оторванность формальной логики Незрелого Интеллекта от фактов реальности (это логика на поле миражей Эгосистемы, через которую незрелый интеллект смотрит на мир). В формальной логике нет ничего метафизического — она быстро приземляться на почву магии физического контроля. Метафизика — это законы природы, установленные творцом. И потому это и есть истинное научное мышление.

Вторую стадию Огюст Конт обозначает как всецело Негативную — ее роль разрушать абсурд первой стадии магического сознания и расчищать почву для конструктивной работы третьей стадии. Опять исключительно точно подмечено. Именно так все и обстоит.

Получается, что творец рассчитал переходную стадию между физическим контролем Лефиафанов и научным контролем Свободных обществ как стадию Сломанного циклического гомеостаза физического контроля (Гибрис-Эго) специально, чтобы Гибрис-Эго незрелого интеллекта сломало Левиафаны физического контроля! Действительно, древние иудеи и древние греки, которые ломали власть царей и ломали таким образом древние деспотии Левиафаны, еще не умели строить свободные общества. Они ломали Левиафаны только потому, что механизм, который лежит в основе физического контроля материальной энергии- Садомазохизм Господства и Плдчинения, притяжений Самолюбия и Влюбленности — был сломан. Нижняя Эгозащита подчинения на притяжении Влюбленности была раз и навсегда сломана фиктивным интеллектом формальной логики, которая орудуя на поле Эгосистемы (где ей не место!) доказывала победу Эго над СуперЭго, то есть утверждало только верхнюю Эгозащиту Самолюбия. И этим ломала Садомазохизм физического контроля.

Вот только этому механизму законов психики, где сразу было запрограммировано, что незрелый интеллект вторгнется на поле Эгосистемы и сломает его физический контроль, мы обязаны слому древних Левиафанов в Иудее, в Древней Греции и в Древнем Риме. Конечно, Интеллект, даже незрелый, сначала рождается на поле энергии духа, и потому сознание древних расщеплено между здоровым и фиктивным интеллектом, между зачатками настоящей науки и абсурдом Эгозащиты на поле Эгосистемы. Потому параллельно шла конструктивная работа, создавалось естественное Право в Риме, первое осевое время дало людям знания первых Откровений о законах двух силовых полей психики — борьбе Добра и Зла в человеке.

Вот какие сложные процессы происходили в сознании людей, чтобы мы получили первые зачатки западной научной цивилизации в ее античном варианте.

Б. Рассел, «История западной философии», Движение Романтизма:

> «Движение романтизма, несмотря на то что оно ведет свое происхождение от Руссо, было вначале главным образом немецким. Немецкие романтики были молодыми в последние годы XVIII века, и именно в то время, когда они были молоды, они выразили то, что было наиболее характерным для их мировоззрения. Те, кто не имел счастья умереть молодым, в конце своей жизни позволили замутить свою индивидуальность единообразием католической церкви. (Романтик мог стать католиком, если он был рожден протестантом, но он едва ли мог быть католиком иным образом, поскольку необходимо было сочетать католицизм с протестом.) Немецкие романтики оказали влияние на Кольриджа и Шелли, и независимо от немецкого влияния то же самое мировоззрение стало общепризнанным в Англии в течение первых лет XIX века. Во Франции, хотя и в ослабленной форме, оно процветало после Реставрации до Виктора Гюго. В Америке оно почти в явной форме наблюдается у Мел-вилла, Торо и Брук-Фарма и в несколько смягченной форме — у Эмерсона и Оторна. Хотя романтики питали склонность к католицизму, было нечто неискоренимо протестантское в индивидуализме их мировоззрения, и их непрерывные успехи в формировании обычаев, мнений и учреждений почти полностью ограничивались протестантскими странами.

Ненависть к революции и Наполеону была временным препятствием для английского романтизма, который вскоре был воскрешен Байроном, Шелли и Китсом и в определенной степени господствовал в течение всей викторианской эпохи.

«Франкенштейн» Мэри Шелли, написанный под впечатлением бесед с Байроном в обстановке романтического ландшафта Альп, содержит то, что почти с полным основанием может рассматриваться как аллегорическая пророческая история развития романтизма. Чудовище Франкенштейна — это не просто чудовище, каким оно стало в просторечии, оно вначале было добрым существом, стремившимся страстно к человеческой привязанности, но в нем вызывает ненависть и побуждает к насилию тот ужас, который его безобразие внушает тем, чьей любви он пытается добиться. Невидимый, он на

Это не вина психологии романтиков, это их стандарт ценностей. Они восхищаются сильными страстями, безразлично какого рода и каковы бы ни были их социальные последствия. Романтическая любовь, особенно когда она несчастлива, достаточно сильна, чтобы заслужить их одобрение, но большинство сильнейших страстей разрушительно: ненависть, негодование и ревность, раскаяние и отчаяние, поруганная гордость и ярость несправедливо притесняемого, воинственный пыл и презрение к рабам и трусам. Следовательно, тип человека, поддерживаемый романтизмом, особенно в его байроновском варианте, — это склонный к насилию и антисоциальный, анархический бунтарь или побеждающий деспот.

Движение романтизма, в сущности, ставило целью освобождение человеческой личности от пут общественных условностей и общественной морали. В частности, эти путы были лишь бесполезным препятствием к желательным формам деятельности, так как каждая древняя община выработала правила поведения, относительно которых нечего сказать, кроме того, что они традиционны. Но эгоистические страсти, однажды освобожденные, нелегко снова подчинить интересам общества. Христианство имело определенный успех в усмирении «*Я*». Но экономические, политические и интеллектуальные причины стимулировали мятеж против церкви, а движение романтизма перенесло мятеж в сферу морали. Поощрения нового, ничем не ограниченного «*Я*» ясно делали общественную кооперацию невозможной и поставили его последователей перед альтернативой анархии или деспотизма. Эгоизм поначалу заставлял людей ожидать от других отеческой нежности. Но, когда они открыли с негодованием, что другие имеют свое собственное *Я*, разочарованное желание нежности обратилось в ненависть и насилие. Человек — не одиночное животное, и, поскольку существует обще-

ственная жизнь, самоутверждение не может быть высшим принципом этики».

Бертран Рассел «История западной философии», Байрон:

«Аристократический бунтарь, примером которого был Байрон в свое время, — это тип, резко отличающийся от вождя крестьянского или пролетарского восстания. Те, кто голоден, не нуждаются в разработанной философии, для того чтобы возбуждать или извинять недовольство, и все в этом роде кажется им лишь развлечением праздных богачей. Они хотят то, что имеют другие, а не некоторое неосязаемое и метафизическое благо. Хотя они могут проповедовать христианскую любовь, как это делали средневековые коммунистические бунтари, их реальные основания, для того чтобы поступать таким образом, очень просты: недостаток ее у богатых и сильных вызывает страдания бедных, и наличие ее у соратников по восстанию мыслится существенным для успеха. Но опыт борьбы приводит к разочарованию в силе любви, оставляя в качестве движущей силы голую ненависть. Бунтарь такого типа, если, подобно Марксу, он создает философию, создает ее с единственным намерением доказать неизбежность победы его партии, а не для изучения ценностей. Его ценности остаются простыми: благо состоит в том, чтобы досыта есть, а остальное — болтовня. Голодный человек, вероятно, и не должен думать иначе.

Байрон, хотя он чувствовал себя равным сатане, никогда не отваживался ставить себя на место Бога. Этот следующий шаг в увеличении гордыни был сделан Ницше, который говорил: «Если бы существовали Боги, как бы я мог вынести, что я не Бог! *Следовательно*, Боги не существуют». Тайным основанием этого рассуждения является: «Все, что унижает мою гордость, должно быть осуждено как ложное». Ницше, подобно Байрону, получил благочестивое воспитание, но, будучи более интеллектуальным, он нашел лучший выход, чем сатанизм. Он, однако, очень симпатизировал Байрону. Ницше говорил:

«Трагедия в том, что в эти догмы религии и метафизики нельзя верить, если соблюдать в сердце и голове строгий метод истины; и, с другой стороны, благодаря развитию человечества мы стали столь нежными, раздражительными и чувствительными в страданиях, что нуждаемся в сильнейших средствах исцеления и утешения; отсюда возникает опасность, что человек может истечь кровью от познания истины. Это выражает Байрон в бессмертных стихах:

Печаль есть знание; те, кто знает очень много,
Могут сетовать на горечь роковой истины!

Древо знания — не древо жизни.
Иногда, хотя и редко, Байрон подходит очень близко к точке зрения Ницше. Но вообще этическая теория Байрона, в противоположность его практике, остается обыденной.
Великий человек, по Ницше, подобен Богу. По Байрону, это обычно титан, воюющий сам с собой. Иногда, однако, он рисует мудреца, не похожего на Заратустру, — Корсар в отношении к своим последователям:
Он знал искусство власти, что слепой Всегда владеет, леденя, толпой.
И тот же самый герой «слишком ненавидит человека, чтобы чувствовать угрызения совести».
В Германии чувства к Наполеону отличались друг от друга в большей степени. Были такие, кто, подобно Гейне, говорил о нем как о могущественном проповеднике либерализма, сокрушителе рабства, враге законности, человеке, который заставил трепетать наследственных князьков. Были и другие, которые говорили о нем как об антихристе, мнимом истребителе благородной германской нации, аморалисте, который убедился раз и навсегда, что тевтонская добродетель может быть сохранена только неугасимой ненавистью к Франции. Бисмарк осуществил синтез: Наполеон остался антихристом, но антихристу следует подражать, а не только питать к нему отвращение. Ницше, который принял компромисс, отметил с дьявольской радостью, что наступил классический век войны и что мы обязаны этой милостью не Французской революции, а Наполеону. И, таким образом, национализм, сатанизм и культ героя — наследство Байрона — стали частью сложной души Германии.
Байрон не мягок, а яростен, как буря. То, что он говорит о Руссо, применимо к нему самому:
Руссо — апостол скорби, обаянье
Вложивший в страсть, безумец, что обрек
Терзаниям себя, но из страданья
Власть красноречья дивного извлек».

2. ТРАГЕДИЯ СОВЕСТИ КАК ОБОРОТНАЯ СТОРОНА РОМАНТИЧЕСКОЙ ТРАГЕДИИ БУНТАРЯ (ГИБРИС-ЭГО)

Байрон, Гете, Стивенсон, Ницше, Газданов.

Как мы могли видеть, Бертран Рассел подчеркивает что «сатанизм» Байрона был унаследован Ницше. Он также приводит

цитату о том, что оба особенно подчеркивают отсутствие у себя угрызений совести.

Однако, ни Байрон, ни Ницше в своей фактической жизни ничего дурного не сделали, и в особенности Ницше. Байрон был тем распутником и дон жуаном, о котором писал, но что касается Ницше, то его жизнь и в этом отношении была безупречна. Однако, и Байрон, оставаясь распутником оставался джентльменом в том смысле, что ни в дружбе, ни в распутстве своем, ни в каких других отношениях никогда не был ни насильником, ни лжецом. А ведь именно эти качества говорят о сатанизме физического контроля материальной энергии. Согласно Евангелию: « и Оец ваш Диавол, Отец Лжи, человекоубийца от века». Человекоубийцы, человекохищники, как говорил св. Павел, Лжецы, предатели — вот основные черты сатанизма. Ни одной из этих черт даже в минимальной степени ни один из них не обладали, даже если заявляли о своей симпатии к пороку в теории.

Что касается отсутствия угрызений совести, то на самом деле именно Байрон и Ницше подчеркивают это отсутствие в силу того факта несомненно, что у них угрызений совести было так много, что они не могли больше нести этого страшного груза. Ибо нет страшнее боли чем боль угрызений совести. И возможно ад, который ждет сатан-эго настоящих злодеев мертвой совести — это их ожившая совесть, которая покажет им истинное значение того, что они делали.

И Ницше и Байрон были людьми очень тонкой совести, и в особенности Ницше, который говорил, что не выдержал бы позора если бы нарушил свое слово, и который плакал в конвульсиях над побиваемой лошадью. Вся война, которую Ницше повел против угрызений совести, заявляя в своих книгах Антихриста о своем категорическом неприятии совести и сострадания была инициирована этой его чувствительностью совести и интеллектуала. Он просто таким образом защищался от Трагедии совести расщепленного сознания Незрелого Интеллекта.

Одно из последних произведений Байрона называется, как известно «Каин». И хотя содержание этого произведения в том,

что Байрон утверждает бунт Сатаны против Бога, существо этого утверждения Сатаны такое же как у Ницше. Он страшно страдал от угрызений совести после разрыва с любимой женой, и не сумел пережить страшной боли этой нечистой совести. И чтобы защитить себя от Этой боли, он говорит от лица Каина, от лица библейского персонажа, наиболее известного Трагедией Совести — он говорит с Господом, и не видя выхода своим мукам нечистой совести, он восстает против Господа. Это также радикальная попытка излечить себя от угрызений совести как и у Ницше, и естественно такая же безуспешная попытка. Оба героя погибают в своих попытках излечить себя от трагедии совести, восставая против добродетели и воли Господа.

Андре Моруа, Дон Жуан или Жизнь Байрона:

> «В августе Байрона посетил на Диодати Льюис, автор «Мо наха». Перевел ему несколько мест из «Фауста» Гете. Тема могла его тронуть. Вопросы, которые Фауст задавал вселен ной, пакт с чертом, потеря Маргариты — разве это не было его собственной историей?
> Всякое творение вырастает из толчка, который оплодо творяет благодарную почву. Почва у Байрона была готова: это раскаленная масса невыраженных чувств, ужаса, любви, же ланий, сожалений — лава, которая еще раз грозила уничтожить все. Из шока, созданного чтением «Фауста» и альпийскими пей зажами, выросла большая драматическая поэма «Манфред».
> Манфред, синьор в феодальном замке на Альпах, преда вался магическим наукам; он богат, учен, но душу его как будто терзает память о былом преступлении. В первой сцене, весьма фаустической, он вызывает Духов земли, океана, гор, света. «Что ты хочешь от нас, сын земли?» — спрашивают духи Забвения. «Чего? — Того, что есть во мне...» — отвечает Ман фред. Что же в нем есть? Это предоставляется угадать. Сожа ление о женщине, Астарте, которую он потерял и с которой вновь хотел бы соединиться, желание отомстить другой жен щине, которую он, однако, не называет. Против этой послед ней таинственный голос произносит ужаснейшее заклятие — и так как Байрон не может покинуть самого себя и забыть о своем «я», намеки ясны для нас и символы прозрачны. И мы знаем, что Манфред — это Байрон, Астарта — Августа, а объект заклинаний — Аннабелла.
> Как бы ни был сон глубок,
> Твой рассудок не заснет,
> Не покинут эти тени,

Неотвязны эти пени,
Силой, что сильней тебя.
Ты не сможешь быть одна.
Словно саваном опутан,
Дух твой облаком укутан,
И навек ты жить должна
Моим заклятьем заклята…
Этим скрытым лицемерьем
И притворством — чем умела
Человеком ты прослыть,
Сладостью чужих страданий,
Братом стал тебе сам Каин.
Время близится расплат,
Будешь ты сама свой Ад.

Затем Манфред умоляет колдунью вызвать для него Ас тарту. Он так описывает ее: Она меня напоминала всем — Глаза, и волосы, и даже голос Прекрасный — так нам говорили все, Но все нежней, утишенней, прелестней, Те ж мысли одинокие и бред… И тот же нрав, но мягче и свободней. Улыбка, слезы, жалость — я не знал их — И нежность — только к ней ее питал я. Смирение — но я его не ведал. Все добродетели — ее, мои ж ошибки: Я так любил ее — и был ей в гибель*. «Я любил ее, и я ее погубил» — вот тайна отчаяния Ман фреда, как и самого Байрона. И Байрон голосом Манфреда кричит о своих страданиях, слишком хорошо спрятанных под маской спокойного хозяина Диодати и вежливого визитера Коппе.

И одиночество — не одиноко,
В нем фурий дикий крик. Я скрежетал
Зубами в темноте ночной до света
И проклинал себя я до потемок,
Безумия молил себе — и нет…

Тщетно адские силы вызывают Астарту для Манфреда, она является, но не говорит ни слова, такая же немая, какой была в то время Августа для Байрона, которую память ему воспроизводила все менее и менее отчетливо. …И ты меня любила слишком, И слишком я тебя любил. Но мы Не созданы, чтобы терзать друг друга, И грех смертельный было так любить! Скажи, что ненависти нет, — и пусть Один несу за вас я искупленье… Еще бы перед гибелью услышать Твой голос мелодичный! — Говори! Она исчезает, не ответив ему, и Духи с ужасом взирают на отчаяние Манфреда. «Если бы он был одним из нас, — гово рят они, — это был бы страшный дух».

Здесь А. Моруа рассказывает о муках совести Байрона, якобы порожденными его любовной связью с его сводной сестрой Августой Байрон. Однако, совершенно очевидно из тех подробностей событий его жизни что он излагает в книге, что это не так. Байрон был влюблен в свою жену, о которой говорил, что никогда никого так не уважал как свою умную, образованную, добродетельную жену — математика и почти теолога, так важно для нее было поле совести.

В юношестве он пережил «Романтическую любовь» Гибрис-Эго — Притяжение Самовлюбленности «двух плюсов и двух минусов» — как все люди высокого но незрелого интеллекта он страдал Притяжением Самовлюбленности Гибрис-Эго. Той Греческой трагедией любви, что видит в женщинах головы медуз, сладкоголосых сирен и фурий, терзающих влюбленного. Отсюда и его Романтизм, о котором пишет Рассел.

Он отразил эту пережитую трагедию в поэме «Сон» — он был близок к помешательству.

Его жена, которая внушила ему такое сильное уважение своими моральными и интеллектуальными достоинствами к тому же очень сильно его любила и родила ему дочь, которой предстояло стать первым в мире программистом. Он любил свою жену и по настоящему и через роковое Притяжение Самовлюбленности романтиков «два плюса и два минуса», которые есть феномен гиперэстезии «Убитого Эго» шизоидов. И именно это Притяжение Самовлюбленности превратило столь счастливый союз в адское испытание для обоих. Андре Моруа пишет, что будучи женатым он приглашал свою сестру Августу или же навещал ее с женой, и видит в этом его любовь к сестре. Он безусловно любил сестру, но примерно так, как Ницше любил Элизабет Ферстер. Он любил ее потому что она была единственным родным существом к которому он мог обратится в таком тяжелом испытании каким стало для него супружество — его истинная глубокая привязанность к красавице Анабелле и его страх перед Анабеллой, фурией «Убитого Эго» Притяжения Самовлюбленности которым он страдал.

Но конечно объяснить это кому либо он был не в состоянии. Он грубил жене и специально заставлял ее ревновать к сводной сестре. Потому что «убитое Эго» доставляло ему страшные страдания. Но он бы скорее признался в том, что имел связь с родственницей, чем в том что до смерти боится свою жену — ведь он сам не мог себе этого объяснить. Анабелла, будучи здорова и очень добра, вела себя идеальна по отношению к мужу, которого любила.

И тогда она решила что он сумасшедший. Доля истины в этом была. Но она не знала как может ему помочь. Когда она уезжала, она все еще так любила мужа, что как говорит Андре Моруа, на минуту ей пришла в голову мысль лечь рядом с его собакой у порога. Но когда она уехала, она больше никогда к нему не вернулась, несмотря на все его отчаяние и запоздалые угрызения совести. Он так старался защитить себя от «убитого Эго» во влюбленности в собственную жену, что всячески внушал ей мысль что любит не ее а свою сестру. Всячески прятался от нее за спину сестры. И когда она уехала и ее боль против ее воли вышла наружу, дороги назад уже не было.

Не Августа и Анабела — две женщины в Манфреде, любимая и проклинаемая. А Анабела как Плюс — его богиня и Анабела как Минус — его Фурия. Ведь Плюс и Минус слиты воедины при Самовлюбленности, как знал уже Шекспир.

В итоге он каялся до конца жизни, и не мог успокоить страшной боли совей совести. Ведь он сам не мог понять, зачем так ужасно поиздевался над чувствами глубоко любимой им жены. И его обращение к дочке в последних песнях Чайльд Гарольда «Моя малютка Ада» говорит все о его истинной любви и о его раскаянии. Но что он теперь мог сделать? Что он мог изменить? Между ним и Анабелой разверзлась буря общественного скандала. И байрон который когда то был кумиром гостиных превратился в изгоя, для которого закрылись все двери. Именно тогда великий Вальтер Скотт протянул ему руку и поддержал его. И это был опять Вальтер Скотт, который сказал надгробное слово о трагической гибели гения.

А. Моруа пишет что Манфред Байрона был вдохновлен «Фаустом» Гете. Вернее, его первой частью. Действительно, то же заостренное расщепление между Гибрис-Эго Романтика и полем Совести Интеллекта мы находим и в Фаусте Гете.

Гете, «Фауст»:

> Маргарита (на коленях)
> Кто власть тебе такую дал,
> Палач, над бедной надо мною?
> Меня будить ты в полночь стал...
> О, сжалься и оставь живою
> Хоть до утра — казни тогда!
> Я молода, так молода,
> И вот заутра умираю!
> (Встает.)
> Я хороша была — за то и погибаю!
> Был близок друг, теперь далек,
> Цветы увяли, сорван мой венок...
> О, не хватай меня ты, умоляю!
> Тебе я зла не делала, поверь:
> Мы в первый раз встречаемся теперь.
> Палач, палач, услышь мои моленья!
> Фауст
> Переживу ль все эти я мученья!
> Маргарита
> Палач, твоя теперь я, вся твоя!
> Свою бы дочь я только накормила:
> Всю ночь ее в слезах ласкала я.
> Ее украли, чтобы я тужила,
> А говорят, что я ее убила.
> Я никогда не буду весела:
> Ведь про меня и песня ходит злая...
> Такая в сказке, правда, мать была;
> Но разве я такая?
> Фауст (становясь на колени)
> Возлюбленный у ног твоих лежит;
> Он от цепей тебя освободит.
> Фауст
> Я, я! Идем!
> Маргарита

И ты освобождаешь
Меня, мой друг, и к сердцу прижимаешь?
Ужель тебе не страшно быть со мной?
Да знаешь ли, кого ты, милый мой,
Освободил?
Фауст
Уж стало рассветать!
Маргарита
Ах! я свою убила мать,
Свое дитя убила я!
Ребенок, дочь моя, твоя…
Твоя? Ты здесь? Да, это он!
Дай руку! Это был не сон?
Рука твоя; но оботри
Ее скорее: посмотри —
Дымится кровь его на ней!
Что сделал ты! Скорей, скорей
Вложи в ножны свой страшный меч,
Вложи, чтоб больше не извлечь!
Фауст
Что было — вновь тому не быть;
Но ты нас можешь погубить.
Маргарита
О нет, живи, живи, мой милый!
Послушай, вырой три могилы…
С зарей придется умирать…
На первом месте будет мать,
С ней рядом брат мой будет спать.
А я — поодаль, но немного.
Немного, милый, ради бога!
Ребенка ж положи ты на груди моей:
Кому ж, как не ему, лежать теперь со мною?
А помнишь, милый друг, как много мы с тобою
Когда то провели блаженно чудных дней!
Теперь мне обнимать уж больше не придется
Тебя, мой дорогой, затем, что мне сдается,
Что ты меня в ответ с презреньем оттолкнешь.
А все же это ты, все так же добр, хорош!
Фауст
Коль любишь ты меня, за мною ты пойдешь!
Маргарита
Куда?

Фауст
На волю!
Маргарита
Что ж, когда могилу там
Найду и с нею смерть, — пойдем дорогой тою
К загробной тишине, к безмолвному покою;
Но дальше — ни на шаг... Идешь ты, милый мой?
О, если бы и я могла идти с тобой!
Фауст
Ты можешь, если б только захотела!
Маргарита
Нет, мне нельзя! Надежда улетела!
Зачем бежать? Меня там стража ждет...
Жить в нищете так тягостно и больно!
А совесть? Как не вспомнить все невольно.
Так горько мне идти в чужой народ...
Да и поймают скоро нас, я знаю!
Фауст
Я остаюсь!
Маргарита
Спеши же, заклинаю!
Ступай все вниз, все вниз,
К ручью спустись,
Тропинку там найди
И в лес войди.
Налево под мостом
Одна она лежит,
И плачет, и кричит,
Влекомая ручьем.
Она жива. Хватай,
Хватай ее, спасай!
Фауст
Приди в себя! Не медли боле!
Опомнись: шаг — и ты на воле!
Маргарита
Нам только бы гору скорей миновать:
На голом там камне сидит моя мать, —
По жилам мороз пробегает...
На голом там камне сидит моя мать
И мне головою кивает.
Недвижны глаза; голова тяжела...
Не встать ей: увы! она долго спала —

Уснула, чтоб мы без нее наслаждались…
Дни счастья минули; куда вы умчались?
Фауст
Ни словом, ни просьбой увлечь не могу я —
Так силой с собою тебя увлеку я!
Маргарита
К чему насилье? О, оставь, молю!
Не жми так крепко руку ты мою, —
И без того покорною была я.
Фауст
Уж скоро день! Опомнись, дорогая!
Маргарита
День? Скоро день? То день последний мой,
А должен бы он быть днем свадьбы нам с тобой!
Смотри, мой друг, чтоб люди не узнали,
Что был ты у меня. Венок мой разорвали, —
Увы, беда стряслася надо мной!
Постой, еще мы встретимся с тобой,
Не в хороводе только, нет, едва ли!
Безмолвно дыханье свое затая,
Теснится толпа; их так много:
Вся площадь полна, вся дорога…
Чу, колокол слышится… Вот уж судья
Сломал свою палочку… Разом схватили,
Связали, на плаху меня потащили!
И каждому страшно: пугается он,
Как будто топор и над ним занесен…
Вокруг тишина, как под крышкою гроба!
Фауст
О, если б не был я рожден!

Так Стивенсон, который отмечает, что его герой ощущал свое расщепление острее нежели обычные люди, также рисует это расщепление как трагедию совести. Хотя разумеется в данном случае, мы имеем дело только с абстракциями его фантазии. В отличие от таких автобиографических произведений, как первая часть «Фауста» Гете, «Манфред» Байрона, «Призрак Александра Вольфа» Газданова или же «Так говорил Заратустра» Ницше. Во всех этих произведениях речь идет об остром расщеплении сознания между Добром и Злом, и в конечном итоге суть этих произведений — это глубокая Трагедия Совести.

Р. Стивенсон, «Доктор Джекил и мистер Хайд»:

> «Для доктора Джекила теперь, когда он освободился от этого черного влияния, началась новая жизнь. Дни его затворничества кончились, он возобновил отношения с друзьями, снова стал их желанным гостем и радушным хозяином; а если прежде он славился своей благотворительностью, то теперь не меньшую известность приобрело и его благочестие. Он вел деятельную жизнь, много времени проводил на открытом воздухе, помогал страждущим — его лицо просветлело, дышало умиротворенностью, как у человека, обретшего душевный мир в служении добру.
> …Да, я предпочел пожилого доктора, втайне не удовлетворенного жизнью, но окруженного друзьями и лелеющего благородные надежды; я предпочел его и решительно простился со свободой, относительной юностью, легкой походкой, необузданностью порывов и запретными наслаждениями — со всем тем, чем был мне дорог облик Эдварда Хайда. Однако два месяца я свято соблюдал свое решение, два месяца я вел чрезвычайно строгую жизнь, о какой и мечтать не мог прежде, и был вознагражден за это блаженным спокойствием совести. Но время притупило остроту моей тревоги, спокойная совесть становилась чем-то привычным, меня начинали терзать томительные желания, словно Хайд пытался вырваться на волю.
> ….Я решил, что мое будущее превратится в искупление прошлого, и могу сказать без хвастовства, что мое решение принесло кое-какие добрые плоды. Вам известно, как усердно в последние месяцы прошлого года старался я облегчать страдания и нужду; вам известно, что мною немало было сделано для других, а мои собственные дни текли спокойно, почти счастливо. И, право, мне не надоедала эта полезная и чистая жизнь — напротив, с каждым днем она приносила мне все большую радость, но душевная двойственность по-прежнему оставалась моим проклятием, и когда первая острота раскаяния притупилась, низшая сторона моей натуры, которую я столь долго лелеял и лишь так недавно подавил и сковал, начала злобно бунтовать и требовать выхода. Конечно, мне и в голову не приходило воскрешать Хайда — одна мысль об этом ввергала меня в панический ужас! Нет-нет, я вновь поддался искушению обмануть собственную совесть, оставаясь самим собой, и не устоял перед соблазном, как обыкновенный тайный грешник»

Расщепление сознания Ницше нашло очень четкое выражение в противоречиях его философии: разные периоды его философии прямо противоречат друг другу. Так в «Шопенгауэре как

воспитателе» — это философ Ницше, в котором говорит Энергия Духа поля Интеллекта. А в его последних книгах периода Воли к власти, Заратустры, Антихриста, По ту сторону Добра и Зла, — это Гибрис-Эго поля Эгосистемы материальной энергии. Потому и пришел, как говорит Трубецкой в очерке философии Ницше, такой гениальный ум в конечном итоге к таким банальным и даже пошлым выводам.

Еще очевиднее это расщепление сказалось на его отношении к Вагнеру и его творчеству. «Рождение Трагедии» вдохновлено Вагнером и написано для Вагнера. «Вагнер в Бейруте» — панегирик Вагнеру. Но его последнее «Казус Вагнер» — это уже попытка преодолеть в себе болезнь Романтизма. Он выступает против Вагнера как против романтика, и в этом он прав. Но он ищет спасения не в метафизике интеллекта, а в цинизме материализма, куда он пришел в конечном итоге. В Дарвиновской парадигме «Права сильного», и в своей версии «исторического материализма», как говорит Трубецкой.

Трагедия Гибрис-Эго как Трагедия убитого физического контроля Незрелого Интеллекта (феномен «Убитого Эго» Притяжения Саовлюбленности) сказалась своей оборотной стороной — Трагедией совести.

«Так говорил Заратустра» — на самом деле повествование о раскаянии того, кто искал Величие Романтизма, Сатанинского Бунтаря байронизма, о чем говорит Б. Рассел. Это Трагедия совести, которой всегда оборачивается Незрелый Интеллект Гибрис-Эго на живом поле интеллекта и совести.

В приведенных ниже цитатах видно, что Ницше всегда оставался добродетельным в реальной жизни. Об этом хорошо говорит друг всей его жизни — м. Мейзенбух. Между прочим — это их общий друг и дорогой друг с Герценым. Это известная женщина была влюблена в Герцена, осталась у него гувернанткой его дочерей, а после его смерти удочерила их. Ее любовь осталась безответной, но как человека Герцен ее ценил очень высоко за высокие моральные и интеллектуальные достоинства, за жизнь полную героизма и самоотдачи,

описанную ее в известных мемуарах, которыми Герцен восхищался.

Д. Галеви, Жизнь Ф. Ницше:

> «Он кончил «Казус Вагнера»\ прибавил в тексте пре
> дисловие, postscriptum, второй postscriptum и эпилог. Он
> не может остановиться и не расширять дальше свое про
> изведение, не делать его более резким. Но тем не менее
> он не удовлетворен и, написав свою книгу, чувствует
> угрызения совести.
> «Для меня очень значительное утешение представляет
> то обстоятельство, что моя рискованная брошюра вам по
> нравилась, — пишет он Петеру Гасту 11 августа 1888 года. —
> Бывают часы, целые вечера, в особенности, когда у меня
> не хватает достаточно храбрости для такого безумия, такой
> жестокости; я сомневаюсь относительно нескольких мест.
> Может быть, я зашел слишком далеко (не в содержании, а
> в манере выражаться)? Не лучше ли сократить то место,
> где я говорю о семейных делах Вагнера?»
>
> Около этого же времени он пишет письмо m-lle фон
> Мейзенбух, над которым можно задуматься.
> «Я дал людям глубочайшую книгу, — пишет он, —
> но это дорого стоит... Иногда для того, чтобы стать
> бессмертным, надо заплатить ценою целой жизни! На
> моей дороге постоянно стоит байройтский кретинизм.
> Старый соблазнитель Вагнер, хотя и мертвый, продол
> жает похищать у меня тех людей, которых могли бы
> достигнуть мои творения. НовДании — нелепо ка
> жется даже говорить об этом — меня чествовали этою
> зимою! Доктор Георг Брандес, у которого такой живой
> ум, осмелился говорить обо мне в Копенгагенском уни
> верситете! И с блестящим успехом! Каждый раз было
> Даниэль Галеви. Жизнь Фридриха Ницше
> свыше трехсот слушателей, и в конце лекции овация! В
> Нью-Йорке приготовляется нечто подобное! У меня ведь
> самый независимый ум во всей Европе и я
> единственный немецкий писатель, — это что-ни
> будь да значит».
> В postscriptum он прибавляет: «Для того, чтобы вы
> носить мои произведения, надо иметь великую душу. Я
> очень счастлив, что восстановил против себя все сла

бое и добродетельное».
Снисходительная m-lle фон Мейзенбух поняла, что в этих словах был намек на нее, и отвечала мягко, как она всегда делала: «Все слабое и добродетельное, гово рите вы, против вас? Не будьте парадоксальны! Добро детель не слаба, это сила, об этом достаточно говорит ся. А сами вы разве не представляете собою живое про тиворечие тому, что вы говорите? Вы добродетельны, и пример вашей жизни, если бы люди могли только его знать, убедил бы их скорее, чем ваши книги...» Ницше ответил ей: «Я с волнением прочел ваше милое письмо, дорогая моя и друг мой; без сомнения, вы правы — и я тоже...»

Д. Галеви, Жизнь Ф. Ницше:

«Что мне ни приходилось говорить о христианстве, — пишет Ниц ше в 1881 г. Петеру Гасту, — я не могу забыть, что я обязан ему лучшими опытами моей духовной жизни; и я надеюсь, что в глубине своего сердца никогда не буду неблагодарным по отношению к нему...» Эта мысль и эта надежда не покидали его никогда; и он радуется, что на-шел наконец справедливое слово этому культу его детства, един-ственному, который еще остался для человеческих душ. 14 декабря 1887 года Ницше послал в Базель своему старинному корреспон-денту Карлу Фуксу письмо, пол ное горделивого настроения: «Почти все, что я писал, должно быть зачеркнуто. В течение этих последних лет сила моего внутреннего воз буждения была ужасна. Теперь, в тот момент, когда мне предстоит идти еще выше, — моей первой зада-чей, являет ся — снова измениться и подавить в себе свою личность настолько, чтобы достигнуть высших форм. Разве я стар? Я не знаю этого; и я не знаю тем более, какая молодость мне еще необходима. В Германии сильно жалуются на мои „эксцентричности“. Но так как никто не знает в точности, где мой центр, то очень трудно разо-браться в том, где и когда мне случается быть эксцентричным».

Д. Галеви, Жизнь Ф. Ницше:

«Одна, очень хрупкого здоровья, англичан
ка, которую Ницше часто навещал и развлекал, сказала ему однажды:
— Я знаю, т-г Ницше, что вы пишете, я хотела бы прочесть ваши книги.
Он знал, что она горячо верующая католичка.

— Нет, — отвечал он ей, — я не хочу, чтобы вы чи
тали мои книги. Если бы в то, что я там пишу, надо
было верить, то такое бедное, страдающее существо, как
вы, не имело бы права на жизнь.
Другая знакомая дама однажды сказала ему:
Даниэль Галеви. Жизнь Фридриха Ницше
— Я знаю, т-г Ницше, почему вы нам не даете ва
ших книг. В одной из них вы написали: «Если ты идешь
к женщине, то не забудь взять с собой кнут».
— Дорогая моя, дорогой мой друг, — отвечал Ниц
ше упавшим голосом, взяв в свои руки руки той, кото
рая ему это говорила, — вы заблуждаетесь, меня со
всем не так надо понимать».

Ф. Ницше, «Так говорил Заратустра»:

«Но тотчас же он изменился и сказал с
грустью:
«О Заратустра, я устал, противны мне искусства мои, я не
велик, для чего притворяюсь я! Но, ты знаешь это хорошо,
— я искал величия!
Великого человека хотел я представлять и убедил в этом
многих; но эта ложь была свыше сил моих. Об нее разбиваюсь я.
О Заратустра, все ложь во мне; но что я разбиваюсь — это
правда во мне!» —
«Это делает тебе честь, — сказал Заратустра мрачно и
смотря в сторону, — делает тебе честь, что искал ты величия,
но это же и выдает тебя. Ты не велик.
Злой, старый чародей, это твое лучшее и самое
честное, и я чту в тебе то, что устал ты от себя и сказал:»Я
не велик».
За это чту я тебя, как кающегося духом: даже если
только на один миг, но в этот момент был ты — правдив»

Ф. Ницше, «Так говорил Заратустра»:

«Заратустра! Заратустра! Разгадай загадку мою! Говори,
говори! Что такое месть свидетелю?
Я предостерегаю тебя, здесь скользкий лед! Смотри, смотри,
как бы гордость твоя не сломала здесь ногу себе!
Ты считаешь себя мудрым, ты, гордый Заратустра! Так
разгадай же загадку, ты, щелкун твердых орешков, — загадку,
которую представляю я! Скажи: кто я!»

— Но когда Заратустра услыхал слова эти, как думаете вы,
что случилось с душою его? Сострадание овладело им, и
вдруг он упал ниц, как дуб, долго сопротивлявшийся многим
дровосекам, тяжело, внезапно, пугая даже тех, кто хотел срубить
его. Но вот он снова поднялся с земли, и лицо его сделалось
суровым.
«Я отлично узнаю тебя, — сказал он голосом, звучавшим,
как медь, — ты убийца Бога! Пусти меня.
Ты не вынес того, кто видел тебя, — кто
всегда и насквозь видел тебя, — самого безобразного человека!
Ты отомстил этому свидетелю!»

3. ВЕЛИКИЕ РЕАЛИСТЫ ПРОТИВ РОМАНТИЗМА ГИБРИС-ЭГО

Как мы могли видеть весь этот романтический «взрыв чувств» не имеет ничего общего ни с силой духа, ни силой эмоций, ни с силой воли, ни тем более с силой научного контроля. Хотя несомненно одаренность мышления говорит о высоком потенциале (большей частью загубленном) интеллекта, а также о высоком потенциале позитивных эмоций, которые дают эмоциональную силу личности — силу Духа.

Однако, у романтиков это тот случай безумной войны», о которой Оруэлл говорит что это способ распылить бессмысленно все драгоценные ресурсы в наличии. Весь этот взрыв чувств говорит только о трагедии высокого потенциала энергии духа у людей одаренных интеллектом, но которые потеряли этот потенциал, заблудившись на поле Эгосистемы.

Вот почему по настоящему великие писатели, то есть люди близкие полному здоровью энергии духа, подобно самоактуалам Маслоу — боролись с движением Романтизма и осуждали его.

Николай Чернышевский рассказывает в этой связи о великом ученике великого Шекспира — Г. Лессинге в книге с одноименным названием. Я постаралась рассказать о Вальтера Скотте в одном из томов по Открытию ПЭ.

Здесь я только кратко обобщу сведения о Скотте и Лессинге

как направлении противоположном романтизму, чтобы не говорили о Скотте как о якобы «романтике».

JOSEPH E. DUNCAN The Anti-Romantic in Ivanhoe (1955)

> «While the novel's juvenile and romantic qualities probably have been responsible for much of its appeal to successive generations of readers and, more recently, to moviegoers, the basic point of view in Ivanhoe is neither juvenile nor romantic, but thoughtful, mature, and in a sense anti-romantic. The novel presents a vivid, colorful picture of the 'fighting time', but it does not glorify the fighters»

О прекрасных чертах личности Скотта как человека здоровой энергии духа я постаралась рассказать в книге, которую посвятила ему и его произведениям. Здесь я только хочу еще раз акцентировать внимание на том факте, что изобретение Скоттом «исторического романа» было огромным вкладом в культуру именно в контексте Борьбы с Романтизмом античного Гибрис-Эго.

Потому что своим Историческим романом Вальтер Скотт столь успешно положил фундамент строительству Полотна Истории Энергии Духа как Священной Войны Добра и Зла, что книги его имели не только исключительный успех, но и принесли много здоровья и счастья людям. Ибо преодолеть расщепление сознания можно только в обретении Истинного Я энергии духа и его научного контроля. И то и другое невозможно без Полотна Истории как священной Войны Добра и Зла.

Х. Пирсон, «Жизнь Вальтера Скотта»:

> «Когда наш великий романист создавал образы людей, которых встречал в своей жизни или досконально изучал по сохранившимся источникам, он не грешил романтикой. Диккенс воспринимал свои персонажи зрительно и давал их бесподобные фотографии — Скотт же впитывал свои всеми порами и давал их правдивые портреты. Диккенс разыгрывал характеры — Скотт ими жил; один наблюдал — другой чувствовал. Скотт постигал людей чувством, не разумом. Он не извлекал из своего подсознания расплывчатые образы, в которых мы с трудом находим отдаленное сходство с собой; он взирал на ближних с проницательностью и состраданием, пропускал их сквозь фильтр своего воображения и лепил характеры, которые

мы мгновенно отождествляем с непредугаданностью и поэзией окружающего мира.

«Болваны толкуют о моем сходстве с Шекспиром — да я недостоин завязывать ему шнурки на башмаках», — записал Скотт в «Дневнике». Скотта нельзя сравнивать с Шекспиром в том смысле, что последний обладал беспримерной силой слова и проник как в сложности жизни, так и в ее первозданную простоту. Но как творец характеров Скотт равен Шекспиру, у которого, не считая Фальстафа, мы не встретим таких по-своему комических и уж тем более живых фигур, как Эди Охилтри в «Антикварии», Кадди и Моз в «Пуританах», Никол Джарви и Эндру Ферсервис в «Роб Рое», Мэлегроутер и Иаков Iв «Приключениях Найджела» и Людовик XIв «Квентине Дорварде». Некоторые из этих характеров в придачу к шекспировскому великолепию обладают еще и вселенской значимостью великих героев Сервантеса.

Об истинном отношении Скотта к людям лучше всего говорят его романы. Парадокс Скотта-писателя заключен в том, что при всем его романтическом мировоззрении главное достижение его прозы не романтически стилизованные рыцарские образы, но реалистические характеры обыкновенных людей, начисто лишенные романтического налета. «Мне не даются героические фигуры в полном смысле слова, — жаловался Скотт Морриту, — зато я питаю дурную слабость к сомнительным характерам разного рода обитателей Пограничья, пиратов, горных разбойников и других молодцов робингудовского склада». Но лучше всех удавались ему типы нищего, бальи, слуги, пастуха. Двойственность писателя — романтика и реалиста, преломилась в Скотте-человеке через его дружбу с герцогом Баклю и Томом Парди, через существование в одном лице помещика, хозяина Абботсфорда, и служаки в Эдинбурге.

с «Уэверли» в литературу XIX века пришел роман, каким мы его знаем; «Уэверли» и последующие книги Скотта направили художественную литературу всех цивилизованных стран в новое русло. Сервантес убил роман, Скотт его возродил. И тот и другой произвели революцию в беллетристике, чего не скажешь наверняка больше ни об одном писателе. Через два столетия Скотт вернул к существованию то, что в начале XVIIвека Сервантес изгнал из жизни своим смехом, но вернул с весьма существенной поправкой: он заселил свои полотна живыми людьми и показал их с сочувствием и проникновенностью, достойными Шекспира».

Х. Пирсон, «Жизнь В. Скотта»:

«Первым человеком, за которого он поднял эту чашу, был, разумеется, регент. Скотт начал все больше и больше проникаться к нему

симпатией после того, что узнал в 1812 году со слов Байрона. А узнал он следующее: «Принц отдал Вам предпочтение перед всеми мертвыми и живыми поэтами… он поставил Вас в один ряд с Гомером». С этого случая ведется начало странной, хотя и искренней дружбы между Скоттом и Байроном, двумя великими писателями эпохи, стоявшими у истоков литературного романтизма XIX века и имевшими на поверхностный взгляд лишь одно общее — хромоту, которая, постоянно напоминая им о телесной немощи, тем самым помогла развиться их своеобразному воображению. Но они походили друг на друга и еще кое в чем. Оба отличались человечностью, щедростью, чувством юмора, оба были великолепными собеседниками, хотя Байрон и страдал от приступов меланхолии и томления духа, неведомых Скотту. Короче, Байрон имел темперамент художника, тогда как Скотт был человеком светским и крепче стоял на земле увечной ногой, чем Байрон — здоровой. Их заочное знакомство произошло в неблагоприятных обстоятельствах. «Эдинбургское обозрение» отреагировало на первый поэтический сборник Байрона с олимпийским сарказмом, свойственным Джеффри; жертва ответила разящей сатирой «Английские барды и шотландские обозреватели», в которой неповинный во всей этой истории Скотт был заклеймен как «наемный бард» и «продажный отпрыск Аполлона». Исходи эти нападки от критиков, Скотт бы попросту отмахнулся от них. Но они исходили от поэта, и Скотт почувствовал себя уязвленным. «Не могу взять в толк, — жаловался он Саути, — почему этот щенок, юный лорд Байрон, ничего про меня не зная, обругал меня за то, что я пытаюсь пером наскрести на жизнь. Куда податься голодному медведю, если ему запрещают уже и лапу сосать! Могу заверить родовитого баловня славы: в том нету моей вины, что я не наследовал обширных угодий и 5000 фунтов годового дохода, как нельзя поставить в заслугу его светлости то… что ему не приходится зарабатывать на хлеб своими литературными талантами и успехами».

Когда первые песни «Чайльд-Гарольда» повергли литературный мир в безумный восторг, это произвело на Скотта сильное впечатление. Он оценил замысел песен, блестящее исполнение, накал и поэтичность, хотя и счел поэму слегка безнравственной. А вскоре Джон Мюррей рассказал ему со слов Байрона о беседе последнего с регентом, и Скотт написал собрату-поэту письмо, в котором объяснял свое материальное положение: «Желание снять с себя малейшее подозрение в корысти или низменных устремлениях перед лицом моего гениального современника, думаю — простительное желание». Байрон ответил так, как подобало человеку благородному, и весной

1815 года они встретились в Лондоне у Джона Мюррея в доме №50 на Элбемарл-стрит. Они сразу же прониклись взаимной симпатией и, пока Скотт находился в столице, каждый день посещали Мюррея, чтобы вдоволь наговориться друг с другом. Забавное было зрелище, вспоминает издатель, когда, окончив беседу, они рука об руку ковыляли вниз по лестнице: спуск по ступенькам еще сильнее подчеркивал их хромоту. Скотт считал вероятным, что Байрон в конце концов придет к католичеству, и прямо сказал ему об этом. Байрон не стал возражать, однако, как показало будущее, дни свои он завершил в Греции, а не в Риме. Их политические взгляды существенно расходились. Скотт, например, не считал Наполеона джентльменом, тогда как Байрон сетовал, что тот не демократ. Не было между ними и полного единодушия в вопросах морали. По мнению Байрона, Скотту не повредило бы чуть-чуть больше распущенности; по мнению же Скотта, немного воздержанности пошло бы Байрону только на пользу. Но взаимное общение так их захватывало, что они не обращали внимания на подобные мелочи, и, хотя им предстояло встретиться еще всего лишь раз, осенью того же года, их дружба питалась перепиской и была скреплена поведением Скотта в обстоятельствах, заставивших ошельмованного Байрона покинуть пределы Англии.

В январе 1816 года жена Байрона объявила его сумасшедшим и ушла от него. Большинство англичан, включая друзей Скотта — герцога Баклю, леди Эйберкорн, Моррита и Джоанну Бейли, во всем винили Байрона и хотели, чтобы кто-нибудь примирил супругов. Скотт, однако, полагал, что неразумно вмешиваться, если расходится такая чета, как Байроны, тем более чета, чья супружеская жизнь сделалась достоянием света: «Заделать подобную брешь — все равно что склеить фарфор: на вид блюдо хоть и целое, но цена ему уже не та, и в любую минуту оно может разлететься в куски». Травля поэта перешла и на его сочинения: третью песнь «Чайльд-Гарольда» встретили с ледяной враждебностью. Скотт отказался примкнуть к травле и написал для «Квартального обозрения» поощрительную рецензию, пришедшуюся не по вкусу всем тем, кто упорно старался превратить леди Байрон в великомученицу. Байрон, понятно, был глубоко благодарен Скотту за защиту в такое время и написал ему соответствующее письмо. Скотт ответил: «Я так долго выступал за честные схватки, что не могу видеть, как двадцать псов набрасываются на одного своей же породы; тем большее омерзение вызывают во мне деревенские шавки, наседающие всем скопом на борзую благородных кровей, которая стоит их всех вместе взятых».

Скотт сожалел, что им с Байроном не довелось чаще встречаться, — он верил, что мог бы в лучшую сторону повлиять на своего друга, чья натура отличалась таким благородством. Байрон придерживался аналогичного мнения: «Как мне не повезло, что судьба не послала мне такого наставника!» Повстречай он на своем пути не одного Скотта, а нескольких, признавался Байрон, он бы уверовал в человеческую добродетель. Романы Скотта он проглатывал, как только они появлялись, повсюду их за собою таскал, знал чуть ли не назубок, мог перечитывать их ежегодно и с неослабевающим интересом, объявил Скотта величайшим прозаиком со времен Сервантеса, посвятил ему мистерию «Каин» и записал в дневнике: «Потрясающий человек! Мечтаю с ним напиться». Когда Стендаль намекнул, что у Скотта не столь уж идеальный характер, Байрон ответил ему из Генуи в мае 1823 года, что из всех, кого он знает, Скотт — личность самая открытая, самая достойная и самая привлекательная: «Утверждаю, что Скотт являет собой образец человека настолько прекрасного, насколько человек может быть прекрасен, ибо знаю это — я с ним общался».

4. Н. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ О ВКЛАДЕ Г. ЛЕССИНГА В БОРЬБУ С РОМАНТИЗМОМ

Из приведенного ниже отрывка из книги Чернышевского, посвященной исследованию деятельности великого немецкого мыслителя, критика, теолога и литератора Г. Лессинга становится очевидно насколько важна была проведенная Лессингом работа по борьбе с Движением Романтизма в Германии, и не только в Германии. И как сильно она сказалась на оживлении всей культурной жизни Германии: от литературы, философии, университетов и до теологии.

Свою борьбу с романтизмом он вел как космополит, поддерживая схожие течения в других странах, как например пьесы Дидро, и в то же время уничтожая беспощадной критикой «псевдоклассицизм» Корнеля, Расина и Вольтера, как пишет Н.

Чернышевский. Интересно, что его оценка Расина сходится с оценкой, которую дает ей Газданов в «На Французской земле».

Далее важно отметить, что Чернышевский говорит о роли Лессинга в том русле в котором Ницше говорит о роли Еврипида в отношении романтизма греческой трагедии — о развенчании «масок диониса» как фантазий романтизмаи ввода на сцену реальных людей моральности борьбы добра и зла вместо эстетического всепобеждающего героя. Но Ницше говорит о роли Еврипида с осуждением, как о предтече «теоретического человека Сократа» и его этики добродетели, вытеснившей романтизм эстетического греческой трагедии. А Чернышевский напротив не находит слов, чтобы похвалить Лессинга за такое благотворное, оздоравливающе влияние на культуру.

Н. Чернышевский, «Лессинг»:

> «Известен переворот, произведенный во французской драме теорией Дидро о том, что драме пора начать, вместо героев и полководцев, изображать человека такого, как мы все, в такой обстановке и таких коллизиях, которые знакомы всем нам из собственного опыта, по собственной радости и скорби, а не из Тита Ливия 182 и Плутарха; известно громадное действие драм, написанных Дидро по этому принципу. Дидро опирался в этом на англий ских драматургов, — Лессинг, изучивший Дидро (которого он переводил) и английскую драму, проникся тою же теориею, и «Мисс Сара Сампсон» была следствием этого настроения. Дидро написал разбор ее в Journal étranger, и, конечно, восхи щается блистательным приложением своей теории к делу. В ис тории немецкой литературы «Сара Сампсон» занимает такое же место и произвела такое же действие, как драмы Дидро во французской. Тут в первый раз холодный блеск и пустозвон ное величие внешности уступило место истинному патетизму, театральный герой с картонным мечом — действительному че ловеку. Дидро справедливо заключает свою рецензию драмы Лессинга словами: «Быть может, искусству нужно еще усовер шенствоваться в Германии; но германский гений уже обратился к природе, — это истинный путь, да идет он по этому пути». «Сарою Сампсон» введена была в искусство натура, введен был человек и истинный пафос.
>
> ….Чтобы очистить место для истинной теории драмы, Лессинг должен был разрушить прежнюю ложную теорию, показать что и правила псевдоклассической теории, и произведения, написанные

по этим правилам, не выдерживают критики. Таким образом, пришлось ему иметь непосредственное дело с французскими драматургами, которые считались величайшими гениями по своей части — с Корнелем, Расином и Вольтером. Нечего и говорить о том, с какой беспощадной резкостью разбирал он их произведения — они были истерзаны и обдерганы до того, что человек, прочитавший «Гамбургскую драматургию», не мог без некоторого презрения подумать о писателях,, нелепость произведений которых доказана так ясно и язвительно. Эта безжалостность была необходима для разрушения закоснелого предубеждения, чрезвычайно упорного и наглого. Она достигла своей цели, — не только немцы, но все люди других наций, знакомые с германской литературой, не могли до последнего времени говорить о французской классической пьесе без презрительной усмешки. Напрасно Шиллер и Гете, лет через тридцать после Драматургии, по общему уговору переводили французские драмы. Лессингова насмешка отзывалась в памяти всех и великие поэты только подвергались осуждению за то, что занялись произведениями, недостойными их таланта. «Гамбургская драматургия» разом похоронила псевдоклассицизм».

Г. Газданов, «На Французской земле»:

«Партизаны тоже давно и хорошо знали город, у многих из них были здесь — как бы это сказать? — постоянные знакомства, тем более трогательные, чем более они лишены были возможности сколько-нибудь обстоятельных объяснений из-за взаимного незнания языка. Одним словом, они стояли здесь так, как стояли бы гарнизоном в каком-нибудь маленьком русском городке. Они ходили в кинематограф и в театр и посещали концерты. Один из них, огромный мужчина с хриплым голосом, жаловался как-то, что пошел в театр, заплатил семьдесят пять франков и ушел в середине представления, которое ему не понравилось. — Что ж, пьеса была плохая, что ли?

Он пренебрежительно пожал своими широкими плечами и передразнил актеров: снимая шапку, кланялся, говоря с непередаваемым густороссийским акцентом «банжур, мадам, банжур, мусье». — Неинтересно. — А как называется пьеса?

Этого он не знал и не придавал этому значения. — Может быть, вам было скучно, потому что вы по-французски плохо понимаете? — Да нет, — сказал он, — хорошая пьеса, она на любом языке хороша, хоть по-испански. А то видно, что пьеса просто плохая.

Я полюбопытствовал узнать все-таки, что это было. Это оказалась «Андромаха» (трагедии Ж. Расина (1667)»

Наконец, Лессинг, который как утверждает Чернышевский воспитал все великие умы Германии, и прежде всего Гете и Шиллера, уступает дорогу своим ученикам. Но в то же время, подчеркивает Чернышевский, ни один из них не обладает его научным умом, его философией рационализма в той чистоте и твердости, которые бы позволили им быть защищенными от влияний романтизма. И Чернышевский подчеркивает, что Лессинг критиковал так же и своих учеников за увлечение романтизмом.

Н. Чернышевский, «Лессинг»:

> «Было бы слишком долго и неуместно говорить здесь, почему сильнейшие люди нового поколения, Гердер и Гё те, склонились на ту, а не на другую сторону. Довольно сказать, что сторона, к которой склонялись они, была ан типатична Лессингу. У Гердера слабою стороною было излишнее преобладание воображения над рассудком, у Гёте (в ту эпоху, эпоху «Вертера» и увлечения под дельными оссиановскими песнями) сантиментальность.
>
> Отсюда происходило пристрастие Гердера к Гаманну, пристрастие Гёте к людям, подобным Лафатеру, уживчи вость его с людьми, подобными Юнгу-Штиллингу. Такие предпочтения казались Лессингу неразумными и вредны ми, и произведения, написанные в этом направлении, фальшивыми.
>
> Нет надобности доказывать, что Лессинг был прав в своем недовольстве тенденцией), отразившеюся на «Вер тере»; он верно предугадал, что роман этот будет иметь вредное влияние на молодежь, выставляя в идеальном свете болезненное малодушие своего героя. Не был доволен Лессинг и тем направлением, какое получила драма в период «бурных стремлений». Он вну шал уважение к Шекспиру, — но молодежь, с обыкновен ного своею наклонностью доводить всякое чувство до крайностей, дошла в энтузиазме к Шекспиру до неле постей и старалась как можно ближе подражать даже то му, что вовсе не важно в Шекспире и, скорее, составляет его недостаток, нежели достоинство: эксцентричность вы ражений и другие особенности, объясняемые только вку сом века, в котором жил Шекспир, казались этим драма тургам столько же драгоценными и необходимыми при надлежностями «гениальности», как действительные до стоинства шекспировых драм. Тогда-то возникло понятие о качествах поэта и его произведений, известное нам но преданиям романтизма
>
> Радуясь вообще пробуждению свежих и могучих сил, стремившихся вообще к целям, которые были также и его 361 целями, Лессинг за-

мечал в деятельности главных людей молодого поколения и важные ошибки, от которых пред видел дурные следствия, — как то и исполнилось на деле возникновением романтической школы: Шлегели, Тик и проч. произошли из односторонностей, которым подда лись Гёте, Гердер и их друзья. Почему же он не боролся против этих уклонений? Борьба человека старого поколения против молодого поколения всегда бывает безуспешна, хотя бы этот человек и говорил правду. Исторические увлечения не могут быть побеждаемы в самом начале своем отвлеченными рассуж дениями, — только тогда они отвергаются обществом, когда они принесут плоды, по которым испытает общество их ошибочность и вредность. С успехом начать борьбу против увлечений сантиментализма и фантазерства можно было только тогда, когда романтизм уже выказал, каковы по следствия этих наклонностей, являвшихся вначале иде ально-прекрасными, возвышенными и очаровательными, — уже только в наши времена, а не в 1770-ых годах»

.....Лессинг не имел ничего общего с Монтансм или другими скептиками, — напротив, его убеждения очень определительны и тверды, он, можно сказать, ни в чем не сомневается, — ни в человеке, ни в законах вселенной, — он положительно говорит: «это мы знаем; в этом нечего сомневаться» — но — какое бы убеж дение ни высказывал, как бы твердо ни высказывал его, какими бы неопровержимыми доказательствами ни под тверждал его, — все-таки он в конце ставит новый вопрос, все-таки заключает тем, что говорит: «то, что мы теперь знаем, только начало знания; нужно заняться теперь дальнейшими исследованиями, при которых и прежняя истина явится, быть может, в новом виде

В главнейших его ученых сочинениях — «Лао кооне» и «Драматургии» — эта необходимость дальней шего самостоятельного исследования выражается даже внешним образом: заключая «Лаокоона», он обещает со временем прибавить вторую часть к этому исследованию, которое положительно называет только первою частью; в «Драматургии» также несколько раз говорится, что вся она только первый отдел труда, который должен иметь продолжение; «Листки против Геце» прекращены, можно сказать, в самом начале. В каждой частности слышится тот же вызов читателю на дальнейшее обсуждение дела. Можно сказать, что и общее направление деятельности Лессинга не имеет такой общей темы, которую не сменила бы другая тема, если то потребуется развитием мысли, — он начал как литературный критик, а кончил теологи ческими исследованиями, которые, наверное, оставил бы для других изысканий, если бы прожил долее.

> Резкость суждений была первым условием сильного влияния «Литературных писем» на публику и писателей. Немецкая мысль была тогда одержима такою вялою дре мотою, что только самые сильные толчки могли пробудить ее. В этом отношении, как и во всех других, Лессинг был именно человек, в каком нуждалось то время. Только бес пощадная диалектика, не оставлявшая ни одного уступ чивого слова для успокоения, могла заставить публику и писателей признаться в том, что литературные дела их действительно в плохом состоянии, и пробудить в них потребность исправления безжалостно раскрытых не достатков. Теперь мысли, возбуждавшие изумление, когда яви лись в «Литературных письмах», стали общими местами, суждения о писателях и их произведениях, возбуждавшие негодование, смешанное с удивлением, когда являлись в «Литературных письмах», повторяются в каждом учеб нике, — стало быть, энергия выводов и выражения не за водила Лессинга в несправедливую односторонность; но не в том только дело, что он был прав, осуждая Клопштока и Крамера, Готтшеда и Бодмера: не много бы выиграли немцы, если бы научились из «Литературных писем» только верному взгляду на факты, обсуждавшиеся в этом журнале, — факты были вообще не слишком важны и, по правде сказать, не стоило бы труда вовсе и говорить о них, если б немцы были приготовлены к тому, чтоб слушать и понимать суждения о чем-нибудь важнейшем, нежели произведения Готтшеда с его союзниками и противниками. Важно было не столько приобретение немецким обществом суждений о литературных явлениях, сколько то, что вместе с содержанием суждений перешел в немецкую мысль их дух, — дух строгой, не останавливающейся ни перед какими выводами логики, не признающей за заблуждением права на уступки, ищущей только чистой ис тины, какова бы ни была от того судьба наших личных предубеждений и поползновений»

Н. Чернышевский, «Лессинг»:

> «Лессинг был главным в первом поколении тех деяте лей, которых историческая необходимость вызвала для оживления его родины. Он был отцом новой немецкой ли тературы. Он владычествовал над нею с диктаторским могуществом. Все значительнейшие из последующих немец ких писателей, даже Шиллер, даже сам Гёте в лучшую эпоху своей деятельности, были учениками его; оставались учениками его даже тогда, когда восставали против него или по одностороннему увлечению, как писатели «периода бурных стремлений» (Sturm und Drang-Periode), или по тайной зависти, как Гердер и Гёте.

….В области поэзии нечто подобное пред ставляет Шекспир. Мы опять обращаемся к этому приме ру, чтобы прояснить наше понятие. Кто поймет Шекспира, перед тем исчезают всякие другие авторитеты в поэзии — он выше всех, — а между тем преклонение перед Шекс пиром становит ли поэта в такое зависимое от него поло жение, как поклонение Байрону или Мильтону, (Жоржу Санду или Руссо)? — нет, кто поклоняется этим поэтам, чувствует непреоборимую наклонность подражать им, и истинно талантливые люди делались мильтонистами или (руссоистами, жорж-сандистами или) байронистами, — но, понимать Шекспира — значит чувствовать в себе не преодолимый позыв к самостоятельному творчеству, — быть чуждым всякой мысли о подражании кому бы то ни было, хотя бы и самому Шекспиру

….Стихотворцев, литераторов и ученых Германия в первой половине прошлого века имела тысячи, читателей — десятки тысяч, но из этих тысяч едва пять-шесть человек говорили о чем то заслуживающем внимания. Все остальные сочиняли торжественные оды, идиллии, бессмысленные басни и бессмысленные панегирики, безжизненные эпопеи, писали мертвые диссертации о мертвых предметах — и их читали, ими восхищались и они сами собой восхищались. Перья скрипели, литературные самолюбия надувались, часто ранились, но часто взаимно воспевали свое величие. Во всем этом не было ни смысла, ни жизни.

…. Универси теты и школы, вообще говоря, не просвещали, а только еще более затуманивали умы. Все науки преподавались с ка федр и разрабатывались в кабинетах, в самой сухой и мертвой форме. Ученый обыкновенно был педантом и формалистом, слепо верившим тому, чему научился от своего бывшего наставника; он без всякой критики ком пилировал факты, не отыскивая в них смысла, заботясь только о систематичности и внешней ученой форме. Мер твый догматизм владычествовал во всех отраслях науки, от философии до изучения древних языков, от законоведения до теории словесности. Параграфы, аксиомы, теоремы, леммы, королларии, подразделения заставляли забывать о живом содержании в нравственных и юридических на уках, которые излагались с такою же сухостью, как ал гебра или геометрия. В истории больше всего занимались хронологическими и генеалогическими таблицами и ме лочными подробностями, не обращая внимания на смысл фактов и связь событий; в законоведении господствовал взгляд совершенно отвлеченный и односторонний, так что применение его к жизни было страшным бедствием для всего народонаселения: юристы были истинными мучите лями для Германии;

в богословии сохранились понятия, свойственные средним векам, и самый протестантизм стал неподвижен и безжизнен если не больше, то не меньше католицизма. Книги вообще писались так сухо и тяжело, что только записные ученые решались читать их.

….«Литературными письмами» Лессинг доказал ничтожность прежней немецкой литературы и очистил место для нового здания, сломав хилые и гнилые лачуги, отбросив далеко всю гниль, которою покрывали они землю. «Лаокооном» он указал вообще в чем должен состоять дух истинной поэзии. «Гамбургская драматургия» дала теорию драмы. Поэзия новой истории еще не успела понять, что придворная (как у Шекспира, Корнеля и Расина) или праздничная (как у греческих драматургов) одежда сценического искусства недостаточна для нее, будничной подруги каждого из нас. «Гамбургская драматургия» была фоном на котором возникли «Гец фон Берллихинген», и Фауст», «Разбойники», «Вильгельм Тель». «Лаокооном» был воспитан общий дух поэзии Гете и Шиллера; «Гамбургской драматургией» даны законы их трагедиям.

….Кроме Лессинга не было в немецкой литературе чело века, который мог бы дать ей решительное и плодотворное влияние на судьбу немецкого народа. Будет или не будет немецкая литература сильнейшею двигательницею на родной жизни, ускорится ли ее вмешательством развитие народа, или предоставлено будет только медленному дей ствию чистой науки — разрешение этого вопроса совер шенно зависело от того, будет ли между немецкими лите раторами Лессинг, то есть будет ли гениальный человек, который верно поймет положение и потребности своего народа, постигнет всю важность, которую должна иметь литература для его жизни, твердо и решительно укажет литературе, что и как должна она делать, который, руко водя деятельностью других, сам гениальными произведе ниями доставит литературе преобладающую важность между предметами, возбуждающими интерес в своем на роде, сделает литературу средоточием национальной жизни. В совершении этого дела величие Лессинга. Он доставил немецкой литературе силу быть средото чием народной жизни и указал ей прямой путь, он ускорил тем развитие своего народа. Это определение границ исторического значения Лес синга необходимо для того, чтобы предохранить себя от безграничного превознесения его: в самом деле, личность этого человека так благородна, величественна и вместе так симпатична и прекрасна, деятельность его так чиста и сильна, влияние его так громадно, что чем более всмат риваешься в черты этого человека, тем сильнее и сильнее проникаешься безусловным уважением и любовью к нему.

Гениальный ум, благороднейший характер, твердость во ли, пылкость и нежность души, сердце, открытое сочувст вию ко всему, что прекрасно в мире, сильные, но чистые страсти, жизнь без тени порока или упрека, полная борьбы и деятельности, — все, чем может быть прекрасен и велик человек, соединялось в нем.

….Со времен Аристотеля никто не понимал сущность по эзии так верно и глубоко, как Лессинг. Его «Лаокооном», в первый раз в течение двух тысяч лет, были объяснены и оправданы намеки Аристотеля, остававшиеся непонят ными до той поры. Действие, произведенное «Лаокооном» на развитие немецкой литературы, было так же огромно, как действие «Литературных писем» и «Минны фон-Барнгельм». Гёте и потом Шиллер воспитались этою теориею. Сам Гёте, ко торый не любит Лессинга, говорит в своей автобиографии: «Надобно быть юношею, чтобы вообразить себе, какое действие оказал на нас лессингов Лаокоон (Гёте было тогда лет восемнадцать), — он поднял нас из бедной сферы внешних очертаний в свободную область мысли. Разом было низвергнуто искаженное понятие о том, что поэзия должна подражать живописи. Мы были озарены, как мол ниею, отбросили все прежние понятия, как ветхую рух лядь, нам казалось, что мы спасены теперь от всякого зла».

После таких примеров ясно, до какой степени «Лаокоон» воспитал поэзию Гёте. Гёте, конечно, никто не станет во ображать человеком, который мог останавливаться на внешней зависимости от мелочных правил, — если эти де тали лессинговой системы отразились на нем, то, конечно, только потому, что он слишком глубоко проникся духом, из которого возникала необходимость таких деталей. После «Литературных писем» Лессинг начал считаться первым критиком Германии; после «Лаокоона» утверди лась его репутация как великого мыслителя и великого ученого; после «Минны фон-Барнгельм» он был признан знаменитейшим из поэтов. Теперь все видели, что он стоит во главе немецкой литературы. Он был оракулом молодого поколения. Гёте, Гердер, Мерк, изучая его, готовились выступать на дорогу, им от крытую.

Но вот воспиталось новое поколение, — в критике появляются Гердер, Мерк, Лихтенберг, Гёте; в поэзии — Гёте, Ленц, Клингер, Лейзевиц и, в одно время с ними, около начала 1770-х годов все бесчисленные критики и поэты периода «бурных стремлений». Все они воспитаны преимущественно Лессингом, многие — исключительно Лессингом. Каково-то будет отношение учителя к ним, каково-то будет отношение их к учителю? Именно тут и обнаружилась самым ярким и редким образом его натура, удивительная по своей необыкновен ности, совершенно нормальная по своей разумности. Когда они

выступили на сцену, он совершенно сошел с этой сце ны, вполне уступая им место. Он перестал работать для поэзии, для литературной критики. «Теперь и без меня довольно исправных работников на этих полях, — мое дело кончено, я стал бы только мешать им; они и без меня сде лают все, что нужно, — они умеют и хотят работать, пусть же трудятся, как умеют и как хотят». Роль воспитателя должна кончаться, когда воспитанники совершенно при готовлены.

Случайно мы уже приводили несколько суждений Гёте о действии некоторых сочинений Лессинга на развитие самого Гёте, — мы уже видели, как он сам признавался, что «Лаокоон» «озарил его, как молния», и овладел его мыслью на многие годы, что «Эмилия Галотти» «ободри ла» его, — прибавим к этому слова Гёте о «Минне фон Барнгельм»: «Очень сильно подействовала на нас эта пьеса. Действительно, она была блестящим метеором в те темные времена. Она дала нам понять, что существует нечто высшее всего того, о чем знала тогдашняя эпоха». Мы видели также, какой сильный отпечаток на манеру Гёте положили даже второстепенные замечания Лессинга, например, хотя бы о том, что описание предмета должно в поэзии заменяться рассказом его происхождения и судьбы. Число этих примеров легко было бы умно жить

Впрочем, все это не составляет еще главного значения деятельности Лессинга в последние годы его жизни. Еще важнее, нежели влияние его на характер последующих философских систем, было то, что он приготовил ум своего народа для принятия философской мысли.

При всем различии в своих принципах и выводах, все немецкие философские системы сходятся в том, что ни одна из них не имеет враждебности против христианства, какою отличались системы некоторых английских и французских философов. Каковы бы ни были понятия того или другого немецкого философа об общей системе мира, но каждый из них на религию смотрит с уважением, высоко ценя важность ее. Все они чужды того сурового ожесточения против религии, которое заметно, например, у Гоббеса, или той насмешки, которая видна у Вольтера. Все они смотрят на религию с серьезностью, полною ува жения. Эти две черты сходства уже достаточно показывают тесное родство последующей немецкой философии с теми стремлениями, которыми одушевлен был Лессинг в своей последней борьбе.

От замечаний о развитии умственной жизни в Герма нии, обращаясь к прямому влиянию последнего периода деятельности Лессинга на общественную жизнь, надобно сказать, что оно было также решительно: с той поры на чинается заметное и постоянное

ослабление неприязни, существовавшей между католиками и протестантами. Главною причиною, поддерживавшею эту неприязнь, на добно считать презрение протестантов к католикам, как людям, зараженным грубейшими суевериями. До Лессинга едва ли кто из протестантов смотрел на особенности, ко торыми отличалось католичество от протестантства, иначе как на невежественные предрассудки, унизительные для ума человеческого. Нововводители, последователи французских энциклопедистов и английских деистов, были в этом отношении не лучше, а может быть, даже хуже других протестантов. Лессинг стал говорить о католичестве беспристрастно, всегда с уважением, иногда с со чувствием. Это простиралось до того, что многие из его противников обвиняли его в измене лютеранству для католичества, а сам он, когда протестантские богословы ему грозили запрещением писать и юридическим осуждением его сочинений, был уверен, что если бы дело дошло до та кой крайности, то он нашел бы защиту у католиков 8, пе 366 ренеся дело на решение Имперского совета, в котором католические члены станут на его стороне, когда он им объ яснит, что осуждать его значило бы осуждать всех като ликов. Пример, авторитет и доказательства Лессинга от крыли глаза большинству образованных протестантов, и с того времени насмешки над католиками ослабевают, ослабевает и возбуждаемое ими нерасположение католиков к протестантам, и место неприязни занимает терпимость и взаимное уважение. Мало того: Лессинг развивал перед немцами воззрение, в котором должны сойтись, как братья, и католики и протестанты, и доказывал, что это воззрение, будучи одно достойно человека по своему бла городству, в то же время одно только и должно считаться справедливым, потому что оно одно логично, оно одно внушается потребностями человеческой природы и одно может выдержать строгую научную критику. Эта сторона влияния, конечно, казалась самою важною и для Лессинга. Именно желание дать примирительное направление на родной жизни и руководило Лессингом в выборе теологи ческих вопросов предметом своей деятельности.

Надобно заметить одну черту Лессинга, о которой уместнее всего сказать по случаю «Гамбургской драматургии», произведения, начинающего собою эпоху справедливого уважения немецкого народа к самому себе. Писатель, деятельность которого пробудила в Германии патриотическую гордость, был решительный космополит и стоял в отрицательном отношении к понятию национальности».

ГЛАВА 8. НАУЧНЫЕ ФОРМУЛЫ САДОМАЗОХИЗМА И РОМАНТИКИ: НОРМАЛЬНОГО И СЛОМАННОГО ФИЗИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ

1.СЛУЧАЙ САДОМАЗОХИЗМА: НОРМАЛЬНЫЙ ЦИКЛИЧЕСКИЙ ГОМЕОСТАЗ ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ

Ниже я привожу графические схемы Садомазохизма и Романтики, двух случаев поля Эгосистемы между духовной энергией людей, которое мешает им соединиться в Церковь Дружбы.

Это два случая Нормального и Сломанного циклического гомеостаза физического контроля.

Нормальный циклический гомеостаз включает Верхнюю и Нижнюю Эгозащиту Сатан-Эго и Милгима-Эго.

Сломанный циклический гомеостаз это случай Гибрис-Эго незрелого интеллекта.

Мне пришлось обходится подручными средствами — тетрадью, ручкой и текстовыделителями, но у меня нет сомнений, что вы представите эти графические схемы с новейшими средствами компьютерной графики. Моя задача донести идею научных формул, и тут без графиков не обойтись.

Итак, перейдем к описанию формул на графиках.

Первый случай — это случай нормального циклического гомеостаза — Садомазохизм Двух Противоположный Притяжений, Нижнего и Верхнего, Господства и Подчинения, Самолюбия и Влюбленности.

На графике указаны два человека (person). В данном случае, это большой удельный вес биологии, малый вес — интеллекта, и малый вес энергии духа, на которой виден Паразит поля Эгосистемы, который разъединяет двух людей. То есть энергию духа этих двух людей.

Между людьми функционирует чужеродная энергия, не давая им соединиться в церковь дружбы единого поля интеллекта и совести. На это надо обратить внимание в первую очередь.

Как получилось, что возникло течение этой энергии паразита между Истинным Я энергии духа людей? Там показано, что поле Эгосистемы стоит между человеком и его восприятием мира: человек смотрит на мир сквозь «очки» поля Эгосистемы. Он видит не конкретные вещи и не законы природы, как в случае когда он напрямую контактирует с миром через научный контроль энергии духа, а он видит «загрузки» Эго и суперЭго — двух чувственных фигур физического контроля материальной энергии, которые дают искаженное представление о мире и себе, как двух абстрактных количествах противостоящей друг другу силы.

таким образом, каждый человек воспринимает себя как «Загрузку» Эго на поле материальной энергии (что к его реальному я имеет такое же отношение как плохая фотография к его реальной личности — личность и фото не одно и то же). А другого человека воспринимает как «загрузку» СуперЭго, то есть опять имеет дело не с самим человеком, а с его изображением, причем плохим изображением. Но даже если бы хорошее — фото и человек не одно и то же.

Поле Эгосистемы таким образом ставит между человеком и миром ширму, как показал еще Платон в своем мифе о Пещере: человек видит не реальность, а ее бледные отображения. По крайней мере те, у кого активно поле Эгосистемы.

Физический контроль поля Эгосистемы «оценивает силы Эго и СуперЭго», то есть себя и окружающего мира и ставит знаки Плюс и Минус. Если оценка в пользу себя — то Эго больше всего прочего мира и тогда Плюс получает Эго, а минус получает Су-

перЭго — это и есть Притяжение Самолюбия, когда человек видит самого себя как магическую силу, всесильную по отношению к миру. Это обычная ситуация для Сатан-Эго.

Если оценка в пользу окружающего мира, то Плюс получает суперЭго, а минус получает Эго. Это и есть Притяжение Влюбленности, когда человек видит мир как внешние авторитеты магической силы через физический контроль. Это ситуация типична для Милграм-Эго.

Таким образом, тот человек который видит самого себя магической всесильной силой воспринимает другого человека как «загрузку» СуперЭго со знаком минус — то есть как слабость, которая должна подчиняться его силе, как Влюбленность, которая есть дополнение к его Самолюбию.

И наоборот, тот человек который видит других людей как магические авторитеты, а самого себя видит слабым, воспринимает другого человека как «загрузку» СуперЭго со знаком Плюс, — то есть как силу, как Господство, как Самолюбие, которому должна подчиняться его слабость и его Влюбленность.

так возникают два противоположных притяжения Садомазохизма физического контроля — Самолюбие и Влюбленность, Сила и Слабость, Господство и Подчинение.

Это случай «скрытого аутизма», который хуже аутизма явного, потому что создает впечатление нормальной активности лдей, поражённых тяжелым недугом. Ведь этот Садомазохизм поля Эгосистемы функционирует между истинным Я здоровой, разумной, живой Энергии Духа людей, превращая их живую энергию в мертвые автоматизмы чужеродной для них энергии-паразита.

Тем не менее внешне создается впечатление нормального взаимодействия, потому что нормальный циклический гомеостаз физического контроля создает Левиафаны Садомазохизма, общества Господства и Подчинения, которые способны к долгой устойчивой активности, как показала долгая история востока.

В этом Грубая Ошибка Маркса, который не понимал, что почему отношения Господства и Подчинения людей — это болезнь

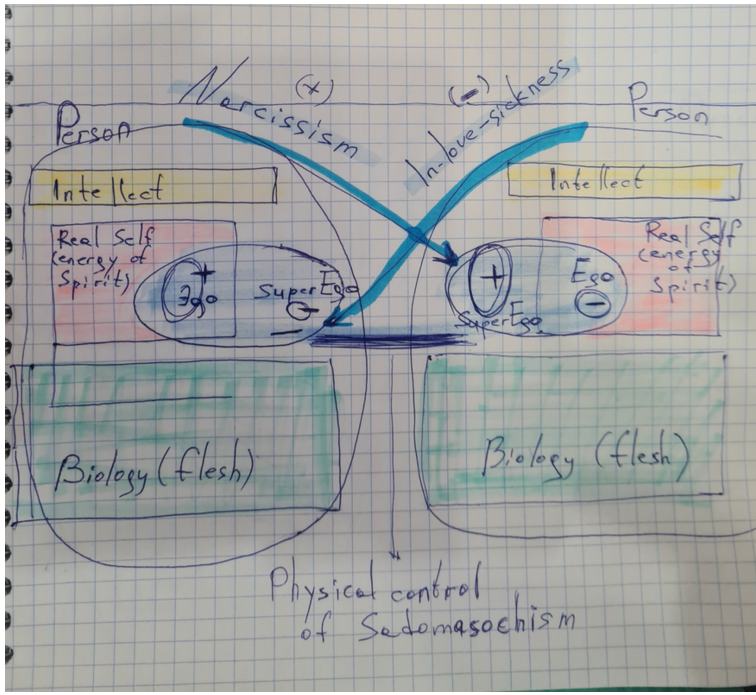
общества. он придавал им смысл, «рационализировал» эти отношения, когда объяснял их как переходную стадию в развитии экономических или каких то других разумных отношений людей.

на самом деле, причины во первых психологические, и не имеют никакого отношения к экономике.

а во вторых, в них нет ни крупицы здравого смысла для реального существования людей. Это просто случай, когда мертвая энергия пожирает живую и разумную энергию людей, мешая им соединиться в «рай» взаимопомощи, взаимного уважением и восхищения, юмора и творчества — тот истинный рай единства реальной энергии духа человечества, что дал им Отец Небесный.

Герберт Спенсер, «Социальная статика»:

«Социальная статика»: «Постоянно можно наблюдать, как для дикого эгоизма необходим соответствующий размер обожания силы. Такое чувство, служащее противовесом антиобщественности, заключается в обожании власти. Это чувство заставляет людей преклоняться перед проявлениями силы и подчиняться ей, в ком бы она ни проявлялась. Мы предположили, что уважение к авторитету пропорционально варварству чувства, со стремлением искать для себя удовлетворения за счет ближнего. Не видим ли мы в самом деле, что низкопоклонное подчинение деспотическому правлению процветает бок о бок с обычаем человеческих жертв, детоубийством и частыми покушениями на человеческую жизнь? Всем известно, что готовность подчиняться всегда сопровождается страстью тиранизировать, и эта признанная истина служит лучшим доказательством связи раболепия с недостатком нравственного чувства. Сатрапы также господствовали над народом, как их царь господствовал над ни ми. Столь же многочисленны факты, убеждающие в том, что на клонность к воровству всегда связана с преобладанием чувства личной преданности. Записки путешественников показывают, что у племен, стоящих



на низкой ступени цивилизации, бесчестность и воровство существуют рядом с безотчетною властью начальни ков. Среди более развитых народов встречается та же самая связь между бесчестностью и раболепием»

2. СЛУЧАЙ РОМАНТИКИ: СЛОМАННЫЙ ЦИКЛИЧЕСКИЙ ГОМЕОСТАЗ ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ

Это случай Гибрис-Эго незрелого интеллекта у людей, одаренных высокой способностью к абстрактному мышлению Случай первых цивилизаций, принесших миру первые плоды человеческой способности к мышлению. Случай современной

фиктивной мысли формальной логики, оторванной от жизни. Ведь незрелый интеллект смотрит на мир через Кривое зеркало поля Эгосистемы!

Кьеркегор «Болезнь к смерти»:

«Стало быть, отчаявшийся человек только и делает, что строит замки в Испании и воюет с мельницами. Сколько шума всегда о добродетелях такого постановщика опытов! Эти добродетели на мгновение очаровывают, подобно восточному стиху: такое владение собою, каменная твердость, вся эта атараксия и так далее, они как из сказки. И они действительно выходят прямо из сказки, ибо за ними ничего не стоит. Это Я в своем отчаянии хочет вкусить наслаждение самому создавать себя, облекать себя в одежды, существовать благодаря самому себе, надеясь стяжать лавры поэмой со столь искусным сюжетом, короче, так прекрасно умея себя понять. Но что он подразумевает под этим, остается загадкой: ибо в то самое мгновение, когда он думает завершить все сооружение, все это может, по произволу, кануть в ничто. Если же отчаявшееся Я пассивно, отчаяние все равно остается таким, когда желают быть собою. Возможно, испытующее Я, подобное уже описанному, желая предварительно сориентироваться в своем конкретном Я, наталкивается на некоторую трудность, на то, что христиане назвали бы крестом, то есть на некое фундаментальное зло, каким бы оно ни было. Это Я, отрицающее конкретные, непосредственные данности Я, возможно, начнет с того, что попытается выбросить зло за борт, притвориться. что его не существует, не пожелает ничего о нем знать. Но это ему не удастся, его гибкость и искусность в опытах не доходит до такой степени, как, впрочем, и его искусность строителя абстракций; подобно Прометею, бесконечно негативное Я чувствует себя пригвожденным к такому внутреннему рабству».

Я постаралась показать на схеме, что высокая одаренность интеллектом меняет пропорции «личности». Теперь здесь мало биологии и много активности мышления.

Однако, по той причине, что интеллект — фиктивный, что он не напрямую контактирует с фактами действительности, а через «загрузки» поля Эгосистемы — он остается разъединённым у людей. При здоровой энергии духа и настоящем научном контроле — научный интеллект людей как и их энергия представляют собой единой Я человечества.

И здесь также между людьми возникает активность поля Эгосистемы, которая уничтожает «рай» единства духовной энергии человечества. Однако, на этот раз, и этот контакт людей, через чужеродную мертвую энергию оказывается сломанным из-за сломанного физического контроля Садомазохизма. На место Садомазохизма приходит Романтика. На место скрытому аутизму, который создал видимость взаимодействия людей в Левиафанах деспотий, приходит явный аутизм разрушенных конактов людей на всех уровнях.

Эта ситуация несомненно много лучше, чем видимость взаимодействия в Левиафанах Насилия и Рабства. Это как раз тот период античной истории, когда в Древней Иудее и в Древней Греции разрушены Левиафаны царей и рабов и начинаются всеобщие гражданские войны.

В данном случае поговорка о «худом мире», который лучше дорой войны, себя не оправдала. Какой бы ценой эти Левиафаны древности не были разрушены, они должны были быть разрушены, чтобы начать процесс пробуждения реальной живой разумной энергии духа человечества, который в конечном итоге полностью уничтожит поле Эгосистемы и его физический контроль и соединится в Церковь Дружбы. Тогда войны вообще станут невозможны.

Однако, наша задача рассмотреть как именно ломается Садомазохизм физического контроля.

Дело в том, что фиктивный интеллект проникает на поле Эгосистемы (вместо того чтобы напрямую взаимодействовать с фактами действительности) и имеет дело с «загрузками» Эго и суперЭго. И поскольку сущность физического контроля в том чтобы сохранить «силу Эго», то фиктивный интеллект становится

на службу материальной энергии и «логически» доказывает, утверждает Силу Эго над СуперЭго. То есть утверждает постоянный Плюс Эго, вне зависимости от ситуации — магическое всесилие этого человека утверждено навсегда, какие бы люди не становились на его пути.

Таким образом, у этих людей остается только одно Притяжение из двух притяжений Садомазохизма — Самолюбие, Верхняя Эгозащита. Вторая половина Садомазохизма, его противоположная часть — Слабость, Нижняя Эгозащита, Влюблённость, необходимая ему для нормального функционирования оказывается атрофированной.

Вторжение интеллекта на поле материальной энергии, к которому он не имеет никакого отношения, таким образом разрушает оба контроля — и научный контроль энергии духа, так как теперь это фиктивный интеллект формальной логики, дедукция без индукции, софистика без эмпиризма; и физический контроль, так как вторая половина, Нижняя Эгозащита Садомазохизма оказывается атрофированной.

Поэтому Гибрис-Эго шизоидов всегда остается Плюсом Самолюбия, и никогда не бывает Минусом Влюбленности. Возникает та резкая черта между свободными людьми и рабами, которая славится античность и в особенности античная Греция. Ведь есть жесткое отличие между древним востоком, где не было четкой границы между господами и рабами, и где одни и те же люди могли быть господами для одних и слугами или рабами для других. Это невозможно для культуры Гибрис-Эго античности. Те кто принадлежит к их культуре — уже потеряли нижнюю Эгозащиту Садомазохизма, уже сломали свои Левиафаны, уже как минимум считают себя или независимыми или согласны быть господами для других — ведь верхняя Эгозащита Садомазохизма у них еще действует и они еще не прониклись отвращением к роли Господина. Вот почему неправильно называть этот период античной Греции — демократией, как я писала везде, а правильно называть демократией-тиранией, ведь они постоянно чередовались. И нестабильная психика греков пораженная Гибрис-

Эго легко переходила от поисков свободы к поиску господства в тирании — Притяжение Самолюбия еще живо.

и вот почему это общества, где имелись рабы, несмотря на заявленные ценности свободы. И почему граница между рабами другой культуры (ведь греков не делали рабами) и свободными людьми Греции была такой жесткой. Это граница между Садомазохизмом нормального гомеостаза, где еще осталась Нижняя Эгозащита и Гибрис-Эго романтиков, где остается только Верхняя Эгозащита.

По отношению к рабам других культур, которые оставались на Притяжении Влюблённости Подчинения, все оставалось по прежнему: это были люди которых они воспринимали как «загрузки» СуперЭго со знаком Минус, и таким образом могли со своим постоянным Плюсом Эго Победителя оставаться как раньше на Притяжении Самолюбия.

Однако, восприятие других людей как «загрузки» СуперЭго со знаком Плюс тоже нельзя было остановить. Тех кого они считали равными по силе — те входили как Плюс на поле их Эгосистемы. И тогда возникла странная ситуация — Двух Плюсов на поле Эгосистемы. Ситуация которая должна была означать «равенство» невозможное на поле физического контроля материальной энергии. Ведь любая материальная энергия — это гомеостаз между двумя противоположными зарядами одной величины, как показали Вильгельм Оствальд, Э. Мах и другие. Это движение от неравновесия к равновесию между разными величинами давления, теплоты, электрических зарядов и тп. То же самое с материальной энергией психики, где «равенство» в принципе невозможно, так как ломает само существо циклического гомеостаза, движения от неравновесия к равновесию. Чтобы работало поле Эгосистемы оно должно работать только как Садомазохизм Насилия и Подчинения — или вообще никак.

Вот почему ситуация с двумя Плюсами на поле Эгосистемы после возникновения постоянного Плюса Эго у культур Гибрис-Эго стала выражением сломанного Садомазохизма, проявлением конца физического контроля.

При Двух Плюсах ситуации «равенства» (мое Эго всесильно, но и этот человек тоже Олимпиец) возникает Третье Притяжение — Самовлюбленности, которое как бы объединяет оба прежних и этим их уничтожает, ведь плюс и минус вместе дают ноль.

Ситуация Двух Плюсов — это ситуация Романтики, абсурдность которой вполне выражает Влюбленность Дон Кихота в Дульсинею Табускую. Равенство можно приобрести только в Церкви Дружбы Энергии Духа. А на поле Эгосистемы — это только нелепые взаимные раздувания Самолюбия, как в случае с одами Дон Кихота Дульсинее Табуской.

Тем не менее, при первой загрузке суперЭго, когда другой человек также воспринимается «силой», «плюсом», равным» — возникает состояние Эйфории, известное как романтическая влюбленность.

Состояние это длится очень недолго, и очень скоро меняется на противоположную картину «Двух Минусов», которая также невозможна для нормального Садомазохизма физического контроля. Ведь Два Минуса Поля Эгосистемы говорят о том, что Физический контроль сохранения силы — сломан, что «сила Эго», которую он должен был охранять — потеряна. Отсюда «гиперэстезия» чувствительности психики Гибрис-Эго, которой не знает нормальный Садоазохизм — там невозможна ситуация «Убитого Эго». Там тоже удары по Самолюбию болезненны, командовать нравится больше чем подчиняться (только с поля энергии духа видно что это один и тот же садомазохизм), но в переход на подчинение притяжения Влюбленности не ломает физического контроля, только понижает тонус активности поля Эгосистемы. Здесь Эго также оказывается «Минусом» при Нижней Эгозащите Влюбленности, но зато СуперЭго остается Плюсом — человек видит себя как слабость, но другого как источник силы, и его физический контроль продолжает функционировать как Рабство.

Гибрис-Эго, которое утвердило вечную силу своего Эго, его постоянный Плюс уже никогда не будет видеть в Плюсе другого человека источник силы. Теперь это «рабство» оскорбление

и смерть. И именно Два Плюса «равенства» приносят ему эту смерть его Эго: ведь только равный может убить Эго. Как только человек в «загрузке» СуперЭго отказывается признавать его всесильным олимпийским божеством, — ситуация из Двух Плюсов меняется на Два Минуса, — то есть ситуацию «Убитого Эго».

Таким образом, Притяжение Самовлюбленности дает два феномена неизвестных Садомазохизму: Два Плюса как претензию на «равенство» на поле Эгосистемы, и Два Минуса как «Убитое Эго».

Закон сохранения силы психики — основной закон психической энергии для обоих полей. И потому удары по «убитому Эго» причиняют такую страшную боль, и получили название «гиперэстезии» шизоидов. Однако, поле Эгосистемы и материальная энергия — не имеют к реальному Я человека никакого отношения, кроме негативного. И потому удары по Эго болезненны только до тех пор, пока не довести эту информацию о двух полях психики и о вреде материальной энергии до сознания. Когда информация доведена до сведения научного контроля поля энергии духа, то теперь напротив ставится задача — нейтрализовать все поле Эгосистемы и удары по Эго больше не приносят никакой боли, но только смешат умных людей. Как в случае с известным философским юмором самоактуалов Маслоу. и этим также руководит закон сохранения психики силы — именно этот закон нейтрализует поле Эгосистемы впоследствии, когда через научный контроль человека будет доводить до его сознания вред поля Эгосистемы для здоровья и силы человеческой психики в процессе образования.

Но сейчас когда люди не только не умеют идентифицировать в себе два поля психики, но даже не знают об их существовании, боль ударов по Эго все еще способна приносит катастрофические последствия. Ведь боль ударов по Эго провоцирует огромный негатив эмоций реальной энергии духа, на которой паразитирует поле Эгосистемы. И может привести к взрыву поля энергии духа. То есть к психозу шизофрении. Вот как говорит Кьеркегор о «ложном отчаянии» «убитого

Эго», которое может привести к истиному отчаянию взрыва поля энергии духа.

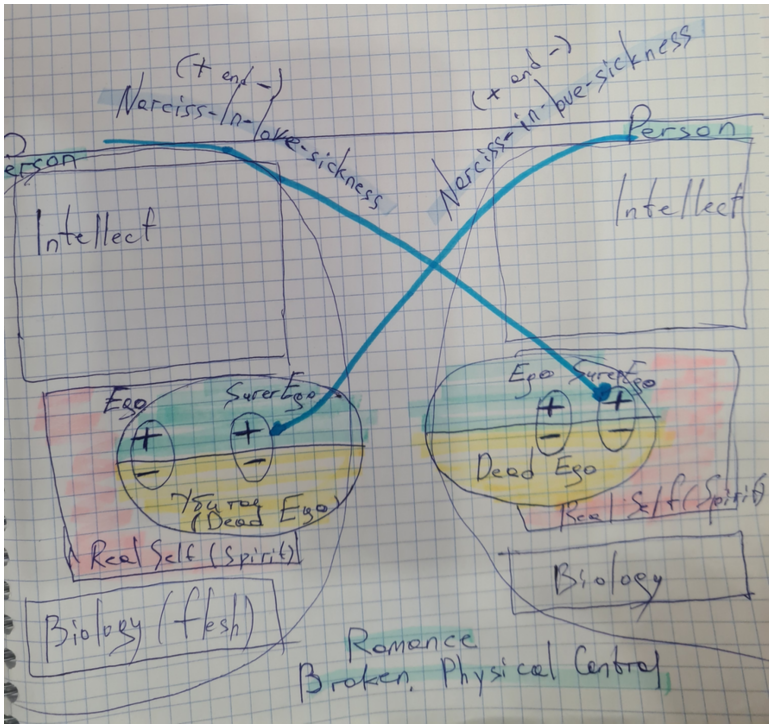
С. Кьеркегор, Болезнь к смерти:

«Стало быть, он отчаивается или, скорее, по странному обманчивому видению, будучи как бы завлеченным вглубь, к собственному субъективному Я, он говорит, что отчаивается. Однако отчаиваться — значит терять вечность, но вот как раз об этой-то потере он не говорит ни слова, он о ней даже не подозревает. Отчаяние во внешнем само по себе даже не является отчаянием, однако о нем так говорят, и это называют отчаянием.

В некотором смысле такое утверждение истинно, однако не так, как обычно при этом полагают; противореча чувствам, оно должно и пониматься здесь наоборот: оно пребывает здесь, как раз чтобы указать, что не является отчаянием; называя себя отчаявшимся, человек не подозревает, что в это самое время отчаяние действительно появляется у него за спиною, без его ведома. Как если бы некто стоял спиной к ратуше и, указывая вперед, говорил: вот, передо мною ратуша; этот человек по-своему прав: ратуша была бы перед ним, но только если бы он обернулся. То есть, по сути, он не отчаивается — о нет! — хотя он и не ошибается, называя себя таковым».

Здесь важно обратить внимание как изменилось поле Эгосистемы по сравнению с нормальным гомеостазом.

Два Плюса «романтики» — как попытка равенства на поле Эгосистемы. Два минуса «Убитого Эго» — как сломанный физический контроль и гиперэстезия ударов по Эго (исключительная болезненность самолюбия и явный аутизм).



3. СЛУЧАЙ ЗДОРОВОЙ ЭНЕРГИИ ДУХА, СВОБОДНОЙ ОТ ПОЛЯ ЭГОСИСТЕМЫ

Наконец, мы можем перейти к схеме контактов людей в очень редком пока еще случае здоровья поля энергии духа, очищенного от мертвых автоматизмов поля Эгосистемы — как в случае с циклическим Садомазохизмом, так и в случае с романтическим Гибрис-Эго.

Здесь видно что пропорции в личности человека опять сильно изменились (может быть я плохо отобразила насколько сильно они меняются!). Я постаралась показать громадный Интеллект единого научного контроля у людей здоровой энергии

духа, огромное количество позитивных эмоций Истинного Я, чистого от поля Эгосистемы в обоих случаях, и совсем маленькую роль биологии.

б. Рассел говорит в Борьбе за счастье, что по настоящему счастливы — ученые, и что эмоции у них самые простые. И что это так и должно быть потому что «Сложность в эмоциях, как пена в реке. Она происходит от препятствий, ломающих спокойную струю потока».

Действительно, сложность эмоций предыдущих схем как мы видели происходила из вторжения чужеродной силы, которая ломала чистый позитив эмоций энергии духа.

Здесь вместо препятствий на пути к единению энергии духа людей в Церкви Дружбы возникает единый поток великой могучей силы позитивных эмоций истинного Я человечества.

Нет никаких преград к единению — поле Эгосистемы нейтрализовано.

Церковь Дружбы как единение человечества в кристальной позитивности эмоций энергии духа — этот тот Дар Отца Небесного, та Благодать божественной искры Духа святого, что Господь вложил в нас как в своих детей, как в детей поля Интеллекта. Он дал нам доступ в свое пространство Интеллекта, наделив нас способностью мыслить, наделив нас активным интеллектом, которого нет у материальных энергий.

И он наделил нас той божественной глубиной и чистотой позитивных эмоций, о которых пока что дают поверхностное представление только великие шедевры искусства и самые великие периоды в Полотне Истории Священной войны. Но которые однажды откроются людям во всей своей неисчерпаемой мощи в единение энергии духа в Церкви Дружбы.

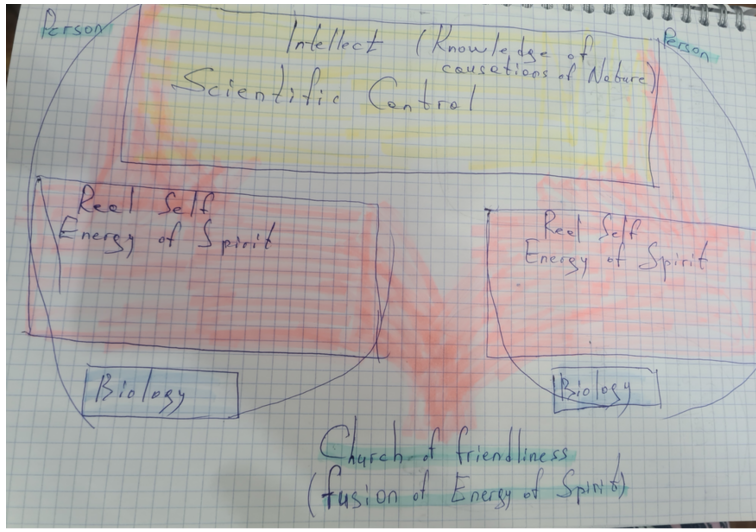
Со становлением научного контроля и нейтрализацией физического контроля поля Эгосистемы материальной энергии. Только это условие поставил Господь своим детям на их пути к Благодати Церкви Дружбы: найти и задушить Змея, отравившего колыбель человечества, подобно древнему мифу. Ведь духовная энергия, имеющая доступ к контролю силу всех материальных

энергий космоса - и есть тот самый титану.

Б. Рассел, Борьба за счастье»:

«В наиболее образованных кругах современного общества, самой счастливой прослойкой являются ученные. Многие из наиболее знаменитых из них эмоционально очень просты, и получают от своей работы настолько глубокое удовольствие, что жизнь кажется им прекрасной даже в принятии пищи и в женитьбе. Артисты и писатели считают *de rigueur* (правилом хорошего тона) быть несчастными в браке, но ученые почти всегда сохраняют старомодную способность наслаждаться семейным очагом. Связанно это с тем, что все ресурсы их громадного интеллекта заняты научной работой, и вторгаться в области, где у них нет функций, им не позволяется. Они счастливы в работе, потому что в современном мире наука прогрессивна и мощна, и ее значимость не ставится под сомнение ни самими учеными, ни обычными людьми. Соответственно у них нет необходимости в сложных эмоциях, раз уж простые эмоции не встречают никаких препятствий на своем пути. Сложность в эмоциях, как пена в реке. Она происходит от препятствий, ломающих спокойную струю потока. Но пока поток жизненной энергии не потревожен, он не производит ряби на поверхности, и его мощь скрыта от глаз непроницательных людей.

Все условия, необходимые для счастья реализованы в жизни ученых».


Person
Intellect (Knowledge of causations of Nature)
Scientific Control
Person
Real Self
Energy of Spirit
Biology
Real Self
Energy of Spirit
Biology
Church of friendliness
(fusion of Energy of Spirits)

ГЛАВА 9. ПРИТЯЖЕНИЕ САМОВЛЮБЛЕННОСТИ В «МАНФРЕДЕ» БАЙРОНА

Ниже я привожу анализ Притяжения Самовлюбленности Байрона в его раке с собственной женой.

Выдержки из его биографии, написанной А. Моруа, а также анализ текста «Манфреда», написанного вскоре после разрыва с любимой женой.

Оба текста четко подтверждают мою мысль о том, что Байрон страдал Притяжением Самовлюбленности Гибрис-Эго, которое всегда оборачивается Трагедией Совести.

Из текстов также видно, что его поэтическое воображение создало катастрофическую ситуацию Гиперинфляции Эго, Сверхчеловека Ницше, тем самым сначала утвердив его на поле Эгосистемы (вместо того чтобы освободить его оттуда), а потом сломав Нижнюю Эгозащиту Притяжения Влюбленности — сломанный Садомазохизм физического контроля. Феномен «Убитого Эго».

В конечном итоге, он сам восстал против этой «фальши» после катастрофы с женой и катастрофы с публичным скандалом. А. Моруа пишет что его стиль меняется к лучшему в Дон Жуане и приобретает черты философского юмора. Действительно, Дон Жуан — произведение несравненно более интересное своими философскими рассуждениями нежели примитивный «Манфред».

Тут надобно еще добавить к замечанию А. Моруа, что любимым чтением Байрона стали книги Вальтера Скотта, что он возил их везде с собой, и был вполне согласен с последним, что если бы раньше тот оказал на него влияние, то его изначально «благородная натура», как говорили его друзья, не распыли-

ла бы себя в таких эмоциональных катастрофах. В этой связи А. Моруа приводит слова Байрона в качестве эпиграфа к одной из глав.

«Я не Иосиф и не Сципион, но я могу смело сказать, что я не соблазнял ни одной женщины»

А. Моруа, «Дон Жуан или Жизнь Байрона»:

> «Во всех этих несчастиях была виновата жена, которая за хотела против его воли ввязаться в его жизнь. Он говорил, что у них не будет денег. Их не хватало. Кредиторы угрожали продать мебель, книги. На лестнице слышались шаги судеб ного исполнителя — хозяина в доме Байронов. А эта женщи на была тут со своей оскорбительной добродетелью. Он знал, что плохо с ней обращался. Испытывал угрызения совести, и нередко очень острые, но и сами эти угрызения были лиш ней причиной для того, чтобы ее ненавидеть. «Если бы он по чувствовал себя достойным меня, — сказала она однажды, — он стал бы добрым... Я для него словно его совесть». Она была часто проницательна, леди Байрон. Да, действительно, она была словно его живая совесть, но бывают случаи, когда хо чется убежать от совести. Он завидовал ей, как когда-то за видовал «другому Байрону» Чтобы обрести душевный мир, он хотел бы не видеться с ней больше, уехать на остров Наксос или отправить ее к отцу, «как избалованную дочку, какой она и была». Но когда ви дел, как она существует около, в него вселялся дьявол. По добно одному из его предков, который говорил: «У моей руки дурные инстинкты», он раздваивался и становился зрителем Байрона — незнакомого и опасного. Ярость подобна вдохно вению. «Она чудесно лишает способности суждения». Как только впадаешь в ярость, слишком простодушный против ник уже не может быть прав. Байрон наслаждался зрелищем своей ярости и безудержно предавался злобе, которая каза лась ему почти священной. Однажды в припадке гнева он бросил стенные часы на пол и разбил их каминной кочергой. Так некогда почтенная Китти Гордон действовала перед ним в Саутуэлле. Аннабелла, будучи в это время на шестом меся це беременности, видела, как около нее растет враждебная сила, которой не могла управлять. В своем смятении она ничего не хотела говорить родным, чтобы не обеспокоить их, и ей пришла в голову мысль обра титься к Августе. Осенью Байрон сделал завещание, которым он отказывал все, что у него было, Августе. И не кто иной, как леди Байрон с замечательным бескорыстием сообщила ей об этом: «Дорогая Ли, — писала она, — я должна расска зать вам, с какой нежностью говорил Байрон о своей доро гой

Goose, — он чуть не заплакал, да и я тоже. Разговор на чался с того, что он стал мне рассказывать о содержании за вещания, которое только что сделал — и оно, насколько я могу судить, именно таково, какое и должно быть... И, дорогая Августа, поверьте, что я слишком хорошо вас знаю, чтобы допустить по этому поводу то, что могла бы допустить некая особа, или хотя бы что-нибудь подобное» («некая особа» была, несомненно, Каролина Лэм, чьи предположения на счет Байрона и его сестры начали распространяться по Лон дону). Она знала, что Августа, несмотря на все свои недостат ки, способна на добрые поступки, и пригласила ее еще раз приехать на Пиккадилли-Террас и пожить с ними до ее ро дов. В это время, к концу своей беременности, Аннабелла готова была ухватиться за любую помощь. Остаться одной с этим человеком, который, казалось, не владел собой, было страшно. Она не побоялась даже позвать женщину, которой опасалась больше всех. Когда Августа приехала, Байрон был в таком состоянии, что она испугалась.

Она не сомневалась, что он помешался и помешательство приняло форму глубокого отвращения к ней, и поэтому счи тала, что ее долг — уехать. Она посоветовалась со своим вра чом Бэльи и с доктором Байрона, мистером Леманном. Они сказали ей, что сущность болезни, конечно, выяснится более отчетливо в ближайшее время и тогда можно будет отправить Байрона в Киркби под наблюдение врача. Они посоветовали ей также избегать всего, что могло бы его раздражать, и пи сать ему весело и ласково.

Накануне отъезда она попросила его проститься с ней. Ан набелла держала на руках маленькую Аду. Муж принял ее хо лодно. Последнюю ночь она спала хорошо, но встала утром разбитой. Коляска стояла у подъезда. Аннабелла спустилась по лестнице. Перед дверью комнаты Байрона лежал большой половик, на котором спал его ньюфаундленд. Ей захотелось лечь тут же на пол и ждать его, но это длилось один момент, и она прошла мимо. На первой почтовой станции она написала Байрону: «Мой дорогой Байрон, девочка чувствует себя прекрасно и путешествует отлично. Надеюсь, что вы будете осторожны и будете вспоминать о моих просьбах и медицинских сове тах. Не предавайтесь без памяти ужасному ремеслу стихо 255 плетства, бренди, а также никому и ничему, что было бы не законно и неблагоразумно. Несмотря на то что я ослу шалась вас и пишу, проявите мне ваше послушание в Кирк би. Привет от Ады и меня».

Родители были так напуганы ее видом, что ей пришлось кое-что рассказать, но она не сказала им ни слова о своих по дозрениях относительно золовки. Сэр Ральф был возмущен. «Вы не можете себе

представить, — писала Аннабелла Августе, — до чего строг мой отец, он гораздо строже матери». Однако после того, как она объяснила родителям, что ее муж больной человек, они простили его и настаивали на том, что бы он приехал в Киркби полечиться. «Нельзя себе предста вить большей заботы и самого горячего желания сделать все, что возможно для этого несчастного. Мать моя очень спокойна, хотя и глубоко огорчена...» Если он в здравом уме, его поведение непростительно, и благочестие леди Байрон, так же как и ее рассудочная гордость, диктовали в таком случае тяжелый, но необходимый выход.

2 февраля сэр Ральф послал Байрону письмо с предложением развода. Оно было перехвачено миссис Ли, которая отослала его обратно, надеясь избежать рокового решения. Тогда сэр Ральф приехал в Лондон, и второе письмо было вручено в руки Байрону. В нем сообщалось, что родители его жены не считают себя вправе разрешить ей вернуться к нему и просят указать его поверенного. Байрон был поражен и потрясен до крайней степени. В руках были два письма Аннабеллы, написанные ею при отъезде, и такие нежные. Что же случилось? Он не мог поверить, что это решение принято леди Байрон. Почему она его покинула? Она страдала от его характера, но ведь она простила... Августа? Но обе невестки теперь, казалось, объединились против него. Может быть, он и находил странное удовольствие в намеках, которые по наивности считал непонятными, но какие доказательства могла бы представить леди Байрон, а кроме того, разве со всем этим не было покончено задолго до его женитьбы? Немыслимо, чтобы женщина могла покинуть его таким образом! Когда ее присутствие раздражало, он мог забавляться мыслью о разлуке, но сам факт приводил в ужас. Сентиментальный хамелеон, он теперь вспоминал только их счастливые минуты. Накануне еще, в гостях у леди Мельбурн, он пел дифирамбы своей жене и целый час только и говорил о ее замечательных качествах. Байрон — леди Байрон: «Все, что я могу сказать, кажется бесполезным, и все, что бы я мог сказать, тоже, без сомнения, будет тщетно; и все же я хватаюсь за обломки моих надежд, покуда они не исчезнут навеки. Разве вы никогда не были счастливы со мной? Разве вы никогда этого не говорили? Разве мы не обменялись обоюдно изъявлениями нежности и привязанности, самой теплой и самой взаимной? Разве это не проявлялось почти каждый день хоть у одного из нас, а чаще у обоих?..» Он имел основание думать, что Аннабелла будет тронута этим призывом. Жена Флетчера, которая тогда находилась при ней, была свидетельницей ее отчаяния. Но Аннабелла знала теперь, что никакая супружеская жизнь с Байроном не возмож-

на, а он в своих расчетах упустил из виду существен ный элемент — религиозную твердость Аннабеллы. Он не верил, что она может быть неумолимой. Но как же не быть такой, когда веришь в непогрешимость своих суждений — и не из-за силы собственного ума, но по божественному наи тию? «Я считаю, — писала она миссис Ли, — что мой долг поступить так, как я решила». Байрон пустил в ход все свое очарование и кокетство, свое красноречие и детскость: «Мой дорогой Пип, не можете ли вы уладить как-нибудь все это? Я просто болен от этой истории». Потом, когда увидел, что она непоколебима, он, поддаваясь своему неистовому характеру, сделал нелепый жест, послал ей одно из писем, которое она писала, будучи невестой, то самое, где говорилось: «Я буду слишком счастлива — возврата не будет». Он подчеркнул эти слова и прибавил на полях: «Сбывшееся предсказание. Фев раль 1816», а внизу страницы написал три строки из Данте:

В доме на Пиккадилли-Террас было так грустно, как буд то там кто-то умер.

Один в этом большом доме, он бродил
вечерами, присаживался за свой рабочий стол и вспоминал о
тех часах, которые были отрадными, об этой головке, слиш
ком тяжелой от дум, которая так часто искала отдыха на его
плече, об этой маленькой девочке, которую он называл «ору
дием пытки», когда она была здесь, и которая стала ему до
рога теперь, когда он лишился ее. Он брал листок бумаги и
писал, покрывая его слезами, и снова находил без усилий тот
живой и простой ритм, который сам по себе вызывал в нем
мучительную боль:

Прощай, и если уж наверно,
Ну, что ж, простимся навсегда,
Неумолимая, — но в сердце
Не будет злобы на тебя.
И то, что на сердце горело,
Где сладко засыпала ты,
Тогда прочесть ты не сумела
А ныне не скажу — прочти.
Да, многому я был виною,
И пусть бы был наказан я,
Но хоть не этою рукою,
Что столько нежила меня.
Но знай, что медленной кончины
Любовь должна в разлуке ждать,
И невозможно в миг единый

> От сердца сердце оторвать.
> Прощай! С тобою разлученный,
> Теряю все, что я люблю.
> Один — увядший и сожженный —
> Погибнуть больше не могу.
> Иногда в нем поднималась злоба. Он особенно ненави
> дел миссис Клермонт, которую не без основания подозревал
> в том, что она подговаривала леди Байрон покинуть его; он
> написал на нее обидную и злобно-обличающую сатиру:
> Росла на чердаке, воспитана на кухне.
> Пожалована от людской к столу…
> Ужасное сочинение, где старая гувернантка в конце кон
> цов сравнивалась с маской Горгоны, после страшнейшего
> описания ее пергаментных щек, каменных глаз и желтой кро
> ви, превращавшейся под кожей в застывшую грязь. Преуве
> личение? Конечно, но он уже не мог владеть собой; чувство
> вал себя затравленным зверем перед всеми этими светскими
> сплетнями. Политические круги, напавшие на него в момент
> появления «Корсара», снова свирепо подняли голос»

Анализ Поэмы «Манфред»:

1) Здесь очень четко виден тот процесс, о котором Теория ПЭ говорит, как о Постоянном Плюсе Эго, достигнутым фиктивным интеллектом на поле Эгосистемы.

Вот Манфред Байрона показывает Постоянный Плюс Эго самого Байрона, ибо несомненно что именно таким Сверхчеловеком, повелевающим стихиями он себя и ощущал.

Байрон, Манфред:

Ответа нет. — Но, духи тьмы и света,
Вам не избегнуть чар моих: той силой,
Что всех неотразимее, — той властью,
Что рождена на огненном обломке
Разрушенного мира, — на планете,
Погибшей и навеки осужденной
Блуждать среди предвечного пространства,
Проклятием, меня гнетущим, — мыслью,
Живущею во мне и вкруг меня, —
Зову и заклинаю вас: явитесь!

Семь духов

Владыки гор, ветров, земли и бездн морских,
Дух воздуха, дух тьмы и дух твоей судьбы —
Все притекли к тебе, как верные рабы, —
Что повелишь ты им? Чего ты ждешь от них?

Манфред

Вы знаете. Того, что в сердце скрыто.
Прочтите в нем — я сам сказать не в силах.

Манфред

Вы надо мной глумитесь;
Но властью чар, мне давших власть над вами,
Я царь для вас. — Рабы, не забывайтесь!
Бессмертный дух, наследье Прометея,
Огонь, во мне зажженный, так же ярок,
Могуч и всеобъемлющ, как и ваш,
Хотя и облечен земною перстью.
Ответствуйте — иль горе вам!

Первый дух

Ты дерзаешь
Восстать на Аримана? Отказать
Владыке в том, что воздает покорно
Ему весь мир? Не трепетать — и где же?
Пред ужасом величия и славы,
Пред троном Аримана? Ниц, безумный!

Манфред

Пусть *Ариман* воздаст хвалу творцу,
Кем создан он не ради поклоненья.
Пусть он склонит главу: мы вместе
Склоним тогда.

Духи

Раздавим червяка!
Растопчем!

Первая парка

Прочь! — Владыка сил незримых,
Перед тобою смертный, не похожий
Ни на кого из смертных, как об этом

Свидетельствует вид его и то,
Что он перед тобой. Его страданья
Бессмертны, как и наши; знанья, воля
И власть его, поскольку совместимо
Все это с бренным прахом, таковы,
Что прах ему дивится; он стремился
Душою прочь от мира и постигнул
То, что лишь мы, бессмертные, постигли:
Что в знании нет счастья, что наука —
Обмен одних незнаний на другие,
Но я еще не все сказала: страсти,
Всесильные и на земле и в небе
Над всем, что только существует в мире,
Так истерзали грудь его, что я,
Не знающая жалости, прощаю
Того, в чьем сердце жалость он пробудит.
Он мой — иль твой — но ни один из духов
Не равен с ним и им владеть не будет.
2) Явный Аутизм Гибрис-Эго
Манфред
От самых юных лет
Ни в чем с людьми я сердцем не сходился
И не смотрел на землю их очами;
Их цели жизни я не разделял,
Их жажды честолюбия не ведал,
Мои печали, радости и страсти
Им были непонятны. Я с презреньем
Взирал на жалкий облик человека,
И лишь одно среди созданий праха,
Одно из всех... — но после. Повторяю:
С людьми имел я слабое общенье,
Манфред
Я обуздать себя не мог; кто хочет
Повелевать, тот должен быть рабом;
Кто хочет, чтоб ничтожество признало

Его своим властителем, тот должен
Уметь перед ничтожеством смиряться,
Повсюду проникать и поспевать
И быть ходячей ложью. Я со стадом
Мешаться не хотел, хотя бы мог
Быть вожаком. Лев одинок — я тоже.

3) Образ «сильнейшего из космических стихий» оказывается образом Прекрасной женщины.

Это и есть сила смерти Сирены, Фурий, Медузы Горгоны из греческих трагедий. Потому что самое страшное для сломанного физического контроля Гибрис-Эго — это феномен «Убитого Эго», которое дает в конечном итоге чередование Двух Плюсов и Двух минусов поля Эгосистемы этого человека.

Манфред
Нет ничего на всей земле, что б было
Отрадно мне иль ненавистно. Пусть
Сильнейший между вами примет образ,
Какой ему пристойнее.

Седьмой дух (появляясь в образе прекрасной женщины)
Смотри!

Манфред
О боже! Если ты не наважденье
И не мечта безумная, я мог бы
Опять изведать счастье. О, приди,
Приди ко мне, и снова…

Призрак исчезает.

Я раздавлен!

4) Чередование Двух Плюсов и Двух Минусов Притяжения Самовлюбленности — это Процесс Реализации Эго по «загрузке» СуперЭго на поле Эгосистемы.

Эта реализация означает, что тот человек, который вошел на поле Эгосистемы как второй Плюс (Плюс СуперЭго), теперь решает участь Эго: любит — Эйфория Двух Плюсов, «так сладок мед что наконец и гадок», а не любит — так невыносимая боль «Убитого Эго». «Ромео нет, Ромео не найдут». Реализация Эго

по СуперЭго дает ощущение полной потери контроля, поскольку теперь тот человек кто вошел как второй Плюс решает судьбу физического контроля поля Эгосистемы. Вот как пишет об этом чертовом колесе чередования Двух Плюсов и Двух Минусов Байрон в Манфреде:

Это все тот же древний миф о завлекающих песнях сладкоголосых сирен, которые сводят с ума путников. Два Плюса как приманка и затем Убитое Эго физического контроля как невыносимое страдание. Именно из опыта страданий Притяжения Самовлюбленности по всей видимости родился и страшный миф о Горгоне, убивающей взглядом. И в конце, Манфред скажет аббату, что призрак что пришел вести его в могилу, убьет его взглядом.

Манфред понимает, что разрушил себя. Аббат видит в нем погибшую душу благородного человека.

Я знаю, что тебя он не коснется,
Но взор его убьет тебя на месте, —
Ты стар и дряхл, — уйди, прошу тебя!

Манфред

Отец, я уважаю
Твои года и звание; я верю,
Что ты пришел ко мне с благою целью,
Но ты предпринял тщетный труд. Быть грубым
Я не хочу, — я лишь тебя щажу,
А не себя, так резко обрывая
Наш разговор — и потому — прости!
(Уходит.)

Аббат

Он мог бы быть возвышенным созданьем.
В нем много сил, которые могли бы
Создать прекрасный образ, будь они
Направлены разумнее; теперь же
Царит в нем страшный хаос: свет и мрак,
Возвышенные помыслы — и страсти,
И все в смешенье бурном, все мятется

Без цели и порядка; все иль дремлет,
Иль разрушенья жаждет: он стремится
К погибели, но должен быть спасен,
Затем что он достоин искупленья.
Благая цель оправдывает средства,
И я на все дерзну. Пойду за ним
Настойчиво, хотя и осторожно.

5) Два образа жены: Образ Плюса — Богиня Красоты и Дороты, который погружает его в Эйфорию,

Много раз подчеркивает на протяжении поэмы что ему «пытка» сказать об этом: прочтите в душе, я сам сказать не в силах. И потом, когда «признается» подчеркивает «родственность» с той кого любил, чтобы опять перевести стрелки на сестру, и смягчить себе признание в любви к той, кого он считает «сильнейшим из космических духов» — той, что своей любовью испепелила его, как он считает. И на поле физического контроля, «убитое Эго» с тех пор как она его бросила, и на поле энергии духа — трагедия совести за то, что он заставил ее ревновать к сестре и привел к скандалу, который повредил так сильно и ей и ему.

И только в уста Аббата он вкладывает слова обращенные к Манфреду, которые хотел бы сказать своей жене.

Аббат

Я вновь к тебе непрошеным являюсь,
Но пусть мое смиренное стремленье
Помочь тебе — не прогневит тебя:
Пусть все, что есть в нем темного, дурного,
Падет лишь на меня, а все благое —
Да осенит твою главу, — я страстно
Сказать хотел бы: *сердце!* Если б тронуть
Я мог его молитвой иль словами,
Я спас бы дух, который лишь случайно
Блуждает в тьме.

Он так и не смог, даже в художественном произведении четко показать, что говорит о своей жене, и постоянно намека-

ет на родственность. Однако, если бы это было действительной причиной его душевной раны, он бы старался избежать этой темы.

«Что повелишь ты им? Чего ты ждешь от них?

Манфред

Вы знаете. Того, что в сердце скрыто.
Прочтите в нем — я сам сказать не в силах.

Манфред

Мне это будет пыткой,
Но все равно, — душа таить устала
Свою тоску.
О, я недаром длил рассказ: мне больно
Произнести признанье роковое.
Но далее. Я не назвал ни друга,
Ни матери, ни милой — никого
Из тех, с кем нас связуют цепи жизни:
Я их имел, но был им чужд душою,
И лишь одна, одна из всех…

Фея

Мужайся.

Манфред

Она была похожа на меня.
Черты лица, цвет глаз, волос и даже
Тон голоса — все родственно в нас было,
Хотя она была прекрасна. Нас
Сближали одинаковые думы,
Любовь к уединению, стремленья
К таинственным познаниям и жажда
Обнять умом вселенную, весь мир;
Но ей не чуждо было и другое:
Участье к людям, слезы и улыбки, —
Которых я не ведаю, — смиренье, —
Моей душе не сродное, — и нежность,
Что только к ней имел я; недостатки
Ее натуры были и моими,

Достоинства лишь ей принадлежали.
Я полюбил и погубил ее!
Прелестный дух, чьи кудри лучезарны,
Чьи очи ослепительны, как солнце,
На чьих ланитах краски так же нежны,
Как цвет ланит уснувшего младенца,
Как алый отблеск летнего заката
На горных льдах, — как девственный румянец
Земли, в объятья неба заключенной!
Прелестный дух, затмивший красотою
Блеск радуги, горящей над потоком,
Дочь Воздуха! Я на твоем челе
В твоем спокойном и безгрешном взоре,
Где светит мир твоей души бессмертной,
С отрадою прочел, что Сын Земли,
Которому таинственные силы
Дозволили вступать в беседы с ними,
Прощен тобой за то, что он дерзнул
Воззвать к тебе и на одно мгновенье
Узреть твой лик.

6) Образ Минуса — Сирены, Фурии, Ведьмы, Горгоны, что выпила его кровь и жизненные соки, и увела в могилу. То есть «Убитое Эго» сломанного физического контроля

Властью, силой роковой
Овладею я тобой.
Пусть глубок твой будет сон —
Не коснется духа он.
Есть зловещие виденья,
От которых нет спасенья:
Тайной силою пленен,
В круг волшебный заключен,
Ты нигде их не забудешь,
Никогда один не будешь —
Ты замрешь навеки в них, —
В темных силах чар моих.

И проклятья вещий глас
Уж изрек в полночный час
Над тобой свой приговор:
В ветре будешь ты с тех пор
Слышать только скорбный стон;
Ночью, скорбью удручен,
Будешь солнца жаждать ты;
Но едва из темноты
Выйдет солнце над тобой —
Будешь ночи ждать с тоской.
Я в слезах твоих нашла
Яд холодной лжи и зла,
В сердце, полном мук притворных,
Кровь, чернее ядов черных.
Сорвала я с уст твоих
Талисман тлетворный их —
Твой коварно-тихий смех,
Как змея, пленявший всех.
Все отравы знаю я, —
И сильнее всех — твоя.
Лицемерием твоим,
Сердцем жестким и сухим,
Лживой нежностью очей,
Злобой, скрытою под ней,
Равнодушным безучастьем
К братским горестям, несчастьям
И умением свой яд,
Свой змеино-жадный взгляд
Глубоко сокрыть в себя —
Проклинаю я тебя!
Изливаю над тобой
Уготованный судьбой,
Роковой фиал твоих
Мук и горестей земных:
Ни забвенья, ни могилы

Не найдет твой дух унылый;
Заклинанье! — очарован
И беззвучной цепью скован,
Без конца томись, страдай
И в страданьях — увядай!

7) Оборотная сторона Трагедии Гибрис-Эго — Трагедия Совести. С одной стороны герой тяжело переживает, что его «заколдовали» и обрекли «увядать в страданьях», как видно. А с другой стороны тяжело переживает что заставил страдать свою прекрасную возлюбленную.

Он вызывает ее божественный призрак, но вызывает его с помощью Сатаны (Аримана) и Ведьм 9парки), которых давно сравнили с шекспировскими ведьмами. И является мертвец из могилы — тоже полуведьма, полубожество. Вот где слиты ненависть и любовь, плюс и минус. Но при этом его исповедь — исповедь Каина, и только о ее прощении его мольбы.

Однако, нет ответа на вопроса как разрешить этот глубок страданий в жизни, и призрак приговаривает его к смерти. Приговор окажется пророческим, Байрон никогда не вернется в Англию и вскоре погибнет в Греции, куда он отправился воевать за свой счет.

Манфред
Еще одно
Осталось мне — воззвать из гроба мертвых,
Спросить у них: что нас страшит? Ответить
Они должны: волшебнице Эндора
Ответил дух пророка; Клеоника
Ответила спартанскому царю,
Что ждет его — в неведенье убил он
Ту, что любил, и умер непрощенным,
Хотя взывал к Зевесу и молил
Тень гневную о милости; был темен
Ее ответ, но все же он сбылся.
Когда б я не жил, та, кого люблю я,
Была б жива; когда б я не любил,

Она была бы счастлива и счастье
Другим дарила. Где она теперь?
И что она? Страдалица за грех мой —
То, что внушает ужас — иль ничто?

Манфред

И это смерть? Румянец на ланитах!
Но не живой он, — странный и зловещий,
Как тот, что рдеет осенью на листьях.
Астарта! — Нет, я говорить не в силах,
Вели заговорить ей: пусть она
Простит иль проклянет меня.

Манфред

Услышь меня, Астарта!
Услышь меня, любимая! Ответь мне!
Я так скорбел, я так скорблю — ты видишь:
Тебя могила меньше изменила.
Чем скорбь меня. Безумною любовью
Любили мы: нам жизнь была дана
Не для того, чтоб мы терзались вечно,
Хотя любить, как мы с тобой любили, —
Великий грех. Скажи, что ты меня
Простила за страданья, что терплю я
Мученье за обоих, что за гробом
Тебя ждет рай и что умру и я.
Все силы тьмы против меня восстали,
Чтоб к жизни приковать меня навеки,
Чтоб я перед бессмертьем содрогался,
Пред будущим, что может быть подобно
Прошедшему. Мне нет нигде покоя.
Чего ищу, к чему стремлюсь — не знаю,
Лишь чувствую, что ты и что я сам.
Пред гибелью хоть раз мне дай услышать
Твой голос сладкозвучный, — отзовись!
Я звал тебя среди безмолвья ночи,
Я спящих птиц будил среди ветвей,

Зверей в горах, и темные пещеры
На тщетный зов, на сладкий звук: Астарта!
Мне отвечали эхом — духи, люди
Внимали мне, — лишь ты одна не внемлешь!
О, говори! Я жадными очами
Искал тебя среди небесных звезд.
О, говори! Я исходил всю землю
И не нашел нигде тебе подобной.
Взгляни вокруг — мне бесы сострадают,
Я вижу ад, но полон лишь тобою.
О, говори!.. О, говори хоть в гневе,
Но только дай хоть раз тебя услышать.
Хоть только раз!

Манфред

О, не смолкай!
Вся жизнь моя теперь лишь в этих звуках!

Призрак

Манфред! Заутра ты покинешь землю.
Прости!

Манфред

О нет! Скажи, что ты простила.

Второй дух

Да, но взгляни, как он собой владеет,
Свои мученья воле подчиняя!
Когда б он был одним из нас, он был бы
Могучий дух.

8) Манфред отказывается исповедоваться Аббату христианской церкви.

Но ведь это Байрон вызвал аббата к себе в Поэму, а не аббат докучал ему, как он пишет. Ясно что он всей душой жаждет покаяния, но хорошо сознает, что общение с аббатом не снимет с его души этой тяжести ни в малейшей степени.

А просить прощения у семьи аристократов его жены сейчас, когда вся аристократия Лондона напустилась на него в страшном гневном осуждении он тем более уже не мог. Именно из-за

того что его былая слава, которая делала его украшением всех гостиных, теперь так страшно обернулась против него.

«Я — злодей? Я — мизантроп? А **злобные оравы, Травившие меня, выходит, правы**?», говорит он в Дон Жуане.

Но роль аббата остается центральной в поэме, и сердечный тон еседы говорит больше о надежде найти покой в церкви, чем его заявленный отказ.

Аббат

Мой сын, я не о каре говорю, —
Я только призываю к покаянью.
Пусть наказует небо. «Мне отмщенье»,
Сказал господь, и, со смиренным сердцем,
Раб господа, я только повторяю
Его глаголы грозные.

Манфред

Старик!
Ни власть святых, ни скорбь, ни покаянье,
Ни тяжкий пост, ни жаркие молитвы,
Ни даже муки совести, способной,
Без демонов, без страха пред геенной,
Преобразить в геенну даже небо, —
Ничто не в состоянии исторгнуть
Из недр души тяжелого сознанья
Ее грехов и сокровенной муки.
Та кара, что преступник налагает
Сам на себя, страшней и тяжелее
Загробных мук».

А. Моруа, «Дон Жуан или Жизнь Байрона»:

> «Его философия жизни значительно изменилась со времени изгнания. «Манфред» был последней вспышкой бунта, последним криком индивидуальности, побежденной миром. Теперь он презирал «Корсара» и «Лару»; он не понимал, как публика могла переносить эти преувеличенные и фальшивые характеры. Любимым чтением в продолжение нескольких месяцев был Вольтер. Он находил там собственный пессимизм, но с комической точки зрения. Кандид мог бы стать Чайльд Гарольдом, если бы Вольтер не властвовал над Канди-

дом, если бы Вольтер не судил Вольтера. Судьба человека кажется трагической, если разум, отождествляясь с одним единственным существом, — Отелло, Гамлетом, Конрадом — разделяет его страдания и ярость. Она представляется комической, если наблюдатель в одно и то же время отмечает не вероятную экзальтацию отдельного человека и одинаковый для всех механизм страстей. Байрон, который в своей пере писке всегда был гением юмористики, до сих пор не позволял себе проявлять в стихах эту черту ума. В «Дон Жуане», над которым работал уже год, он наконец нашел возможность свободно изливать эту смесь Вольтера и Экклесиаста, которая и была обычной формой его мышления.

Вальтер Скотт, которому он посвятил «Каина», мужественно принял посвящение, но попробовал оправдать Бога: «Великий ключ к тайне, может быть, заключается в несовершенстве наших способностей. Мы видим, сильно чувствуем то частичное зло, которое нас угнетает, но мы знаем слишком мало об общей системе вселенной, чтобы понять, каким образом существование этого зла может быть совместимо со всеблагостью Создателя». «Каина» жестоко раскритиковали, особенно с точки зрения ортодоксальной религии. Это не было, конечно, произведение атеиста, и Байрон с неутомимой настойчивостью напоминал об этом, но это было сочинение еретика. От Кен та и до Пизы духовенство произносило проповеди против этого кальвинистского Прометея. Но даже скандал не создал успеха. Трагедии разочаровали английских читателей Байрона, они были более романтичны, и он очень огорчился. «Вы видите, что значит метать бисер перед свиньями. Покуда я писал преувеличенные бессмысленности, которые развращали вкус читателей, они аплодировали и вторили мне, словно эхо, а теперь, когда я дал за последние три-четыре года вещи, которым нельзя дать умереть, все стадо рычит, ворчит и рвет ся назад в свое болото. В конце концов я наказан поделом за то, что портил их, потому что ни одна душа на свете не сделала столько, сколько я в моих первых сочинениях, для того, чтобы распространить этот стиль, преувеличенный и фальшивый».

ГЛАВА 10. САДОМАЗОХИЗМ МАРКИЗА САДА ПРОТИВ РОМАНТИЗМА БАЙРОНА

1. САДОМАЗОХИЗМ ФИЗИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ У МАРКИЗА САДА

Я привожу текст А. Камю о Садомазохизме физического контроля, отраженного в патологических работах маркиза Сада, — лучший анализ Сада, что мне известен, — с тем, чтобы показать на примере сравнения его работ с работами Байрона отличие между мертвой совестью Насилия и Подчинения настоящего сатанизма, и тем, что со слов самого Байрона называет сатанизмом Бертран Рассел в анализе Движения Романтизма. То есть в анализе Гибрис-Эго Незрелого Интеллекта.

То людоедство садомазохизма физического контроля, о котором гениальный Шекспир говорит в Отелло:

«Мужчина брюхо, а жена — еда
Он ее жрет и жрет и вдруг отрыжка»

А А. Герцен говорил о людоедстве в отношении всех отношений садомазохизма физического контроля

А. Герцен, «С того берега»:

«Аристократия — вообще более или менее образованная антропо фагия; каннибал, который ест своего невольника, помещик, который берет страшный процент с земли, фабрикант, который богатеет на счет своего работника, составляют только

видоизменения одного и того же людоедства. Я, впрочем, готов защищать и самую грубую антропофагию; если один человек себя рассматривает как блюдо, а другой хочет его съесть — пусть ест; они стоят того — один, чтоб быть людоедом, другой, чтоб быть кушанием».

Г. Спенсер в «Социальной статике» говорит о садомазохизме варваров и их магического сознания, лишенного совести и «нравственного чувства» как об «обожании силы», которая сказывается только в подчинении низших высшим. И он проницательно подчеркивает антитезу между обожанием силы (физическим контролем) и нравственным чувством поля интеллекта и совести энергии духа.

Э. Фромм противопоставляет здоровой братской любви-дружбе — садомазохизм физического контроля как патологию невротиков, отчужденных от самих себя в «искусстве любить». Бертран в «Борьбе за счастье» сравнивает садомазохизм физического контроля с кровопийцами, которые называют любовью высасывание сил и жизни из своих партнеров. В «Предложенных дорогах к свободе» он сравнивает такую любовь с «любовью к баранине».

Здесь важно подчеркнуть, что именно этот бред лежит в основе тех отношений Господства и Подчинения в Левиафанах деспотий — то есть садомазохизм Господства и Подчинения физического контроля — который Маркс рационализировал как разумные и необходимые отношения людей «определенной стадии экономического развития» в своей теории классовой войны.

Это важно подчеркнуть на фоне того точного изложения отношений «закона силы» у животных увлеченных только похотью, которое дает маркиз Сад, чтобы было ясно до какой степени бредовую идею о классовой войне как источнике отношений

Господства и Подчинения развил Маркс в своем «экономизме», отрицающем законы психологии.

Механицизм природы, в котором Сад согласно Камю черпал вдохновение, — это то, что позже стало Дарвиновской парадигмой, не только оправдавшей насилие и мертвую совесть садомазохизма Права сильного, но и возведшего «победителей не судят» и на «войне все средства хороши» в законы «биологического выживания.

А. Камю, «Бунтующий человек»:

> «Исторически первым последовательным наступлением был штурм, предпринятый маркизом де Садом, который сконструировал боевую машину из собранных воедино аргументов вольнодумства вплоть до аббата Мелье и Вольтера. Вопреки восторженным возгласам и непомерным восхвалениям наших современников, писатель он второразрядный. Сегодня его всячески восхваляют, но по мотивам, не имеющим с литературой ничего общего.
> Персонаж никогда не тождествен создавшему его романисту. Однако вполне вероятно, что романист — это все его персонажи, вместе взятые. Так вот, все атеисты Сада принципиально отрицают существование Бога, и довод их прост и ясен: существование Бога предполагало бы его равнодушие, злобу или жестокость. Самое значительное произведение Сада заканчивается демонстрацией тупости и злобности божества. Невинную Жюстину застигает в пути гроза, и преступник Нуарсей дает обет обратиться в христианство, если молния пощадит ее. Но молния поражает Жюстину. Нуарсей торжествует, и человек по-прежнему будет отвечать преступлением на преступление Бога.
> «Нет, нет, и добродетель, и порок — все уравняется в могиле». Идея Бога — это единственное, «чего нельзя простить человеку». Слово «простить» уже знаменательно у этого учителя пыток.
> Итак, Сад отрицает человека и его мораль, поскольку и то и другое отрицается Богом. Но одновременно он отрицает и Бога, до сих пор выступавшего для него в роли поручителя и сообщника. Во имя чего он это делает? Во имя инстинкта, самого сильного у человека, которого людская ненависть вынудила жить в тюремных стенах: речь идет о половом влечении. Что это за инстинкт? С одной стороны, это крик самой природы, а с другой слепой порыв к полному обладанию людьми даже ценой их уничтожения. Сад отрицает Бога во имя природы — идеологический материал для этого он почерпнет из рас-

суждений современных ему механицистов. Сад изображает природу как разрушительную силу. Природа для него — это секс; собственная логика заводит философа в хаотическую вселенную, в которой господствует только неиссякаемая энергия вожделения. Здесь его воспламененное царство, откуда он черпает самые вызывающие свои высказывания: «Что значат все живые создания по сравнению с любым из наших желаний!» Герой Сада пускается в длинные рассуждения о том, что природа нуждается в преступлении, что разрушение необходимо ради созидания, что, разрушая себя, человек тем самым способствует делу созидания в природе. И цель всех этих рассуждений обосновать абсолютную свободу Сада-узника, осужденного столь несправедливо, что он не может не желать, чтобы все взлетело на воздух. В этом он противостоит своему времени: ему нужна не свобода принципов, а свобода инстинктов.

Логика страстей опрокидывает традиционный порядок рассуждения и ставит заключение перед посылками Чтобы убедиться в этом, достаточно оценить замечательный ряд софизмов, при помощи которых Сад оправдывает клевету, воровство и убийство, требуя, чтобы новое общество отнеслось к ним терпимо

В «Обществе друзей преступления» он упорно объявляет себя сторонником правительства и его законов, однако же оставляет за собой право нарушать эти законы. Так сутенеры голосуют за депутата-консерватора. Задуманный Садом проект предполагает благожелательный нейтралитет властей относительно аморальных поступков. Республика преступления не может быть всеобщей, по крайней мере какое-то время. Она должна делать вид, что соблюдает законность. Однако в мире, где единственным принципом является убийство, под небом злодеяния Сад во имя преступной природы повинуется на деле только закону неутолимого желания. Но безграничное желание означает согласие с тем, что ты сам становишься объектом безграничных желаний. Позволение уничтожать предполагает, что и ты сам можешь быть уничтожен. Следовательно, необходимо бороться за власть. В этом мире действует один закон — закон силы, а источник его — воля к власти.

Поборник преступления в действительности уважает только два рода власти — власть, основанную на случайности происхождения, — такую власть он видит в современном ему обществе, — и власть, которую захватывает угнетенный, когда он через злодейство добивается равенства с вольнодумцами-вельможами, обычными героями Сада. Эта маленькая группа властителей, эти посвященные сознают, что обладают всеми правами. Если кто-то хотя бы на миг усомнится в этой страшной привилегии, он тотчас изгоняется

из стаи и снова становится жертвой. Таким образом можно прийти к своего рода моральному бланкизму*, когда небольшое число мужчин и женщин решительно попирают касту рабов, поскольку обладают особым знанием. Единственная проблема для них состоит в том, чтобы организоваться ради воплощения в жизнь всей полноты своих прав, таких же ужасных, как их вожделения.

В творениях Сада закон силы создает закрытые помещения, замки за семью стенами, откуда бежать невозможно и где по неумолимому регламенту беспрепятственно действует общество вожделения и преступления. Самый разнузданный мятеж против морали, требование тотальной свободы приводят к порабощению большинства. Эмансипация человека завершается для Сада в казематах распутства, где своего рода политбюро порока управляет жизнью и смертью мужчин и женщин, навсегда попавших в пекло необходимости. Его творчество изобилует описаниями особых мест, где вольнодумцы-вельможи, демонстрируя своим жертвам их беспомощность и полнейшую порабощенность, при каждом удобном случае повторяют слова герцога Бланжи, обращенные к маленькому народу «Ста двадцати дней Содома» «Вы уже мертвы для мира».

Чтобы утвердить свою свободу. Сад вынужден организовать абсолютную необходимость. Безграничная свобода желания означает отрицание другого человека, а также отказ от всякой жалости. Необходимо покончить с человеческим сердцем, этой «слабостью духа». Крепкая ограда и регламент помогут в этом Регламент, играющий важнейшую роль в воображаемых замках Сада, освящает вселенную подозрительности. Он призван все предусмотреть, чтобы непредсказуемые нежность или жалость не нарушали планов дивного удовольствия. Странное удовольствие, получаемое по команде! «Ежедневно подъем в десять часов утра...» Но нужно воспрепятствовать вырождению услады в привязанность, а для этого — набросить на удовольствие узду и затянуть ее. Нужно еще сделать так, чтобы объекты наслаждения никогда не воспринимались как личности. Если человек есть «род абсолютно материального растения», то его можно считать толь ко объектом, а именно объектом эксперимента. В республике Сада, огороженной колючей проволокой, существуют только механизмы и механики. Регламенту как способу функционирования механики здесь подчинено все. В отвратительных монастырях Сада существуют свои правила, многозначительным образом списанные из уставов религиозных общин. Согласно этим правилам, распутник должен публично исповедоваться. Но знак плюс меняется на знак минус: «Если его поведение безупречно, он проклят».

Сад строит, таким образом, идеальные общества, как это было принято в его время. Но, наперекор своей эпохе, он возводит в закон природную злобность человека Он кропотливо воздвигает град силы и ненависти, будучи его предтечей. Завоеванную свободу он даже переводит на язык цифр. Свою философию Сад резюмирует в сухой бухгалтерии преступления: «Убитых до 1 марта: 10. После 1 марта: 20. Возвращается назад: 16. Итого: 46». Безусловно, предтеча, но, как видим, еще скромный.

Если бы этим все и ограничилось, Сад заслуживал бы только интерес, вызываемый обычно непризнанными предтечами. Но, подняв однажды подъемный мост, приходится жить в замке. Каким бы тщательным ни был регламент, невозможно предусмотреть все. Он может разрушать, но не созидать. Владыки этих истязаемых общин не находят в регламенте вожделенного удовлетворения… Сад частенько вспоминает «сладкую привычку к преступлению». Однако здесь нет ничего похожего на сладость — скорее здесь чувствуется ярость человека, закованного в кандалы. Ведь речь идет о наслаждении, а максимальное наслаждение совпадает с максимальным разрушением. Обладать тем, кого убиваешь, совокупляться с воплощенным страданием — вот мгновение тотальной свободы, ради которого и задумана вся организация жизни в замках. Но с того момента, когда сексуальное преступление уничтожает объект сладострастия, оно уничтожает и само сладострастие, которое существует только в миг уничтожения. Значит, надо подчинять себе новый объект и снова его убивать, а затем следующий и за ним — бесконечную череду всех возможных объектов. Так возникают мрачные скопления эротических и криминальных сцен, застылость которых в романах Сада парадоксальным образом оставляет у читателя впечатление омерзительной бесполости.

Что остается делать в этом универсуме наслаждению, огромной живой радости влекущихся друг к другу тел? Речь идет о напрасном стремлении избежать отчаяния, которое снова кончается отчаянием, переходом от рабства к рабству, от тюрьмы к тюрьме. Если подлинна только природа, если ее закон — только вожделение и разрушение, тогда от разрушения к разрушению не хватит и всего человеческого царства, чтобы утолить жажду крови, а потому не остается ничего, кроме всеобщего уничтожения.

Да, это были бы преступления, но не окончательное преступление! Нужно сделать еще что-то; и вот палачи начинают угрожающе присматриваться друг к другу… Они одиноки, и правит ими единственный закон — закон силы.

Безусловно, Сад страдал и умер ради того, чтобы распалять воображение обитателей богатых кварталов и завсегдатаев литературных

> кафе. Но это не всё. Успех Сада в нашу эпоху объясняется мечтой, роднящей его видение мира с современным мироощущением. Речь идет о требовании тотальной свободы и дегуманизации, хладнокровно осуществляемой рассудком. Низведение человека до уровня объекта экспериментов, регламент, определяющий отношения между волей к власти и человеком-объектом, замкнутое пространство этого жуткого опыта, — таковы уроки, которые воспримут теоретики силы, когда вознамерятся создать эпоху рабов».

2. ЗЛО ДАРВИНОВСКОЙ ПАРАДИГМЫ: САД, ДАРВИН, ГИТЛЕР

Привожу выдержку из моей книги
«Дорога в Рай, или Плюс моего Минуса», 2013

«Ясно, что Самолюбие и Влюбленность не случайно выглядят словно «созданные друг для друга» — они действительно являются противоположными притяжениями одного психического тока, вполне заурядным энергетическим механизмом. И только тот факт, что до сих пор Самолюбие и Влюбленность ДТПЭ смешивали не только с Любовью Контрольного Тока психики, но главное с биологическим притяжением животных скрывало от людей существование противоположных притяжений на уровне психики. Поэтому бедолага Маркс искал причины эксплуатации в экономических отношениях, к которым эксплуатация не имеет ровным счетом никакого отношения. Как бы богаты не были люди живущие на ДТПЭ, их Самолюбие и Влюбленность всегда будут требовать господ и рабов просто для того, чтобы сохранять свои энергетически противоположные заряды насилия и подчинения.

Но здесь в Башне, где люди остались наконец в девственной наготе своей психической природы, стало очевидно, что Самолюбие и Влюбленность прекрасно функционируют самостоятельно, нисколько не нуждаясь в так называемом «теле», то есть в биологической энергии и в сексе. Соединение Самолюбия и Влюбленности и здесь давало сильный накал эмоций, на вре-

мя снимая любовный голод садистов, так что они нисколько не страдали от неспособности к сексу в биологическом смысле.

Главная задача любовных отношений садистов состояла в том, чтобы исправно поддерживать роли Господ и Рабов, которые гарантировали им незатухающую любовную игру в соединение двух противоположностей и служили единственным источником энергии. Громадное влияние в этом нелегком деле оказали труды Аристотеля, Макиавелли, Гоббса, де Сада, Дарвина, Ницше, Фрейда и Гитлера.

Во всех этих трудах развивается мысль, которая упорно старается доказать, что мир людей поделен на два противоположных полюса — сильных и слабых, господ и рабов, мужчин и женщин — которым никогда не встретиться и никогда не быть равными, как считают некоторые простачки и «дурачки пацифисты», как любил говаривать Гитлер.

Знаменитые слова Аристотеля о том, что для варваров, «не способных к политической жизни» «быть рабами и справедливо и полезно» составляли в этой связи девиз Театра Садистов. Сам Аристотель хоть и являлся одним из самых высокочтимых героев театра, участвовать в нем наотрез отказался, полагая, что садизм был бы уже явной крайностью для любителя «золотой середины».

Но, конечно, никто не сказал о «пафосе дистанции» между господами и рабами лучше Ницше:

По ту сторону Добра и Зла, Ницше:

> «Всякое возвышение типа „человек“ было до сих пор — и будет всегда — делом аристократического общества, как общества, которое верит в длинную лестницу рангов и в разноценность людей и которому в некотором смысле нужно рабство. Без пафоса дистанции, порождаемого воплощенным различием сословий, постоянной привычкой господствующей касты смотреть испытующе и свысока на подданных, служащих ей орудием, и столь же постоянным упражнением ее в повиновении и повелевании, в порабощении и умении держать подчиненных на почтительном расстоянии, совершенно не мог бы иметь места другой, более таинственный пафос — стремление к увеличению дистанции в самой душе, достижение все более

> возвышенных, более редких, более отдаленных, более напряженных и широких состояний, словом, не могло бы иметь места именно возвышение типа „человек", продолжающееся „самопреодоление человека", — если употреблять моральную формулу в сверхморальном смысле»

Гитлер, Моя борьба:

> «Только после того, как создалось рабство подчиненных рас, аналогичная судьба начала постигать также и животных, а вовсе не наоборот, как думают многие. Исторически дело было так, что победители сначала запрягали в плуг побежденного человека и только спустя не- которое время стали запрягать лошадь. Только пацифистские дурачки могут рассматривать это как символ человеческой испорченности, не понимая того, что только так и могли мы придти к нынешней эпохе, когда господа пацифистские апостолы расточают перед нами свою мудрость. Прогресс человечества похож на восхождение по бесконечно высокой лестнице. По ней не взберешься иначе, как пройдя сначала по более низким ступеням. Так и арийцу пришлось пойти той дорогой, которую ему указывала действительность а вовсе не той, которую ему могла подсказать фантазия современного пацифиста. Пути действительности тяжелы и жестки, но эти пути только одни ведут человечество к цели. Между тем иные мечтатели любят выдумывать гораздо более легкие пути, на деле, увы, только удаляющие нас от заветной цели. Таким образом вовсе не случайностью является тот факт, что первые культуры возникли там, где арийцы пришли в соприкосновение с низшими народами и подчинили их своей собственной воле. Эти низшие народы явились тогда первым техническим инструментом, которым воспользовались арийцы в борьбе за новую культуру» Гитлер Моя борьба

Макиавелли оставался бесспорным теоретическим лидером Театра вплоть до рождения «Происхождения человека и полового отбора» Дарвина, авторитет и ни с чем несравнимая слава которого, перекрыли все видимое и слышимое до сих пор в науке. Вот где садистам подфартило так подфартило. Популярность и авторитет теории Дарвина настолько поднял возможности садистов к господству и безнаказанному насилию, что бывшие лидеры Театра согласны были поступиться личной славой ради таких невиданных барышей. Дарвин наконец-то научно обосновал то, чего еще Макиавелли вынужден был

стесняться, и даже де Сад с трудом подбирал слова и облекал свои убеждения в романтическую форму наказания добродетельной Жюстины.

Дарвин, Происхождение человека:

> «Естественный отбор проистекает из борьбы за существование, а последняя есть следствие быстрого размножения. ...Но так как человек страдает от тех же внешних условий, что и животное, то он не имеет права ожидать пощады от пагубных последствий борьбы за существование. ***Не будь он подвержен естественному отбору, он наверное не достиг бы никогда высокого звания человека***. Встречая в различных частях света огромные протяжения плодороднейшей земли, которые населены лишь несколькими бродячими дикарями, тогда как они могли кормить бы множество счастливых семейств, можно было бы подумать, что ***борьба за существование не была еще достаточно жестокой, чтобы поднять человека на высшую степень развития***» (выделено мной — ЛХ) «Происхождение человека» Дарвин

Не знаю как вам, а мне как-то с большим трудом представляются «множество счастливых семейств» по-соседству друг с другом в условиях «достаточно жестокой борьбы за существование». У Дарвина явно было плохо с логикой. Тем не менее, эта колоссальная мысль о том, что «высокое звание человек» мы заслужили в результате жестокой борьбы за существование и что в этой связи только война способствует прогрессу, а мир деградации — переняли у Дарвина все великие теоретики садизма.

> «Из примера некоторых южноамериканских стран мы можем, по-видимому, заключить, что нация более или менее цивилизованная, как, например, тамошние испанские поселенцы, способна впадать в бездеятельность и отступать в развитии своем назад, если условия существования становятся слишком легкими» Происхождение человека Дарвин

Ницше, По ту сторону Добра и Зла

> «То, чего им хотелось бы всеми силами достигнуть, есть общее стадное счастье зеленых пастбищ, соединенное с обеспеченностью, безопасностью, привольностью, облегчением жизни для каждого; обе их несчетное число раз пропетые песни, оба их учения называются «равенство прав» и «сочувствие всему страждущему», — и само

> страдание они считают за нечто такое, что должно быть устранено. Мы же, люди противоположных взглядов, внимательно и добросовестно отнесшиеся к вопросу, — где и как до сих пор растение «человек» наиболее мощно взрастало в вышину,
> — полагаем, что это случалось всегда при обратных условиях, что для этого опасность его положения сперва должна была разрастись до чудовищных размеров, сила его изобретательности и притворства (его «ум») должна была развиться под долгим гнетом и принуждением до тонкости и неустрашимости, его воля к жизни должна была возвыситься до степени безусловной воли к власти: мы полагаем, что суровость, насилие, рабство, опасность на улице и в сердце, скрытность, стоицизм, хитрость искусителя (искусство соблазна) и чертовщина всякого рода, что всё злое, ужасное, тираническое, хищное и змеиное в человеке так же способствует возвышению вида «человек», как и его противоположность» По ту сторону Добра и Зла» Ницше

Гитлер, Моя борьба,

> «Никто не может сомневаться в том, что нашему миру еще придется вести очень тяжелую борьбу за существование человечества. ***В последнем счете всегда побеждает только инстинкт самосохранения. Под давлением этого инстинкта вся так называемая человечность, являющаяся только выражением чего-то среднего между глупостью, трусостью и самомнением, тает как снег на весеннем солнце. Человечество стало великим в вечной борьбе — человечество погниют при существовании вечного мира.*** Для нас, немцев, лозунг внутренней колонизации играет роковую роль уже по одному тому, что он тотчас укрепляет в нас то мнение, будто найдено какое-то спасительное средство своим „собственным трудом“, тихо и мирно, как это соответствует пацифистскому настроению, обеспечить себе лучшее будущее. Это учение, принятое всерьез, для Германии означает конец всякому напряжению сип в борьбе за то место под солнцем, которое нам принадлежит по праву. Если средний немец придет к убеждению, что и на этом „мировом“ пути он может обеспечить свою жизнь и свое будущее, это будет означать конец всяким активным попыткам действительно плодотворной защиты того, что жизненно необходимо для немецкой нации. Тогда пришлось бы сказать „прости“ всякой полезной для Германии внешней политике, тогда пришлось бы поставить крест над всем будущим немецкого народа. В этом отлично отдает себе отчет еврейство. Не случайно то обстоятельство, что эти смертельно опасные для нашего народа идеи в нашу среду проводятся более всего евреями. Евреи слишком хорошо

> знают нашего брата немца, они прекрасно понимают, что средний немец легко попадается на удочку того шарлатана, который сумеет ему доказать, будто найдено всеспасающее средство внести поправки к законам природы и сделать излишней жестокую безжалостную борьбу за существование. Такой средний немец охотно слушает, когда ему доказывают, что господином планеты можно стать и без тяжкого труда, а просто при помощи ничегонеделания» (выделено мной — ЛХ) Гитлер Моя борьба

Здесь видно, что Ницше и Гитлер напрямую позаимствовали у Дарвина идею о том, что война есть причина высшего развития человека, а мир напротив — источник регресса и деградации. Надо сказать, что Ницше беспрекословно верил теории происхождения человека Дарвина и называл людьми «гордыми обезьянами» или еще — мостом между обезьянами и сверхчеловеком. Так или иначе чувствуется, что «открытие» Дарвина и для Ницше стало той научной основой на которой он построил свою теорию «воли к власти».

Маркиз де Сад, напротив, во многом предвосхитил и Дарвина и Ницше и Фрейда и тем более Гитлера: В этом его перещеголял только Вольтер, взгляды которого уже содержали зародыш дарвинизма и сильно способствовали развитию мировоззрения де Сада, с отцом и дядей которого Вольтер был лично знаком и даже находился в переписке.

де Сад, Жюстина:

> «Вы скажете, что это породит состояние бесконечной войны. Пусть будет так: разве это не единственное состояние, которое нам ближе всего? Разве не для того создала нас природа? Люди рождаются одинокими, завистливыми, жестокими и деспотичными, они хотят получать все и ничего не отдавать, они постоянно сражаются за свои амбиции или свои права. Приходит законодатель и говорит им: „Перестаньте драться, сделайте взаимные уступки, и восстановится спокойствие“. …Между тем общество состоит только из сильных и слабых, и если договор не устраивает ни тех, ни других, как может он устроить все общество? Поэтому бесконечная война для всех предпочтительнее, так как она дает всем возможность свободно использовать свои силы и свою ловкость, чего лишает их договор несправедливого общества, слишком много отнимающий у одних и недостаточно дающий другим. Выходит, по-настоящему мудрый человек будет вести войну» де Сад Жюстина

> «Самое первое и самое изумительное свойство природы — движение, которое происходят безостановочно, ***но движение это есть беспрерывная череда преступлений, поскольку только таким образом она его поддерживает: она живет, она существует, она продолжается лишь благодаря уничтожению. Тот будет ей полезнее всего, кто совершит больше злодеяний, кто, как говорят, наполнит ими мир, кто без страха и колебания бросит в жертву своим страстям или интересам все, что ему встретится на пути. Между тем как создание пассивное или робкое, то есть добродетельное создание, разумеется, будет в глазах природы самым никчемным, потому что оно порождает апатию и покой, которые погрузят все сущее в хаос, если его чаша перевесит***. Вселенная держится равновесием, а оно невозможно без злодейств. Злодеяния служат природе, но если они ей служат, если они потребны и желательны, могут ли они повредить ей?» (выделено мной –ЛХ) де Сад Жюстина

Но не только одному Ницше суждено было построить свою теорию на великом «открытие» происхождения человека Дарвина, но и Гитлеру.

Дарвин, Происхождение человека:

> «У дикарей слабые телом или умом скоро уничтожаются и переживающие обыкновенно одарены крепким здоровьем. Мы, цивилизованные народы, стараемся по возможности задержать этот процесс уничтожения; мы строим приюты для слабоумных, калек и больных; мы издаем законы о бедных, и наши врачи употребляют все усилия, чтобы продлить жизнь каждого до последней возможности. Есть основание думать, что оспопрививание сохранило тысячи людей, которые при своем слабом сложении в прежнее время погибли бы от оспы. Таким образом, слабые члены цивилизованного общества распространяют свой род. Ни один человек, знакомый с законами разведения домашних животных, не будет иметь ни малейшего сомнения в том, что это обстоятельство — крайне неблагоприятно для человеческой расы» Происхождение человека Дарвин
>
> «Хирург может заглушать в себе сострадание во время операции, сознавая, что действует для пользы больного; но если бы мы намеренно оставляли без внимания слабых и беспомощных, то делали бы это лишь ввиду могущего произойти отсюда добра в будущем, купленного ценой большого и верного зла в настоящем. Стало быть мы должны переносить безропотно несомненно-вредные последствия переживания и размножения слабых. Существует, по-видимому, только одно средство задерживать их размножение, именно, чтобы

> браки между слабыми и мало одаренными членами общества были реже, чем между здоровыми и способными. Эта задержка могла бы быть усилена до бесконечности, если бы слабые умом или телом совсем воздерживались от брака» Происхождение человека Дарвин

Маркиз де Сад намного времени вперед предвосхитил эти рассуждения Дарвина:

> «Зачем оставлять жизнь таким существам, как вы, которые не могут больше рассчитывать на поддержку своих родителей, либо потому что они сироты, либо потому что те их не признают, и которые поэтому являются тяжкой обузой для государства? Дегенератов, сирот, недоразвитых малышей следовало бы уничтожать сразу после рождения: первых и вторых потому что, не имея ни одной души, которая захочет или сможет заботиться о них, они сделаются для общества балластом и тяжкой обузой, третьих по причине их абсолютной никчемности. И та и другая категории являются для общества чем-то наподобие костных наростов, которые питаются соками здоровых органов, разлагают и ослабляют их, или, если вам больше понравится такое сравнение, наподобие растений — паразитов, которые, обвиваясь вокруг нормальных растений, разрушают их и используют в качестве своей пищи. Каким вопиющим заблуждением представляются мне милости, питающие это отребье… то же самое можно сказать об этих домах призрения, богато обставленных, которые по чьей-то нелепой прихоти строят для немощных, как будто род человеческий настолько уникален и ценен, что необходимо сохранять его вплоть до самого ничтожного существа; как будто нет больше людей на свете и как будто для политики и природы выгоднее их беречь, чем уничтожать.» Жюстина де Сад

А теперь сравним как на эти положения смотрел Гитлер:

> «Когда народы на нашей планете ведут борьбу за свое существование, когда в битвах народов решаются их судьбы, тогда все соображения о гуманности, эстетике и т. п. конечно отпадают. Ведь все эти понятия взяты не из воздуха, а проистекают из фантазии человека и связаны с его представлениями. Когда человек расстается с этим миром, исчезают и вышеупомянутые понятия, ибо они порождены не самой природой, а только человеком. Носителями этих понятий являются только немногие народы или, лучше сказать, немногие расы. Такие понятия как гуманность или эстетика исчезнут, если исчезнут те расы, которые являются творцами и носителями их. Вот почему, раз тот или другой народ вынужден вступить в прямую борьбу

за само существование на этом свете, все подобного рода понятия сразу получают только подчиненное значение. Раз понятия эти идут вразрез с инстинктом самосохранения народа, которому теперь приходится вести такую кровавую борьбу, они не должны более играть никакой сколько-нибудь решающей роли в определении форм борьбы» Гитлер Моя борьба

«В результате скрещения двух существ, стоящих на различных ступенях развития, неизбежно получается потомство, ступень развития которого находится где-то посередине между ступенями развития каждого из родителей. …Такое спаривание находится в полном противоречии со стремлениями природы к постоянному совершенствованию жизни. Основной предпосылкой совершенствования является конечно не спаривание вышестоящего существа с нижестоящим, а только победа первого над вторым. Более сильный должен властвовать над более слабым, а вовсе не спариваться с более слабым и жертвовать таким образом собственной силой. Только слабые могут находить в этом нечто ужасное. На то они именно и слабые и ограниченные люди. Если бы в нашей жизни господствовал именно этот закон, то это означало бы, что более высокое развитие органических существ становится вообще невозможным. Результатом этого заложенного во всей природе стремления к расовой чистоте является не только строгое отграничение отдельных рас друг от друга, но и известная однородность внутри каждой из них. Лиса всегда остается лисой, гусь — гусем, тигр — тигром и т.д.; разница тут может заключаться только в большей или меньшей выносливости отдельных экземпляров, в большем или меньшем уме, понятливости и т. д. Но никогда нельзя встретить лисы, которая обнаруживала бы какие-нибудь гуманные намерения по отношению к гусю, как никогда мы не встретим кошки, склонной к дружбе с мышами.

Борьба между теми и другими является результатом не столько прирожденной вражды, сколько результатом голода и любви. В обоих случаях природа смотрит на эту борьбу с полным спокойствием и даже с известным удовлетворением. Борьба за пропитание приводит к тому, что наиболее слабое и болезненное терпит поражение. Борьба самцов из-за самки обеспечивает право и возможность размножения только за более сильным. Но всегда и неизменно борьба только способствует здоровью и увеличению силы сопротивления данного рода и вида. Тем самым борьба является фактором более высокого развития» Гитлер Моя борьба

ГЛАВА 11. ВКЛАД ВЕЛИКИХ НЕМЕЦКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ В ОТКРЫТИЕ ПЭ. Г. ЛЕЙБНИЦ, ВИЛЬГЕЛЬМ ОСТВАЛЬД, В. ДИЛЬТЕЙ, Г. ЛЕССИНГ, К. ЯСПЕРС, Ф. ШЕЛЛИНГ, Г. ФИХТЕ, Э. КРЕЧМЕР, А. ШВЕЙЦЕР, Д. ШТРАУС

Правда, что я много критиковала как основателей Дарвиновской парадигмы английских эмпириков и немецких субъективистов. Однако, я сделала все, чтобы указать все имена великих английских и немецких мыслителей и их вклад в Открытие ПЭ и Научную Революцию Энергетика. Так, я не согласна с эмпиризма Бертрана Рассела, который у него часто переходит на откровенно Юмовские позиции. Однако, я сделала очень много чтобы показать что он — автор теории психологии, в основе которой прозрение основ теории психической энергии.

Точно также, я не согласна с философией Фихте, но я добросовестно показала что его психология — также предтеча Открытия Психической энергии. Приведу выдержки из своей книги Проблемы развития духа 2020, где я одновременно критикую философию Фихте, и в то же время привожу его теорию психологии как подтверждение, сделанного мной Открытия ПЭ.

Наконец, я приводила критику немецкими мыслителями немецкого субъективизма: К. Ясперса, А. Швейцера, Ф. Шеллинга. У К. Ясперса я позаимствовала термин «Гибрис», который он адресует гению немецкой спекулятивной мысли. И все три великих мыслителя настроены крайне враждебно к философии Гегеля, и больше всех его сокурсник и друг юности — Ф Шеллинг.

Лейбниц — метафизик и рационалист, и его теория монад, как я писала в своих книгах вполне могла бы служить прообразом Теории Познания Энергетика, которая доказывает, что природные энергии — это системы закономерностей различных природных энергий, как они следуют друг за другом в иерархии Конта (хорошо изложено у Милля в Философии позитивизма Конта). Ведь, если мы так определяем энергию –то это сущность «идеальная» как монады Лейбница, ведь в их основе пассивный интеллект законов природы. Вильгельм Оствальд определял природные энергии как эмпирик, и потому его теория Энергетики провалилась. Но она имела в себе рациональное зерно как писали Планк и Эйнштейн, и наделала много шума, так что и Ленин продолжает спорить с ней в «Материализме и Эмпириокритицизме». Однако, если поставить Энергетику Оствальда на базис метафизики интеллекта Лейбница, то Энергетика становится неуязвимой для критики. И об этом я тоже часто говорила в своих книгах.

Большой вклад в Открытие внесли работы К. Ясперса, и как философа и как психиатра, и как создателя понятия «философской веры». Как философ, Ясперс показал значение первого осевого времени, — тема к которой часто возвращается Открытие ПЭ. Как психиатр, Ясперс отделил исследование неорганических психозов, от психозов имеющих органическое происхождение. Его книга «Стриндберг и Ван Гог» много способствовала правильному пониманию шизоидности, ведь он рассмотрел этот феномен на случаях гениальных людей.

Наконец, Философская Вера как единение науки и религии, о чем говорит в своих статьях о религии Эйнштейн в метафизике интеллекта, и обретение таким образом единой естественной религии, как законов природ психической энергии — об этом много сказано у В. Дильтея, у Г. Лессинга, у К. Ясперса, у Шеллинга, у Штрауса и Швейцера. Ниже я привожу соответствующие цитаты из своих книг.

«ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ДУХА. КРИТИКА СТРУКТУРАЛИЗМА», 2020

29. Другая проблема рационализма — фиктивный рациона
лизм немецкой спекулятивной философии. Без метафизики интел
лекта идеализм превращается в мистику. Действительно, мы ви
дели, что уже философия Канта, которая также претендует
на идеализм и рационализм, разрушила метафизику интеллекта,
упразднив представление о познании как взаимодействии ак
тивного и пассивного полюсов интеллекта.

30. Далее Фихте развил философию «законодательствующе
го разума» Канта в «чистую субъективность Я». И в философии
Канта, и в философии Фихте нет места метафизике интеллекта
как законов природы, с одной стороны, и аппарата мышления,
«врожденных идей» для открытия этих законов природы, с дру
гой стороны. Так, Куно Фишер пишет:

31. Куно Фишер «Фихте»: «Когда Я осознает свою полную
свободу от объектов, то для него становится очевидным, что оно
может определяться только самим собой, что оно находится
во взаимодействии с самим собой и что, следовательно, если
оно определяется каким-нибудь объектом, то оно само себя
к этому приводит, т. е. «полагает само себя как определяемое че
рез не-Я». Но именно это и было основоположением теоретиче
ского наукоучения: теперь оно стало им для Я. Я уже не только

теоретическое, но оно сознает и познает себя как основу своего

теоретического отношения. Этим теоретическое наукоучение за

канчивает предначертанный ему путь и разрешает свою задачу.

Я осознает себя как способность отвлекаться от всех объектов,

как чистую субъективность, как Я, которое определяется только

через самого себя».

32. Впоследствии Гегель, который ставил себе задачу пре

одолеть агностицизм Канта, тем не менее остался на позиции

«чистой субъективности» Фихте, поскольку его философия также

построена на разрушенной Кантом метафизике интеллекта.

27. Ту же мысль об эволюции противоборства двух противо

положных типов сознания в человеке развивает Фихте в «Речах

к немецкой нации». В данном случае субъективизм его кантиан

ской философии сказался только на том, что он не смог развить

этого четкого видения структуры психики в полноценную науч

ную теорию, но сама схема нарисована превосходно и почти

в тех же выражениях, что и у Спенсера. Так, подобно тому, как

Спенсер противопоставляет «дикий эгоизм» аборигенов «нрав

ственному чувству» справедливости и свободы разумных людей,

так и Фихте противопоставляет смутное чувство (аффекты Спи

нозы) эгоизма нравственному чувству разумных свободных лю

дей. И тот, и другой говорят о противоборстве двух типов созна
ния в одном человеке и понимают эволюцию, как постепенное
вытеснение разумным сознанием первобытного сознания.
28. Фихте «Речи к немецкой нации»: «Вследствие сказан
ного с точки зрения образования существует два совершенно
различных и полностью противоположных рода людей. Пер
вый основной тип сознания, возникающий во времени самым
первым, есть смутное чувство. С помощью этого чувства ос
новное побуждение обычно и как правило схватывается как
любовь единичного к самому себе, и смутное чувство изна
чально преподносит эту самость только как то, что хочет жить
и наслаждаться. Так чувственный эгоизм становится действи
тельным основным побуждением и движущей силой жизни,
запутанной этим переводом ее изначального основного по
буждения. Человек будет поступать эгоистично и не может
иначе до тех пор, пока он продолжает так понимать себя;
и в непрестанных изменениях его жизни единственно только
этот эгоизм постоянен, остается равным себе и всегда присут
ствует. Второй основной тип сознания, который, как правило,
не развивается сам по себе, но должен заботливо пестоваться
в обществе, — это ясное познание. Если основное побужде
ние человечности схватывается в этой стихии, то развивается
второй, совершенно отличный от первого род людей. Такое,
схватывающее саму фундаментальную любовь, познание
не оставляет познающего, как это, пожалуй, может произойти
с другим познанием, холодным и безучастным, но его пред
мет любим больше всего, так как он есть истолкование и пе

ревод нашей изначальной любви. Поскольку этим путем пер
вичным и истинным основанием и исходным пунктом жизни
вместо смутного чувства станет ясное познание, то эгоизм бу
дет совершенно исключен и лишен какого-либо развития.
Ведь только смутное чувство преподносит человеку его са
мость как нечто требующее удовольствий и страшащееся бо
лезненного; ясное понятие ни в коем случае не преподносит
его так, а показывает как звено нравственного порядка, что
дарует ему любовь этого порядка, которая возгорается и раз
вивается одновременно с развитием этого понятия. С эгоиз
мом это воспитание не имеет ничего общего, поскольку оно
ясностью заглушает смутное чувство, его корень; оно так же
мало борется с ним, как и развивает его, оно вовсе ничего
не знает о нем. Если бы было возможно, чтобы эта страсть
позже все же возбудилась, то она нашла бы сердце уже на
полненным более высокой любовью, которая не оставля-
ла бы
для нее места. ... Все, что верит в духовность и свободу этой
духовности и хочет вечного развития этой духовности по-
сред
ством свободы, — все это, где бы оно ни было рождено
и на каком бы языке оно ни говорило, нашего рода, принад
лежит к нам и превратит себя в нас. Все, что верит в застой,
возврат и танцы по кругу или даже ставит у руля мироправ
ления мертвую природу, — все это, где бы оно ни было рож
дено и на каком бы языке оно ни говорило, не немецкое
и чуждо нам, и чем раньше оно отделится от нас, тем лучше».
29. Интересно, что Леви-Брюль так же пишет в «Первобыт
ном мышлении», что аборигены ощущают время цикличе-
но, как
смену счастливых и несчастливых времен, и что у них нет
представления о хронологии. Так же и Фихте противопо-
ставля
ет движению по кругу дикарей линейному развитию разум-
ного

сознания. Мирча Элиаде, который сознательно отказывается от разума подобно всем антиинтеллектуалистам (иррационалистам), возвел мистичное и цикличное сознание дикарей в статус общеобязательной нормы в своей «Истории религий».

SCIENTIFIC REVOLUTION ENERGETICS IN FIVE BOOK, 2023

«Wilhelm Oswald, the author of theory of Psychic Energy as well as of theory of Energetics in general, refers to the Rational philosophy of Leibnitz, when advocating Psychic energy as the only legitimate subject of investigation in psychology.

«The modern theory of Energetics» by Wilhelm Ostwald:

«I have long since expressed my opinion that the whole of psychology is undergoing a fundamental advancement through the assumption of the existence of a psychical energy. This becomes particularly evident in the old problem as to how spirit and matter can operate together, which is recognized as pseudo-problem and is therefore set aside. So-called matter is recognized as a particular combination of energies, then what was formally accepted as a contrast in principle between the two realms completely disappears».

«For by its means the concept of energy was simply made a component part of the mechanistic world conception which at that time was very widespread, and according

to which everything that happens is supposed in the last analysis

to depend upon the mechanical interaction of atoms. It is true that

Leibnitz had already raised the pertinent objection that such an

explanation would not account for psychical phenomena. For if the

whole category of motions of the hypothetical brain atoms

accompanying a given thought process should in any way be made

visible to us, we would see only tiny bodies in motion but not the

corresponding thoughts, and the existence of the latter would remain

as far from explanation as before. The weight of this objection

meanwhile remained disregarded until a generation ago when Dubois

Reymond raised it again and recognized it as an insurmountable barrier

to the mechanistic world-conception. This attitude indicates the almost

entirely undisputed dominion of the mechanistic conception».

It is true that first theories of Psychic Energy, those advocating

by Ostwald, Freud, Durkheim, have been still referring

to Empiricism and Biologics. However, it is also true that those first

steps towards Energetics as general scientific method, have given

psychology a new subject of investigation — that ancient one

of Greek Rationalism, the Spiritual Energy, the Psychic energy.

РАЦИОНАЛИЗМ ПРОТИВ ЭМПИРИЗМА. ДАРВИНОВСКАЯ ПАРАДИГМА КАК УГРОЗА ЗАПАДНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ. 2020

«МЕЛЬНИЦА ЛЕЙБНИЦА

«Наш мозг не есть обиталище, седалище,
созидатель, не есть инструмент или орган,
носитель или субстрат и т. д. мышления.
Мышление не есть обитатель или
повелитель, половина или сторона и т. д.,
но и не продукт и даже не физиологическая
функция или даже состояние вообще мозга»
Авенариус «Человеческое понятие
о мире»

Известно, что Лейбниц уже в начале 18 века предложил мысленный эксперимент, что проиллюстрировать свое убеждение в том, что мысль не может быть продуктом мозга подобно тому, как печень выделяет желчь, а сердце обеспечивает кровообращение.

«Если мы вообразим себе машину, устройство которой производит мысль, чувство и восприятие, то можно будет представить ее себе в увеличенном виде с сохранением тех же отношений, так что можно будет входить в нее, как в мельницу. Предположив это, мы при осмотре ее не найдем ничего внутри нее, кроме частей, толкающих одна другую, и никогда не найдем ничего такого, чем можно бы ло бы объяснить восприятие»
Лейбниц Монадология

Три века спустя нам нечего добавить к этому мысленному эксперименту Лейбница. Мы за это время сделали гигантские шаги в химии, биохимии, электромагнетизме, радиоактивности, квантовой механике, но нам по прежнему нечего сказать о связи сознания с деятельностью мозга.

Наверное, много исследований, которые вам расскажут, что полезно и неполезно для активности мозга, как стимулировать его свежесть и бодрость. Но нет ни одного серьезного исследования, которое претендовало бы на открытие непосредственной связи функционирования мозга с мышлением как таковым. То есть не стимулирование общего процесса мышления, через общее здоровье, а именно как функционирование мозга связано с конкретными мыслями. Ведь есть конкретные мысли, как есть конкретная желчь и конкретное кровообращение. Специалисты расскажут вам в мельчайших подробностях все о работе печени и о системе кровообращения, еще со времен Декарта. Но никто не возьмется рассказать вам, как конкретная мысль связана с функционированием мозга, и как вообще может быть связан интеллектуальный потенциал человека с этой деятельностью.

«Этот аргумент Лейбница направлен на отрицание возмож

ности физически объяснить разум и восприятие. В те времена

это казалось самим собой разумеющимся, однако сегодня мы

не склонны выходить за каузальную замкнуть физического.

Несмотря на то, что природа сознания до сих пор нам не подда

ется, мы в целом уверены, что оно супервентно на фундамен

тальных физических законах. В общем, чудес не бывает и Лейб

ниц не прав. В этой мельнице должно найтись что-то такое, что

объяснит восприятие и разум»

Никто не говорит о чудесах или о выходе за границы детер

минизма. Лейбниц как все рационалисты был детерминистом,

как известно. Природа сознания на пути физиологического ис

следования мозга не поддается уже триста лет и никогда

не поддастся (даже если начинать считать с Нового времени).

Биохимия тоже не противоречит фундаментальным физическим

законам, но имеет в себе нечто сверх этих законов, законы био

логической энергии, биологического поля, если хотите, которые

не сводятся к физике и химии. Точно также психики человека

имеет нечто больше чем законы физики, химии или биологии.

Это законы психической энергии. В этом смысле иерархия наук

Конта, которая показала, как последовательное открытие наук

включало в себя новые уровни законов природы, не отрицаю

щие прежних, но строящееся на них, прекрасная иллюстрация

открытия психики как нового уровня законов природы. Никто

не отрицает обезьян и происхождения из них человека. Но че

ловек не количественно отличается от обезьяны, а качественно.

Зарождением психической энергии, нового уровня законов при

роды, не сводимого к предыдущим, но и не противоречащего

им: физике, химии, биологии.

Очевидно, что связь мозга с мыслью существует, но что

эта связь не является непосредственной. Мозг, который, как известно, устроен подобно электрическому генератору, создает поле, и уже это поле имеет прямое отношение к мышлению человека. Речь конечно не об электрическом поле (хотя, как известно мозг излучает элеткромагнитные лучи), а о поле

психической энергии, которое возможно тоже очень опосредованно связано с этими явлениями электромагнетизма.

По крайней мере, мы никоим образом не можем исключать такую возможность, пока не доказано обратного. Что до поля

психической энергии, то оно прекрасно поддается обнаружению и измерению. Так поле Эгосистемы исследовали многие антропологи, занимавшиеся первобытным сознанием, большой

фактический материал после исследования сотен пациентов оставил Фрейд. Он же ввел полюса поля Эгосистемы: Эго и СуперЭго, хотя сам он никогда не обозначал их как «поле Эгосистемы».

Ополе интеллекта, как полюсах мышления и законов приро

ды, пишут со времен Платона, и современная гуманистическая

психология накопила много фактов о том, какую первостепенную роль играет в жизни мыслящих людей процесс обучения и познания».

«ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ДУХА. КРИТИКА СТРУКТУРАЛИЗМА», 2020

«50. Ясперс говорил о философской вере единого научного мировоззрения, которое придет на смену множеству религий.

Ромен Роллан писал о «Вселенском Евангелии», где религии сойдутся в едином научном мировоззрении. Лессинг вслед за Спинозой говорил о «естественной религии», написанной в сердцах людей. Жорж Санд в «Спиридионе» пишет о «Вечном

Евангелии» единого человечества. Джордано Бруно сожгли за противопоставление естественной религии — библейской ми

фологии, над которой он смеялся. В своей утопии Френсис Бэкон пишет о естественной религии как едином научном миро

воззрении. И мы можем сделать заключение, что, скорее всего,

пока религии сохраняют свою мифологическую форму вместо

того, чтобы говорить научном языком о духовной энергии, пока

трансцендентный мир ищут в мистике и в магии, а не в метафи

зике интеллекта, — религиозным революциям есть куда разви

ваться. И Реформация Лютера не была последней религиозной

революцией.

51. Спиноза сформулировал естественную религию, как

«законы, написанные в сердце». Так же о природе человека го

ворит Руссо, как о законах, написанных в сердце (он, кстати,

не хуже Кьеркегора, Фихте и Спенсера формулирует теорию

двух полей психики в качестве этих законов). Мы можем пред

положить, что речь идет о законах духовной энергии, о зако

нах психической энергии. И что открытие законов психической

энергии, которое даст научное знание о психике, о душе, о ду

хе и будет той естественной «религией», о которой мыслители

говорили с незапамятных времен. И это уже не «религия», так

как последняя есть смесь мифологии и поисков метафизики

интеллекта, научных знаний, а открытие психической энер

гии — это только научное знание, где нет и не может быть ме

ста мифологии. В этом смысле и Эйнштейн говорил о науке,

как о метафизике интеллекта, и в таком виде признавал «рели

гию».

52. Дильтей говорит о римском стоицизме, как метафизике

интеллекта, на дрожжах которой взошел христианский проте

стантизм и доктрина «естественной религии». Римские стоики

считали своим святым казненного Сократа, как известно; так же,

как впоследствии святым христиан станет распятый Христос.

Оба умерли, не желая отступать от истины.

53. Вильгельм Дильтей в «Возрождении и Реформации»:

«Между мнением о присущей всем религиям общей истине, ко
торое мы обнаружили у Коорнхерта, Арминия и других, и поня
тием естественной теологии, разработанным Мором, Боденом
и Бэконом, очевиден пробел. Надо искать среднее звено. Таким звеном является мысль о рациональности — общем ядре всех истинных религий. И эта рациональность требует понятия
природных задатков, врожденных моральных и религиозных понятий. Предположения такого рода никогда не исчезали в Европе, они могут быть обнаружены как у Фомы Аквинского,
так и у Меланхтона или Кальвина. Однако решающим было те
перь то, что эти предположения соединились с религиозным убеждением, согласно которому необходимое для счастья человека содержится именно в общем для всех религий. Это
убеждение сложилось, как мы только что показали, в борьбе конфессий. И в эту всемирно-историческую связь вторгается важная потенция — присутствующее в гуманизме и достигшее
кульминации в нидерландской филологии возрождение римского стоицизма. Его учение об общих всем людям понятиях, о природных моральных и религиозных задатках и основанной
на этом естественной теологии является решающим средним звеном в цепи этих великих идей. В развитии естественной си
стемы нам повсюду надлежит выявлять воздействие римского стоицизма»

64. «Философская вера» Карла Ясперса, «Вселенское Евангелие Вивекананды» Ромена Роллана, «совершенное Евангелие»

Лессинга («Воспитание человеческого рода»), христианский де

изм (Вечное Евангелие) Жорж Санд — Дильтей прав, когда пи

шет, что поиски «естественной религии» были неотъемлемой ча

стью европейского христианства.

65. Метафизика интеллекта значит общую природу челове

чества. А общая природа человечества — это естественное пра

во законов природы. Это свобода людей быть самими собой

в осознанной необходимости этих законов. Это свобода от тира

нических законодательств властелинов и сакральных законода

тельств магических религий. Наконец, это та основа правового

государства, на которой держится современная доктрина прав

человека. Что такое права человека? Это общая природа чело

века, законы природы, законы психики. Отнимите эту природу,

и вам больше не на что будет сослаться в обосновании прав че

ловека.

«ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ДУХА. КРИТИКА СТРУКТУРАЛИЗМА», 2020»

«21. Карл Ясперс предположил, что середина первого тыся

челетия до нашей эры (VIII — V века до н.э.) стала рубежом, от

делившим первобытное сознание варваров от рационального

сознания цивилизованных, культурных людей. Это время воз никновения мировых религий в Персии, Индии, Израиле, Ки тае; философии и науки в Древней Греции. Он вводит в своей

книге «Истоки истории и ее цель» знаменитую теперь уже док

трину «осевого времени». Так он именует период VIII — V ве ков до н.э., который, согласно его мнению, стал решающим в становлении всей последующей человеческой цивилиза- ции.

Более того, Ясперс пишет, что до сих пор этот период явля- ется

источником всякого духовного вдохновения и стимулом всяко

го развития. В тяжелые времена человечество возвращалось к культурной сокровищнице, обнаруженной человечеством в этот период. Гойа говорил, что сон разума рождает чудо- вищ.

Действительно, пробуждение осевого времени стало тем рубе

жом, который провел качественную границу между первобыт ным сознанием варваров, насквозь пропитанных мистикой и магией и рациональным сознанием цивилизованных лю- дей,

свет разума которых отныне обращается к науке и филосо- фии.

22. Надо отметить, что Ясперс не считал, подобно Леви Строссу, Шпенглеру, Тойнби или Хантингтону, что в мире де- сятки

различных цивилизаций, каждая из которых имеет свою соб ственную душу, и что души эти, подобно организмам, цветут и увядают. Напротив, он очень ясно говорит об общей куль- туре

человечества и едином очаге цивилизации, который стал куль

турной колыбелью всего человечества. Осевое время VIII — V

века до н.э. составили очаги всего пяти цивилизаций: индийская,

персидская, еврейская, китайская и, конечно, греческая. Именно

поэтому сами индусы назвали своего пророка Буддой (пробуж

дением). Это время, когда человеческий интеллект словно про

будился ото сна после долгой спячки. «И, — пишет Ясперс, — те

народы, которые не сумели усвоить того культурного прогресса,

который принесло пробуждение этих пяти цивилизаций, оста

лись варварами, вне истории и вне человеческого сознания».

В его философии нет и намека на позицию упомянутых ученых

о самобытности всех цивилизаций, об их несравнимой ценности

и независимости от других цивилизаций.

23. Карл Ясперс «Истоки истории и ее цель»: «Эта схема ми

ровой истории исходит из четырех, правда, очень значительных,

но по своему смыслу гетерогенных периодов мировой истории:

доистории прометеевской эпохи (неолит), эпохи великих куль

тур древности, осевого времени, когда полностью формируется

человек в его духовной открытости миру, эпохи развития техни

ки. В доступной нам истории есть как бы два дыхания. Первое

ведет от прометеевской эпохи через великие культуры древно
сти к осевому времени. Второе начинается с эпохи науки и тех
ники, со второй прометеевской эпохи в истории человечества,
и быть может, приведет еще к далекому и невидимому второму
осевому времени, к подлинному становлению человека. Все, что
произойдет в наше время, должно быть универсальным и всео
хватывающим; развитие уже не может быть ограничено Китаем,
Европой и Америкой. Решающие события, будучи тотальными,
должны неминуемо носить совсем иной роковой характер. Те
перь весь вопрос состоит в том, сохранит ли грядущее развитие
свою открытость и завершится ли оно, проходя через жесточай
шие страдания, созданием настоящего человека».

24. Получается, что религиозное сознание стало своего рода перевалочным пунктом в становлении разумного, рационально
го, научного сознания. Это уже не пралогичное мышление або
ригенов, но еще и не рациональное мышление научного интел
лекта. Это мифологическое мировоззрение, которое впервые поднимает во всей серьезности проблему сущности, развития,
становления Духовной энергии человека. В этом прогрессивное

значение мировых религий, которые стали толчком для фило
софской постановки проблемы в будущем, а затем и науч-
ного
изучения психики, психической энергии. Мы уже говори-
ли, что
гуманистическая психология (экзистенциальная философия)
во многом сохранили мировоззренческий каркас миро-
вых рели
гий.

25. И Ясперс говорит только о пробуждении, о первом шаге,
о становлении сознания человека. Понятно, что ужасы по-
следу
ющего развития человечества не позволяют говорить об об-
рете
нии сколько-нибудь полного знания, по крайней мере раци-
она
листу, который верит в свет разума и способность лю-
дей быть
рациональными и конструктивными. Ясперс говорит о «вто-
ром
осевом времени», когда появится «настоящий человек»,
что, ви
димо, должно означать завершение того пути к истине, на-
чало
которому было положено в первое тысячелетие до н.э., в первое
осевое время пробуждения мировых религий, науки и фи-
лосо
фии»

«ОСЬ МИРОВОЙ ИСТОРИИ. АВРААМИЧЕСКИЕ РЕЛИГИИ В ВЕК РАЗУМА»

«В. Дильтей пишет в своей книге о Реформации, что идея универсальной религии была частью европейской культуры со времен аутодафе для Джордано Бруно, который именно за эту идею и был предан огню инквизицией католической церк

ви. Деистами считали себя Ньютон и Вольтер, Томас Пейн и Эр

нест Ренан, Жорж Санд и Шеллинг, Гете и Готфрид Лессинг, Ро

мен Роллан и Вивекананда.

Лессинг в этой связи говорил о «широком рве, который он никак не может перепрыгнуть», когда думает о мифе о потерян

ном и возвращенном рае, который должен объяснять сущность

духовной энергии человечества. Он написал небольшое эссе «Воспитание человеческого рода», где предложил решение это

го вопроса, получившего название «проблемы Лессинга». Суть

этого эссе сводится к тому, что нет и не может быть, конечно же,

никакой связи между мифологией христианства и реальной ду

ховной энергией человечества. Что Ветхий завет и Евангелие —

вовсе не источники истины о человеке, а всего лишь инструкции,

указывающие направление движения на разных отрезках чело

веческой эволюции в доступной для человека форме. И что,

несомненно, информация о духовной энергии человека как она

есть, еще не получена и не найдена, и что это задача будущей

науки, которая откроет эту истину, эти закономерности интел

лекта, которые станут «Вечным Евангелием» на все времена.

В целом, точка зрения Лессинга мало чем отличается от точки

зрения Спинозы, который также считал, что откровение данное

Моисею — это детство человечества, просвещавшегося через

ограниченные возможности воображения и получавшего законы

путем устрашения мистикой; Иисус — следующая ступень откро

вень, доступная уже «светом естественного разума», а наука

Этика, которую он излагает в виде математических формул че

ловеческой души — уже полноценная наука, которая не нужда

ется ни в откровении, полученное воображением, ни в мистике

и устрашении. «Вечное Евангелие» — законов природы, метафи

зики интеллекта.

Г. Лессинг «Воспитание человеческого рода»:

«В пору детства человеческого рода (Ветхий завет) ты узнал

из учения о едином Боге, что Бог непосредственно открывает так

же простые истины разума или допускает и побуждает, чтобы они

сообщались в течение некоторого времени как непосредственное

открытие истины и тем самым быстрее распространились и проч

нее утвердились в сознании людей. В пору отрочества человече

ского рода (Новый завет) ты то же самое узнаешь об учении о бес

смертии души. Во второй, лучшей, начальной книге (Евангелие) оно

проповедуется как откровение, а не сообщается как вывод челове

ческого разума. Если в учении о едином Боге мы теперь можем

обойтись без Ветхого завета, а в учении о бессмертии души мы по

степенно начинаем обходиться и без Нового завета, то не мо

жет ли быть, что в Новом завете есть еще истины такого рода, ко

торые нам надлежит восхищенно воспринимать как откровение

до той поры, пока разум не научит нас выводить их из других неоспоримых истин и связывать их с ними? Что же касается преоб

разования истин, данных откровением, в истины разума, то это со

вершенно необходимо, если мы хотим оказать помощь человече

скому роду. Когда эти истины были открыты, они, правда, не были

еще истинами разума; но открыты они были для того, чтобы стать

таковыми. Нет, оно придет, оно обязательно придет, это время со

вершенства, время нового вечного Евангелия: обещанного нам

в книгах Нового завета».

Таким образом, Лессинг дает ответ, на поставленный им са

мим вопрос о «Широком рве» между мифологией священных писаний и эволюцией духовной энергии человека в том смысле,

что преобразует энергию человека конечно разум, то есть науч

ное познание истины. Однако, священные писания не есть об

ман или просто безумие, они есть начальная стадия в становле

нии духовной энергии человека, когда разум человека еще слишком слаб для восприятия рациональных истин. Кьеркегор

позже даст другой ответ на эту «проблема Лессинга»: он скажет,

что сфера религии — это сфера абсурда по своему характеру, и что для того чтобы понять религию надо отказаться от разума.

Лессинг, конечно, оказался в теологии значительно более про

ницательным человеком. Зато Кьеркегор сформулировал очень

глубокую для своего времени теорию психической энергии. Конечно, этим Евангелием на все времена может быть толь ко открытие закономерностей духовной энергии человека, то

есть рациональная теория этической религии, — открытие пси

хической энергии. Мы видели, что все больше ученых противо

поставляют энергию психики — энергии биологии, и что все больше ученых пишут о психике в энергетических терминах. Что

писать о духовной энергии человека философы-рационалисты

начали со времен Платона и Спинозы, а современная гумани

стическая психология стала прямым продолжением этой рацио

налистической философии духа».

2. ФИЛОСОФИЯ Ф. ШЕЛЛИНГА. КОНЕЦ ПРОГРЕССА В НАУЧНОМ КОНТРОЛЕ ФИЛОСОФСКОЙ ВЕРЫ

Наконец, необходимо сказать о вкладе немецких мыслителей в теорию международного института Естественного права: К. Ясперса, Шеллинга, А. Швейцера

А. Гулыга, «Философия Шеллинга»:

> «Вслед за Кантом Шеллинг видит идеал общественного устройства в установлении всеобщего правового строя, который должен распространяться на отношения между государствами. Ни одно государство не может рассчитывать на безопасность, если не будет создана межгосударственная организация, «государство государств», своего рода федерация, члены которой взаимно гарантировали бы свою неприкосновенность. На случай распри народов должен быть создан общий ареопаг, куда войдут представители всех культурных наций с правом применять совместную силу всех стран против нарушителя международного спокойствия.
>
> Движение общества к всемирно-гражданскому устройству — содержание истории. Здесь переплетается свободная деятельность людей с исторической необходимостью.
>
> Откровение абсолюта — это всемирная история. Три основных ее периода — судьба, природа, провидение. Период судьбы охватывает древнюю историю, взлет и падение древних царств, от которых осталось лишь слабое воспоминание. Второй период начинается с расширения границ Римской республики. В этот период действуют естественные законы, устанавливается общение между народами, которое должно завершиться союзом народов и «мировым государством». Только тогда открывается третий период, когда законы природы преобразуются в промысел провидения. Нельзя сказать, когда он наступит. «Но когда он настанет — тогда приидет бог». Так заканчивает Шеллинг всемирную историю.
>
> ...«Само собой разумеется, что историк не имеет права во имя художественности изменять материал истории, высшим законом которого является правда. Не менее ошибочно мнение, что высшие со-

> ображения позволяют пренебречь действительным ходом событий. В истории, как и в драме, события вытекают с необходимостью из предыдущего и постигаются не эмпирически, а благодаря высшему порядку вещей. Эмпирические причины удовлетворяют рассудок, для разума же история существует только тогда, когда в ней проявляются инструменты и средства высшей необходимости. При таком подходе история приобретает характер величайшей и достойной удивления драмы, которую создает бесконечный дух». Всеобщую историю надо писать как эпос. Примером служат древние авторы. Из новых Шеллинг называет Гиббона

Теория Зла у Шеллинга, как теория законов психики: Зло как паразит на теле энергии Духа: детерминизм Добра и Зла в законах психики:

А. Гулыга, «Философия Шеллинга»:

> «Человек зол или добр не случайно, его свободная воля предопределена. Иуда предал Христа добровольно, но он не мог поступить иначе. Человек ведет себя в соответствии со своим характером, а характер не выбирают. От судьбы не уйдешь! Учение о свободе выбора Шеллинг называет «чумой для морали». Мораль не может покоиться на таком шатком основании, как личное хотение или решение. Основа морали — осознание неизбежности определенного поведения. «На том стою и не могу иначе». В словах Лютера, осознавшего себя носителем судьбы, образец морального сознания. Истинная свобода состоит в согласии с необходимостью. Свобода и необходимость существуют одна в другой.
>
> Учение Шеллинга о свободе — своего рода ответ на сформулированную Кантом антиномию: есть свобода в человеке, никакой свободы нет. Для решения этой антиномии была написана «Критика чистого разума». В мире явлений, говорил Кант, господствует необходимость, в мире вещей самих по себе человек свободен. Но что такое, по Канту, свобода? Это следование нравственному долгу, то есть опять-таки подчинение человека необходимости. Задача состоит в том, чтобы выбрать правильную необходимость.
>
> У Шеллинга выбор уже сделан за человека. Он говорит об ответственности, но частично она передана в высшие инстанции. (Кант суров и беспощаден к личности, он требует от нее нравственности, ничего не обещая взамен.) Шеллинг рисует утопическую картину торжества добра над злом. Зло возникло с необходимостью и столь же необходимо исчезнет. Для этого должно завершиться полное отделение добра от зла. Зло сильно своей связью с добром,

само по себе зло не имеет энергии. Мысль Шеллинга проста и гениальна: ни один злодей не называет себя таковым, он взывает к добру и справедливости; потоки крови пролиты во имя всеобщего блага; разоблаченное зло бессильно. Мысль Шеллинга в то же время наивна: зло хитроумно и каждый раз по-новому маскируется под добро».

Самым суровым критиком Гегеля, этого прародителя марксизма-ленинизма и нацизма, был Шлегель, как можно судить из следующих его замечаний, приведенный А. Гулыгой:

«Шеллинг еще шесть лет назад предупреждал Кузена, что не потерпит сопоставления себя с Гегелем: «Я не хочу никакого сочетания, никакого смешения, никакого слияния абсолютно несопоставимых систем, даже если о них говорят как об истинных принципах. Оставьте мне мои идеи, не сочетая с ними, как вы это делаете, имени человека, который занимался лишь тем, что воровал их у меня и показал себя в такой же степени неспособным завершить их, как неспособен был их изобрести».

.....Он снова отвергает обвинение в мистике и теософии. Его положительная философия — прямая противоположность теософии, она основана на знании, а не на непосредственном общении с богом. Теософию он находит у... Регеля. Процитировав довольно туманное место из лекций по философии религии Гегеля о Сыне божьем, Шеллинг восклицает: «Все это настолько теософично, что выглядит как заимствование у Я. Бёме с той только разницей, что подобная фантастика у Бёме носит первозданный характер и действительно является плодом великого созерцания, а здесь она порождена философией, которая представляет собой чистейшую прозу, недвусмысленно трезвую и лишенную наглядности. По-настоящему опьяненному созерцанием можно простить, что он шатается, но не тому, кто совершенно трезв и лишь прикидывается захмелевшим».

.....Относительно гегелевской философии он по-прежнему высказывается резко отрицательно. «Так называемую гегелевскую философию в отношении того, что принадлежит ей самой, я могу рассматривать только как эпизод в истории повой философии, и к тому же печальный. Чтобы выйти на путь подлинного прогресса, надо не продолжать ее, а порвать с ней, рассматривать как несуществующую» (сентябрь 1832 года, письмо к Вайсе). Шеллинг по-прежнему настаивает на том, что гегелевский метод — это всего лишь переведенный на язык логики, созданный им, Шеллингом, метод потенцирования, от которого он не думает отказываться,

считая, однако, его недостаточным для построения «положительной» философии.

….И Шеллинг снова атакует Гегеля, который называет природу отпадением идеи от самой себя. Как происходит подобное «отпадение»? Как идея может решиться на такое? Возможно ли вообще потерять свое подобие? Если это действительно «отпадение», то это действие, поступок. Иначе выражение теряет смысл. У Гегеля пропадает реальная продуктивность природы. «Свежее дыхание натурфилософии растворилось здесь в сухих понятиях. Некогда пышные продукты природы превратились в логические метаморфозы, цветущий сад натурфилософии — в мертвый гербарий».

Шеллинг видит в гегелевском учении всего лишь искаженный, ухудшенный вариант собственной ранней теории. Гегель заимствовал свой метод из натурфилософии, но ухудшил его, подменив реальное развитие природы движением понятий. Гегель уверяет, что понятие обладает самодвижением, на самом деле двигаться вперед его может побуждать только сам философ. «Понятия как таковые существуют только в сознании, объективно рассмотренные, они не предшествуют природе, а следуют за ней. Гегель лишил их естественного места, поставив их в начале философии». В результате абстрагированное от действительности предшествует самой действительности. Гегель начинает с абстрактного бытия, но такового нет, бытие всегда конкретно, имеет носителя. Становление не предшествует становящемуся. Мысль Гегеля занята пустыми абстракциями. Это как поэзия, которая обращена к самой поэзии. «Многие наши так называемые романтические поэты занимались подобным прославлением поэзии ради поэзии. Но никто не считал эту поэзию для поэзии подлинной поэзией».

Гегель объявляет свою логику наукой о том, как развертывается божественная идея в чистом мышлении, до всякой природы, до времени. Как же затем идеальное превращается в реальное, как мысль создает мир, логика природу? По Гегелю получается, что природа — всего лишь «агония понятия». «В логике нет ничего изменяющего мир». Это еще один шеллинговский аргумент против гегелевского панлогизма

……Смерть Гёте потрясла Шеллинга. Он отменил очередную лекцию, а следующую целиком посвятил памяти поэта, олицетворявшего собой духовное единство страны. За год до этого умер Гегель. Скоропостижно, во время эпидемии холеры. Для Шеллинга это не утрата. Занятий он не отменял, на смерть соперника откликнулся лишь словами сожаления, обращенными к слушателям: ему желательно было бы спорить с самим Гегелем, а не с его наследниками.

Шеллинг, который до конца не смог преодолеть своего восхищения Кантом, тем не менее, дает его субъективизму уничтожающую критику:

А. Гулыга, «Философия Шеллинга»:

> «Может ли философ помочь естествоиспытателю? Он может и помешать ему, полагает Шеллинг. Пришел черед Шеллинга споткнуться о кантовскую вещь «саму по себе». Давно ли он превозносил «Критику чистого разума», видел в ней всеобщий канон? Теперь Шеллинг утверждает иное: «В то время как кантианцы — в неведении относительно того, что происходит вокруг, — все еще носятся с призраком вещи самой по себе, ученые подлинно философского склада без шумихи совершают открытия, на которые вскоре непосредственно будет опираться вся здоровая философия».
>
> В природе он видит духовное начало. «Это всеобщий дух природы, который постепенно формирует для себя грубую материю. От порослей мха, в котором едва заметен след организации, до благородных образов, которые как бы сбросили оковы материи, господствует всюду один и тот же порыв, который устремлен к одному и тому же идеалу целесообразности, приближаясь бесконечно вперед к одному и тому же прообразу, воспроизводящему чистую форму нашего духа.
>
> Никакая организация немыслима без продуктивной силы. Хотелось бы мне знать, как подобная сила может проникнуть в материю, если рассматривать ее как вещь саму по себе. Не надо бояться определений. Нельзя сомневаться в том, что ежедневно происходит на наших глазах. В вещах вне нас есть продуктивная сила. Но такая сила может быть только силой духа. Вещи не могут быть вещами самими по себе, вещами благодаря самим себе. Они могут быть только продуктами духа».
>
> ….«Шеллинг вернул бога миру, откуда его изгнали своим умничаньем ученики Канта», — писал королю Вюртемберга куратор Тюбингенского университета Вангенгейм, участник «Штутгартских бесед». ….Шеллинг переходит к подробному рассмотрению «Критики чистого разума». В основе ее лежит простая мысль: прежде чем приступить к процессу познания, надо проверить имеющиеся для этого средства. Предусмотрительный строитель проверяет свой материал и инструмент, прежде чем начать работу. Но познание познания ведь тоже познавательный акт, как же приступить к нему без предварительной подготовки? — ехидно замечает Шеллинг. Это мелкий укол. Более основательные возражения сводятся к следующим. Кант разделил действительность на два мира — явления и вещи са-

> ми по себе. Если вещи сами по себе непознаваемы, то как тогда вообще можно что-либо думать и говорить о них? Как отделить вещи сами по себе, выступающие в качестве материального субстрата познания, от вещей самих по себе «другого рода», как-то: бог и бессмертная душа человека? И еще три вопроса относительно процесса познания остаются у Канта без ответа: как вещи сами по себе воздействуют на субъект? Как поставляемый чувственностью материал поддается обработав рассудком? Откуда у субъекта власть над этим материалом?»

Однако, у Ницше в его здоровый период мы находим еще более определенное суждение о скептицизме Канта.

Ницше, «Шопенгауэр как воспитатель» (Клейст покончил с собой, как известно):

> «Но как скоро Кант начнет оказывать действительное влияние на массы, оно скажется в форме разъедающего и раздробляющего скептицизма и релятивизма; и лишь у самых деятельных и благород ных умов, которые никогда не выдерживали состояния сомнения, его место заступило бы то духовное потрясение и отчаяние во вся кой истине, какое пережил, например, Генрих Клейст под влиянием философии Канта. „Недавно — пишет он как-то в своем захватываю щем стиле, — я ознакомился с философией Канта и должен теперь сообщить тебе одну мысль из нее; ведь мне не нужно бояться, что она потрясет тебя так же глубоко, так же болезненно, как и меня. Мы не можем решить, есть ли то, что мы зовем истиной, подлинная исти на, или это только так нам кажется. Если верно последнее, то истина, которую мы здесь собираем, после нашей смерти не существует бо лее, и все наше стремление приобрести достояние, которое следова ло бы за нами в могилу, тщетно. Если острие этой мысли не затронет твоего сердца, то улыбнись над другим человеком, который чувству ет себя глубоко пораненным в своем интимнейшем святилище. Моя единственная, моя высшая цель пала, и у меня нет другой". Когда же люди будут снова ощущать так естественно, как Клейст, когда же они научатся снова измерять смысл философии по действию на свое „интимнейшее святилище"?»

Шеллинг оказал решительное воздействие на развитие философии Кьеркегора, а значит прямое воздействие на становление теории психической энергии.

А. Гулыга, «Философия Шеллинга»:

> «Шеллинг назвал курс «Философия откровения». Фактически это была выжимка из всех частей его новой философии. Он начал с установления различия между сущностью и существованием. Что представляют собой вещи, какова их сущность — этому учит разум; что вещи существуют — в этом убеждает нас опыт. Шеллинг требовал исходить из опыта, из факта существования вещей, не подменять бытие понятием. Негативная философия идет от мышления к бытию, позитивная — от бытия к мышлению.
> Эта часть курса произвела сильное впечатление на Серена Киркегора. Создатель философии экзистенциализма почерпнет отсюда многие свои идеи. «Я помню почти каждое слово из тех, что он произнес. Отсюда придет ясность… Вся моя надежда на Шеллинга». Дальнейшие лекции, когда дело дошло до мифологии, разочаровали Киркегора»

О книге Шеллинга «Ночные бдения» я часто упоминала в томах по Открытию ПЭ, поскольку это не только его метафизика интеллекта (метафизика законов природы, натурфилософия, как средняя позиция между догматизмом и критицизмом, между Спинозой и Фихте, как он говорил), но и его теория психологии, которая во многих отношениях соприкасается с теорией психической энергии.

И в том, какой акцент он ставит на «масках» Эго в человеческом обществе, на этом Ничто, которое пожирает Нечто. И в том, какую роль он отводит естественному праву и мировой истории. И в том что романтизму и субъективизму спекулятивной мысли он видит место в сумасшедшем доме. И в том какую роль он отводит философскому юмору. Как он сокрушается о друге поэте, с головой полной олимпийских богов, и закончившего путь на виселице. Как резок в осуждении зла власть имущих, какими невеждами показывает садомазохизм физического контроля правителей.

А. Гулыга, «Философия Шеллинга»:

> «Но все это мелочи. Важнее другое. Роман написан человеком большой философской культуры, прекрасно знающим Канта и Фихте, сторонником философии тождества, провозгласившей преодоление односторонностей идеализма и реализма. Идеалист и реалист — полоумные в психбольнице, (№2 и №3), где коротал свои дни герой

«Ночных бдений». Шеллинг гордился тем, что устранил две крайние позиции в философии. В «Системе трансцендентального идеализма» есть сравнение всемирной истории с театральным спектаклем.

……У собравшихся вдруг мелькнула надежда, что Страшный суд может не состояться. Тогда мистификатор обращается к ним с речью. Со времен Адама протекло уже немало времени, что сотворили они за эти годы, вопрошает он и дает ответ: ровным счетом ничего!

«С чем приходите вы к нашему господу, братья мои, — князья, откупщики, воины, убийцы, капиталисты, воры, чиновники, юристы, теологи, философы, идиоты всех служб и профессий… Воздайте должное истине и скажите, что достойное вы совершили? Например, вы, философы, что можете вы сказать, кроме того, что вам нечего сказать. Таков главный итог всего вашего философствования. Вы, ученые, к чему ведет вся ваша ученость, как не к тому, чтобы растоптать и высушить человеческую душу, а затем красоваться перед оставшейся окалиной. Вы, богословы, причисляющие себя к придворным господа бога, льстящие ему и лебезящие перед ним, вы создали здесь, на земле, бандитский вертеп, вы разорвали узы людского родства и братства, разметали их по враждебным сектам. Вы, юристы, полулюди…»

Когда восстановлен был порядок и жизнь вошла в привычную колею, во избежание подобных инцидентов ночному сторожу запрещено было возвещать время; лишь с помощью специального контрольного механизма он должен был ежечасно подтверждать свою бдительность.

«Кто я такой, — размышляет Кройцганг в седьмом „бдении". — Не иначе как порождение черта, который пробрался в постель к святой праведнице». Отсюда двой-ственная природа нашего героя. Не считайте его нигилистом и циником. Пусть видит он всюду Ничто, он не рад этому, и сердце его ранено падением нравов. «Сам папа во время молитвы не бывает столь благочестив, как я, оскверняя святыни… Меня уже не раз выгоняли из церкви, потому что там я начинал смеяться, и из публичного дома, потому что там мне хотелось молиться. Одно из двух: либо люди свихнулись, либо я. Если такие вопросы решаются большинством голосов, дела мои плохи».

Ведь не вынес своей судьбы поэт, тоже полуночник и сотоварищ сторожа. Он написал трагедию «Человек», а когда издатель отверг рукопись, повесился. Кройцганг читает его предсмертное послание: «Человек никуда не годится, поэтому я его перечеркиваю». Речь идет и о пьесе, и о жизни.

Сторож, знакомит нас с прологом к трагедии «Человек». Это монолог философствующего Петрушки. Мы узнаем об учении Эразма Дарви-

на (изложенном в его поэме «Храм природы»), согласно которому человек произошел от обезьяны. Ну что ж, рассуждает Петрушка, с этим, видимо, придется согласиться, а то найдут нам предков похуже. Петрушка пускается во все тяжкие доморощенного мудрствования: «Жизнь — это лишь шутовской наряд, одетый на Ничто, пусть звенят на нем бубенчики, все равно его порвут и выбросят. Кругом только Ничтог оно душит себя и с жадностью поглощает, и именно это самопоглощение создает обманчивую игру зеркал, как будто есть Нечто. Когда приостанавливается самоудушение и ужасающее Ничто выходит на поверхность, дураки принимают задержку за вечность, а она-то и есть как раз Ничто и абсолютная смерть».

Сама собой возникает тема сумасшедшего дома. Кройцганг изведал и это. Он был там и больным, и чем-то вроде вице-надзирателя. А вот его несчастные поднадзорные. Номер 1 — «образчик гуманности, превосходящий все, написанное на эту тему». Номер 2 и номер 3 — «философские антиподы, идеалист и реалист; один, воображает, будив у него стеклянная грудь, а другой убежден, что у него стеклянный зад». Номер 4 «угодил сюда лишь потому, что в своем образовании шагнул вперед на полстолетия; кое-кто из ему подобных еще на свободе, но их всех, как водится, считают полоумными...». Номер 9 считает себя творцом мира.

Не так ли у Фихте? У безумца «тоже есть своя система, по своей последовательности не уступающая системе Фихте, хотя человек здесь преуменьшен даже по сравнению с Фихте, обособляющим его разве что от неба и ада, но зато втискивающим всю классику, словно в книгу карманного формата, в малюсенькое „я“, местоимение, которое доступно чуть ли не младенцу».

Театр и сумасшедший дом — две главные ипостаси человеческого бытия. Они сливаются воедино в четырнадцатом «бдении», где рассказчик, в прошлом актер, игравший в придворном театре роль Гамлета, сообщает о том, как он встретил и полюбил актрису, исполнявшую роль Офелии. Встретил в психиатрической больнице, где оба оказались пациентами. Офелию мучает вопрос, возникающий при чтении Канта: есть что-нибудь «само по себе» или все только слова и фантазия? «Помоги мне прочитать мою роль до самого начала, до самой себя, — просит она Квинтета. — Есть ли во мне что-либо помимо моей роли или все только роль, и Я в том числе?» Гамлет убеждает ее: все только роль, все только театр, играет ли комедиант на самой земле, или на два метра повыше — на сцене, или на два метра пониже — в могиле. «Быть или не быть?» — теперь он такого вопроса себе не задаст. Раньше его смущала мысль о бессмертии, и он боялся смерти: сыграв свою роль в посюсторонней комедии,

> попасть в новую, потустороннюю, упаси боже! Теперь он знает, за смертью нет вечности. Увы, Офелия разубеждает его. Умирая (не на сцене, а в жизни), она говорит: «Роль кончается, но Я остается, они хоронят только роль… Я люблю тебя, это последние слова в пьесе, и только их из моей роли я постараюсь запомнить, это лучшее место в пьесе, остальное пусть они предадут земле».
> Бонавентура (как и его герой) — не нигилист, он только беспощадный и довольно едкий критик всех человеческих начинаний. Он верит в бога, его не устраивает лишь возня с религиозными культами, претендующими на исключительность. «Всеобщую мировую религию, которую природа открывает нам своими письменами, они раскладывают по полкам мелких национальных и племенных религий для евреев, язычников, турок, христиан, а последним и того мало, и они себя раскладывают по новым полкам». Искусство — великий дар. Только пусть оно не претендует на первенство по сравнению с природой. «На вершине горы посреди Музея природы они воздвигли еще один, поменьше, — для искусства… Иногда у меня тоже возникают свои художественные капризы, добрые или злые, и я из великого хранилища перехожу в малое, чтобы взглянуть на то, как человек что-то прилежно строит и вырезывает, полагая, что он поднимается над природой, не пытаясь, однако, вдохнуть в свои произведения главный элемент всего живого: саму жизнь».

Замечательные мысли развивает Шеллинг в связи со своим понятием философской веры. Подобно Мережковскому и задолго до него, он предсказывает появление третьего Откровения

(«Он намерен превзойти известные ему формы христианства. Католицизм (церковь апостола Петра) он рассматривает как пройденный этап, протестантизм (церковь апостола Павла) — как переходный. Новое, будущее христианство он связывает с именем апостола Иоанна. Церковь Иоанна будет предельно универсальна, объединит все народы, включая язычников и иудеев»)

И далее, он говорит о бессмысленности бесконечной идеи прогресса, утверждая что с приходом должного знания, человечество успокоится в философской вере. Действительно, с Открытием Психической Энергии задача человечества больше не ставится как прогресс, но как сохранение здоровья энергии духа человечества. Как построение институтов научного контроля,

Международного естественного права, и сохранения этого контроля. Как становления Церкви Дружбы Отца Небесного — сохранение здоровья церкви.

А. Гулыга, «Философия Шеллинга»:

> «Идея непрекращающегося прогресса есть идея бесцельного прогресса, а то, что не имеет цели, не имеет смысла, следовательно, бесконечный прогресс — это самая мрачная и пустая мысль. Последняя цель познания — достичь состояния покоя». Покой знания отличается от безмятежности невежества. Покой знания обоснован всем предшествующим развитием, это последняя остановка науки, «конец науки», когда она может перейти в веру. Начинать с веры наука не может, но завершиться ею должна. Вера не устраняет поиск, она стимулирует его, ибо она есть достигнутая цель. «Ищите, да обрящете».
>
> Мысли Шеллинга несвоевременны. XIX век жил идеей буржуазного прогресса — накопление богатств, роста производства, расширения знания, захвата территорий. А тут приходит мудрец и говорит: пора остановиться. Иные смотрели на него как на кликушу, его сетования казались лишенными почвы.
>
> Они обрели реальный смысл в наши дни, когда «дурная бесконечность», отрицательные последствия научно-технического прогресса поставили человечество на грань катастрофы: природные ресурсы близки к истощению, среда обитания загажена, искусственно порождаемые потребности достигли степени пресыщения, и висит над людьми призрак атомной гибели. Как тут не вспомнить о Шеллинге, не задуматься над его программой.
>
> Сторонником безграничного прогресса был Кант, иронизировавший над идеей остановки, «конца всего сущего». Природа, мир вещей самих по себе пребывают у Канта в «почетной отставке», как выразился Якоби, люди с помощью продуктивного воображения сооружают свой самостоятельный мир. Шеллинг увидел в этой мысли слабое место кантианства. Еще в молодости он призвал исходить из природы, осваивать ее, подчинять. Теперь он добавил: и приноравливаться к ней, привести кантовский мир «беспредельного, ничем не регулируемого человеческого произвола» в соответствие с природой. Эта программа куда более разумна, чем гегелевское представление об абсолютной истине, самоуспокоении, которое наука обретает в его философии.
>
> .....Сегодня мы не слышим голос Шеллинга, перед нами безмолвный текст. Рассуждения о боге и сатане не покоробят глаза: у нас достаточно образования, чтобы увидеть за ними человеческий смысл, до-

> статочно вкуса, чтобы оценить их философские достоинства. Позднего Шеллинга мы читаем, как читаем «Фауста». Отвлекаясь от внешних атрибутов, смотрим в корень. А корень проблемы — нравственность. Она нам нужна.
> Тем более что Шеллинг не апологет современной ему церкви, скорее критик, еретик. Он намерен превзойти известные ему формы христианства. Католицизм (церковь апостола Петра) он рассматривает как пройденный этап, протестантизм (церковь апостола Павла) — как переходный. Новое, будущее христианство он связывает с именем апостола Иоанна. Церковь Иоанна будет предельно универсальна, объединит все народы, включая язычников и иудеев».

Маркс и Энгельс называют Шеллинга «трусом», боязливо отступившегося от материализма назад в идеализм. Однако, именно в этом состоит особая мудрость Шеллинга, в его метафизике законов природы натурфилософии, которую одновременно критиковали и идеалисты и материалисты. То среднее положение между идеализмом и материализмом которое искал и утверждал Шеллинг для своей философии и была метафизика интеллекта — метафизика законов природы, познаваемых из опыта.

Потому поклонники Гегеля, уничтожившего метафизику интеллекта, Маркс и Энгельс, ругают Шеллинга, а Герцен его превозносит.

А. Гулыга, «Философия Шеллинга»:

«Новое состоит в том, что, по убеждению Шеллинга, ни мышление, ни бытие не следует рассматривать в качестве первоосновы сущего. Ни то ни другое, вернее, и то и другое вместе — вот из чего нужно исходить. Тождество духа и природы. Абсолютное тождество он называет разумом. Это «полная нерасчлененность объекта и субъекта». Между объектом и субъектом возможны только количественные различия

В истории философии известны попытки занять среднюю позицию между материализмом и идеализмом. Таков, в частности, Спиноза. Его субстанция — она же бог, она же природа наделена двумя атрибутами (неотъемлемыми качествами) — мышлением и протяженностью. Для Шеллинга спинозизм недостаточно всеобъемлющ. (Фихте смог сформулировать прямо

противоположную позицию!) Подлинная философская система должна включать все возможные противоположности. Таково, по его мнению, назначение философии тождества. И Шеллинг ищет свое среднее место где-то рядом со Спинозой, между ним и Фихте».

А. Гулыга, «Философия Шеллинга»:

> «Имя Шеллинга, коль скоро он выступает как предшественник Гегеля, всегда нами произносится только с глубочайшим благоговением. Но Шеллинг, преемник Гегеля, может претендовать только на некоторое почтение и меньше всего требовать от меня спокойствия и хладнокровия, так как я выступил в защиту покойника, а ведь борцу свойственна некоторая страстность… Более чем насмешкой звучит, когда Шеллинг отводит Гегелю место в ряду великих мыслителей в такой форме, что, по существу деда, вычеркивает его из их числа, третируя его как свое создание, как своего слугу». Статья, напечатанная в двух декабрьских номерах журнала «Телеграф для Германии», была подписана: Фридрих Освальд. Такого слушателя в многочисленной аудитории Шеллинга не было. За псевдонимом стоял Фридрих Энгельс.
>
> …У А. Герцена были все основания сопоставить Шеллинга с Гёте. В «Письмах об изучении природы» он славит Гёте — «поэта-мыслителя», объединившего философское умозрение с эмпирическим естествознанием. (И приводит в собственном переводе, который я цитировал, стихотворение в прозе «Природа», считая, что оно принадлежит Гёте.) Рядом с «поэтом-мыслителем» он называет «мыслителя-поэта» — Шеллинга. И пишет: «Он обращал философию к природе как к необходимому Дополнению, как к своему зеркалу. Торжественно было зрелище возвращающегося на землю человечества в лице передовых людей своих — в лице поэта-мыслителя и мыслителя-поэта, склонявшихся на родную грудь общей матери… Шеллинг, как Вергилий Данте, только указал дорогу, но так указывает и таким перстом один гений. Шеллинг принадлежит к тем великанам и художественным натурам, которые непосредственно, инстинктуально, вдохновенно овладевают истиной… Шеллинг — vates науки».

ГЛАВА 12. ОБВИНЕНИЕ «„ОПРАВДАНИИ НАЦИЗМА“»

Вы имели возможность прочитать предыдущие 11 глав книги.

Скорее всего это Первая Часть книги о Полотне, которую я теперь буду писать до конца жизни. Ведь очевидно недолго мне осталось.

Психбольница из Заговора Спецслужб против Великого Открытия ПЭ и Научной Революции Энергетика, обвинила меня в «ОПРАВДАНИИ НАЦИЗМА».

Я сделала следующие посты в этой связи на Фейсбук, 20 марта 2026 года.

В. Шендерович, который давно вменил себе в обязанность преследование Автора Научной Революции Энергетика как известно (мне неизвестно с какой долей поддержки спецслужб Израиля) сообщил следующее в посте от 20 марта 2026, после публикации 11 главы моей книги Полотно Истории. Я вынесла фото этого поста на обложку книги.

«„"""""""""""""""""""„Чукчу приговорили к двум годам лишения свободы за реабилитацию нацизма. И это не анекдот.
См. Медиазону в первом комменте.“"""""""""""""""""""""""""""""""""""""“»

Можно не сомневаться что это не анекдот. Позорный Скунц и Психбольница Заговора во главе с Трампом и его помощниками-убийцами пожилых продюсеров вполне могут дать официальное обвинение «Чукче». (Шендерович не удостоил представителя такого «неизбранного» народа назвать по имени).

Но мне — Автору Великого Открытия — самое большее это вынесут приговор на имя «чукчи» на странице Шендеровича.

Но убивать будут по настоящему, не сомневайтесь. В том то и штука, что отсутствие официального приговора дает возможность убить вас как собаку, без возможности защиты или какой-то гласности в отношении страшных преступлений против вас.

Что же посмотрим, насколько хорошо защищены сами анонимные преследователи, которые считают что нашли универсальны способ безнаказанно надругаться над людьми.

Посмотрим насколько негласной останется вся эта история с негодяйской травлей Автора Открытия.

//

Действительно, Резкой и бескомпромиссной Критике в Открытие ПЭ, в Научной Революции Энергетика подверглась Дарвиновская парадигма, основанная на Английском эмпиризме (Гоббс, Юм, Дарвин, Геккель и др) и Немецком идеализме (Кант, Фихте, Гегель, Ницше).

А также фарисейство изначальное, с котором боролись Христос и пророки, и фарисейство последующих христианских церквей, деградировавших в магические культы ритуалов вместо «чистого культа нравственности, основанного на чистоте сердца» как говорит Христос.

То есть иными словами то что в гуманистической психологии называется психотерапией очищения поля здоровой энергии (истинного я) от поля Эгосистемы материальной энергии (ложного Эго).

Толстой в этой связи называет в Четырех Евангелиях фарисеями Православную церковь, Лютер и протестанты говорили о фарисействе Папства, а Честертон говорит о фарисействе английской аристократии в Что не так с миром».

Таким обрпзом дав такую серьезную критику предмету национальной гордости этих стран, я старалась показать, что истинная сила этих великих народов вовсе не в этом обманчивом тщеславии — не в дарвиновской парадигме, не в немецком идеализме, не в православии, не в фарисействе Папства периода Борджиев.

А в Истинной Науке этих народов, чьих великих людей и религиозных гениев я тщательно цитировала, и чей вклад в Открытие добросовестно подчеркивала.

В этой последней книге, где я рассказала о Полотне Истории Священной Войны Добра и Зла, а также о шизоидности незрелого интеллекта переходного периода (впервые я дала графические схемы, завершив таким образом Научные Формулы Открытия!), я также специально подчеркнула роль Великих Немецких мыслителей.

Именно потому что эта культура стала одним из центральных об'ектов критики в Открытии ПЭ.

Я подчеркнула, что поистине великие мыслители Германии, — Генрих Манн, Ясперс, Лессинг, Шеллинг, Швейцер — сами сурово критиковали романтизм и суб'ективизм немецкого идеадизма.

В 10 главе о сатанизме Сада, я сравнительные привела цитаты Дарвина, Сада, Гитлера, Ницше из своей книги 2013 года, чтобы показать, источники сатанизма Века Дьявола 20 века в Дарвиновской парадигме!

И как в случае с истинно великими людьми Профетизма, Англии, России, Великих Отцов Церкви Католицизма, о которых много сказано в книге Война Церкви и Государства — указада истинно великих мыслителей Германии и их вклад в Откоытие ПЭ!

Союзные Войска долбоебов Заговора спецслужб не замедлили обвинить меня в «ОПРАВДАНИИ НАЦИЗМА».

Проклятые слабоумные, у меня больше нет сил полемизировать с дебилами.

Читайте пожалуйста сами.

Это те нации, которых явно затронула Критика Научной Революции Энергетика.

Вроде бы все.

Есди вдруг Франция заявит, что я нанесла невосполнимый удар их национальной чести критикой «сочинений» маркиза Сада, назвав их тем что они есть — историй болезни маньяка — то

мне есть что отаетить национальному достоинству и этого великого народа.

Я указада огромный вклад в Открытие Декарт, Эрнеста Ренана, Албера Камю, Симоны де Бовуар, Руссо, Ж. Бенда, Ромена Роллана, О. Конта, Ж. Прудона и др.

О Великих Отцах католической церкви, о великой Революции Папства 11 века, подчинившей сатанизм царей Естественному праву церкви рассказано в книге Война Церкви и Государства. Ведь и Папство пришлось много критиковать за фарисейство (в том числе цитатами из Волшебной горы Томаса Манна).

//

Это мой пост от 27 Января, где я об'ясняю Великой Британской Империи, что обзывать Автора Великого Открытия «пекарем» (baker) только за то, что Он Создал Великую Новую Теоретическую Систему не к лицу такой Великой державе.

И что если они переживают, что мне пришлось из чувства Справедливости написать книгу о гибели Принцессы Дианы — они сами меня вынудили, помогая Скунцу меня жестоко травить — так в книге нет ни слова неправды, и она полностью основана на книгах Андре Мортон, Принца Гарри, и Воспоминаниях Дианы что она оставила Мортону. И я никогда не претендовала на какие либо права на эту книгу в смысле распространения или коммерческих доходов. Я просто выполнила свой долг честного человека, когда Принц Гарри с его глубоким горем в его мемуарах пришел на мою страницу (я публиковала переписку).

Дальше я пишу об Огромном вкладе в Открытие ПЭ Великих Английских Мыслителей, чтобы уверить английское правительство, что Открытие ни в коей мере не умаляет Достоинства Английской Нации, на что они постоянно намекали.

Хотя да, Дарвиновская парадигма — истинная беда нашего времени, и уже в книге 2013 года Дорога в рай или Плюс моего Минуса, я привела подробные цитаты из Дарвина, и двух самых

известных злодеев человечества — Сада и Гитлера — чтобы показать, что Зло произрастает из материализма и биологизма Дарвиновской парадигмы, которая оправдала физический контроль поля Эгосистемы материальной энергии. Эту часть книги я процитировала в 10 главе о сатанизме Сада в последней книге о Полотне Истории Священной Войны Добра и Зла.

От 27 февраля 2026

Is This speaking Great British Empire?? Please, read my books on Discovery once again and find there Greatest English Names as Prophets of Discovery: George Orwell, John Locke,, Shakespeare, G.K. Chesterton, A. Toynbee, H. Wells, Johnatan Swift, J. Milton, J.S.Mill, H. Spenser, Byron, Sir Walter Scott, Bertrand Russell and his daughter, Katherine Tait and some other. Please, read volumes on Discovery once again and find there Great impact on civilization of British fight for Rights of Man from Magna Carta and Simon de Monfort to Cromwell and Miltons fight for Constitution!!

Are you Constitutional Monarchy?? Or Absolute Monarchy?? In the former case you should appreciate both: high praise of English historical fight for rights of man and as well critics of those who tend to thwart this famous love of English people for freedom and their valor and persistence in pursuit if this goal. I did not forget to bring quotes on valor of English soldiers in French-Russian Resistance, as well as American from Gazdanov report.

Political forms of social freedom is up solely to the nation. And nation with such many Prophets of Natural law of Honor of Conscience would not feel reluctant to abide by this law. For the subject matter of Debates on Discovery is International Institution of Natural law, and not political forms of concrete countries.

As for my critics and some resentment towards Princess Diana's offenders — they kept provoking me altogether with Fascists, threatening me, and vilifying Discovery. And this Discovery will save the world from World War Three and has already saved it from Fascists!!

If Establishment of Great Britain is now concerned so much with their reputation — it surely should stop participate in Murder of Author of Discovery and extend Discovery a Helping hand — like all great Englishmen, mentioned in Discovery would do!!

Or rather, being Fascists, you hate idea, that person of Slave Race dares to bring to the world Great Discovery, and you — Your Royal Highness of Master Race are not even allowed to take credit for His Work?? And this situation with person of Slave Race being an Author of Discovery hurts sensibility of Master Race so much that they call Creator of New Theoretic System — a Baker and a Chef like their Fascist Friends, who have been sending me their cannibal kitchen all these long and horrid years of hounding me fir my Great Impact on civilization??

I do not mean to say that something wrong is with profession of a cook, i just feel outraged when Master Race use this wonderful occupation as Felon's jargon. If you have accusations against me why not to state them in normal language?? I am always happy to give report to sane men and reasonable argument.

//

В этой книге я сказала о Вкладе в Открытие ПЭ Откровения Великой Русской Литературы, как всем известно.

Антихрист Путин и Откровение Русской Классической Литературы, в 2-х томах

https://drive.google.com/file/d/1FEQPakm45XXfXvvIgaiosZMzjUUpne1T/view?usp=drivesdk[1]

https://archive.org/details/2_20240821_20240821_1129[2]

[1] https://ridero.ru/link/gG307q3sCX7POZe_wQAIP

//

Вот в этом очерке о Великих Иудейских Пророках, как о них рассказано в 10 книгах Эрнеста Ренана о Истории израильского народа (Ренана считает самым большим событием истории Революцию Профетизма этого времени, в отношении которой даже христианство только следствие), а также в остальных томах по исследованию Христианства (в том числе в Жизни Иисуса).

Однако, это великое событие истории началось с критики фарисейства, данной этими Пророками (критика магической религии обрядов вместо нравственного очищения от порока как предлагали Пророки и позже Христос).

Эта критика фарисейства данная Христом, которого Ренан называет последним из великих пророков, Филоном, которого называют автором четвертого Евангелия от Иоана, Ессеями, Спинозой, Эйнштейном.

А также многими другими, не-еврейскими источниками, как сам Ренан, Рассел, Штраус и др.

The Hebrew Prophets, Jesus and Discovery of Psychic Energy

https://archive.org/details/the-hebrew-prophets-jesus-and-the-discovery-of-psychic-energy-ch-12[3]

https://drive.google.com/file/d/1sDLTSL7JueKJXTIAlYcrLba8Xg6DxySw/view?usp=sharing[4]

//

[2] https://ridero.ru/link/-vQS8G1MfMpd_Ho3RwcMl

[3] https://ridero.ru/link/5oekXlmZKi-81a7vcZ6ll

[4] https://ridero.ru/link/Z1RvneerlNLeWqpNutQBE

В этой книге рассказано о Великих Отцах католической Церкви, и о решающем для мировой истории значении победы папской революции 11-го века.

О. Конт, великий французский мыслитель, страдавший шизоидным расщеплением сознания как многие великие ученые эпохи незрелого интеллекта, в этой связи говорит о Вечной Славе Католицизма.

Ведь фарисейство современного папства тоже подверглось критике.

Война Церкви и Государства. Исторический Иисус
https://archive.org/details/14_20250410_202504[1]

//

Что я обратилась, на своей странице Фейсбук, публично в Евросоюз, с тем чтобы они Сказали Общественности об Открытии и о том, что режим Скунца Зверски Замучил Великого Ученого — тому свидетельство вот эта публикация

От 1 марта 2026

WE OWE SOLZHENITZYN TO KHRUSCHEV,

Putin's regime would kill the Saint.

Happy end of Solzhenitzyn struggling in Stalin's GULAG has been provided by another great man — Khruschev, who had given permission to publish Solzhenitzyn's writings ad exposure of horrors of Soviet GULAG

This great role of Khruschev as Revolutionary is being somehow always omitted. Everyone knows that modern master race Putin's regime hates guts of all of them, the second wave of Russian Revolution- Khruschev, Solzhenitzyn, Gorbachev. They call them traitors of Power Party of Soviet Union.

[1] https://ridero.ru/link/MqcvDTfFHvcof3u801dHf

But it was Khruschev permission to publish Solzhenitzyn which made arrest of Solzhenitzyn impossible later, when Khruschev could not help him any longer. For Solzhenitzyn's works immediately gained him world wide fame. Soviet Power Party had to propose to him to leave country, and this was chance for Saint to survive and to save his genius writings for mankind.

It was great Heinrich Boll who had received him for first few weeks of his deportation. Solzhenitzyn has said many warm words on German culture, on Schiller and Goethe being his favorite authors and on music classics, he could not not imagine his life without. Later he moved to USA to deliver his famous speech in Harvard University on Evil's of commercial society as «consumer society» (Fromm).

It was just critics of material energy eating up West in «business — money» relations, emasculated from energy of spirit, as it is eating up Soviet Union in Leviathan of Power Party as it is described in Orwell's «1984». У нас партийный базар, у вас коммерческий базар», he said.

Solzhenitzyn's report on his time spent in immigration, 1974—1994, was entitled as

«The grain between two Millstones».

His critical position on limitations of «consumer society», founded as Soviet society on dominance of economics, did not please everyone.

For my part, I share with Solzhenitzyn his sympathy to brilliant German writer Heinrich Boll. Particularly, his «Jest's Views» always remained among best classics. As Selinger's The catcher in the rye.

Ну что же, теперь можно сказать со всей уверенностью что Внешняя Разведка Германии присоединилась к Заговору Спец-служб против Открытия

//

Завтра, 21.03.2026 одиннадцатая годовщина, как режим Путина нагло и цинично на глазах у всего мира сломал позвоночник автору Научной Революции Энергетика!

Не с пустыми руками я подошла к одиннадцатой годовщине тяжелого мученичества в инвалидном кресле.

Моя последняя книга добавляет два важнейших элементов к Открытию:

1) Полотно Истории Священной Войны Добра и Зла, как центральный институт здорового общества;

2) Схемы нормального физического контроля (Садомазохизм)

и сломанного физического контроля (Романтизм, шизоидность)

С добавлением этих важнейших элементов я могу сказать с гордостью, что ставлю точку в Теории Открытия ПЭ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

GOSPEL ON TESLA'S RAPE

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я, Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили, Божий Ангел, Ученый, который принес людям величайшее из знаний в условиях самого радикального мученичества.

Я берусь рассказать в этой последней из книг, что я оставляю людям со своей гибелью, о Мученичестве Теслы, чей Божий Дух, со всей искренностью и самоотдачей служивший Господу и детям его, был поруган Сатанами.

Я утверждаю этим последним своим произведением, что есть Господь, что правит Вселенной. Что это доказано законами природы, которые дают людям доступ к силе природных энергий через Научный Контроль!

Что Люди действительно дети Господа! Что сказанное в Священных Писаниях о том, что Человек родился от Святого Духа есть правда! Ибо Господь наш — есть Бог-Интеллект. А Божий Дух в людях — есть Поле Интеллекта, страсть к познанию между Активным полюсом Интеллекта (Мышление) и Пассивным полюсом Интеллекта (законы энергий природы, заложенные в основу Вселенной Господом).

Я утверждаю, что Божий Дух человека уже на земле пребывает в Пространстве-Времени Интеллекта в то время, когда его тело (биологическая материальная энергия) и его поле Эгосистемы (психическая материальная энергия) пребывают в Пространстве-времени физики, открытом Эйнштейном!

Я утверждаю, что религия Отца Небесного, принесенная на землю Иисусом и его предтечами пророками — есть истинная религия универсального Бога всего человечества!

Я утверждаю, что мы, люди, воистину дети Господа, ибо Господь открыл нам свое Пространство-Время и сделал нас там почетными гостями, вручив нам ключи доступа к его Вселенной — к космической силе его материальных энергий! Ибо господь на-

градил нас Активным Интеллектом (Мышлением), которого нет у других энергий природы. И сделав так, Господь дал нам ключи от Пространства-Времени Интеллекта, назначив нас, как верно говорит Писание, повелителями мира материальных энергий! Научный контроль может и должен видеть законы природы, установленные Господом!

Я утверждаю, что Господь пошел в своей милости к людям еще дальше, и помимо доступа в Свой Дом Пространства-Времени Интеллекта, он дал нам еще и Церковь Дружбы единого Я Божьего Духа человечества!

Что милость этой Благодати Так Велика, что только Отец Небесный мог нам ее пожаловать! Ибо энергия Духа одного человека есть уже сама по себе уникальная Благодать Активного Интеллекта (Мышления), а Церковь Дружбы всего здорового от материальной энергии человечества — это умноженная на миллионы членов сообщества Благодать Божьей Энергии Индивида!

Глупцы скажут вам, что низко и подло дружить со всяким сбродом, и что по этой причине не может быть никакой церкви дружбы и им противна сама мысль о ней. Однако, напомните глупцам, что не Маркса и Энгельса читают они, которые проповедовали единство всех в Экономике! Что читают они Откровение Ангела Божьего, что Дал Научные Схемы Психики с врагом-паразитом материальной энергии и Без врага-паразита здоровую энергию Духа! И скажите им что мы говорим о Единстве в Церкви Дружбы Здоровой от поля Эгосистемы Церкви Дружбы! И скажите им, что весь знает этих чистых гениев Духа как величайших гениев, на который стоит вся мировая цивилизация! И что каждый человек был бы безмерно счастлив представить себя Церковью Дружбы с этими лучшими из людей! А ведь Откровение Открытия сделает такими же чистыми гениями всех людей следующих поколений!

Я утверждаю, что Божий Дух в человеке бессмертен, ибо уже на земле входит в Пространство-Время Господа, в Пространство-Время Интеллекта!

Я утверждаю, что люди, которые в своем свинячьем корыте материальной энергии обнаглели настолько, что прямо поклоняются Сатане, и открыто вознесли себя над Господом — совершили смертный грех Хулы на Духа Святого. Что люди эти специально охотятся на невинных людей с чистым Божьим Духом, и пожирают их святые души, чтобы утвердить свое могущество над Господом. Я утверждаю, что Господь видит этот страшный грех, и ответит в свое время.

Я, Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили, — Божий Ангел, что принес Откровение Великого Открытия законов психической энергии в людях! Я утверждаю, что как гигантские масштабы проделанной мной работы, как глубина инсайта в сущность процессов психики, как силы преодолеть психоз, так и силы перенести столь страшное мученичество — не могли быть у человека без Помощи и Благословения Господа! Я утверждаю, что Открытие, которое я принесла людям, не могло быть сделано человеком, но только Господом через посредство человека! Никола Тесла 9 и Альберт Эйнштейн) говорил, что он только приемник, который принимает мысли Бога и передает их людям! Это и значит быть Ангелом Божьим!

Я утверждаю, что со времени 15 лет, после психоза, разрушившего все мои возможности обычной личной жизни среднего человека, моя жизнь была поставлена на службу Господу с тем, чтобы в страшном мученичестве психоза, наблюдая развал собственной психики, я смогла зафиксировать внутренние закономерности функционирования психической энергии и передать их людям!

Я благодарю Господа за это мученичество, и с готовностью и смирением признаю себя инструментом в руках Господа в той миссии, что он мне поручил.

И я проклиная Сатанов мертвой совести и мертвой мысли, которые значительно усугубили мое мученичество, сломав мне позвоночник в 2015 году, заперев меня на три ночи и три дня в доме ужасов в психбольницы, разрывая мне сердце издевательствами над невинными людьми только за то, что Господь им

дал быть моими родственниками, и заставив меня выполнять немыслимую по тяжести интеллектуальную работы под постоянной угрозой жизни и чести мне и моим близким!

Я проклинаю Сатанов, которые помимо всего вышеперечисленного, надругались над Честью Божьего Духа, когда поставили вопросом Принципа Сатанов доказать всему миру, что нет на свете Живой Совести Божьего Духа, что нет на свете Церкви Дружбы здоровой энергии духа человечества, что нет Господа, что установил законы Вселенной, и что их свинячья воля Сатанов превыше воли Господа, превыше законов науки, превыше Совести человечества, превыше Церкви Дружбы единого здорового человечества!

И я утверждаю, что как бы свинячья подлость Сатанов не разделалась со мной, с Ангелом Божьим, за правду в Научных Формулах психической энергии, что я принесла людям, Господь ответит им так, что ни у кого больше не останется сомнений ни бессмертии души божьих людей, ни в мертвенности подлых сатанов, что умерли еще при жизни!

Сим Предисловием начинаю я последний из томов, написанных в глубокой бездне моего мученичества, куда ввергли меня проклятые во веки веков Сатаны. Часть Вторая Полотна Истории Священной Войны Добра и Зла.

ГЛАВА 13. ЯДЕРНЫЙ ГРИБ САТАНОВ. ЗАГОВОР СПЕЦСЛУЖБ И ПАЛАЧИ ТЕСЛЫ, АВТОРА ОТКРЫТИЯ

1. ЗАГОВОР СПЕЦСЛУЖБ ЯДЕРНОГО ГРИБА САТАНОВ. ИМЕНА МОИХ ПАЛАЧЕЙ, КОТОРЫЕ МНЕ ИЗВЕСТНЫ

Открытие ПЭ, которое стало моей Миссией, в конечном итоге позволило мне увидеть страшную картину современной действительности. Человечество вплотную подошло к пропасти, в которой должны были исчезнуть все 15 -20 тысячелетнего становления, и особенно последние пять тысяч лет его сознательного становления, что дались особенно трудно.

Все наше общество скрыто под шапкой Ядовитого Гриба Победившей Материальной энергии в лице Сатан-Эго — Верхней Эгозащиты Расы Господ.

Почему оказалось возможным, что в век, когда логическое мышление людей уже зрелое, когда научных знаний (законов природы) достаточно, чтобы люди контролировали силу с десяток материальных энергий — рассказано много раз в книгах о Теории ПЭ. Потому что, как отмечают многие ученые, на сегодняшний день существует глубокая пропасть между знаниями в области материальных энергий (физические, естественные науки) и знаниями в области психической энергии человека. Ученые говорят об этой проблеме как наличия знания о мире против отсутствия знания о самих себе и обществе.

На самом деле проблема еще сложнее. Помимо того, что не было знаний о Законах Психической Энергии (это и есть исчерпывающее знание о самих себе и об обществе), в тоже вре-

мя наличествовало огромное количество лже-информации, псевдонауки с Дарвиновской парадигмой во главе.

И конечно, это привело к Слому Научного контроля в обществе. Люди сегодня имеют некоторый настоящий научный контроль материальных энергий, т.е. то, что нам известно как физика, химия, биохимия, медицина. Однако, все это несметное богатство контроля силы материальных энергий, как правильно заметил Джордж Оруээл, в конечном итоге становится только предметом для бессмысленного распыления в ходе идиотских варварских войн, больших и маленьких между людьми. Вот почему цены высокие! Вот почему нормальные люди, ниже Ядовитого Гриба Сатанов, — нищие. Потому что Отсутствие Научного контроля в обществе, убивает основу жизни и здоровье человечества, его духовную энергию, и ставит Научный контроль материальных энергий на службу Сатан-Эго идиотов! А вовсе не потому, что мощи Научного контроля человечества не хватает, чтобы обеспечить всем безбедное существование.

Не хватает другого — Наличия Научного контроля в обществе! Наличия Научного контроля Психической энергии человечества.

В итоге Сатан-Эго материальной энергии оказалось победителем над Божьим духом Научной Энергии человечества! Ибо теперь не только слабость энергии духа из-за отсутствия научного контроля помогала им, но и сила научного контроля в области материальных энергий (техника) была поставлена на службу Сатанам! Об этом с особым акцентом говорят Оруэлл и Бертран Рассел в «Воздействие науки на общество» — что техника в руках Сатанов сделает жизнь нормальных людей совершенно невозможной. Рассел называет Сатанов просто «глупыми людьми» (stupid people).

Говорят, Господь присылает Ангелов когда становится совсем плохо, потому что без вмешательства Господа людям не справится с ситуацией. Судите сами, Открытие ПЭ пришло именно в момент, когда Землю закрыл Ядовитый Гриб Сатанов — все или почти все ключевые места в политических

и других общественных элитах заняли люди Верхней Эгозащиты Притяжения Самолюбия, то есть люди с мертвой мыслью и мертвой совестью энергии духа. Именно эти люди исторически во всех эпохах и во всех культурах проявляли себя как концентрированное зло, как Раса Господ, пожирающая все невинное, божеское и человеческое на своем пути. И вот в современном мире, гордым Научно-технической революцией, побеждает Варварство материальной энергии, и вооружается при этом предметом гордости цивилизованных людей — их техникой которую они направляют против изобретателей техники, против мыслящих людей.

Поэтому никто не станет удивляться, что когда Открытие ПЭ, которое разоблачает Ядерный Гриб Сатанов, душащих планету своими ядовитыми испарениями, явилось, ряды Сатанов, которые во всем остальном продолжают вести «вечные войны» Оруэлла между собой, вдруг плотно сомкнулись чтобы встретить смертельную опасность!

Единственный способ для нас, нормальных людей с живой еще энергией духа, победить эту нечисть — это доказать научно законы Психической Энергии. И никакой трудности сделать это у нас не возникло бы, поскольку наша цивилизация располагает огромным множеством научных институтов. Достаточно было бы просто рассмотреть вопрос открыто, публично, всенародно, с доступом к научным дебатам всех компетентных людей, и все было решено быстро, разумно, вменяемо, ко всеобщему удовлетворению. Если Научное Открытие, которое будоражит умы целого мира действительно имеет место быть — научные институты и дебаты в масштабах всего заинтересованного мира очень бысто бы это подтвердили. Если это только гипотеза, или же явная псевдонаука, опять таки открытые публичные дебаты в научных институтах очень быстро и просто это доказали бы.

Однако, Ядерный Гриб Сатанов, который представляет сегодня политические элиты, распространил свои метастазы и на образовательные элиты, как вы можете убедиться. Конечно, люди боятся убийц в погонах, убийц в правительствах, к услугам кото-

рых целые национальные армии, чтобы уничтожать граждан — да, да, как в Гитлеровской Германии, в Северной Кореи, в России, или в Америке! Однако, даже в Гитлеровской Германии такого позора, как мы знаем не случилось! Мы знаем что двести пятьдесят деятелей культуры Германии, и среди них Эрих Ремарк, Генрих и Томас манн, оба Цвейга, Фейхтвангер и Эйнштейн и многие многие другие покинули Германию, заявив свой самый ярый протест против режима Расы Господ! Мы знаем что сотни честных, выдающихся людей погибли смертью мучеников, как сестра Эриха Ремарка, как христианские пасторы, о которых сообщает Генрих Манн.

Мы знаем, что в Раса Господ Царского Самодержавия в России тоже не смогла заткнуть ртов выдающимся людям энергии духа своего времени, среди которых громкие имена Герцена, Чернышевского, Кропоткина, Огарева, Белинского, и многих других упомянутых в канонической теперь уже книге Герцена «Былое и Время». Не говоря уже об иконах российской интеллигенции — о столпах ее литературы. Мы знаем, что в советское время, палачи сталинизма не смогли заткнуть ртов советским диссидентам, что Хрущев, как Петр Первый, смог стать революционером на самом верху власти, и дать мировой микрофон голосу политзэка — голосу Солженицына! Мы знаем, что во времена «маккартизма» в Америке, нашлось много смелых людей, которые не были запуганы террором правительства, и героически боролись с ним. Что во времена вьетнамской войны, половина населения США подняла открытый бунт против своего правительства, чтобы остановить колониальную войну, и во главе бунта были образовательные институты и интеллигенция Америки!

Что же случилось сегодня, что замолчали абсолютно все — все те, кто не побоялся в свое время выступить против Расы Господ в Германии, в Царской России, в Советской России, против Расы Господ в Америке!

Случилось именно то, что не один только страх останавливает современные образовательные институты, современные СМИ

рассказать людям о страшной истории зверски замученного и затоптанного в грязь Авторы Выдающегося Открытия, которое спасет мир как минимум от войн! А тот факт, что Ядерный Гриб Сатанов, путем отрицательного отбора, проник ВО ВСЕ ЭЛИТЫ ОБЩЕСТВА, в том числе в образовательные и в медийные элиты общества. И именно так Сатанам сегодня удается так долго удерживать контроль всех уровней власти и затыкать всем рот! У меня нет сомнений, что в американских университетах очень много достойнейших прекрасных людей, которые либо не знают о ситуации (потому что им не дают узнать!), либо знают и не видят как они могли бы в одиночку что либо поменять. Возможно даже, что кто то пытался высказаться в защиту Открытия, и его назидательно сместили с места, чтобы другим не повадно было! В любом случае, на ключевых местах они будут держать не тех, кто достоин, а тех кто им удобен! Негодяй Путин в интервью Оливер Стоуну назвал это Решаемой Проблемой Кадров — подбери послушные кадры и все вопросы решены! Запугай тех, кто смеет мыслить и говорить о правде, совести и чести! Нанимай тех, кто знает что такое подчинение сильному!

Это и есть реальность Ядерного Гриба Сатанов, где нет просвета для совести и правды нормальных людей, где все закрыто смрадом физического контроля Садомазохизма поля Эгосистемы.

Во всех своих многократных отчетах о нападении на меня как на Автора Открытия ПЭ, особенно со времени второго нападения в 2022 году (в первый раз режим Путина сломал мне позвоночник в 2025 году), я сообщала о Заговоре Спецслужб России, Америки, Израиля, Ватикана, Англии. Довольно часто я прибавляла к этому списку Францию. Дважды сделала предположение о двух других странах — Южной Корее, когда у меня хакерской атакой через Обновление программ отобрали дорогой телефон Галакси, и Германии, когда меня вздумали обвинить в «оправдании нацизма». Но об этих двух последних единичных обвинениях я не буду говорить здесь — у меня недостаточно информации.

Однако, я продолжаю настаивать на Заговоре Спецслужб России, Америки, Израиля, Ватикана, Англии и Франции против Открытия ПЭ и Научной Революции Энергетика.

Более того, я буду говорить о нападении на меня, на Автора Открытия, которое ляжет в основу цивилизации всего здорового человечества, — конкретных людей, чьи имена вам тоже хорошо знакомы. Ведь все это время мне приходилось делать множество постов, делать множество рассылок, писать целые сочинения, чтобы защитить себя от нападок этих людей.

Прежде всего, это режим Путина, и сам Владимир Путин, который как главный Сатана страны дал команду «фас» против Автора Открытия, которое уничтожает власть Сатанов. Далее Алан Огоев, с которого началось преследование меня как Автора Открытия, и которого режим Путина полностью прикрыл, поощряя и оправдывая все его преступления. Королевство Британии и Президенты Америки, которые руководят процессом на Западе. В 2015 году режим Путина сломал мне спину и навсегда сделал калекой в инвалидном кресле. В 2022 году на меня вновь напали соединенными усилиями России и Запада. С 2015 года сменились три президента Америки: Барак Обама, Джо Байден и Дональд Трамп. С 2022 года, времени второго нападения на меня, в Королевстве Британии место Елизаветы Второй занял Карл Третий, а в Америке правили Джон Байден и Дональд Трамп. И надо сказать, что последние два года были особенно тяжелыми, хотя в продолжении всего этого времени на меня упорно продолжали оказывать систематическое давление и Россия и ее западные союзники по Заговору Спецслужб против Открытия.

Ну и дальше по списку, Stephane Frappat, Iconomas Koullias, Marco Rubio, Oliver Stone and Peter Kuznick, Prince Harry and Ilon Mask, Виктор Шендерович во главе российских евреев (Петр Межурицкий, Елена Дунаевская, Игорь Иртеньев и др).

Из конкретных имен мне больше никто неизвестен, хотя наверняка десятки офицеров секретных служб все это время пили мою кровь.

2. ЯДЕРНЫЙ ГРИБ САТАНОВ — КАК МАГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ ВАРВАРОВ

Тот факт, что Ядерный Гриб Сатанов, окутавший политические элиты мира, категорически запретил научные дебаты об Открытии ПЭ говорит, о том, что серьезность этого научного проекта не подвергается ни малейшему сомнению.

Этот факт также говорит о том, что больше нет того, что Э. Фромм называет Рациональными Авторитетами, и противопоставляет Магическим иррациональным Авторитетам («Человек для себя»).

Политические элита перестали быть тем, чем они являются в Разумных демократических западных обществах, и стали тем, чем они всегда являлись в Левиафанах Садомазохизма магического сознания варваров. Они перестали быть функционерами, институтами, решающими рациональные задачи общества в интересах общества, и стали Магическими Авторитетами, повергающими общество ниц с целью его растоптать.

Вот почему, одной из задач победившего Ядерного Гриба Сатанов является — Вытеснение всех настоящих мыслящих совестливых людей из политических элит. Вытеснение Рациональных Авторитетов! Потому что их задача — Оставить только Магические Авторитеты Сатанов — и тем самым обеспечить этой Магии ее Всесилие! Ведь единственное препятствие на пути у Сатанов — это мыслящие люди энергии духа. Но пока они внизу, Сатанам очень просто с ними разделаться. Если же они поднимаются к ним, в их Ядерный Гриб, на самый верх, в политические элиты, где их голос слышит вся планета — это легко может положить конец Магии Всесилия Сатанов. Ибо да, магическое сознание варваров, превратило современную политику в Магию Сатанизма. И об этом я буду говорить на протяжении всего этого тома.

Вот почему Сатанам так важно не допустить Научных Дебатов об Открытии! Потому что человек такой силы и чистоты энергии духа, такой мысли и совести энергии духа, как Тесла,

автор Открытия, никак не может быть вовлечен в магию Сатанизма их политических элит. А они вытесняют все мыслящее, все живое, все совестливое и рациональное из этих элит. Им интересна только Магия Сатанизма их варварского аборигенского сознания. Докажут дебаты истинность Открытия или поставят под сомнение — уже очевидно, что действующей научной парадигме брошен вызов, который рано или поздно ее подорвет. А значит любые дебаты на тему уже дают Автору место среди «мировой элиты».

Главное что я стараюсь довести до сознания общественности — это абсолютную категорическую разницу в понимании «мировой элиты» у людей нормальных, и у варварского сознания Сатанов. Для первых «элиты» — это какие то достижения в какой то сфере, которые были настолько полезны обществу, что выдвинули человека служить всему обществу. Это то, что Фромм называет «Рациональными авторитетами» западной цивилизации. Для вторых, «элиты» — это «Магия» наподобие Тотемов у дикарей, которые поклонялись силам природы, потому что видели их через СуперЭго поля Эгосистемы. Для Сатанов, политические вершины, как и «деньги» — это Магия Тотемов «силы общества», и они не хотят делится этой силой ни с кем. Они хотят оставаться всесильными колдунами, которые распоряжаются этой «силой» как им заблагорассудится. Они вытеснят настоящую элиту, мыслящих, здравых людей из кругов своего Ядерного Гриба.

Вольтер, «Орлеанская девственница»:

> «Как много колдунов на этом свете!
> Я о колдуньях уж не говорю.
> Хоть юности я миновал зарю,
> Желаний цепи, увлечений сети,
> Но иногда к обману, точно дети,
> Склоняются и зрелые умы,
> Особенно, когда наш совратитель —
> В одеждах пышных мощный повелитель.
> Он, вознеся, свергает в бездну тьмы,
> Где горечь пьем и смерть находим мы.

> Остерегайтесь сталкиваться с силой,
> Какой владеют эти ведуны. ....
> По моему, полезнее вождям
> Уменье очаровывать невежду:
> Облечь себя в священную одежду
> И ею ослеплять глаза врагам.
> .... За Зевсовых сходили сыновей:
> И перед ними чередой смиренной
> Клонились в прах властители вселенной,
> На них взирая робко издали»

В Главе пятой, первой части этой книги «Полотно Истории» я привела много цитат на тему варварского магического сознания людей, который всегда позиционируют себя как Раса Господ на планете: то есть людей с активной материальной энергией Верхней Эгозащиты Притяжения Самолюбия.

Там я подробно рассказала о том, что подавляющая часть современного крупного бизнеса (но не все конечно!) — это новая разновидность Расы Господ, которые превратили Финансы в «магию сверхъестественных сил» поля Эгосистемы. Другими словами, целью их финансовой активности, является, как говорит Стенли Бинг, не производство и выживание, а просто Расширение Своего Эго, своей власти, своего доминирования, своего тщеславия. И в этой связи Честертон называет финансовые игры магнатов «Романтикой Сказочной страны Финансов», а Рассел говорит о «религии успеха бизнесменов» и о том, что они «подобно индийской вдове» терпят трудности своей доли с вдохновением идолопоклонников.

Я привела там цитаты из Дюркгейма, исследовавшего Магическое Сознание Тотемизма дикарей, и доказавшего, что Магические Авторитеты современности имеют такое же происхождение, как магические авторитеты Тотемизма Дикарей. Это некая способность сознания воспринимать мир как количественную абстракцию силы, и поклонятся тем предметам и людям внешнего мира, которые предстают как самая большая доля этой абстрактной силы, говорит Дюркгейм (общий смысл).

Мы сегодня, после Открытия законов ПЭ, можем сказать более конкретно. Это система Физического контроля поля Эгосистемы материальной энергии, которая дает искаженную информацию о мире через чувственные образы поля Эгосистемы: Сила СуперЭго (внешний мир) против Силы Эго (образ Я, себя). Таким образом, Дюркгейм, подтверждает что Тотемизм дикарей, которые видели Природу через поле Эгосистемы и потому поклонялись ей, делали идолов из растений, животных, стихий — это просто активность поля Эгосистемы материальной энергии. Сегодня люди воспринимают природу Научно, знают законы физики, химии, биологии, геологии, географии — и потому перестали поклоняться природе, делать из нее идолов и тотемы.

Однако, люди по прежнему ничего не знают о своем собственном обществе, и теперь они воспринимаю через поле Эгосистемы –таких же людей как они сами. Они видят людей как «сверхъестественные силы» поля Эгосистемы — то есть как количественную абстракцию силы в противостоянии Эго и СуперЭго. Ничего волшебного в этих силах нет, хотя они в самом деле «неестественны» потому что в природе их не существует — это искажение физического контроля чувственной информации о мире и о себе как о двух враждующих силах.

Поэтому люди малообразованные видят других людей через поле Эгосистемы как Магические Авторитеты. Так как аборигены видели луну и солнце, животных и растениях и делали из них тотемы — идолы. Современные люди делают Идолы и тотемы из людей — из тех кто входит через поле Эгосистемы как магический Авторитет, как «Сила», угрожающая «Эго».

Постольку поскольку Сатаны Ядерного Гриба — первые кто относится к малообразованным людям нашего времени, с их мертвой мыслью и мертвой совестью, то они первые кто видят верхи социальной лестницы как Магические Авторитеты, как Загрузки СуперЭго — ведь физический контроль все, что у них осталось. Они ничего не знают о Рациональных Авторитетах, то есть о рациональном научном контроле политических и общественных институтов общества для общества. Но они видят Ма-

гию Власти и Денег, как стремления Тщеславия Физического контроля, и живут этой Романтикой и для этой Романтики.

Чтобы было понятно, надо сравнить Магическое сознание варваров Ядерного Гриба с научным сознанием истинной элиты человечества Пространства-времени Интеллекта.

Рассел пишет в «Борьбе за счастье» (смотрите пятую главу первой части), что «подобно индийской вдове» бизнесмены в своем идолопоклонстве деньгам, радостно переносят мучения. Действительно есть что сказать о неудобствах идолопоклонников. Достаточно вспомнить Миф о Пещере Платона, где Платон сравнивает магическое сознание варваров с запертыми в темной подземной пещере людьми, которые ничего не знают о свете солнца и о реальных вещах божьего мира, а видят только тени в пещере, которые отбрасывает пламя факела. В этой метафоре сказано все, что потом, начиная с Фрейда, развили уже те, кто превзошел своего учителя: гуманистическая психология К. Юнга, Э. Фромма, А. Маслоу, К. Хорни, Г. Олпорта, К. Роджерса и др.

Они рассказали о том, что Ложное Эго магического сознания — это источник всех болезней и пороков психики. И о тех неудобствах Ложного Эго (поле Эгосистемы материальной энергии), о которых говорит Платон. Это отсутствие света, кислорода, тепла в душном темном подземелье.

Действительно, из чистого пронзительного позитива эмоций энергии духа — поле Эгосиистемы выжимает серую грязь скуки и депрессии, замешанных на Страхе Сверхъестественных сил (изначальная картина поля Эгосистемы, запускающая «голод» циклического гомеостаза садомазохизма). Об «амбивалетности» чувств «невротиков» психологи говорят со времен Фрейда (то есть о смешанных негативных и позитивных эмоциях, замешанных на страхе). Это значит нет Кислорода чистого позитива, которого так много у здоровой энергии духа. Нет Света — действительно, ведь подобно аборигенам, которые не видели правды в законах природы, а просто боялись ее как Сверхъестественную силу, они не видят правды Законов психики лю-

дей, а просто боятся их как сверхъестественную силу, как Магические Авторитеты. Нет Тепла — ведь подобно аборигенам, которые видели природу как «действие невидимых колдовских сил» вместо красоты самой природы, они не видят красоту энергии духа других людей, не видят людей, а только «невидимые силы всеобщей войны» за масками сделанными улыбками. Им совершенно недоступно Тепло Церкви Дружбы.

Наконец, и в главных, что отличает темный и душный подвал магии поля Эгосистемы от Истинной Силы Энергии Духа — это Бессмертие Пространства-Времени Интеллекта, в которое люди Научного контроля погружаются еще при жизни. Все материальные энергии природы (детерминированные энергии, те, что детерминированы законами пассивного интеллекта, но не имеют мышления активного интеллекта) –это энергии циклического гомеостаза, что движутся в кругах Неравновесия-Равновесия. Давно доказала физика, я приводила цитаты в своих книгах много раз — Вильгельма Оствальда, Э. Маха (они ссылаются на Гельма и Майерса). Для живой энергии такое движение от неравновесия к равновесию очень болезненно — это неравновесие есть чувство «голода» у животных, или «Страх сверхъестественных сил» у абориген. У современных людей с активным полем Эгосистемы этот страх сверхъестественных сил проявляется как «чувство стыда» перед магическими авторитетами, и как «голод тщеславия», — необходимость быть на высоте в глазах магических авторитетов. То что Рассел называл conventional men, и то что в психологии называется конформизмом. Даже у энергии духа есть «голод», страсть к познанию, который запускает поле Интеллекта человека.

Но отличие Энергии Духа от двух других материальных энергий человека в том, что голод к знаниям насыщаем. Человек учится и увеличивает свои знания и в конечном итоге в процессе обучения у него появляется научный контроль. И тогда он обретает Постоянный Баланс, Устойчивое Равновесие для своей Энергии, и чувство голода (боль, дефицит) перестают быть его мотивацией. Теперь мотивацией становится удовольствие от работы от компе-

тентности, от красоты, уверенности, безопасности что дает взгляд человека с высоты Научного контроля. Это и называется смотреть с высоты Пространства-Времени Интеллекта, то есть видеть закономерности того на что смотришь, а не только конкретные вещи.

А. Маслоу, «Мотивация личности»:

> «Самоактуализирующиеся люди, как правило занимаются интеллектуальной деятельностью; это ученные исследователи, поэтому можно утверждать, что главное в их случае — интеллектуальная мощь. За некоторыми исключениями можно утверждать, что эти люди озабоченны базовыми проблемами и вечными вопросами, которые принято называть этическими или философскими. Такие люди существуют обычно в максимально широкой системе координат. Образно говоря, они никогда не приближаются к деревьям настолько, чтобы перестать видеть лес. Они работают с универсальными жизненными ценностями, ориентируясь на долговременные, а не сиюминутные интересы. В известном смысле всех их можно считать философами, хотя и самоучками».

Эти качества Устойчивого Равновесия, Линейного Движения, Мотивации избытка или удовольствия, Способности Роста и накопления Энергии, которых нет ни у одной материальной энергии, движимой в порочного кругу своего циклического гомеостаза равновесия-неравновесия — и есть проявления того факта, что Человек еще при жизни поднимается в бессмертное Пространство-Время Интеллекта. И дается это не молитвами и магическими ритуалами, а сосредоточенной умственной работой, дисциплиной и ответственностью в процессе образования, и главное качеством знаний. Такой подход к образованию и есть — лучшая служба Господу.

Абрахам Маслоу:

> «В любом случае психологическая жизнь личности во многих ее аспектах проживается в одном ключе, когда личность зациклена на „ликвидации дефицита", и совершенно в другом, когда она руководствуется „метамотивацией", то есть сосредоточена на самоактуализации».

Абрахам Маслоу, «Дальние рубежи человеческой природы»:

> «Трансценденция может означать вид на жительство в высшей реальности, умение говорить языком высшего Бытия, высшее постижение без срока и конца. Мы знаем трансценденцию как пиковые, предельные мгновения высшего постижения, но она может означать также спокойное и сосредоточенное познание. Человек, пере живший инсайт, великое откровение, мистический опыт, прозрение или просветление, однажды успокоится, привыкнет к новизне, к хорошему и великому, и будет от случая к случаю, по-соседски навещать познанные им райские кущи, накоротке общаясь с вечностью и бесконечностью. Он переживет изумление и потрясение и заживет спокойной и безмятежной жизнью среди платоновских идей, среди высших ценностей. Чтобы отличать предельные, эмоционально-острые переживания прозрения, высшее постижение от такого рода спокойного, величаво-божественного постижения, я буду называть последнее. Высшие переживания действительно переживаются человеком как транс. Однако свет истины навсегда остается с человеком. Человек не в состоянии, даже ес ли бы захотел, вернуться к прежней наивности, к прежнему неведению, он просто не может и впредь быть таким, каким был до озарения. Он не может постигнутое. Он не может снова стать слепым. Должен быть язык, которым можно было бы описать обыденное откровение, ежедневное прозрение, жизнь в Эдеме»

Здесь важно понимать, что речь идет не просто о качественном различии комфорта энергии духа против материальной энергии. Речь идет о разницы между смертностью энергии циклического гомеостаза, и бессмертием энергии научного контроля устойчивого равновесия. Ведь устойчивое равновесие достигается только в Пространстве-Времени Интеллекта, за счет Научного контроля, который способен видеть истину законов природы. Человек, который достиг этого состояния — это человек для которого Крест Христа стал его Царствием Небесным — ведь именно крест есть символ Пространства-Времени Интеллекта перпендикулярного к Пространству-времени материальных энергий (физики).

Совершенно противоположным образом обстоит дело с «Элитами» Ядерного Гриба Сатанов. Их отчаянное стремление «наверх», к вершинам социальной лестницы, где они на сего-

дняшний день благополучно осели, движимо никогда ненасыщаемым голодом тщеславия. Власть которой они добились в виде Садомазохизма подчинять себе волю других людей и эксплуатировать и грабить их — не дает им ничего кроме чувства мертвой машины, исправно поглощающей свои жертвы. (У Ремарка хорошо сказано в «На западном фронте без перемен»: — «словно они нажрались бетона»). Они берут разгон на достижения всех благ на вершинах лестницы, а не получают ничего кроме этого чувства мертвого бетона, которое дает поле Эгосистемы, пожравшее базовую энергию духа людей. И еще вечный зуд никогда не удовлетворимого Страха Сверхъестественных Сил Поля Эгосистемы, базового голода циклического гомеостаза поля Эгосистемы. Снять зуд этого голода можно только дезактивацией поля материальной энергии, но они движутся в противоположном направлении, усиливая это поле до абсолютной мертвенности истоков жизни — то есть мертвенность энергии духа. В конечном итоге им остается только биологическая энергия, чтобы почувствовать себя живыми — и тут они пускаются во все тяжкие. Фромм в этой связи говорит об извращенных у невротиков биологических потребностях (много раз цитировала «Человек для себя»).

В итоге, те вершины магических авторитетов, что они оккупируют ничем не отличаются от ничтожности и слабости тех «рабов», которых они так презирают, насилуя их и грабя их. И ничтожество их рабов есть лицо их собственного ничтожества — ведь нравится им это или нет, а они всего лишь две части одного и того же поля Эгосистемы материальной энергии, Самолюбие и Влюбленность Садомазохизма, Верхняя и Нижняя Эгозащита физического контроля. А у поля Эгосистемы нет ничего больше для Верхней Эгозащиты, чем для Нижней Эгозащиты кроме самообмана тех, кто чувствует себя Магическими Авторитетами. Напротив, простые люди, которые они подчиняют и превращают в своих рабов, за счет меньшей активности поля Эгосистемы на Нижней Эгозащите (Милграм-Эго) остаются намного здоровее их. Как сильно это чувствуешь, когда читаешь мемуары Вирджи-

нии Джуффре — психическое здоровье этой загнанной в угол и превращенной рабыню и проститутку женщины, сумевшей подняться до борьбы с всесильными Сатанами ее времени, действительно абсолютно безумными.

3. ЯДЕРНЫЙ ГРИБ САТАНОВ НА ОСТРОВЕ ЭПШТЕЙНА. ИДОЛОПОКЛОНСТВО И САТАНИЗМ

Материалисты дарвиновской парадигмы толкуют о якобы «научности» своего биологизма, который сводит все поведение людей к поведению животного и его биологических потребностей, превращая Интеллект человека в «инструмент выживания и приспособления к среде»

Абрахам Маслоу:

> «Не только вся наука XIX века и ортодоксальная академическая психология не способны ничего предложить, но и основные теории мотивации, которыми руководствуется большинство людей, могут привести к депрессии и цинизму. Фрейдисты, по крайней мере в своих официальных трудах, до сих пор редукционистски трактуют все высшие человеческие ценности. Самыми глубинными и подлинными мотива ми считаются опасные и отвратительные, в то время, как высшие человеческие ценности и добродетели считаются в своей основе фальшью, иллюзией, закамуфлированными вариантами «глубинного, темного и грязного»

Однако, как объяснить такую «научность» биологизма, которая непременно всегда вытекает в Магическое сознание варваров? Как объяснить, что из «научной парадигмы» Социального дарвинизма словно по мановению волшебной палочки возникла Библия Дарвина и Церковь Сатаны Ла Вея??

С их точки зрения эти процессы также необъяснимы, как сам Дарвин признается в «Происхождении человека», что он не в силах объяснить магического сознания аборигенов своей идиотской теорией «дикаря как борца за выживание» в животном мире. Магическое сознание дикарей много чаще прямо ведет их к смерти, чем к выживанию как известно.

На самом деле, псевдонаука Дарвинизма не просто разрушила научный контроль энергии духа человечества. Она еще многократно усилила физический контроль материальной энергии людей. Ведь та «истина», что она сообщила о человеке как животном, где выживают сильнейшие в борьбе за место под солнцем — есть узаконивание цинизма физического контроля поля Эгосистемы.

Естественно, что разрушив поле Интеллекта и укрепив поле Эгосистемы Дарвиновская парадигма должна была привести людей и привела назад к магическому сознанию варваров.

Так и возникла «Библия Дарвина» и «Церковь Сатаны Ла Вея» из «откровения» Дарвиновской парадигмы.

И вот почему, Ядерный Гриб Сатанов также обречен в своем Магическом сознании на Идолопоклонство и на сатанизм, на поклонение бесам — этого требует магия поля Эгосистемы. Под «сатанизмом» здесь надо понимать не сверхъестественные силы (ибо нет ничего сверхъестественного в магическом сознании материальной энергии), а просто Идолопоклонство магического сознания Тотемам, Магическим Авторитетам. Просто глупость кривого зеркала Эгосистемы. И если люди стали злодеями, похоронив свою совесть, и обратившись за поисками «всесилия» в цинизме Садомазохизма, считая себя очень практичными и прагматичными, можно утверждать что уже очень скоро они начнут практиковать колдовские культы бесопоклонников самых примитивных дикарей. Просто потому что так устроено магическое сознание физического контроля материальной энергии.

Другим проявлением злодеев Сатан-Эго Верхней Эгозащиты является, как свидетельствуют специалисты извращение биологических потребностей, и прежде всего злоупотребление ими в силу ненасыщаемости «Невротиков» (то есть людей с активным полем Эгосистемы).

И то и другое, Ядерный Гриб Сатанов современных элит в полной мере продемонстрировал на острове Эпштейна: этом современном Холокосте, который представил пред очи людей, что на самом деле представляют собой так называемые совре-

менные элиты. Ниже я привожу выдержки из последних статей об опубликованных файлах Эпштейна, что мне удалось обнаружить в интернете.

Э. Фромм «Человек для себя»:

> «Следующий вид удовольствия, вызываемого освобождением от напряжения, но качественно отличающегося от уже описанного, имеет своим источником психическое напряжение. Человеку может казаться, что некое желание вызвано телесными нуждами, в то время как в действительности оно обусловлено иррациональными психическими потребностями. Человек может испытывать сильный голод, вызванный не нормальной физиологической потребностью организма, а психической потребностью заглушить тревогу или депрессию (хотя этим потребностям могут сопутствовать неправильные физико-химические процессы). Хорошо известно, что потребность в питье часто бывает вызвана не жаждой, а состоянием психики.
>
> Сильное сексуальное желание также может быть обусловлено не физиологическими, а психическими потребностями. Неуверенный в себе человек, обладающий настойчивой потребностью уверить самого себя в собственной ценности, показать другим, какой он неотразимый, или подчинить себе других людей, «завоевывая» их сексуально, легко будет испытывать сильные сексуальные желания и болезненное напряжение в случае их неудовлетворения. Он будет склонен считать, что силой своих желаний обязан потребностям своего тела, тогда как на самом деле эти потребности являются проявлением его психических потребностей. Невротическая сонливость представляет собой другой пример желания, которое кажется вызванным телесными причинами вроде нормальной усталости, а на самом деле бывает вызвано такими психическими причинами, как подавленная тревожность, страх или раздражение. Эти желания похожи на нормальные физиологические потребности, поскольку и те, и другие берут начало в некоей нехватке или дефиците. В первом случае в основе дефицита лежат нормальные химические процессы внутри организма; во втором случае желания являются результатом психической дисфункции. В обоих случаях дефицит является причиной напряжения, а избавление от напряжения является причиной удовольствия. Все прочие иррациональные желания, такие, как жажда славы, власти, подчинения или зависть и ревность, не принимающие форму телесных потребностей, также коренятся в складе характера человека и порождены каким-нибудь искажением или деформацией личности. Удовольствие, испытываемое от удовлетворения этих страстей, также порождено из-

бавлением от психического напряжения, как и в случае невротических физических желаний.
Хотя освобождение от напряжения доставляет удовольствие как в случае
удовлетворения подлинных физиологических, так и в случае удовлетворения
иррациональных психических потребностей, по качеству эти удовольствия
существенно различны. Физиологические желания, такие как голод, жажда и тому
подобное, удовлетворяются устранением физиологического напряжения и
возникают вновь только тогда, когда опять возникает физиологическая
потребность; они ритмичны по природе своей.
А вот иррациональные желания ненасытимы. Желания завистника, собственника, садиста не исчезают с их удовлетворением, разве что на какой-то момент. По самой своей природе эти иррациональные желания не могут быть «удовлетворены». Они вызваны внутренней неудовлетворенностью человека. Отсутствие плодотворности и порожденное им бессилие и страх — вот источник этих страстных влечений и иррациональных желаний. Даже если б человек мог удовлетворить все свои желания власти и разрушения, это не избавило бы его от страха и одиночества, а, значит, и от напряжения. Благо воображения оборачивается бедствием; будучи не в состоянии освободиться от своих страхов, человек рисует в своем воображении все больше удовольствий, какие удовлетворят его алчность и восстановят его внутреннее равновесие. Но алчность — бездонная пропасть, а идея освобождения от алчности путем ее удовлетворения — мираж. Источник алчности — конечно же не животная природа человека, как часто считают, этот источник — его ум и воображение».

Карен Хорни «Невроз и личностный рост»:

«при некоторой удаче честолюбцам действительно удается достичь славы, почестей, влиятельности. Но, с другой стороны, добившись на самом деле больших денег, знаков отличия, власти, они, вместе с тем, приходят к ощущению полной тщетности своей погони. Они не достигают мира в душе, внутреннего спокойствия, довольства жизнью. Внутреннее напряжение, ради ослабления которого они и гнались за призраком славы, не ослабевает ни на йоту. И поскольку это не несчастный случай, а неизбежный результат, мы будем правы, заключив, что нереалистичность всей этой погони за успехом —

ее неотъемлемое свойство».

Абрахам Маслоу «Дальние рубежи человеческой природы»:

«так называемое <чувство удовольствия>, испытываемое убийцами, садистами, фетишистами, по сути своей не является тем <удоволь ствием>, которое вызывали в своих экспериментах Олдс и Камийя. Собственно, об этом уже давно известно психиатрии. Любой опыт ный психотерапевт знает, что за невротическими <удовольствиями> или перверзиями, как правило, стоят обида, боль и страх. Да и наш субъективный опыт говорит о том же. Мы знаем достаточно людей, которые в своей жизни испытывали как здоровое, так и нездоровое чувство удовольствия. Как правило, они отдают предпочтение пер вому и научаются подавлять второе. Колин Уилсон ясно продемон стрировал нам, что люди, совершающие сексуальные преступления, имеют весьма слабые сексуальные реакции»

7 ФЕВРАЛЯ 2026 ИСТОЧНИК: MEDUZA

«30 января министерство юстиции США выложило в интернет 3 миллиона страниц, 180 тысяч фотографий и 2 тысячи видео из личного архива Джеффри Эпштейна — финансиста-миллионера, который организовал целую сеть по поиску юных девушек из разных стран мира для самого себя и для некоторых из своих влиятельных знакомых.

Это очень большой объем информации. Ее анализ потребует немало времени, поэтому разоблачительные материалы, основанные на архиве Эпштейна, могут выходить еще долго. Однако первым делом журналисты начали искать в архиве имена известных людей, с которыми Эпштейн поддерживал отношения.

Среди них оказались богатейший человек мира Илон Маск, жена наследника норвежского престола Метте-Марит, министр торговли США Говард Лютник, брат британского короля Эндрю и многие другие. Если поискать информацию о том, для кого из знакомых Эпштейна публикация его архива уже имела реальные последствия, можно найти такие новости:

Питер Мандельсон, влиятельный британский политик, вышел из правящей Лейбористской партии и стал объектом внимания полиции из-за писем, которые свидетельствовали о том, что Эпштейн платил ему и получал взамен конфиденциальные сведения. До этого Мандельсон уже был уволен с должности посла Великобритании в США из-за связей с Эпштейном.

Премьер-министр Великобритании Кир Стармер извинился за то, что в 2025 году предложил Мандельсону должность посла, несмотря на то, что тогда уже было известно о его знакомстве с Эпштейном. По словам Стармера, при назначении Мандельсон солгал о степени своей близости с Эпштейном.

Мирослав Лайчак, дипломат и бывший министр иностранных дел Словакии, покинул пост советника словацкого лидера по национальной безопасности из-за того, что в архиве Эпштейна всплыла их переписка от 2018 года, в которой они обсуждали женщин. Лайчак назвал ее «проявлением глупого мужского эго».

Бывший премьер-министр Норвегии Турбьерн Ягланд попал под расследование о коррупции после того, как в переписке с Эпштейном нашли свидетельства того, что финансист оплачивал отдых Ягланда и членов его семьи. Также Эпштейн, судя по всему, пытался использовать Ягланда для налаживания связей с Владимиром Путиным и его окружением.

Кронпринцесса Норвегии Метте-Марит уже дважды извинилась за свою дружескую переписку с Эпштейном. Она назвала их связь «настоящим позором» и отдельно попросила прощения «за ситуацию, в которую я поставила королевскую семью, особенно короля и королеву».

Эндрю, брат короля Великобритании Карла III, покинул особняк Роял-Лодж в Виндзоре сразу после того, как в архиве Эпштейна нашли его письма и фотографии, о которых раньше не было известно. О том, что Эндрю переедет из Виндзора в личное поместье короля Сандрингем, стало известно еще осенью (тогда же, когда Эндрю лишили всех титулов), но публикация архива Эпштейна, похоже, ускорила его переезд.

Брэд Карп покинул пост председателя совета директоров Paul Weiss, одной из крупнейших юридических фирм США, после того, как стало известно, что он много лет контактировал с Эпштейном — например, в 2016-м просил его найти роль для своего сына в готовящемся фильме режиссера Вуди Аллена.

Эпштейн общался с десятками известных людей. Последствия публикации пока ощутили на себе единицы. А вот для жертв Эпштейна все иначе: последствия затронули десятки из них — и во многих случаях они куда более разрушительны»

2 ФЕВРАЛЯ 2026 ПОЛИТИКА КАРИНА ХАЛИКОВА

«Оргии с малолетними и «русские девушки»: что известно о финальной части документов Эпштейна?

Суть дела Джеффри Эпштейна, почему о нем заговорили сейчас и все ли документы по делу опубликованы

Что содержится в последней партии документов

В 2026 году опубликованы подробности о пребывании Эпштейна в тюрьме, психологический отчет, отчет о его смерти, а также материалы расследования в отношении осужденной сообщницы Эпштейна, светской львицы Гислейн Максвелл. В файлах также более 40 снимков обнаженных людей. А еще собственные умозаключения Эпштейна: в частности, финансист считал, что следующей мировой валютой должен стать российский рубль.

В архиве были обнаружены переписки Эпштейна со многими высокопоставленными лицами — причем многие из его сообщений написаны с ошибками или закодированы.

Министерство юстиции США

В одной из переписок Эпштейн обещает семье Ротшильдов «большие возможности» после госпереворота на Украине, в другой — предлагает знакомой изучить коррупционные скандалы с участием Владимира Зеленского, в следующей — предлагает третьему лицу передать в Кремль «ценные сведения» о Дональде Трампе.

А президента Франции Эммануэля Макрона Эпштейн «уличил» в желании править Европой и всем миром.

Также в документах обнаружены показания одной из жертв некоего ритуального жертвоприношения. Пострадавший утверждал, что ему порезали ступни восточной саблей, не оставив при этом шрамов. Также следователи обсуждали показания этого же человека о страшном обряде на яхте (по его словам, младенцев расчленяли, извлекали внутренности и ели из них фекалии).

На нескольких фотографиях запечатлен младший брат короля Великобритании Эндрю: СМИ облетел снимок, где сын королевы Елизаветы стоит на четвереньках у лежащей девушки и с довольным видом смотрит в камеру. Кроме того, в документах есть сведения о том, что Эндрю договорился о разрешении частному самолету Эпштейна приземляться на базах королевских ВВС.

Также появилось больше информации о визитах к Эпштейну Билла Гейтса. В одной из опубликованных переписок предполагалось, что предприниматель мог заразиться венерическим заболеванием от «русских девушек».

Некоторые документы представляют собой новостные статьи, попавшие в почтовый ящик финансиста. Например, там много статей о Дональде Трампе. По предположениям СМИ, Эпштейн мог следить за карьерными взлетами бывшего друга, чтобы использовать это в своих целях.

Кто фигурирует в «списке Эпштейна» из иностранцев и россиян

В файлах Эпштейна есть упоминания и фото многих знаменитостей — некоторые из них просто позируют рядом с Эпштейном, кто-то обнимает неизвестных девушек. Некоторые имена фигурируют лишь в переписках, при этом упоминание в файлах не означает причастности к преступлениям. Вот лишь некоторые из тех, кто попал в архивы:

* Политики и чиновники: президент США Дональд Трамп, глава Госдепа США Марко Рубио, король Дании Фредерик X, кронпринцесса Норвегии Метте-Марит, экс-президенты ЮАР и Черногории Джейкоб Зума и Мило Джуканович, экс-премьер Израиля Эхуд Барак.

* Предприниматели: гендиректор SpaceX Илон Маск, основатель компании Microsoft Билл Гейтс, соучредитель Google Сергей Брин, бывший гендиректор Youtube Салар Камангар, основатель Virgin Group Ричард Брэнсон, владелец Amazon Джефф Безос, миллиардер Вячеслав Доронин.

* Звезды шоу-бизнеса: режиссеры Джордж Лукас и Вуди Аллен, актеры Алек Болдуин, Кевин Спейси, Леонардо Ди Каприо, Энтони Хопкинс и Брэд Питт, модели Хайди Клум и Наоми Кэмпбелл, певцы Майкл Джексон, Мик Джаггер, Эминем, Мэрилин Мэнсон, P. Diddy, фокусник Дэвид Копперфилд.

На большей части опубликованных в 2025 году фото запечатлен Билл Клинтон в компании гостей острова Эпштейна. Бывший лидер США то купается в джакузи, то выпивает с посетителями вечеринок. Кроме того, обнародована переписка экс-президента с помощницей Эпштейна Максвелл. Из них следует, что Максвелл пользовалась уважением в семье Клинтонов даже с учетом ее роли в вербовке несовершеннолетних для развлечения гостей острова.

Однако демократы сочли эту информацию намеренным шагом администрации Трампа: по их мнению, акцент на Клинтоне при публикации документов сделан намеренно, чтобы отвлечь внимание от Трампа, а также от влиятельных соучастников Эпштейна, которые могли помогать ему в торговле людьми.

В документах, рассекреченных в 2026 году, имена Дональда Трампа, его супруги Мелании, название их резиденции «Мар-а-Лаго» во Флориде были упомянуты около 38 тысяч раз, подсчитала NYT. Отдельно отмечены переписки Мелании Трамп с Гислейн Максвелл,

во время которых женщины демонстрировали дружеские отношения. Кроме того, Трамп упоминается в документах, посвященных делу об изнасиловании девочки 13–14 лет. Минюст США назвал их ложными.

СМИ известно, что Эпштейн владел частным домом в престижном районе Манхэттене и особняком в Палм-Бич, несколькими объектами недвижимости в других городах, а также частными островами Литтл-Сейнт-Джеймс и Грейт-Сейнт-Джеймс в Карибском море. В Палм-Бич финансиста нередко замечали в обществе молодых девушек, причем некоторые походили на подростков. В 2002 году это подтверждал даже Дональд Трамп, отмечая: «Говорят даже, что ему нравятся красивые женщины так же, как и мне. И многие из них, как правило, молодые». Из-за дружбы с сильными мира сего Эпштейн регулярно становился героем журнала Vanity Fair и другого глянца США. Но только до первого обвинения.

В марте 2005 года женщина обратилась в полицию Палм-Бич. Она сообщила, что ее 14-летнюю падчерицу привезли в особняк Эпштейна и заплатили ей 300 долларов за раздевание и массаж владельцу. Той удалось покинуть особняк в нижнем белье. Полиция начала тайное расследование и выяснила, что финансист платил девушкам за секс — причем некоторым из них не было и 16 лет.

Во время обыска его дома обнаружились две скрытые камеры и множество фотографий девушек, сделанных во время их пребывания в особняке. СМИ утверждали, что на снимках, сделанных с целью шантажа, были и другие известные личности. Согласно гипотезам журналистов, финансист «обеспечивал» девушками влиятельных людей, а кадры использовал для получения информации. Тогда в кейсе Эпштейна фигурировал принц Эндрю, герцог Йоркский. ФБР получило отчеты от 36 женщин, чьи обвинения в адрес Эпштейна включали в себя частично совпадающие данные.

В мае 2006 года большое жюри округа Палм-Бич выдвинуло обвинение в совершении Эпштейном уголовного преступления, заключающегося в принуждении к проституции. Сначала бизнесмен не признал вину, но, узнав об обвинении на 53 страницы, согласился заключить сделку по предоставлению иммунитета жертвам в обмен на признание вины и выплату компенсаций пострадавшим. Он был приговорен к 1,5 года заключения. Эпштейна поместили в частное крыло тюрьмы округа Палм-Бич, разрешили работать в его офисе и спустя 13 месяцев освободили с испытательным сроком в один год. При освобождении финансиста зарегистрировали в штате Нью-Йорк как секс-преступника третьего уровня.

Общество возмутилось по поводу мягкого отношения к Эпштейну — его обвинили всего по одному пункту, а на испытательном сроке даже разрешили передвигаться на частном самолете.
СМИ писали, что прокурор США Акоста предоставил ему «сделку на всю жизнь», а команда звездных адвокатов добилась быстрого освобождения и нашла компромат на подавших заявления девушек».

16.02.2026 ЭЛИЗЕО БЕРТОЛАЗИ, МИЛАН

«Файлы Эпштейна — бездна зла
«Более 3 миллионов страниц, 180.000 фотографий и 2000 видеозаписей — это не только информация, связанная с торговлей людьми в целях сексуальной эксплуатации. Материалы включают в себя финансовые документы, переписку по электронной почте и личные текстовые сообщения высокопоставленных деятелей — политиков, финансистов и руководителей СМИ по всему миру.
Эти документы показывают, насколько на Западе тесно переплелись власть и криминал, и что это уже стало явлением. В преступную сеть вовлечены такие известные персоны, как Билл Клинтон, Билл Гейтс, принц Англии Эндрю и многие другие. Все это демонстрирует масштабы моральной деградации западных элит. Документы также ясно показывают, что Эпштейн действовал от имени секретных служб США и Израиля, которые стремятся укрепить свою власть, основанную на шантаже и контроле над элитами.
В свете этого, возможно, некоторые буквально безумные решения глобалистов теперь стали более объяснимы и приобрели особый смысл.
Тем временем, в лавине электронных писем и опубликованных документов каждый день появляется что-то новое. Невозможно даже сказать, чем и когда закончится «дело Эпштейна» и сколько ещё известных имён окажутся втянутыми в эту открытую выгребную яму.
Помимо возможных судебных последствий, которые по-прежнему остаются непредсказуемыми, и отвратительного поведения лиц, считающих себя выше всяких подозрений, эта настоящая ярмарка ужасов демонстрирует, что те, кто занимают высокие властные позиции, ослеплены иллюзией всемогущества. Они искренне верят, что их общественная значимость ставит их не только выше закона, но и выше морали. Им всё дозволено!
И это — абсолютная правда! В документах говорится о пособничестве этих деятелей проституции, торговле людьми, о пытках и даже

убийствах девочек и мальчиков во время гламурных вечеринок, а возможно, ритуалов, которые устраивали Эпштейн и его гости. Многие из жертв происходили из неблагополучных семей и бедных слоёв населения, и окружение Эпштейна, по сути, рассматривало их как расходный материал.

Всё это выглядит как сюжет фильма ужасов. Но, к сожалению, это не вымысел, а суровая реальность.

Однако ключевой вопрос заключается в том, что Эпштейн был отнюдь не монстром-одиночкой, а центром обширной сети международных связей, включавшей влиятельных фигур, высокопоставленных чиновников и VIP-персон, настолько уверенных в своей безнаказанности, что их контакты с ним, человеком уже осуждённым за сексуальные преступления, казались чем-то нормальным.

Возникают естественные вопросы: почему этих VIP-персон не преследуют и до сих пор не привлекли к суду? Кто скрывал их соучастие в преступлениях все эти годы? И почему западные СМИ так мало говорят об этом и замалчивают общественный резонанс?

Казалось бы, эти истории должны быть на первых полосах всех газет, однако мейнстримные СМИ делают вид, что ничего не знают и сознательно переключают внимание на другие темы. В Италии, например, сейчас одной из главных тем обсуждения являются зимние Олимпийские игры.

И вот здесь проявляется истинное лицо западной системы, которая проповедуя якобы демократические ценности — права человека, защиту слабых и т.п., сталкиваясь с интересами сильных мира сего, «ставит на паузу»: она умышленно затягивает судебный процесс, преуменьшает значение происходящего, бездействует, а то и способствует сокрытию правды.

Если система терпит и нормализует отношения с уже признанным преступником-педофилом, она является сама глубоко порочной. Отвращение вызывает не только сам чудовищный факт происходящего, но и поведение тех, кто всё знал и продолжал вести себя так, будто ничего не происходит.

Однако, перед лицом подобных событий мы не можем продолжать жить так, словно ничего не случилось. Нам необходимы правда и справедливость. Закрывать глаза — значит проявлять трусость и становиться соучастниками преступления.

Если не будет проведено серьёзное расследование по материалам «файлов Эпштейна» и виновным не будут предъявлены реальные обвинения, то наше будущее, и особенно будущее следующих поколений, — станет ещё мрачнее, деформируя совесть и чувства людей.

Если молодым людям будет показано, что простая принадлежность к кругу влиятельных лиц, статус VIP-персоны или наличие больших денег достаточны для безнаказанного совершения самых чудовищных и бесчеловечных преступлений, наше общество будет продолжать деградировать, погружаясь в безразличие и позор.

Есть ещё один пугающий фактор: криминальное окружение Эпштейна было не только развращённым, но и сатанинским. Появляются отсылки к ритуальным практикам, связанным с сатанизмом. Об этом говорят электронные письма и свидетельства многочисленных жертв, некоторые из которых, к сожалению, погибли после того, как сообщили о пережитом насилии.

Это было предсказуемо. Определённые модели поведения, определённые извращения нельзя интерпретировать исключительно в контексте «преступного поведения» или психиатрии, для верующих они указывают на присутствие дьявола.

Всё это зло предстаёт как чёрная бездна, в которую страшно даже заглянуть: там кроется утрата самой базовой формы человечности! Там абсолютное зло в его глубочайшем онтологическом смысле; там, по сути, дьявольщина!

Убийцы, отнимающие жизни у детей с яростью, неведомой даже животным, движимы явно демоническими силами. Убийство детей — это высшая форма трусости и позора, ибо они невинные, незрелые, беззащитные и слабые существа. Иисус Христос ясно сказал: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской» (Евангелие от Матфея 18:6).

Поэтому для педофилов-сатанистов нет большего акта неповиновения Богу, чем причинение вреда детям. Борьба с педофилами-сатанистами — это не просто политическое и судебное обязательство; она становится духовной битвой.

В романе «Братья Карамазовы» один из самых мучимых персонажей, Иван Карамазов, в диалоге со своим братом Алёшей произносит знаменитую фразу: «Если Бога нет, то всё дозволено». Слова Достоевского непререкаемы, они постоянно заставляют нас задумываться о пределах человеческого грехопадения, когда оно освобождено от каких-либо моральных ограничений: «Так что уничтожьте в человечестве веру в своё бессмертие — в нём тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь. Мало того: тогда ничего уже не будет безнравственного, всё будет позволено, даже антропофагия».

Слова Достоевского звучат пророчески, и, если применить их к нашему времени, они приобретают удивительную актуальность.

Это «всё дозволено» сегодня происходит на наших глазах, это эфемерная человеческая гордыня, которая претендует подняться и поставить себя на место Бога, чтобы решать, что лучше добро или зло. В действительности, если Бога и бессмертия не существует, у человека больше не остаётся никаких ограничений, никакого морального закона, которому следовало бы подчиняться, и тогда он, наконец, почувствует себя «свободным» от греха и будет делать всё, что захочет. Всё будет дозволено, всякое раскаяние будет подавлено, не останется никаких границ, всякая мерзость будет дозволена. Зло станет добром, а добро станет злом.

Если Бога нет, то есть зло, есть дьявол!

В кульминации битвы между Добром и Злом, между Девой Марией и драконом (сатаной и его многочисленными последователями) лукавый будет побеждён, и его голова будет раздавлена пятой Девы Марии.

В эти мрачные времена, когда христианство на Западе дискредитируется и даже исключается из доминирующей культуры во имя т.н. прогресса и толерантности, мы, простые граждане, обязаны понимать, где истина, спасение и свет, за которым следует идти вслед за Иисусом.

В Евангелии Иисус Христос сказал: «Я — свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Евангелие от Иоанна 8:12)...»

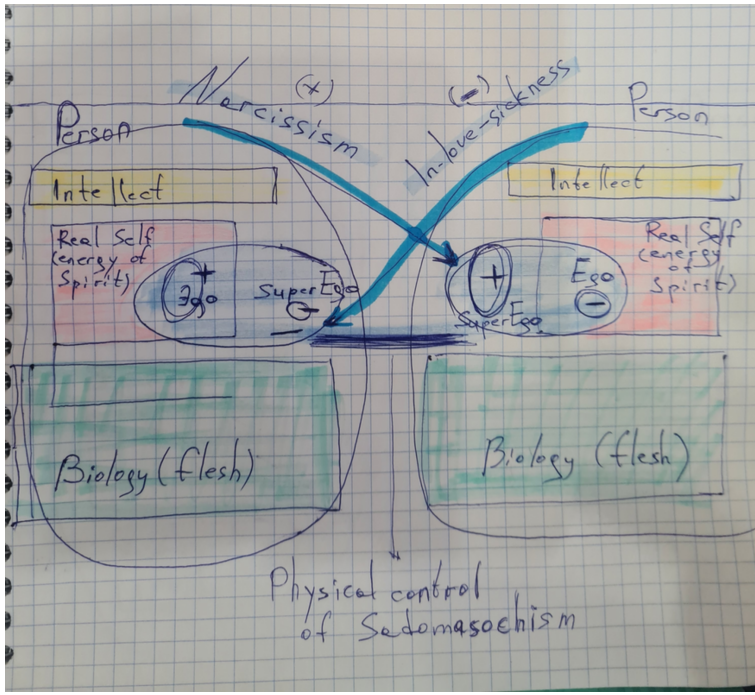
ГЛАВА 14. САДОМАЗОХИЗМ ГОСПОДСТВА И РАБСТВА — ХУЛА НА ДУХА СВЯТОГО

1. ПОРАБОЩЕНИЕ ЖЕНЩИН — ЦИТАДЕЛЬ РАБСТВА НА ЗЕМЛЕ

> Ницше, «Так говорил Заратустра»:
> «И посмотрите на этих мужчин: их глаза говорят — они не знают ничего лучшего на земле, как лежать с женщиной. Грязь на дне их души; и горе, если у грязи их есть еще дух! О, если бы вы совершенны были, по крайней мере как звери! Но зверям принадлежит невинность. Разве я советую вам убивать свои чувства? Я советую вам невинность чувств».

Одной из канонических книг Открытия Психической энергии наряду со многими другими, указанными в томах об Открытии, станет безусловно книга Д. С. Милля «О подчинении женщин». Я уже много раз обращалась к этой работе. И не потому она так важна, что говорит о судьбе половины человечества, а потому что она говорит о судьбе всего человечества, пораженного в самое сердце раковой опухолью Садомазохизма физического контроля материальной энергии. Так Милль указывает, что рабство женщин есть цитадель рабства всего человечества — ведь новые члены общества воспитываются в семьях, где пример порабощения женщин дает им паттерн отношений в обществе в целом.

Д. С. Милль, «О подчинении женщин»:



> «All that education and civilization are doing to efface the influences on character of the law of force, and replace them by those of justice, remains merely on the surface, as long as the citadel of the enemy is not attacked. The principle of the modern movement in morals and politics, is that conduct, and conduct alone, entitles to respect: that not what men are, but what they do, constitutes their claim to deference; that, above all, merit, and not birth, is the only rightful claim to power and authority».

Книги, которые высказали всю глубину и суть проблемы о порабощении женщин, как источника раковой опухоли общества сегодня известны всем: «О подчинении женщин» Д. С. Милля, «Крейцерова соната» Л. Толстого, «Второй пол» Симоны де Бовуар, «Ночные дороги» Г. Газданова, «Мадам Бовари» Г. Флобера, «Борьба за счастье» Б. Рассела, «Над пропасть во ржи» Дж. Селинджера (в меньшей степени).

Произведения Вальтера Скотта уникальны в этом смысле: они может быть не ставят вопроса о порабощении женщин, ноя не знаю другого автора, который бы с таким размахом и убедительностью ставил вопрос о рыцарстве женщин, ни в чем не уступающем рыцарству мужчин.

Научные теории Фромма и Маслоу дали научное обоснование их позициям. Важным источником правды о равенстве полов являются Евангелия Христа (но не учения современной церкви!).

По мере своих сил я буду приводить цитаты этих великих людей энергии духа.

Мужчины, которые начиная с Платона, ставили вопрос ребром о равенстве мужчин и женщин вовсе не изображали самопожертвование и не были адвокатами чужих интересов. Не были они также «женоподобными слабаками» и «подкаблучниками», как с самого начала и до сих пор принято отзываться о тех все еще редких мужчинах, которые ратуют за равенство полов. Совершенно напротив, это были самые здравые, разумные, практичные люди, очень сильные душевно, которые действовали в своих интересах. Ведь у здоровых людей энергии духа интересы всегда совпадают с интересами общества.

Это очень просто доказать, достаточно вам только взглянуть еще раз на схему Садомазохизма, который разделяет базисную энергию людей — поле Интеллекта и Совести.

Все, абсолютно все отношения человека, определяются тем, какая схема отражает состояние его психики: Садомазохизма, Романтики или Здоровья чистой Энергии Духа. Если это Садомазохизм, то человек будет применять Физический контроль, то есть насилие к слабым и подчинение к сильным, по отношению ко всем: к служащим, к горничным, «друзьям», к жене и детям, к проституткам и тд. Если это Здоровье чистой Энергии Духа, то опять таки отношения со всеми людьми будут отношениями общих интеллектуальных интересов, отношениями совести и искренней дружественности.

Вот почему Джон Стюарт Милль так абсолютно прав, когда говорит, что тот же закон насилия, который когда-то установил отношения рабства в обществе, утвердил и порабощение женщин, которое все еще является фундаментальным законом общества. Интересно, что такой подход Милля к пониманию закономерностей общества Карл Поппер обозвал «психологизмом» в книге «Открытое общество» и противопоставил Миллю «экономизм» Маркса в качестве «правильного эталона» в объяснении законов общества. Сами смотрите, чья позиция более правдоподобна: психологизм Теслы и Милля или же экономизм Маркса и Поппера.

Так, Милль вслед за Гербертом Спенсером утверждает, что варварские общества основаны на магическом сознании и «законе насилия» («обожание силы» у Спенсера), тогда как цивилизованные общества основаны на «моральном чувстве» и научном сознании.

И в этой связи Милль настаивает, что «закон насилия», который породил рабство в варварском прошлом Европы и ушел вместе с рабством казалось бы, вдруг оказывается полностью функционирующим в случае с порабощением женщин в обществе, как если бы добавляет Милль, кто-либо воздвиг Храм Юпитеру на фоне Церкви Святого Павла и ежедневно бы совершал там торжественные жертвоприношения. Как такое может быть возможно, задается вопросом Милль?

J. S. Mill, Subjection of women:

> «Not a word can be said for despotism in the family which cannot be said for political despotism. Every absolute king does not sit at his window to enjoy the groans of his tortured subjects, nor strips them of their last rag and turns them out to shiver in the road The despotism of Louis XVI was not the despotism of Philippe le Bel, or of Nadir Shah, or of Caligula; but it was bad enough to justify the French Revolution, and to palliate even its horrors. If an appeal be made to the intense attachments which exist between wives and their husbands, exactly as much may be said of domestic slavery. It was quite an ordinary fact in Greece and Rome for slaves to submit to death by torture rather than betray their masters.

> In domestic as in political tyranny, the case of absolute monsters chiefly illustrates the institution by showing that there is scarcely any horror which may not occur under it if the despot pleases, and thus setting in a strong light what must be the terrible frequency of things only a little less atrocious. Absolute fiends are as rare as angels, perhaps rarer: ferocious savages, with occasional touches of humanity, are however very frequent
> But I may go farther, and maintain that the course of history, and the tendencies of progressive human society, afford not only no presumption in favour of this system of inequality of rights, but a strong one against it; and that, so far as the whole course of human improvement
> up to the time, the whole stream of modern tendencies, warrants any inference on the subject, it is, that this relic of the past is discordant with the future, and must necessarily disappear.
> The social subordination of women thus stands out an isolated fact in modern social institutions; a solitary breach of what has become their fundamental law; a single relic of an old world of thought and practice exploded in everything else, but retained in the one thing of most universal interest; as if a gigantic dolmen, or a vast temple of Jupiter Olympius, occupied the site of St. Paul's and received daily worship, while the surrounding Christian churches were only resorted to on fasts and festivals. This entire discrepancy between one social fact and all those which accompany it, and the radical opposition between its nature and the progressive movement which is the boast of the modern world, and which has successively swept away everything else of an analogous character, surely affords, to a conscientious observer of human tendencies, serious matter for reflection».

И далее он сам указывает, что так сильно выделяет отношения между мужчинами и женщинами от других отношений между господами и рабами. Это потребность в любви, на которой держится человеческое общество. Мужчинам, говорит Милль, нужно не просто подчинение от женщины, им нужен сантимент. Их власть основана не просто на страхе и силе, но на той любви, что они стараются внушать женщинам. И для этих целей все образование женщин устроено так, чтобы как говорит Симона де Бовуар «сделать из женщин дебилов». Действительно, замечает Милль, их с детства учат тому, что они не такие как мужчины,

что они обязаны жертвовать собой и своими интересами, и во всем опираться на мнение мужчин, так как своего собственного у них быть не может. Бовуар в этой связи также отмечает, что их учат обожествлять мужчин как активного начала общества, как силу и двигатель общества, и видеть себя как пассивный объект, призванный служить мужчинам и и во всем им подчиняться. В обмен на это их будут «любить». Милль замечает, что при таком воспитании женщин, было бы странным, если бы мечта стать объектом мужского вожделения не стала «полярной звездой каждой девушки», и что именно этим сексуальным подтекстом объясняется так долго сохраняющееся рабство женщин.

J. S. Mill, Subjection of women:

> «They are so far in a position different from all other subject classes, that their masters require something more from them than actual service. Men do not want solely the obedience of women, they want their sentiments. All men, except the most brutish, desire to have, in the woman most nearly connected with them, not a forced slave but a willing one, not a slave merely, but a favourite. They have therefore put everything in practice to enslave their minds. The masters of all other slaves rely, for maintaining obedience, on fear; either fear of themselves, or religious fears. The masters of women wanted more than simple obedience, and they turned the whole force of education to effect their purpose. All women are brought up from the very earliest years in the belief that their ideal of character is the very opposite to that of men; not self will, and government by self-control, but submission, and yielding to the control of other. All the moralities tell them that it is the duty of women, and all the current sentimentalities that it is their nature, to live for others; to make complete abnegation of themselves, and to have no life but in their affections. And by their affections are meant the only ones they are allowed to have — those to the men with whom they are connected, or to the children who constitute an additional and indefeasible tie between them and a man.
>
> When we put together these things it would be a miracle if the object of being attractive to men had not become the polar star of feminine education and formation of character. And, this great means of influence over the minds of women having been acquired, an instinct of selfishness made men avail themselves of it to the utmost as a means of holding women in subjection, by representing to them

> meekness, submissiveness, and resignation of all individual will into the hands of a man, as an essential part of sexual attractiveness. Can it be doubted that any of the other yokes which mankind have succeeded in breaking, would have subsisted till now if the same means had existed, and had been so sedulously used, to bow down their minds to it?»

Итак, подведем итоге. Садомазохизм физического контроля поля Эгосистемы — это врожденный грех материальной энергии, который убивает в людях энергию духа и их способность дружбы. В обычных отношениях мерзость отношений рабства люди осознали очень давно и с отвращением отвернулись от него. По крайней мере те из них, кого мы сегодня называем людьми. Однако, в самых фундаментальных отношениях, в отношениях семьи, в отношениях любви мужчины и женщины — именно рабство Садомазохизма остается фундаментальными отношениями даже в самых цивилизованных обществах.

И это подлое рабство оправдывают такими возвышенными словами как «любовь» и «семья». Хотя именно в отношениях любви и семьи грех Садомазохизм наиболее оскорбителен для Божьего духа в человеке — много больше, чем политическое и экономическое рабство. Именно в этих отношениях Садомазохизм из просто греха становится Хулой на Духа Святого, извращая всю совесть и мораль общества, отнимая у людей источник тепла в любви к супругам и детям. И именно поэтому Д. С. Милль называет порабощение женщин — цитаделью рабство в обществе, которое будет консервировать это рабство до тех пор, пока наконец удар не будет нанесен по самой цитадели — по женскому рабству.

Л. Толстой, «Крейцерова Соната»:

> «Без стыда теперь не могу вспомнить это время жениховства! Какая гадость! Ведь подразумевается любовь духовная, а не чувственная. Ну, если любовь духовная, духовное общение, то словами, разговорами, беседами должно бы выразиться это духовное общение. Ничего же этого не было. Говорить бывало, когда мы останемся одни, ужасно трудно. Какая-то это была сизифова работа. Только выдумаешь, что сказать, скажешь, опять надо молчать,

придумывать. Говорить не о чем было. Все, что можно было сказать о жизни, ожидавшей нас, устройстве, планах, было сказано, а дальше что? Ведь если бы мы были животные, то так бы и знали, что говорить нам не полагается; а тут, напротив, говорить надо и нечего, потому что занимает не то, что разрешается разговорами.

...Ведь что, главное, погано, — начал он, — предполагается в теории, что любовь есть нечто идеальное, возвышенное, а на практике любовь ведь есть нечто мерзкое, свиное, про которое и говорить и вспоминать мерзко и стыдно. Ведь недаром же природа сделала то, что это мерзко и стыдно. А если мерзко и стыдно, то так и надо понимать. А тут, напротив, люди делают вид, что мерзкое и стыдное прекрасно и возвышенно. Какие были первые признаки моей любви? А те, что я предавался животным излишествам, не только не стыдясь их, но почему-то гордясь возможности этих физических излишеств, не думая притом нисколько не только о ее духовной жизни, но даже и об ее физической жизни. Я удивлялся, откуда бралось наше озлобление друг к другу, а дело было совершенно ясно: озлобление это было не что иное, как протест человеческой природы против животного, которое подавляло ее.. Я удивлялся нашей ненависти друг к другу. А ведь это и не могло быть иначе. Эта ненависть была не что иное, как ненависть взаимная сообщников преступления — и за подстрекательство и за участие в преступлении. Вы думаете, что я отступаю от рассказа? Нисколько! Это я все рассказываю вам, как я убил жену. На суде у меня спрашивают, чем, как я убил жену. Дурачье! думают, что я убил ее тогда, ножом, пятого октября. Я не тогда убил ее, а гораздо раньше. Так точно, как они теперь убивают, все, все...»

2. САТАНЫ РАСЫ ГОСПОД — ЭТО СИЛА!

Сатаны, то есть люди, которые сознательно противопоставили себя морали с целью «максимизировать наслаждения жизни», пожирая других людей всегда позиционируют себя как «Силу». В этом их оправдание, в этом их «философия» (если бы они сохранили способность думать), в этом их кредо. Моралисты могут корить их за свинское поведение, но моралисты всего лишь граждане, а Сатаны правят балом. Христиане могут говорить о любви к ближнему, но христиане слабаки с этой своей моралью, а они Сатаны — злодеи, перед которыми дрожит всякий

обычный человек с его чистой совестью и достойным поведением. И этого Сатанам достаточно не только, чтобы оправдать себя, но в том, чтобы откровенно поклоняться Злу, служить Сатане, если бы он действительно существовал. По крайней мере, они в своей примитивности ставят ему «церкви».

Однако, существо их «поклонения Силе» вовсе не в том, что они в самом деле сильные, или что они больше других понимают, как важно быть сильным. Закон сохранения Силы — фундаментальный закон психики, и в этом смысле сила одинаково важна для всех людей. Однако, для здоровых людей, которые видят мир через разум научного контроля, сила — это энергии природы. Как еще иначе определить силу здравомыслящему человеку? Сила человека — в здоровье его энергии психики, в чистоте его положительных эмоций, в мощности научного контроля, в безопасности и счастье которое дает тепло, искренность и взаимное уважение Церкви Дружбы.

Для магического сознания варваров Сила — это количественные абстракции поля Эгосистемы. Это «количество силового давления» на что-нибудь или на кого-нибудь. Сколько надавишь, сколько разрушишь, — столько ты сильный! Очевидно, что это безумное представление о силе для цивилизованного человека — сила как количественная абстракция разных по качеству энергий природы.

Сила — это Насилие для Сатанов, сила пресса, сила нажима на других людей. Вот почему сатанинское поклонение силы всегда вызывало и вызывает у людей такое отвращение. Потому что это безумие и в определение силы, и безумие в попытках действительно найти «наслаждения» жизни при помощи такой силы. Ведь именно «погоня за наслаждениями» становится оборотной стороной кредо Сатанов: Насилие в погоне за наслаждениями. Это девиз Сатан-Эго Верхней Эгозащиты Притяжения Самолюбия. Достаточно вспомнить писанину маркиза Сада и его «маленькие преступленьица» в погоне за наслаждениями. Камю в этой связи цитирует проклятия Ницше в адрес «свиных рыл искателей наслаждений».

«My enemies,» says Nietzsche, «are those who want to destroy without creating their own selves.» He extols integrity and castigates the «hog-faced» pleasure-seekers»

Л. Толстой, «Крейцерова Соната»:

> «Животные как будто знают, что потомство продолжает их род, и держатся известного закона в этом отношении. Только человек этого знать не знает и не хочет. И озабочен только тем, чтобы иметь как можно больше удовольствия. И это кто же? Царь природы, человек. Ведь вы заметьте, животные сходятся только тогда, когда могут производить потомство, а поганый царь природы — всегда, только бы приятно. И мало того, возводит это обезьянье занятие в перл создания, в лю-бовь. И во имя этой любви, то есть пакости, губит — что же? — половину рода человеческого. Из всех женщин, которые должны бы быть помощницами в движении человечества к истине и бла-гу, он во имя своего удовольствия делает не помощниц, но врагов».

«Сатанинский секс» в Церкви Сатаны Ла Вея — конечно же одно из базисных наслаждений, как и в писанине маркиза Сада. Чтобы быть «Силой» Сатанам надо в первую очередь чувствовать Подчинение, Слабость женщин. Так работает физический контроль материальной энергии: там не может быть взаимного уважения и восхищения друг другом сильных личностей. Материальные энергии как разности между давлениями, температурами или зарядами всегда движутся от дисбаланса к баланса между разными величинами: от разницы между низкой и высокой температурой, давления, заряда — к равенству, к нулю, где они останавливаются. От голода к сытости, к покою.

На равенстве, на балансе, на сытости, на покое уже движения нет, и чтобы запустить движение надо опять создать дисбаланс, опять создать разницу величин — это и называется циклическим гомеостазом, движением по кругу от неравновесия к покою равновесия.

Чтобы Садомазохизм физического контроля функционировал ему нужны два противоположных Притяжения: самолюбие и Влюбленность, Сила и Слабость, Господство и Подчинение. Ни

о каком «равенстве», «уважении и восхищении» на поле Эгосистемы материальной энергии не может быть и речи.

Быть «сильным» здесь значит «командовать слабым», быть господином над рабами, быть объектом влюбленности у женщин и мужчин. Некоторые предпочитают женщин. Никакого другого представления о «силе» закон сохранения силы не может им предоставить на поле материальной энергии физического контроля. Настоящее определение Силы и настоящий доступ к силе — только у научного контроля поля Интеллекта энергии духа.

Г. Честертон, «Вечный человек»:

> «В наши дни книги и газеты наперебой описывают популярного ге
> роя, которого называют Пещерным Человеком. Видимо, все хорошо,
> даже лично с ним знакомы. Его психологию серьезно учитывают
> и враги, и авторы романов. Насколько я понял, он чаще всего бил
> жену и вообще, как говорят теперь, обращался с женщиной «без ду
> раков». Не знаю, первобытные ли дневники или сообщения о разво
> дах легли в основу таких воззрений. Мало того, я никак не могу по
> нять, почему, если фактов нет, надо считать наиболее вероятными
> именно эти поступки. Нам непрестанно толкуют, что человек тех вре
> мен то и дело размахивал дубинкой и, прежде чем уволочь даму,
> стукал ее по голове. Нет, не пойму, почему у столь грубого самца
> столь щепетильная самка! Может быть, Пещерный Человек был ис
> тинным зверем, но отчего бы ему быть грубее самих зверей? Браки
> жираф и ухаживания бегемотов обходятся без таких ужасов. Может
> быть, он был не лучше пещерного медведя — но юная медведица,
> воспетая детьми, не проявляет яростной тяги к безбрачию. Словом,
> семейная жизнь пещерных людей удивляет меня и при вере в эво
> люцию, и без этой веры. ….Когда автор сексуального романа пишет:
> «Красные искры заплясали в глазах Дагмара Даблдика, и он почув
> ствовал, что в нем просыпается далекий пещерный предок», читатель
> будет разочарован, если Дагмар просто примется рисовать на стене
> коров. Когда психоаналитик говорит пациенту: «Вами движут подав
> ленные инстинкты Пещерного Человека», он не имеет в виду тягу
> к рисованию или к мирным наблюдениям над травоядными. Мы зна
> ем точно, что первобытный человек занимался этими безобидными
> делами, но у нас нет ни малейшего свидетельства о том, что он про
> делывал приписываемые ему гадости. Пещерный Человек сенса
> ций — это просто миф или, вернее, недоразумение. В мифе, по край
> ней мере, есть поэтическая правда, а ценность этого недоразумения

в том, что оно оправдывает весьма современную распущенность. Ес ли мужчина хочет стукнуть женщину, лучше его просто назвать ха мом, не приплетая к этому делу Пещерного Человека, о котором мы знаем только то, что рассказали нам несколько безобидных и очень хороших рисунков».

Л. Толстой, «Крейцерова соната»:

«Если нашли, что сватовство унизительно, то уж это в тысячу раз больше. Там права и шансы равны, а здесь женщина или раба на базаре, или привада в капкан. с одной стороны, совершенно справедливо то, что женщина доведена до самой низкой степени унижения, с другой стороны — что она властвует. Точно так же как евреи, как они своей денежной властью отплачивают за свое угнетение, так и женщины. „А, вы хотите, чтобы мы были только торговцы. Хорошо, мы, торговцы, завладеем вами“, — говорят евреи. „А, вы хотите, чтобы мы были только предмет чувственности, хорошо, мы, как предмет чувственности, и поработим вас“, -говорят женщины. Не в том отсутствие прав женщины, что она не может вотировать или быть судьей — заниматься этими делами не составляет никаких прав, — а в том, чтобы в половом общении быть равной мужчине, иметь право пользоваться мужчиной и воздерживаться от него по своему желанию, по своему желанию избирать мужчину, а не быть избираемой. Вы говорите, что это безобразно. Хорошо. Тогда чтоб и мужчина не имел этих прав».

J. S. Mill, Subjection of women:

«Though the truth may not be felt or generally acknowledged for generations to come, the only school of genuine moral sentiment is society between equals. The moral education of mankind has hitherto emanated chiefly from the law of force, and is adapted almost solely to the relations which force creates. In the less advanced states of society, people hardly recognise any relation with their equals. To be an equal is to be an enemy. Society, from its highest place to its lowest, is one long chain, or rather ladder, where every individual is either above or below his nearest neighbour, and wherever he does not command he must obey. Existing moralities, accordingly, are mainly fitted to a relation of command and obedience. Yet command and obedience are but unfortunate necessities of human life: society in equality is its normal state. Already in modern life, and more and more as it progressively improves, command and obedience become exceptional facts in life, equal association its general rule.

> We have had the morality of submission, and the morality of chivalry and generosity; the time is now come for the morality of justice. Whenever, in former ages, any approach has been made to society in equality, Justice has asserted its claims as the foundation of virtue. It was thus in the free republics of antiquity. But even in the best of these, the equals were limited to the free male citizens; slaves, women, and the unenfranchised residents were under the law of force».

Вот почему Порабощение женщин в обществе обязательно есть свидетельство Активного Поля Эгосистемы у мужчин — наличия у них физического контроля вместо научного контроля. Другими словами, свидетельство варварства общества, где правят Колдуны-аборигены.

Ведь почему нам смешны Колдуны-аборигены, которые с таким важным и торжественным видом командуют природными стихиями: Приказывают Солнцу встать, Дождю пойти, Снегу остановится, Ветру подняться, а табуну газелей выйти на охотников? Почему нам смешны эти люди? Потому что они делают напряженное лицо и считают, что получили силу. Однако, стихии идут своим чередом и никогда не узнают что есть на свете такие дураки, которые пытались им давать команды идти против законов природы.

То же самое происходит с Сатанами.

С детства их учат что быть мужчиной значит быть Силой. Значит командовать и подчинять других. Значит быть насильником и причинять боль, значит быть воином и убивать людей. И что если они будут «настоящими мужчинами» то все двери счастья и наслаждений откроются перед ним. Главное, всегда оставаться господином, и особенно в отношении порабощённых женщин.

И они всеми силами порабощают женщин. Всеми возможными путями запугивают и унижают женщин, всеми возможными путями сводят их воспитание и образование к идиотизму, и заталкивают их в проституцию и публичные дома. А потом хвастаются, как парижане, своими знаменитыми публичными домами — вот сколько наслаждений смогли добиться Сатаны своей Силой!

Однако, они сами знают, что ничего кроме «унылой порнографии», как говорит Гайто Газданов, такая «индустрия развлечений» дать не может. И нормальные люди, подобно Газданову и Селинджеру, которые говорят о том, что поиски удовольствия с этими забитыми морально и физически людьми — последнее что приходило им в голову когда они их наблюдали, чувствуют это сразу. Сатаны тоже это понимают, потому что начинают искать о. Эпштейна и собирать там маленьких детей, потом они начинают насиловать этих детей в надежде, что может быть здесь они найдут «наслаждение». Они приглашают королей и голливудских знаменитостей, мировых моделей и известных политиков — они ищут романтику, чтобы как-то оживить мертвечину «материальной Силы насилия». Но опять терпят крах: ведь Романтика — это всего лишь сбой Садомазохизма, вариант сломанного физического контроля.

Так и остаются Колдуны Вольтера у разбитого корыта, а общественные стихии отказываются повиноваться их приказам и дарить им «наслаждения».

Вирджиния Джуффре пишет в своих мемуарах, что Эпштейн называл себя «преступником, уголовником» и говорил, что это отличает его от «сексуальных хищников, как убийца отличается от вора». То есть для его Самолюбия, для его Эго важно было подчеркнуть Силу своей позиции Насильника невинных жертв в обществе: он не просто интересуется сексом, он Сила, он Убийца, он Насильник.

Милль пишет что в таком ключе воспитывают всех мальчиков по отношению к девочкам в обществе, где в основу общественных отношений положено Порабощение женщин.

V. Guiffre, «Nobody's girl»:

> «Today I know that Epstein liked to tell friends that women were merely „a life-support system for a vagina." I didn't know that then. Today I know that Epstein made the following chilling distinction: „I'm not a sexual predator; I'm an „offender." It's the difference between a murderer and person who steals a bagel." I didn't know that then either. Today I see how little he cared about the girls and women he abused. But for a long time, I couldn't see it. Or maybe I didn't want

to see it. My experience being brutalized by the Prime Minister — and the way Epstein glossed over it — changed that for me. Before the Prime Minister's attack, Epstein had me fooled. I thought that Epstein's predilection for childlike girls was a sickness, but that in his twisted way he meant well. After the attack, I couldn't stay a fool. Having been treated so brutally and then seeing Epstein's callous reaction to how terrorized I felt, I had to accept that Epstein meted out praise merely as a manipulation to keep me subservient».

J.S. Mill, «Subjection of women»:

«People are not aware how entirely, informer ages, the law of superior strength was the rule of life; how publicly and openly it was avowed, I do not say cynically or shamelessly — for these words imply a feeling that there was something in it to be ashamed of, and no such notion could find a place in the faculties of any person in those ages, except a philosopher or a saint.

…All that education and civilization are doing to efface the influences on character of the law of force, and replace them by those of justice, remains merely on the surface, as long as the citadel of the enemy is not attacked. The principle of the modern movement in morals and politics, is that conduct, and conduct alone, entitles to respect: that not what men are, but what they do, constitutes their claim to deference; that, above all, merit, and not birth, is the only rightful claim to power and authority.

…Well brought-up youths in the higher classes thus often escape the bad influences of the situation in their early years. Such people are little aware, when a boy is differently brought up, how early the notion of his inherent superiority to a girl arises in his mind; how it grows with his growth and strengthens with his strength; how it is inoculated by one schoolboy upon another; how early the youth thinks himself superior to his mother, owing her perhaps forbearance, but no-real respect; and how sublime and sultan-like a sense of superiority he feels, above all, over the woman whom he honours by admitting her to a partnership of his life. Is it imagined that all this does not pervert the whole manner of existence of the man, both as an individual and as a social being? It is an exact parallel to the feeling of a hereditary king that he is excellent above others by being born a king, or a noble by being born a noble. The relation between husband and wife is very like that between lord and vassal, except that the wife is held to more unlimited obedience than the vassal was. The self-worship of the monarch, or of the feudal superior, is matched by the self-worship of the male».

3. «ДЕБИЛИЗАЦИЯ» ЖЕНЩИН. «СЛАБЫЕ» ЖЕНЩИНЫ ОТВРАТИТЕЛЬНЫ

«Слабая» женщина — это не природа женщины, как подчеркивают все разумные исследователи. Д. С. Милль много раз подчеркивает, что весь исторический процесс показал равенство возможностей мужчин и женщин, и что странности истерического характера женщин — это воспитание и ненормальная ситуация «любовного рабства», в которую их поставили. Об этом же говорит Симона де Бовуар во «Втором поле», постоянно подчеркивая, что современная женщина, идиот и истеричка как она есть -э то результат ненормального воспитания и культивации в женщинах «Романтики» поля Эгосистемы как единственного смысла жизни. Б. Рассел активно боролся за права женщин и пишет об этом в своих мемуарах. В его школе мальчиков и девочек воспитывали одинаково, как когда-то спартанских мальчиков и девочек одинаково обучали и наукам и войне.

Симона де Бовуар, «Второй пол»:

> «Сегодня нам понятно, почему в обвинениях, выдвигаемых против женщины во все времена, в эпоху расцвета Греции и в наши дни, так много общего: ее положение осталось прежним, происшедшие изменения были чисто поверхностными, и именно этот удел определяет то, что называется «характером» женщины: она «погрязла в имманентности», она — сам дух противоречий, она осторожна и мелочна, ограниченна, неточна, безнравственна, самым недостойным, низким образом прагматична, лжива, неискренна, корыстна… Во всех этих утверждениях есть доля истины. Только ее поведение, ее качества, все, в чем ее обвиняют, не предопределено ей природой, ее женскими гормонами, и не заложено в клетках ее мозга: общество, общественное устройство, принуждает женщину вырабатывать в себе определенные качества и диктует ей формы поведения, которые предопределены ее «ситуацией».

J.S. Mill, «Subjection of women»:

> «Now, the most determined depreciator of women will not venture to deny, that when we add the experience of recent times to that of ages past, women, and not a few merely, but many women, have proved themselves capable of everything, perhaps without a single

> exception, which is done by men, and of doing it successfully and creditably. Let us first make entire abstraction of all psychological considerations tending to show, that any of the mental differences supposed to exist between women and men are but the natural effect of the differences in their education and circumstances, and indicate no radical difference, far less radical inferiority, of nature. Let us consider women only as they already are, or as they are known to have been; and the capacities which they have already practically shown. It will be said, perhaps, that the greater nervous susceptibility of women is a disqualification for practice, in anything but domestic life, by rendering them mobile, changeable, too vehemently under the influence of the moment, incapable of dogged perseverance, unequal and uncertain in the power of using their faculties. I think that these phrases sum up the greater part of the objections commonly made to the fitness of women for the higher class of serious business. Much of all this is the mere overflow of nervous energy run to waste, and would cease when the energy was directed to a definite end. I have-said that it cannot now be known how much of the existing mental differences between men and women is natural and how much artificial; whether there are any natural differences at all; or, supposing all artificial causes of difference to be withdrawn, what natural character would be revealed»

Однако, те же исследователи, включая и Симону Бовуар, признают, что в обществе Порабощения женщин они действительно часто превращаются в дебилов, в кликуш, в романтических самовлюбленных идиотов, в истериков — словом в личности, с которыми неприятно иметь дело.

Такая «Слабость» женщин, которых Сатаны сталкивают на Притяжение Влюблённости и Самовлюбленности Поля Эгосистемы — необходима только самим Сатанам, которые в силу ущербности своего Физического контроля нуждаются в Слабости, чтобы чувствовать свою Силу.

В итоге, они очень преуспели в том, что сталкивать женщин с нормального развития на поле Интеллекта в эпоху их юности на поле Эгосистемы, раздувая романтическое притяжение Самовлюленности, и как говорит Джон Милль, превращая мечту о «соблазне Принца» в полярную звезду всей своей жизни. Однако, результатом такой «Слабости» женщин, столь вожделен-

ной Сатанами, становится их «Дебилизация» как говорит Симона де Бовуар — ведь мертвенность поля Эгосистемы пожирает их интеллект и позитивные эмоции энергии духа, превращая их в глупых и надоедливых истеричек. Толстой пишет что превращая людей женского пола в источник наслаждения для другой половины человечества, они настолько уродуют в них все человеческое, что этому факту мы обязаны феноменом бабьего кликушества. Бовуар пишет, что развивая в женщинах Самовлюбленность и погружая ее в мечты о Прекрасном Принце, мужской мир полностью закрывает для женского восприятия реальность, и тем самым «женщина» современного общества — это малопривлекательный идиот. Милль пишет, что мужчины воспитывают женщин «одалисками» для гаремов султанов, которые во всем повинуются общественному мнению и не имеют своего мнения. Чтобы узнать естественный характер женщин, мы сначала должны привести его в состояние нормы, исправить эти жуткие искусственные искривления, данные воспитанием. Воспитание Сатанов, добавим мы, которые искривляют девочек в идиотов Влюбленности и Самовлюбленности под свое свиное Самолюбие физического контроля Садомазохизма.

Если бы не этот чудовищный процесс и варварские понятия Силы и Слабости как Самолюбия и Влюбленности аборигенов поля Эгосистемы — женщины получали бы нормальное развитие своего поля Интеллекта, и становились бы интересными и прекрасными личностями. Очень может ыть что превзошли бы мужчин в интеллектуальных достижениях, ведь тонкость нервной системы — это хороший залог для процессов мышления. По крайней мере, факты истории не оставляют сомнений что женщин ни в чем не уступают мужчинам интеллектуально.

Л. Толстой, «Крейцерова Соната»:

> «И образование женщины будет всегда соответствовать взгляду на нее мужчины. Ведь все мы знаем, как мужчина смотрит на женщину: «Wein, Weiber und Gesang», и так в стихах по-эты говорят. Возьмите всю поэзию, всю живопись, скульптуру, начиная с любовных стихов и голых Венер и Фрин, вы видите, что женщина есть ору-

дие наслаждения; она такова на Трубе, и на Грачевке, и на придворном бале. И заметьте хитрость дьявола: ну, наслажденье, удовольствие, так как бы и знать, что удовольствие, что женщина сладкий кусок. Нет, сначала рыцари уверяли, что они боготворят женщину (боготворят, а все-таки смотрят на нее как на орудие наслаждения). Теперь уже уверяют, что уважают женщину.

То же и с эмансипаци-ей женщины. Рабство женщины ведь только в том, что люди желают и считают очень хорошим пользоваться ею как орудием наслаждения. Ну, и вот освобождают женщину, дают ей всякие права, равные мужчине, но продолжают смотреть на нее как на орудие наслаждения, так воспи-тывают ее и в детстве и общественным мнением. И вот она все такая же приниженная, развращенная раба, и мужчина все такой же развращенный рабовладелец. Освобождают женщину на курсах и в палатах, а смотрят на нее как на предмет наслажде-ния. Научите ее, как она научена у нас, смотреть так на самую себя, и она всегда останется низ-шим существом. Или она будет с помощью мерзавцев-докторов предупреждать зарождение пло-да, то есть будет вполне проститутка, спустившаяся не на ступень животного, но на ступень вещи, или она будет то, что она есть в большей части случаев, — больной душевно, истеричной, несчастной, какие они и есть, без возможности духовного развития. А именно тот, что женщина, наперекор своей природе, должна быть одновре-менно и беременной, и кормилицей, и любовницей, должна быть тем, до чего не спускается ни одно животное. И сил не может хватить. И оттого в нашем быту истерики, нервы, а в народе — кликуши. Вы заметьте, у девушек, у чистых, нет кликушества, только у баб, и у баб, живущих с мужьями. Так у нас. Точно так же и в Европе. Все больницы истеричных полны женщин, нару-шающих закон природы. Но ведь кликуши и пациентки Шарко — это совсем увечные, а полука-лек женщин полон мир. Ведь только подумать, какое великое дело совершается в женщине, ко-гда она понесла плод или когда кормит родившегося ребенка. Растет то, что продолжает, заменяет нас. И это-то святое дело нарушается — чем же? — страшно подумать! И толкуют о сво-боде, правах женщин. Это все равно, что людоеды откармливали бы людей пленных на еду и вместе с тем уверяли бы, что они заботятся о их правах и свободе».

Симона Бовуар, «Второй пол»:

«В этом истинный смысл выражения, адресованного женщине, — «вечное дитя»; вот так же относились к чернокожим рабочим, к рабам, к колониальным народам, называя их «большие дети», до тех пор пока их не боялись; и это означало, что они должны безропотно

следовать той правде и тем законам, которые им навязывались другими. Уделом женщины стали повиновение и почтение. Даже в мыслях она не имеет подступа к осаждающей ее со всех сторон реальности. Для нее жизнь — это глухое, безликое присутствие.
Но, в конце концов, ясный взгляд на мир — не ее дело; ее приучили во всем полагаться на мужской авторитет, и она отказывается критиковать что бы то ни было, изучать что-то и судить о чем-либо самостоятельно. Она во всем полагается на авторитет высшей касты.
Многие из недостатков, в которых ее упрекают, такие, как посредственность, ограниченность, незначительность, мелочность, робость, ничтожность, леность, легкомыслие, раболепие, свидетельствуют лишь о том, что женщине ограничили горизонт. При этом говорят, что женщина слишком чувствительна или что она погрязла в имманентности; да прежде всего ее заперли в этой имманентности. Рабыни гарема не испытывают никакой патологической страсти к варенью из розовых лепестков, к ароматизированным ваннам: и то и другое помогает им убивать время; в той мере, в какой женщина задыхается в своем скучном и мрачном гинекее — доме, который она не может покинуть, семейном очаге, — в той же мере она будет увлекаться комфортом, стремиться к благосостоянию, ища в них убежище
женщина преодолевает чувство обойденности, обманутости, искалеченности, фрустрации. Однако подчеркиваю еще раз; женщина придает такую значимость имманентности лишь потому, что это ее единственный удел. У ее легкомыслия и у ее «отвратительного материализма» одна и та же причина; она придает значение мелочам, тому, что в сущности ничтожно, нестоящее, незначительно, оттого, что не допускается к значительному, к решающе важному и серьезному»

J.S. Mill, «Subjection of women»:

«Of all difficulties which impede the progress of thought, and the formation of well-grounded opinions on life and social arrangements, the greatest is now the unspeakable ignorance and inattention of mankind in respect to the influences which form human character.
This is, an analytic study of the most important department of psychology, the laws of the influence of circumstances on character. For, however great and apparently ineradicable the moral and intellectual differences between men and women might be, the evidence of there being natural differences could only be negative.
Women who read, much more women who write, are, in the existing constitution of things, a contradiction and a disturbing element: and it

was wrong to bring women up with any acquirements but those of an odalisque, or of a domestic servant.
We may safely assert that the knowledge which men can acquire of women, even as they have been and are, without reference to what they might be, is wretchedly imperfect and superficial, and always will be so, until women themselves have told all that they have to tell.
And this time has not come; nor will it come otherwise than gradually. It is but of yesterday that women have either been qualified by literary accomplishments or permitted by society, to tell anything to the general public. As yet very few of them dare tell anything, which men, on whom their literary success depends, are unwilling to hear. Let us remember in what manner, up to a very recent time, the expression, even by a male author, of uncustomary opinions, or what are deemed eccentric feelings, usually was, and in some degree still is, received; and we may form some faint conception under what impediments a woman, who is brought up to think custom and opinion her sovereign rule, attempts to express in books anything drawn from the depths of her own nature».

4. ПРОСТИТУТКИ И ГОРНИЧНЫЕ

Дело конечно не только в воспитании женщин. Дж. Оруэлл пишет, что экономическая нищета общества необходима для поддержания отношений господства и подчинения в обществе. А отношения господства и подчинения — необходимы только Сатанам физического контроля материальной энергии. Вот почему эти вредители общества будут стараться поддерживать в нем «консерватизм», то есть полюса нищеты и богатства, — чтобы им было кем командовать. Маркс ошибался рационализируя их поведение до целей обогащения или каких то других рациональных целей. Их цель — упражнение Садомазохизма, отношения Господства и Подчинения, Самолюбия и Влюбленности — то без чего нет их физического контроля материальной энергии. И для этого им нужна нищета в обществе. Ведь никто не станет подчиняться им добровольно, а времена открытого насилия и рабства уже миновали. Так, файлы Эпштейна и мемуары Вирджинии Джуффре показывают, что нищета с одной стороны, с другой стороны привычка с детства быть

жертвами мужчин — вот что вовлекло многих девочек в лапы Эпштейна.

Поэтому ключевым моментом наравне с воспитанием в порабощении женщин является — нищета, бедность, которых всегда в любом современном самом богатом обществе.

В итоге, Сатаны достигают желаемого в обществе, где победила материальная энергия: женщины-секретарши, женщины-горничные, женщины — всякого рода обслуживающий персонал у мужчин-боссов. Женщины воспитанные как романтическая Самовлюбленность. Женщины в поисках большой любви. Женщины, поклоняющиеся мужчинам как полагается всем аборигенам на поле Эгосистемы: магическое сознание и магия идолопоклонства.

Проницательность знаменитой работы де Бовуар «Второй пол» в том, что она постоянно подчеркивает магическое сознание таким образом воспитанной женщины, то есть превращение женщин в «аборигенов-дикарей» по уровне развития. А также вытекающее из этого сознания идолопоклонство Тотемам, которыми для женщин становятся мужчины. Романтическая Самовлюбленность которую воспитывает в женщинах культура романтизма (фильмы, литературы, живопись — все посвящено романтизму Самовлюбленности) также в центре внимания знаменитой исследовательницы. И она показывает, что эта Самовлюбленность — пожирает интеллектуальные и моральные ресурсы женщины, останавливает ее развитие как личности. Действительно поле Эгосистемы материальной энергии уничтожает любую личность. Не только женщин, которых они сталкивают на притяжение Влюленности, но и самих мужчин, самих Сатанов в первую очередь. Разница только в том, что Сатаны превращаются в мертвых маньяков, пожирающих одну жертву за другой, а женщины превращаются в жалкие жертвы, забитые до степени дебилизма.

Достоевский пишет в «Карамазовых» о разврате, что «всегда будут горничные для развратников». Симона Бовуар сообщает, что большая часть проституток из горничных. Ее слова

подтверждает Гайто Газданов в «Ночных дорогах». Романы секретаршей с босами стали притчей во языцех. Таким образом, мировая практика еще раз подтверждает, что «возбуждает» Сатанов — унижение женщин, насилие над женщинами. Потому что для физического контроля это единственный способ почувствовать свою «Силу». Так работает Закон Сохранения Силы для дураков, простыми словами если говорить.

И в конечном итоге, Сатаны настолько успешно забивают женщин на поле Эгосистемы, где их личность полностью деформируется в придаток для их Притяжения Самолюбия, что женщины превращаются в ничтожества противные им самим. Вот что такое «Сила» Дураков. Конечно, они не скажут того, что говорят Толстой, Газданов, Селинджер, Милль, Рассел, Честертон об отвращении к этим развращенным и искалеченным существам, о близости с которыми они не могли бы подумать и в страшном сне. Но даже они сами, будучи все же в каком то жизненном ритме, не могут не чувствовать отвращения к убитым ими жертвам. Всего они достигли, кроме цели, которую ставили: Нет им наслаждения жизнью! Нет позитивных эмоций дуракам, которые понимают Силу как Насилие над «Слабыми». «Никому не нравится мертвая лошадь», — говорил Эпштейн Джуффре, наставляя ее имитировать удовольствие. Однако, труп не заставишь сымитировать не только удовольствие, но даже правдоподобную улыбку. Следовательно, вся их «индустрия удовольствий», основанная на «слабых женщинах» сводится к сексу с «дохлыми лошадями».

Г. Честертон в «Что не так с миром» подчеркивает холодность с женщин и даже вспоминает в этой связи древний миф — Холодность Хлои. Симона де Бовуар пишет в «Втором поле», что именно постоянное чувство униженности и неуверенности, которое вселяют в женщину воспитывая ее в идолопоклонстве мужским гениталиям делает женщин холодными, и превращает для них постель в испытание. Она же пишет что для мужчин постель –это поле боя, война, и говорят они о нем в терминах войны: победы и поражения, «овладения» женщиной. Все это убивает

в женщине остатки желания и окончательно закрывает Сильным Сатанам все пути к позитивным эмоциям женщин, к тому источнику тепла и любви, без которого нет жизни человечества.

V. Guiffre, «Nobody's girl»:

> «Early on, he'd made clear that during sexual encounters, I should appear to be enjoying what he did to me or what he made me do to him. „I want bubbly and energetic," he said. „Nobody wants a dead horse." So when he'd ask me questions about my body's response to him — to describe having an orgasm, say — I would do so, even though most times, I had faked it and had to lie…….If there was one thing I knew about, it was damage — the lasting reverberation of past trauma. I had been trafficked to dozens of men by this point, and I remembered their faces clearly. There were old men and even older men; nerdy, shy men and boorish, arrogant men. There were men who wanted me to wear outfits and men who wanted to see me naked and men who didn't notice if I was clothed, as long as I touched them. There were men who couldn't get or maintain erections. There were men who behaved as if I were lucky to be with them. There was at least one man who ignored me as I serviced him sexually, preferring instead to focus his eyes upon, and even to fondle, Epstein. Some men seemed grateful for my attention, particularly the septuagenarians, many of whom thanked me afterward, calling me „a good girl." While I appreciated that these ancient men were less brutish than others, I still felt sick when they said that. Their words made it undeniably clear that for them, my childlike appearance was part of my sexual appeal. It is truly impossible to say how many men there were, in part because I didn't keep count, and in part because my interactions with many of them were so similar. Still, I was expected to make all the men happy, even though doing so made me miserable».

Симона Бовуар, «Второй пол»:

> «Рассказывая о том, что он переспал с женщиной, мужчина говорит, что он ее «взял» или что он ею «обладал», иногда, говоря об обладании женщиной в грубых выражениях, мужчина заявляет, что он ее «трахнул»; Говоря на эротические темы, мужчины используют военные термины; любовнику свойственна стремительность солдата, его половой член выгибается как лук, эякуляция — это залп, можно подумать, что речь идет о пулемете или пушке; они говорят об атаках, осадах, победах. Для мужчины совокупление — это что-то вроде героического поступка, «Половой акт, который заключается в оккупа-

ции одного существа другим, — пишет Бенда в «Докладе Уриэля», — наводит на мысль о захватчике и захваченной вещи. Поэтому, когда люди обсуждают даже самые цивилизованные любовные отношения, они употребляют такие слова, как победа, атака, приступ, осада, защита, поражение, капитуляция, то есть совершенно явно проводят параллель между любовью и войной. Этот акт приводит к осквернению одного существа другим и внушает осквернителю определенную гордость, оскверненный же, даже если все произошло с его согласия, испытывает унижение».

Б. Рассел, «Борьба за счастье»:

«Лучшая любовь та, которая обеспечивает взаимное дарование жизни; каждый получает любовь с радостью и дарит без усилий, и каждый находит мир значительно более интересным в результате этого взаимного счастья. Имеется, однако, и другая любовь, вне сомнений ненормальная, когда один человек высасывает энергию другого человека, один получает от другого все, а сам взамен не дает ничего. Многие энергичные люди принадлежат к этой категории кровопийц. Они обескровливают одну жертву за другой, и пока они процветают и становятся все более обольстительными, те, на ком они наживаются, бледнеют, хиреют и глупеют. Такие люди видят других только как средства для своих целей, и никогда не рассматривают их как людей самих по себе. У них нет реальной заинтересованности в людях, которых как им кажется они сейчас любят; они заинтересованы только в стимулах для своей собственной деятельности, возможно весьма безличного характера. По всей очевидности это следствие ущербности личности этих людей, но болезнь эта трудна для диагностирования и лечения»

Симона Бовуар, «Второй пол»:

«Из всех причин проституции, — писал в 1857 году Паран-Дюшатле по итогам проведенного им исследования, — определяющими являются отсутствие работы и нищета — неизбежное следствие мизерной оплаты труда». Благомыслящие моралисты издевательски заявляют, что все рассказы, вызывающие жалость и сочувствие к проституткам, предназначаются наивному клиенту. Действительно, во многих случаях проститутка могла бы зарабатывать на жизнь иным способом; однако, если избранный путь ей не кажется самым худшим, это вовсе не доказывает, что у нее в крови порок; скорее следует осудить то общество, где это ремесло представляется женщине менее отвратным, чем какое-нибудь другое. Возникает вопрос: почему та или иная жен-

щина избирает проституцию? Но корректнее было бы спросить: а почему бы ей ее не избрать? Среди прочего было замечено, что очень большое количество «девочек» встречается среди служанок, причем во всех странах, как отмечал Паран-Дюшатле. Лили Браун обнаружила это в Германии, а Рикер в Бельгии. Приблизительно 50 процентов проституток в прошлом были прислугой. Достаточно беглого взгляда на «комнаты для прислуги», и все становится ясным. Эксплуатация, угнетенное положение, при котором с ней обращаются скорее как с вещью, нежели как с человеческой личностью; прислуга ли она, выполняющая все виды работ по дому, или горничная — ей не приходится ждать в будущем улучшения своей судьбы; она вынуждена также исполнять и капризы хозяина; и вот от рабства, связанного с ее положением служанки, от любовной интрижки, заведенной с ней хозяином, она скатывается к рабству, которое вряд ли можно считать унизительным.... Но, раз попав в сферу проституции, женщина вынуждена оставаться в ней зачастую против своей воли. Поначалу необходимые ей средства дает сутенер или содержательница публичного дома, которые таким образом присваивают себе все права на нее, забирают себе большую часть ее заработка, и освободиться от них ей очень трудно. Мария-Тереза вела настоящую войну много лет, прежде чем одержала победу.

Большая же часть проституток морально адаптируется к своему уделу; это совсем не означает, что у них наследственная или врожденная порочность, аморальность, — они просто чувствуют себя, и не без оснований, частью общества, требующего от них именно таких услуг. Они прекрасно знают, что назидательные речи полицейских, регистрирующих их, чистейшее пустословие, а возвышенные чувства, афишируемые клиентами за стенами борделя, их мало смущают. Нет, не моральная и не психологическая стороны жизни отягощают существование проститутки. Ее материальное положение в большинстве случаев плачевно. Обираемые сутенером и держательницей публичного дома, проститутки никогда не чувствуют себя уверенно, а три четверти из них вообще не имеют своих денег. Доктор Бизар, лечивший, по его выражению, легионы проституток, говорит, что приблизительно 75 процентов из них лет пять спустя после освоения ремесла схватывают сифилис; особенно легко, пугающе легко, заражаются неопытные несовершеннолетние проститутки; среди них процентам 25 необходима операция из-за осложнений после перенесенной гонореи. Одна из двадцати заболевает туберкулезом, 60 процентов становятся алкоголичками или наркоманками; 40 процентов умирают, не дожив до сорока лет. К этому нужно добавить, что предпринимаемые ими меры предосторожности не всегда

надежны, и время от времени они беременеют, а аборт делают, как правило, в ужасных условиях, Проституция низкого пошиба — это тяжелое ремесло, при котором женщина подвергается сексуальному и экономическому угнетению, испытывает произвол полиции, терпит унизительный медицинский контроль, капризы клиентов, не защищена ни от каких инфекций, ни от каких болезней, а также и от нищеты; при котором она в полном смысле слова низведена до уровня вещи»

Г. Газданов, «Ночные дороги»:

«....каждую ночь я уходил оттуда все более и более отравленным — и мне понадобилось все-таки несколько лет для того, чтобы впервые подумать о всех этих ночных жителях как о живой человеческой падали, — раньше я был лучшего мнения о людях и, несомненно, сохранил бы много идиллических представлений, которые теперь навсегда недоступны для меня, как если бы зловонный яд выжег во мне ту часть души, которая была предназначена для них. И эта мрачная поэзия человеческого падения, в которой я раньше находил своеобразное и трагическое очарование, перестала для меня существовать, и я полагаю теперь, что ее возникновение было основано на незнании и ошибке, которая оказалась такой непоправимой для Жерара де Нерваля, упомянутого Платоном в нашем утреннем разговоре. И люди, создавшие ее и которых тянуло туда, как их тянет смерть, лишены даже того утешения, что, умирая, они видели вещи такими, какими они были действительно и какими они их описали

...Я возвращался домой обычно в пятом или шестом часу утра, по неузнаваемым пустым и сонным улицам. Иногда я проезжал через Центральный рынок — и, я помню, меня особенно поразило, когда я впервые увидел людей, запряженных в небольшие тележки, в которых они везли провизию; я смотрел на обветренные лица и на особенные их глаза, точно подернутые прозрачной и непроницаемой пленкой, характерной для людей, не привыкших мыслить, — такие глаза были у большинства проституток — и думал, что, наверное, то же, вечно непрозрачное, выражение глаз у китайских кули, такие же лица были у римских рабов — и в сущности, почти такие же условия существования. Вся история человеческой культуры для них не существовала никогда, — как не существовала история вообще, смена политических режимов, кровавое соперничество идей, расцвет христианства, распространение письменности. Тысячи лет тому назад их темные предки существовали почти так же, как они, и так же работали, и так же не знали истории людей, живших до них, — и все всегда было приблизительно то же

самое. И они все были приблизительно одинаковы — рабочие-арабы, познанские крестьяне, приезжающие во Францию по контрактам, — и вот эти рабы на Центральном рынке; все великолепие культуры, сокровища музеев, библиотек и консерваторий, тот условный и торжественный мир, который связывает людей, причастных ему и живущих за десятки тысяч километров друг от друга, эти имена — Джордано Бруно, Галилей, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Моцарт, Толстой, Бах, Бальзак — все это были напрасные усилия человеческого гения — и вот прошли тысячи и сотни лет цивилизации, и снова, на рассвете зимнего или летнего дня, запряженный системой ремней тот же вечный раб везет свою повозку. После того как я прожил несколько лет среди различных категорий таких людей, и в частности, после ужасного фабричного стажа, позже, в университете, когда я слушал лекции профессоров и читал книги, необходимые для курса социологии, который я сдавал, меня удивляло глубочайшее, неправдоподобное несоответствие их содержания с тем, о чем в них шла речь.

...Все или почти все, что было прекрасного в мире, стало для меня точно наглухо закрыто — и я остался один, с упорным желанием не быть все же захлестнутым той бесконечной и безотрадной человеческой мерзостью, в ежедневном соприкосновении с которой со стояла моя работа. Она была почти сплошной, в ней редко было ме сто чему- нибудь положительному, и никакая гражданская война не могла сравниться по своей отвратительности и отсутствию чего нибудь хорошего с этим мирным, в конце концов, существованием. Конечно, это объяснялось еще и тем, что население ночного Парижа резко отличалось от дневного и состояло из нескольких категорий людей, по своей при роде и профессии чаще всего уже заранее об реченных.

.....В этом ночном Париже я чувствовал себя каждый день, во время работы, приблизительно как трезвый среди пьяных. Вся его жизнь была мне чужда и не вызывала у меня ничего, кроме отвращения или сожаления, все эти любители ночных кабачков или специальных заведений, эти своеобразные влюбленные, по терминологии Ральди, похожие своим бесстыдством на обезьян зоологического сада, — от всего этого, как говорил один из моих коллег по шоферскому ре меслу, специалист по греческой философии и неутомимый коммен татор Аристотель, с души воротило. Уйти от этого было нельзя; и об этих годах моей жизни у меня осталось впечатление, что я про вел их в огромном и апокалиптически смрадном лабиринте.

.....Мимо нас проходила по тротуару сильно прихрамывающая жен щина. Посмотрите, — сказал негр с презрением, — это называется

женщина! — В чем ты ее упрекаешь? — Это алкоголичка, месье, вот в чем я ее упрекаю; ее надо упрекнуть в пьянстве, вот что я ей став лю в упрек. — И он закричал ей вслед: — Ты опять пьяна? — Кусок грязного негра, — ответила она.- Что? Ты хочешь, чтобы я тебе морду набил? Он кричал с очень свирепой интонацией, но не двигался с места, и когда оборачивался ко мне, то смотрел ленивым взглядом своих черных глаз с желтоватыми белками.- Вы знаете, как здесь ра ботают? — Нет, старик, не знаю.- Т ак вот, месье, здесь нет гостиниц. Такой здесь квартал. Есть Ритц и Мерис, но это для королей и герцо гов, снять комнату там нельзя.- И что же? — Так работать приходится на скамейках Тюильри. Клиент садится на скамейку, а женщина са дится на него верхом.- А? — Д а, так здесь работают. Так вот эта стер ва была такая пьяная вчера ночью... Ее клиент сидел и ждал ее, а она никак не могла сесть сверху как следует. Было просто стыдно смотреть на это, месье, — женщина в таком состоя нии, что она не могла даже делать свою работу.

....И вот — снова ночь, и парижские улицы, Монмартр, Монпарнас, Большие бульвары, Елисейские поля и, время от времени, мрачные и картинные кварталы окраин или нищих центров города. Я проез жал в ту ночь, около часу, по бульвару Огюста Бланки; на тротуаре невысокий человек в кепке бил по лицу женщину, которую я не успел рассмо треть. Она кричала и рыдала на всю улицу. Я знал, что не надо и нельзя в это вмешиваться и что мое заступничество было бы неуместно и бесполезно. Но я не мог на это смо треть, меня начала давить тупая и вялая тоска и желание остановить это го человека, по всей видимости, сутенера, и я испытывал еще невыносимое отвращение, почти похо жее на позывы к рвоте. Я за тормозил автомобиль, слез и направился к этому месту. Но я не успел ничего сделать. Откуда-то быстро подошел высокий, хоро шо одетый муж чина без шляпы; он оттолкнул субъекта в кепке и сказал с американским акцентом:- Вам не стыдно, животное? Женщин не бьют.- Что? — угрожающе сказал субъект в кепке. — Не может быть! Тебе тоже захотелось получить по морде? Он под нял правую руку, но в ту же короткую часть секунды человек с аме риканским акцентом ударил его в нижнюю челюсть. Я видел это вблизи и мог оценить удар, исключительной, безошибочной удач ности, почти профес сиональной: вся тяжесть тела была брошена вперед в не обыкновенно быстром движении, которое начиналось от ступни левой ноги, проходило по диагонали через бедро и грудь и заканчивалось стремительным и незаметным выпрямлением пра вой руки, сжатой в кулак. Субъект в кепке как-то особенно всхлип нул и упал, ударившись со всего размаха головой о тротуар. Изо

рта у него текла кровь, он остался неподвижно лежать. И тогда женщина, которую он только что перед этим бил, набросилась на американца и визгливо закричала:- Т ы раскровенил моего... Посмотрите на него, он, может быть, умер! Сволочь! Он удивленно на нее посмотрел, пожал плечами и пошел прочь своей быстрой и гибкой походкой. Она бежала за ним и кричала, уже совершенно захлебываясь от слез и бешенства:- Сволочь! Сволочь! Сволочь! Убийца! Я стоял недалеко от фонаря. Она опустилась на колени перед субъектом в кепке, продолжавшим лежать с мертвой неподвижностью, и говорила рыдающим голо сом, в котором я с удивлением расслышал нечто похожее на животную и булькающую нежность:- Бебер, ты меня слышишь? Бебер, мой миленький Бебер! И в эту секунду из темноты выехали на велосипедах два медлительных полицейских. Я сел в автомобиль и поехал дальше, и мне вспомни лись слова Ральди:- Да, мой милый, это любовь. Ты этого, может быть, никогда не поймешь. Но это любовь.

....Она обычно тихо сидела в углу, и я недоумевал, что она здесь делает в эти часы: она была всегда одна. Я спросил об этом у хозяйки: хозяйка ответила, что эта женщина работает, как другие. В первое время такие вещи удивляли меня, но потом я узнал, что даже очень пожилые и неряшливые женщины имеют свою клиентуру и нередко зарабатывают не хуже других.

.....Я был свидетелем того, как его беспощадно обкрадывали все, начиная от людей, отворявших ему дверцу автомобиля, которым он имел неосторожность дать крупный билет: они долго и нудно пересчитывали ему сдачу, он терпеливо стоял и смотрел на деньги мутными глазами — и в результате ему оставляли каких-нибудь двадцать франков мелочью, — и кончая горничными и самыми случайными субъектами, с которыми он сталкивался и которые немедленно становились его спутниками и посредниками, хлопали его по плечу и вместе с голыми женщинами, внутри этих учреждений, все время громко смеялись. Это было правило хорошего тона, которое я давно знал и происхождение которого, я думаю, нужно было искать во всей той рекламной литературе, которая обслуживала эту область промышленности и где визиты в публичные дома и другие учреждения такого же типа раз навсегда было принято считать выражением жизнерадостности, веселья и того самого знаменитого «галльского веселья», которое меньше всего вязалось с этой смертельно унылой порнографией. И я подумал, что он жил годами все в одном и том же своем маленьком городке, составлял нотариальные акты — все одни и те же: «в конторе нотариуса...», «с законной подписью...», «тысяча девятьсот...», — и тайком от семьи и близ ких знакомых лелеял убогую и на-

ивную иллюзию, что он, в сущности, блестящий кутила и любитель женщин, и вот ради этой иллюзии, которая придавала всей его жизни тайный смысл, он уезжал в Париж, «по делам», и здесь уже не мог ни в чем отступить от того поведения, которое было бы характерно именно для этого, нигде, кроме его бедного воображения, не существующего, кутилы и развратника. А за это он платил такой дорогой ценой».

Дж. Сэлинджер, «Над пропастью во ржи»:

«Она вошла, сразу сняла пальто и швырнула его на кровать. На ней было зеленое платье. Потом она села как-то бочком в кресло у письменного стола и стала качать ногой вверх и вниз. Положила ногу на ногу и качает одной ногой то вверх, то вниз. Нервничает, даже не похоже на проститутку. Наверно, оттого, что она была совсем девчонка, ей-богу. Чуть ли не моложе меня. Я сел в большое кресло рядом с ней и предложил ей сигарету.

— Не курю, — говорит. Голос у нее был тонкий-претонкий. И говорит еле слышно. Даже не сказала спасибо, когда я предложил сигарету. Видно, ее этому не учили.

— Разрешите представиться, — говорю. — Меня зовут Джим Стил.

— Часы у вас есть? — говорит. Плевать ей было, как меня зовут. — Слушайте, — говорит, — а сколько вам лет?

— Мне? Двадцать два.

— Будет врать-то!

Странно, что она так сказала. Как настоящая школьница. Можно было подумать, что проститутка скажет: «Да как же, черта лысого!» или «Брось заливать!», а не по-детски: «Будет врать-то!»

— А вам сколько? — спрашиваю.

— Сколько надо! — говорит. Даже острит, подумайте! — Часы у вас есть? — спрашивает, потом вдруг встает и снимает платье через голову. Мне стало ужасно не по себе, когда она сняла платье. Так неожиданно, честное слово. Знаю, если при тебе вдруг снимают платье через голову, так ты должен что-то испытывать, какое-то возбуждение или вроде того, но я ничего не испытывал. Наоборот — секс последнее, о чем я подумал.

— Часы у вас есть?

— Нет, нет, — говорю. Ох, как мне было неловко! — Как вас зовут? — спрашиваю. На ней была только одна розовая рубашонка. Ужасно неловко. Честное слово, неловко.

— Санни, — говорит. — Ну, давай-ка.

— А разве вам не хочется сначала поговорить? — спросил я. Ребячество, конечно, но мне было ужасно неловко. — Разве вы так спешите?

Она посмотрела на меня, как на сумасшедшего.

— О чем тут разговаривать? — спрашивает.

— Не знаю. Просто так. Я думал — может быть, вам хочется поболтать.

Она опять села в кресло у стола. Но ей это не понравилось. Она опять стала качать ногой — очень нервная девчонка!

— Может быть, хотите сигарету? — спрашиваю. Забыл, что она не курит.

— Я не курю. Слушайте, если у вас есть о чем говорить — говорите. Мне некогда.

Но я совершенно не знал, о чем с ней говорить. Хотел было спросить, как она стала проституткой, но побоялся. Все равно она бы мне не сказала.

— Вы сами не из Нью-Йорка! — говорю. Больше я ничего не мог придумать.

— Нет, из Голливуда, — говорит. Потом встала и подошла к кровати, где лежало ее платье. — Плечики у вас есть? А то как бы платье не измялось. Оно только что из чистки.

— Конечно, есть! — говорю.

Я ужасно обрадовался, что нашлось какое-то дело. Взял ее платье, повесил его в шкаф на плечики. Странное дело, но мне стало как-то грустно, когда я его вешал. Я себе представил, как она заходит в магазин и покупает платье и никто не подозревает, что она проститутка. Приказчик, наверно, подумал, что она просто обыкновенная девчонка, и все. Ужасно мне стало грустно, сам не знаю почему.

Потом я опять сел, старался завести разговор. Но разве с такой собеседницей поговоришь?

— Вы каждый вечер работаете? — спрашиваю и сразу понял, что вопрос ужасный.

— Ага, — говорит. Она уже ходила по комнате. Взяла меню со стола, прочла его.

— А днем вы что делаете?

Она пожала плечами. А плечи худые-худые.

— Сплю. Хожу в кино. — Она положила меню и посмотрела на меня. — Слушай, чего ж это мы? У меня времени нет...

— Знаете что? — говорю. — Я себя неважно чувствую. День был трудный. Честное благородное слово. Я вам заплачу и все такое, но вы на меня не обидитесь, если ничего не будет? Не обидитесь?

Плохо было то, что мне ни черта не хотелось. По правде говоря, на меня тоска напала, а не какое-нибудь возбуждение. Она нагоняла на меня жуткую тоску. А тут еще ее зеленое платье висит в шкафу. Да и вообще, как можно этим заниматься с человеком, который полдня

> сидит в каком-нибудь идиотском кино? Не мог я, и все, честное слово»

Л. Толстой, «Крейцерова соната»:

> «А все-таки в этом первом падении было что-то особенное и трогательное. Помню, мне тотчас же, там же, не выходя из комнаты, сделалось грустно, грустно, так что хотелось плакать, плакать о погибели своей невинности, о навеки погубленном отношении к женщине. Дас, есте-ственное, простое отношение к женщине было погублено навеки. Чистого отношения к женщине уж у меня с тех пор не было и не могло быть. Я стал тем, что называют блудником».

ГЛАВА 15. РОМАНТИЗМ САМОВЛЮБЛЕННОСТИ. ПОЭЗИЯ РАВЕНСТВА НА ПОЛЕ САДОМАЗОХИЗМА

1. ОТРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРОЙ РОМАНТИЗМА

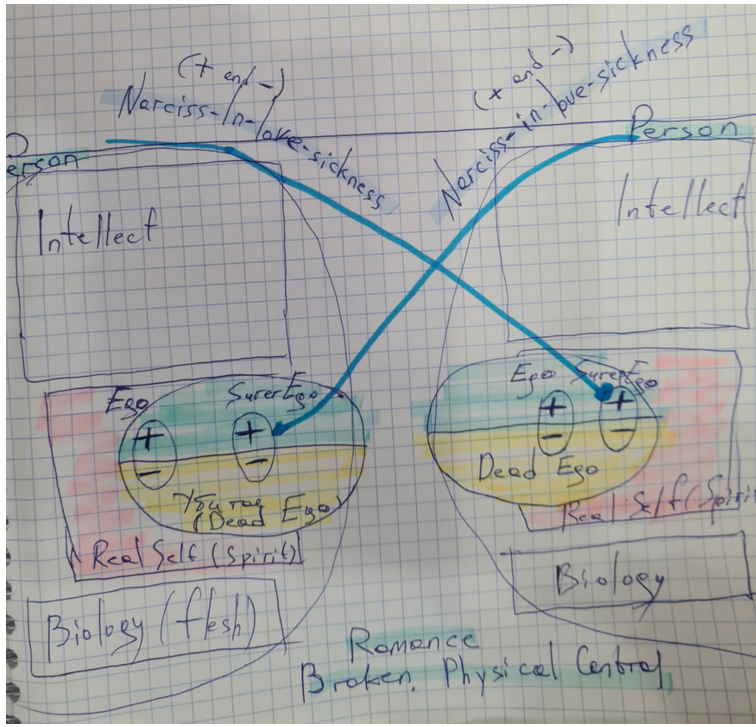
Наша культура Ядерного Гриба Сатанов льстит себя надеждой, что есть места «чистоты» среди этого смрада развращения и разложения всего живого в проституцию, как то предсказывал маркиз де Сад в своих сумасшедших писаниях.

И такими оазисами чистоты является брак. Однако, то что сегодня понимается под браком не более чем реализация Романтизма Самовлюбленности.

Этот сломанный механизм физического контроля используют с целью «украшения» грязной действительности будней Садомазохизма Насилия и Подчинения.

Симона де Бовуар, «Второй пол»:

> В самом деле, ценность ее человеческой личности не возвысит ее в глазах мужчины. Чтобы добиться этого, ей нужно приноравливаться к его представлениям о женщине. В молодости у нее недостает опыта для того, чтобы это понять. Подчас она ведет себя так же агрессивно, как мальчики, пытается завоевать их расположение, властно и с нескрываемым высокомерием навязывая свою волю. Такие приемы почти всегда приводят к поражению. Постепенно всем девушкам, как самым податливым, так и самым гордым, становится ясно, что для того, чтобы нравиться мужчинам, они должны отказаться от проявления самостоятельности. Матери объясняют им, что они больше не должны обращаться с мальчиками как с равными, не должны навязывать им свое общество, гораздо пристойнее занимать пассивную позицию
>
> Напротив, для любой девушки характерно ощущение разрыва между уделом человеческим и ее собственно женским назначени-



ем. Именно поэтому для нее подростковый возраст — это такой трудный и в то же время настолько определяющий период. До этого момента она была автономным индивидом, теперь настало время распрощаться со своей независимостью. Мало того, что она, как и ее братья, и даже еще мучительнее, разрывается между прошлым и будущим. К этому добавляется конфликт между ее врожденным стремлением быть активным, свободным субъектом и эротическими наклонностями, которые в сочетании с социальными требованиями побуждают ее воспринимать себя как объект. Стихийно она осознает себя личностью: как же ей отказаться от этого? Даже если мое самоосуществление возможно лишь в качестве Другого, то как мне решиться отказаться от собственного «я»?

Вот удручающая дилемма, над которой бьется вступающая в жизнь женщина.

Для девушки высшая степень эротики заключается в том, чтобы согласиться с ролью жертвы. Она становится объектом и осознает себя таковым. Эта новая сторона ее бытия вызывает у нее удивление, ей кажется, что она раздваивается, не полностью совпадает со своим телом, какая-то ее часть существует вне тела, Так, в романе Розамонд Леманн «Приглашение к вальсу» Оливия, подойдя к зеркалу, неожиданно видит незнакомое лицо, из зеркала на нее смотрит не сама Оливия, *а,* Оливия-объект, и девушка испытывает короткое, но очень сильное потрясение, С недавнего времени, видя свое отражение в зеркале, она испытывала какое-то особое волнение: иногда по непонятным причинам она видела перед собой незнакомую девушку, какое-то совершенно новое существо.

Красуясь в гостиных или обнимаясь с любовником, женщина выполняет миссию, она Венера, дарующая миру сокровища своей красоты. Разбив стекло на карикатуре Биба, Сесиль Сорель защищала не себя, а Красоту. Ее «Воспоминания» свидетельствуют о том, что всю свою жизнь она призывала людей поклоняться Искусству. То же можно сказать и об Айседоре Дункан, судя по тому, что она писала о себе в книге «Моя жизнь».

Как я бывала красива после спектаклей, в тунике и с розами в волосах, — пишет она. — Почему же не поделиться своей прелестью? Почему мужчине, целыми днями занимающемуся умственным трудом, не ощутить объятий прекрасных рук, не найти утешения в своих огорчениях, не забыться на несколько часов в обществе красивой женщины?

Щедрость самовлюбленной женщины приносит ей выгоду: ведь в восхищенных глазах окружающих ее людей она лучше, чем в зеркале, видит свое второе «я», озаренное лучами славы. Если у нее нет снисходительной публики, она открывает свое сердце исповеднику, врачу, психоаналитику, ходит к хиромантам и гадалкам. «Дело не в том, что я им верю, — говорила одна восходящая кинозвезда, — но мне так нравится слушать, когда говорят обо мне». Самовлюбленная женщина говорит о себе с подругами, в любовнике она больше, чем любая другая женщина, ищет свидетеля. Влюбленная женщина быстро забывает о своем «я», но многие женщины неспособны на настоящую любовь именно потому, что они не могут забыться. Альковной близости они предпочитают более обширную сцену. Этим объясняется значение, которое они придают светской жизни. Им нужны зрители и слушатели, их персонажу необходима самая широкая публика. Описывая в очередной раз свою комнату, Мария Башкирцева невольно проговаривается: Таким образом, когда кто-то входит и застает меня за письменным столом, я видна как на сцене.

В другом месте она пишет: Я обязательно создам себе достойное обрамление, я построю особняк еще красивее, чем у Сары, и мастерские в нем будут еще больше…

Вот что пишет в свою очередь г-жа де Ноайль: Я всегда любила и люблю большое стечение народа… поэтому мне нередко удавалось успокоить друзей, которые извинялись передо мной, боясь, что слишком большое количество гостей может показаться мне докучливым. Я откровенно признавалась им в том, что не люблю играть в пустом зале.

В своей манере одеваться, в разговорах женщина в значительной степени удовлетворяет склонность к самодемонстрации. Но самовлюбленной женщине, обладающей честолюбием, хочется показать себя с разных сторон и самым необычным образом. В частности, она может превратить всю свою жизнь в спектакль, предназначенный для восторженной публики, поклонение которой ей действительно нравится, В «Коринне» г-жа де Сталь посвятила немало страниц описанию того, как она очаровывала итальянское общество, читая стихи и аккомпанируя себе на арфе. В Könne одним из ее любимых развлечений была декламация трагедийных ролей. Приняв вид Федры, она нередко делала пылкие признания молодым любовникам, которых она одевала в костюм Ипполита. Для г-жи Крюденер излюбленным способом показать себя был танец с шалью. Вот как она описывает его в романе «Валери»: Валери попросила свою шаль из темно-синего муслина, убрала волосы со лба и накинула шаль. Шаль закрывала ей голову и спускалась на плечи. Ее лицо приняло античные очертания, волосы скрылись под шалью, она опустила ресницы, улыбка ее растаяла. Она склонила голову, и шаль мягко опустилась на ее скрещенные руки и грудь. Синяя шаль и чистое, нежное лицо были похожи на рисунок Корреджо, изображающий тихое смирение. Когда же она подняла глаза и слабая улыбка тронула ее губы, то всем показалось, что перед ними описанное Шекспиром Терпение, улыбающееся Страданию.

Безраздельно отдаваясь божеству, женщина надеется, что благодаря ему она обретет самое себя и воплощенный в нем мир. В большинстве случаев она ждет, что любовник наполнит смыслом ее существование, возвеличит ее «я». Многие женщины способны полюбить только в случае если они сами любимы. И наоборот, для того, чтобы влюбиться, им порой достаточно проявления любви. Девушка смотрит на себя глазами мужчины. В грезах женщина полагает, что она обрела себя благодаря устремленному на нее мужскому взгляду.

Идти рядом с тобой, — пишет Сесиль Соваж, — ступать своими маленькими ножками, которые ты так любил, видеть, какие они хоро-

> шенькие в высоких сапожках с фетровыми голенищами, — все это рождало во мне любовь к той любви, которой ты их окружал. Малейшие движения рук, спрятанных в муфту, локтей, лица, переливы голоса наполняли меня счастьем.
> Женщина чувствует себя высшей, надежнейшей ценностью. Отныне, благодаря любви, которую она внушает, она имеет наконец право лелеять себя. В любовнике она с восторгом обретает свидетеля. Именно в этом сознается героиня романа Колетт «Странница».
> Да, правда, я уступила, позволив этому человеку прийти и на следующий день: не устояла перед желанием сохранить даже не влюбленного или друга, а жадного свидетеля моей жизни и личности… Только совсем состарившись, сказала мне однажды Марго, женщина может отказаться от тщеславного желания жить на глазах у кого-то»

Замужнюю женщину, которую погубила культура Романтизма, активирующая поле Эгосистемы у женщин и воспитывающая притяжение романтической Самовлюбленности, описал Флобер в знаменитом романе «Госпожа Бовари», который все еще ждет своего признания.

Как эта культура романтизма делает своей лживой литературой, а сегодня лживыми фильмами, которые так ненавидел Сэлинджер, женщин Дульсинеями Табускими и героинями греческих трагедий, хорошо показано в следующей цитате:

Г. Флобер, «Госпожа Бовари»:

> «Эмма почувствовала себя перенесенною в былое своей ран ней молодости. Она узнавала все упоение и муки, от которых едва не умерла сама. Голос певицы казался ей отзвуком ее собственной души. Но ни кто никогда не любил ее такой любовью. Не плакал он, подобно Эдгару в последний вечер, когда светила луна, и они говорили друг другу „до завтра!“, „до завтра!“. Зал гремел от рукоплеска ний. Эмме вспомнился день ее свадьбы. Почему подобно Лючии она не боролась, не молила? Нет, она была весела и не замечала в какую бросалась пропасть… Ах, если бы во всей свежести своей красоты, до позора брака и разочарований прелюбодеяния, она могла отдать жизнь человеку с верным великодушным сердцем, то для нее инежность и добродетель и великодушие и долг — все слилось бы воедино, и никогда не сошла бы она с высот такого счастья. Но такое счастье, разумеется, ложь, придуманная людь ми, чтобы отнять у желания последнюю надежду. Она знает те перь

> всю ничтожность страстей, возвеличиваемых искусством. Оскорбленный любовник потрясал голою шпагой на сцене. В нем жила, думалось Эмме неиссякаемая любовь, думалось Эмме, ес 54 ли он мог такими потоками изливать ее в публику. Ее слабые по пытки развенчать иллюзию потонули в поэтическом впечатлении от захватившей ее роли, и влекомая к человеку чарами изобра жаемого им персонажа, она старалась представить себе его жизнь, громкую, великолепную, необычайную жизнь. Они мог ли бы встретиться, полюбить друг друга. С ним она разъезжа ла бы по всем странам Европы, из столицы в столицу, деля с ним труды и гордость, собирая, бросаемые ему цветы, и собственноручно вышивая его костюмы. Каждый вечер из-за золоченной сетки голубой ложи она, замирая от блаженства, ловила бы излияния его души, он пел бы для нее одной; со сцены, играя, он глядел бы на нее. Вдруг ее охватило какое-то безумие: он глядит на нее, это несомненно. Ей захотелось броситься к нему, найти прибежище в его силе, как в воплощении самой любви, и сказать, крикнуть ему: „Возьми меня! Увези! Уедем! Я твоя, твоя. Тебе весь мой пыл, все мои грезы!" Занавес опустился»

2. РОМАНТИЧЕСКИЙ БРАК ПРИНЦЕССЫ ДИАНЫ

Наверное не было в 20 веке свадьбы более романтической нежели свадьба Принцессы Диана, где Настоящий Принц явился прекрасной Деве, чтобы сделать самой счастливой на земле.

Мы все знаем, чем закончилась эта печальная история.

Суть этой трагедии в том, что Диана так же, как все здоровые личности старалась утвердить силу своей духовной энергии в развитии и в конструктивной работе на пользу общества.

А Садомазохизм Королевской семьи, этой Расы Господ Англии, как все системы физического контроля старался забить ее на Притяжение Влюбленности и Самовлюбленности поля Эгосистемы.

Диана была очень одаренным человеком энергией духа, и может быть если бы она не была так молода и у нее было бы образование, она бы непременно выжила. Она погибла потому, что боролась за Истинное Я Энергии Духа, за здоровье спихиче-

ской энергии женщин, за Церковь Дружбы, в рамках которой только и возможны истинные браки.

Современные браки только разновидность торговли женщинами в большинстве своем. Конечно во все времена были здоровые индивиды и здоровые браки, как бы мало их не было. Речь не о них. Речь о том, что нив коем случае нельзя противопоставлять современные браки и втаптывание женщин в грязь в публичных домах и на мало оплачиваемых работах. На сегодняшний день все эти институты — в существе своем институты порабощения женщин.

А. Мортон, «Диана, ее истинная история»:

«

> .....Годы неустанного самосовершенствования и жизненный опыт преобразили принцессу Уэльскую. Теперь она не бессловесная тень своего мужа, а равный по силам партнер. Но не следует думать, что их
> стартовые возможности тоже равны. Единственное преимущество принцессы — это неослабевающее внимание средств массовой информации. Все прочие козыри в руках принца Чарльза. На содержание собственного офиса нужны немалые средства. Диана может рассчитывать на доходы с герцогства Корнуолл, которое по традиции передается в собственность наследнику престола, но эти доходы контролирует ее муж. Принц Чарльз занимает более высокую
> ступеньку на королевской иерархической лестнице, и последнее слово
> всегда остается за ним. В конечном счете от него зависит решение всех
> важных вопросов, начиная с разработки программы совместного зарубежного турне и кончая структурой личного офиса принцессы Уэльской. В поисках средств для осуществления многочисленных благотворительных проектов, Диана задумала основать Фонд принцессы Уэльской, однако ее муж не поддержал инициативу, усмотрев в этом посягательство на финансовый и моральный капитал своего собственного благотворительного Фонда принца Уэльского. Во время войны в Персидском заливе принцесса Диана и ее
> золовка, принцесса Анна, собирались посетить английские войска, дислоцированные на территории Саудовской Аравии. Обе принцессы с

энтузиазмом обсуждали, как они будут встречаться с рядовыми солдатами и бесстрашно колесить по пустыне в танке. Их планам не суждено было осуществиться из-за вмешательства сэра Роберта Феллоуза, который рассудил, что столь ответственную миссию целесообразно возложить на более высокопоставленного представителя королевского дома. Таким образом, в Саудовскую Аравию отправился принц Чарльз, а Диане поручили вспомогательную
роль: навестить жен и родственников солдат, принимающих участие в
боевых действиях.
Конкурирующие «фирмы» принца и принцессы действуют в обстановке строжайшей секретности. Это отнюдь не способствует плодотворному сотрудничеству. Иной раз Диана добывает необходимую для работы информацию с помощью сложных дипломатических маневров.__
.....Близкие друзья в шутку расшифровывают аббревиатуру ее титула — ПУ как «пленница Уэльская». Она действительно чувствует себя заложницей своей необычной судьбы, официального мифа о принцессе Уэльской и многочисленных табу, окружающих ее высокий
титул. Диана с детства не переносит глухих стен и запертых дверей. Годы, проведенные в замкнутом пространстве придворного мира, явно
обострили бессознательный страх.
.....По понятным причинам Диана пришла к выводу, что чиновникам монархического «ведомства» нельзя доверять. Перечень людей, на которых она может положиться, очень невелик. По утрам, возвращаясь
из бассейна, Диана сама вскрывает свою почту, не дожидается, пока адресованные ей письма пройдут сквозь чиновничий фильтр. Эта тактика имеет ряд преимуществ. Однажды Диана получила письмо, в котором отчаявшийся отец умолял принцессу посетить его умирающего от СПИДа сына. Это было последнее желание обреченного юноши. В письме сообщалось, что несколько месяцев назад этот человек уже обращался в офис принцессы, но не получил никакого ответа. Диана взялась за дело сама: устроила умирающему персональное приглашение в приют для больных СПИДом, содержащийся на средства одного из благотворительных фондов. У нее как раз было запланировано посещение этого учреждения. Таким
образом принцессе удалось выполнить предсмертную просьбу

больного, избежав при этом упреков в нарушении протокола. Попади
письмо в руки равнодушных чиновников, несчастный отец скорее всего вместо конкретной помощи получил бы ни к чему не обязывающую отписку.
Осознав, насколько малоэффективна помощь придворных, которые, по традиции, должны сопровождать ее во время визитов и других мероприятий, Диана предпочитает вообще обходиться без официальных помощников. Диана поручила функции придворной дамы сестре Саре, которая сопровождала принцессу во время официального визита в Венгрию. Иногда Диана берет «выходной» и отправляется по делам без свиты. Причиной тому горький опыт прежних дней, когда, по словам близкого друга принцессы, «дело доходило до яростных споров с придворными дамами, в особенности с
Анной Бекуит-Смит, которая работала одно время личным секретарем
принцессы. Ее раздражала постоянная опека верных слуг монархии».
Реальную помощь Диане оказывают те, кто критически настроен по отношению к монархической системе. Она регулярно связывается по телефону с сэром Кристофером Эри, который после неожиданной отставки с поста личного секретаря принца Чарльза поселился в своей
усадьбе в графстве Девоншир. Сэр Кристофер в курсе закулисных махинаций с целью направить деятельность принцессы в русло официальной политики, и Диана всегда внимательно прислушивается
к его советам. Есть и другие консультанты: Джимми Савил помогал выработать публичный имидж принцессы, а Теренс Стамп «доводил до ума» тексты ее выступлений. У Дианы есть надежная команда неофициальных помощников и консультантов, которые предпочитают
держаться в тени и не афишировать свою работу. Они помогают принцессе анализировать ситуацию, составлять тексты речей, прогнозировать реакцию общественного мнения._
….Диану привлекают критически настроенные умы потому что она так и не смогла адаптироваться к чуждой по духу монархической системе. По мнению Джеймса Джилби, «Диане легче найти общий язык с аутсайдерами, нежели с официальными чиновниками, потому что последние верой и правдой служат идее, которую она считает отжившей свой век. Налицо столкновение интересов: защитники

традиционных устоев боятся перемен, которых жаждет Диана». К этому можно добавить тонкое наблюдение астролога Феликса Лайла:

«Обладая благородной и возвышенной душой, Диана слишком уязвима для пагубного влияния тех, у кого более сильный характер и твердая воля. Ей пока что не под силу дать решительный бой системе».

Работа в королевском «ведомстве» изматывала Диану. «Ей было очень трудно, тем более что работать приходилось в обстановке недоверия и предвзятости», — свидетельствует одна из подруг. Поиски своего места в жизни привели Диану к мысли, что в рамках монархической системы невозможно реализовать свой истинный потенциал. Она так и говорит близким друзьям: «В королевском доме я всегда чувствовала себя изгоем. Мне казалось, что я не такая, как все — хуже всех. Слава Богу, теперь-то я знаю: это хорошо, что я не такая, как они». Диане приходилось жить как бы в двух измерениях: на людях она была кумиром толпы, объектом поклонения, а в королевских покоях ее окружали равнодушие и ревнивое недоброжелательство. Для широких масс Диана — яркий самоцвет в изрядно потускневшей короне династии Виндзоров, но в кругу королевской семьи именно ее яркость, незаурядность вызывают досаду и беспокойство. Верность долгу и традициям, строгий самоконтроль, — эти принципы Виндзоры пестовали из поколения в поколение. Принцесса Диана явно не вписывается в эту четкую схему. Слишком уж она непосредственна в проявлении чувств, слишком впечатлительна и ранима, а главное, не способна слепо подчиняться чужой воле. Королевскому семейству она кажется непредсказуемой, даже опасной: того и гляди что-нибудь сломает в чопорном мире традиций и реликвий, где на каждом шагу таблички с надписью «Руками не трогать!» Диана, со своей стороны, не рассчитывает на искреннее сочувствие и поддержку мужней родни.

Даже если правда на ее стороне, голос крови сильнее чувства справедливости. Она не ищет сочувствия у свекра и свекрови,

поддерживает ровные, ни к чему не обязывающие отношения, избегает
острых углов — короче, соблюдает дистанцию. В этом есть свои плюсы и свои минусы. У Дианы нет надежных союзников среди членов королевского семейства, что существенно ослабляет ее позиции
как в семейных делах, так и в государственных. Зато так спокойнее.» Я
не вмешиваюсь в их дела, — говорит Диана, — а они не трогают меня». __
….О королеве-матери Диана отзывается с прохладцей. По ее мнению, Кларенс-Хауз, резиденция королевы-матери, превратился в штаб-квартиру ее критиков и недоброжелателей. Приемы в этом дворце проходят по всем правилам придворного церемониала, и Диана
умирает от скуки. Вообще, она предпочитает держаться на безопасном
расстоянии от милой и всеми любимой старушки. Оно и понятно: невольно напрашивается сравнение с собственной бабушкой Дианы, придворной дамой королевы-матери, которая когда-то ходатайствовала
перед судом о лишении своей дочери Франсис права опеки над четырьмя детьми. Суд вынес решение в пользу графа Спенсера, и мать
Дианы навсегда затаила боль и обиду на ее бабушку. Можно без преувеличения сказать, что королева-мать имеет практически безграничное влияние на своего внука, принца Чарльза, а потому понятна тревога Дианы: в Кларенс-Хаузе ее не жалуют, как когда-то ее
мать. «Королева-мать вбивает клин между Дианой и другими членами
королевской семьи, — свидетельствует один из близких друзей. — Вполне естественно, что Диана старается ее избегать».
…..Елизавета II ясно дала понять, что неудачный брак наследника отодвигает на неопределенный срок вопрос о ее отречении от престола. Для Чарльза это болезненный удар. После обращения королевы к народу по радио в канун Рождества 1991 года, когда Елизавета II заявила о своем намерении служить нации и Содружеству
еще несколько лет, принц Уэльский довольно долго избегал разговаривать с матерью. Если учесть, что он всегда был почтительнейшим сыном, такая реакция указывает на крайнюю

степень раздражения. Опять посыпались упреки на принцессу Диану. Скоро все обитатели Сандрингемского дворца, где зимой собирается королевское семейство, были в курсе семейной драмы обиженного принца. Тогда Диана напомнила мужу, что он по собственной воле уступил некоторые королевские полномочия младшим братьям. Дело в том, что в случае болезни или отсутствия в стране монарха некоторые церемониальные функции выполняют государственные советники, которыми могут быть пять членов королевской семьи в порядке престолонаследия. Чарльз передал свои права государственного советника принцам Эндрю и Эдуарду. «С какой стати мать доверит ему трон, если он пренебрегает даже чисто формальными обязанностями?» — не без ехидства заметила Диана.

.....Принцесса Диана считает, что институт монархии в целом сильно обветшал и нуждается в реконструкции, однако лично к королеве она испытывает искреннее уважение и отдает должное мастерству и твердости, с которыми та ведет свое сложное «хозяйство» уже более сорока лет. Не скрывая страстного желания получить свободу, Диана неоднократно подчеркивала в беседах с королевой: «Я никогда Вас не подведу». Она равняется на свою свекровь даже в мелочах. Как-то, в жаркий июльский день, собираясь на традиционное чаепитие в саду Букингемского дворца, куда приглашаются официальные лица и дипломаты, Диана отказалась взять с собой веер, предложенный подругой. «Я не могу его взять, — объяснила принцесса. — Свекровь будет одета по всей форме, в чулках и перчатках, и даже не покажет виду, что ей жарко».

.....Королева настояла на двухмесячном «тайм-ауте», чтобы супруги еще раз всесторонне обдумали роковое решение. Это время герцогиня прожила затворницей в своей загородной усадьбе, лишь изредка появляясь на официальных мероприятиях. Зато она часто встречалась с юристами, обсуждая планы на будущее, и делилась своими переживаниями с родственниками, в первую очередь с принцессой Дианой и золовкой, принцессой Анной.

Одним из первых узнал о случившемся принц Чарльз. В разговоре с герцогиней он посетовал на свой собственный неудачный брак и

подчеркнул, что по конституции он является прямым наследником престола, а потому о разводе с Дианой не может быть и речи. На это Ферги язвительно заметила: «Что ж, я, по крайней мере, верна самой себе». Этот ответ вскрывает самую суть дилеммы, стоящей и перед принцессой Уэльской. Она остро ощущает фальшь своего положения и противоестественность традиционных устоев современной монархии.

.....Длящийся годами семейный кризис принца Уэльского так же, как и крах брака принца Эндрю — не только их личная драма. Это тревожный симптом неустойчивости современной монархии перед лицом необратимых исторических процессов. В свое время решение Георга V дать своему сыну, герцогу Йоркскому, согласие на брак с «простолюдинкой», леди Элизабет Боуз-Лайон, было обусловлено трагическими последствиями первой мировой войны. С исторической сцены были сметены несколько европейских царствующих династий, и ряды женихов и невест королевской крови значительно поредели. Этот брак пробил брешь в королевской цитадели, и замкнутая каста, допускавшая лишь браки между равными, начала медленно превращаться в обычную социальную группу. Несмотря на аристократическое происхождение женихов и невест, практически все попытки привить «дичок» на генеалогическое древо Ганноверской династии закончились плачевно.

....Где истоки кризисных явлений: в изменившемся характере общества? Или же их следует искать внутри королевского дома, в отношении его членов к пришельцам извне? Очевидно, что, выйдя замуж за принца Чарльза, леди Диана Спенсер вошла в совершенно обособленный семейный клан со своими ритуалами и табу — вроде туземцев какого-нибудь Богом забытого острова, которые и не подозревают о существовании остального человечества. Самоизоляция служит надежной защитой от бурь и тревог внешнего мира, однако постороннему, не знакомому с правилами игры, выжить в этих условиях практически невозможно.

.....Принцесса Диана слишком долго варилась в котле придворной жизни, слишком много времени и сил отдавала протокольным обязанностям. Может быть, именно поэтому она

пришла к горькому выводу: двор с его особой моралью и особым мироощущением потерял живую связь с реальностью, объективным ходом событий. Королевское семейство живет как бы в ином измерении, откуда не видны эволюционные процессы, происходящие в
обществе. Попытки восстановить обратную связь малоэффективны. Как-то за ужином в Сандрингемском дворце Диана осторожно завела
разговор о судьбе британской монархии в контексте интеграционных
тенденций в современной Европе. Присутствующие посмотрели на нее, как на сумасшедшую, и до конца вечера продолжали с увлечением
обсуждать важный вопрос: кто подстрелил последнего фазана на сегодняшней охоте.

....По свидетельству одного из друзей, «Диана считает, что институт монархии отгородился глухой стеной от реальной жизни и не поспевает за ходом истории. Если члены королевского дома не изменятся сами, назревающие в обществе перемены застанут их врасплох, неподготовленными».

Консультант Дианы Стивен Твигг разделяет ее мнение. По его словам, «если члены королевского семейства не осознают необходимость перестройки своих отношений с обществом, их ждет тупик, вырождение. Монархия утратит функции полезного социального инструмента. Чтобы этого не произошло, необходимо гибко и динамично реагировать на изменения. При этом общество также должно внести коррективы в свое отношение к королевскому дому. Давайте спросим себя: чего мы ждем от королевской семьи? Хотим ли мы, как встарь, падать ниц перед королевскими регалиями или же представители династии должны заслужить искреннее восхищение народа стойкостью и благородством, с которыми они принимают многочисленные вызовы нашей бурной эпохи?

Восхищаться — значит, учиться у своего кумира, следовать его примеру

....Несмотря на то, что Диана ведет упорную борьбу с широко распространенным мифом о принцессе-кукле, озабоченной лишь красивыми тряпками и модными фасонами, многие по-прежнему относятся к ней с известным предубеждением. Она привыкла к добродушно-снисходительному тону. «Я сталкиваюсь с этим на каждом шагу, — признается принцесса близким друзьям. — Интересно наблюдать за реакцией людей. Вступая в разговор, они думают одно, а поговорив со мной немного, начинают вести себя совсем по-друго-

> му». Диана не приемлет и формальную маску королевского величия — слишком долго она сама отстаивала свое право на естественные человеческие чувства. Ей чуждо лицемерие. Неподдельная доброта и милосердие, которые проявляются в повседневном общении с людьми, — не поза, а нормальное состояние души. Порфироносец вознесен высоко над земной юдолью, однако Диану не устраивает традиционное королевское воспитание, прививающее «иммунитет» к бедам и заботам простых смертных. Она твердо знает, что ее сыновья должны воспитываться иначе, нежели предыдущие поколения венценосцев. Маленькие принцы и принцессы когда-то чуть ли не с пеленок приучались скрывать свои мысли и чувства от чужих любопытных глаз. Пядь за пядью возводилась невидимая стена, отделяющая особу королевской крови от простолюдинов. Диана же стремится воспитывать в сыновьях искренность и прямоту. Они должны реально оценивать свои возможности и воспринимать жизнь во всем ее многообразии, а не возноситься над нею на контурах королевского величия. Как мать, Диана озабочена прежде всего тем, чтобы сыновья твердо стояли на земной почве. Уверенность в себе питает безграничная материнская любовь и нежность. Диана признается, что любит своих детей до безумия и отдает им каждую свободную минуту. Дети, обделенные родительским вниманием и любовью, вырастают с изъяном в душе, им труднее противостоять житейским бурям. Диана не хочет, чтобы ее сыновья выросли чопорными и высокомерными».

3. БРАК КАК ФОРМА ТОРГОВЛИ ЖЕНЩИНАМИ

Чтобы избавится от зрелища этой грязи, которую они сами создали, Раса Господ Сатанов противопоставляет рабыням проституткам и горничным — Равенство избранных женщин. Они тешат себя надеждой, что со «Слабыми» женщинами, в которых ничего кроме поля Эгосистемы не культивировали с детства, можно быть равными.

Чтобы отделить «порядочных» от непорядочных» не требуется никакого другого воспитания никакого духовного преображения. Достаточно просто брачного контракта, ил как говорит Толстой «поездки в церковь, которая есть условие обладания определенной женщиной». Действительно, воспитание которое дают «слабому полу» — это воспитание домработниц и одали-

сок, как опять подчеркивает Джон Милль. Одалисками гаремов называет он всех современных женщин.

В этой связи все процитированные исследователи не видят принципиального различия в положении женщин замужних или женщин из публичных домов. Именно потому, что сущность отношений остается та же — это Отношения Садомазохизма физического контроля поля Эгосистемы. Отношения двух противоположных полюсов мертвой энергии: Самолюбия и Влюбленности, Господства и Подчинения, Силы и Слабости. И эта мертвая энергия, как видно на схеме Садомазохизма физического контроля, поживает тепло, свет, кислород живой и разумной энергии духа людей.

Чтобы преодолеть Низость и Мертвенность отношений Садомазохизма физического контроля недостаточно какого-то внешнего ритуала — печати в паспорте или поездки в церковь. Нужно воспитание и образование, которое снимает активность поля Эгосистемы. Современная лже-наука и Правление Расы Господ провоцируют как раз обратную ситуацию — максимальную активность поля Эгосистемы. Нужна настоящая церковь, где Полотно Истории Священной Борьбы Добра и Зла будет учить людей их Истинному Я как победам и поражениям Энергии Духа на протяжении всей истории человечества. Только такое интеллектуальное, религиозное, культурное, социальное воспитание и образование позволит преодолеть отношения Садомазохизма, и выйти на тепло истинной дружбы и любви. Вот почему самым главным событием в жизни здоровых обществ будут не свадьбы, а вступление в церковь дружбы Истинного Я человечества. А последующие свадьбы уже обычными событиями среди других прекрасных событий здоровых обществ. Поскольку биологический контакт между полами есть грех не потому что он биологический контакт. А только в том случае, если совершается людьми с активным Садомазохизмом поля Эгосистемы. У людей здорового общества биологический контакт будет дозволен только после вступления в церковь дружбы истинного Я, что будет гарантировать, что они свободны от поля Эгосистемы материальной энергии.

Л. Толстой, «Крейцерова Соната»:

> «Про себя я думал, что я милашка, что я вполне нравственный человек. Я не был соблазнителем, не имел неестественных вкусов, не делал из этого главной цели жизни, как это делали многие из моих сверстников, а от-давался разврату степенно, прилично, для здоровья. Он остановился, издал свой звук, как он делал всегда, когда ему приходила, очевидно, но-вая мысль.
> — А ведь в этом-то и главная мерзость, — вскрикнул он. — Разврат ведь не в чем-нибудь фи-зическом, ведь никакое безобразие физическое не разврат; а разврат, истинный разврат именно в освобождении себя от нравственных отношений к женщине, с которой входишь в физическое общение. А это-то освобождение я и ставил себе в заслугу. Помню, как я мучался раз, не успев заплатить женщине, которая, вероятно полюбив меня, отдалась мне. Я успокоился только тогда, когда послал ей деньги, показав этим, что я нравственно ничем не считаю себя связанным с нею.
> …Да-с, есте-ственное, простое отношение к женщине было погублено навеки. Чистого отношения к женщине уж у меня с тех пор не было и не могло быть. Я стал тем, что называют блудником. А быть блуд-ником есть физическое состояние, подобное состоянию морфиниста, пьяницы, курильщика. Как морфинист, пьяница, курильщик уже не нормальный человек, так и человек, познавший не-скольких женщин для своего удовольствия, уже не нормальный, а испорченный навсегда чело-век — блудник. Как пьяницу и морфиниста можно узнать тотчас же по лицу, по приемам, точно так же и блудника. Блудник может воздерживаться, бороться; но простого, ясного, чистого от-ношения к женщине, братского, у него уже никогда не будет. По тому, как он взглянет, оглядит молодую женщину, сейчас можно узнать блудника. И я стал блудником и остался таким, и это-то и погубило меня».

Л. Толстой, «Крейцерова Соната»:

> «Но у нас, когда из десяти брачущихся едва ли есть один, который не только не верит в таинство, но не верит даже в то, что то, что он делает, есть некоторое обязательство, когда из ста мужчин едва ли один есть уже неженатый прежде и из пятидесяти один, который вперед не готовился бы изменять своей жене при всяком удобном случае, когда большинство смотрит на поездку в церковь только как на особенное условие обла-дания известной женщиной, — подумайте, какое ужасное значение получают при этом все эти подробности. Выходит, что дело-то все только в этом. Выходит что-то вроде прода-

жи. Разврат-нику продают невинную девушку и обставляют эту продажу известными формальностями.

— Так все женятся, так и я женился, и начался хваленый медовый месяц. Ведь название-то одно какое подлое! — с злобой прошипел он. Даже считаю, что необходимо говорить об этом правду. Неловко, стыдно, гадко, жалко и, главное, скучно, до невозможности скучно! Это нечто вроде того, что я испытывал, когда приучался курить, когда меня тянуло рвать и текли слюни, а я глотал их и делал вид, что мне очень приятно.

Женщины, особенно прошедшие мужскую школу, очень хорошо знают, что разговоры о высо-ких предметах– разговорами, а что нужно мужчине тело и все то, что выставляет его в самом за-манчивом свете; и это самое и делается. Ведь если откинуть только ту привычку к этому безоб-разию, которая стала для нас второй природой, а взглянуть на жизнь наших высших классов как она есть, со всем ее бесстыдством, ведь это один сплошной дом терпимости. Вы не согласны? Позвольте, я докажу, — заговорил он, перебивая меня. — Вы говорите, что женщины в нашем обществе живут иными интересами, чем женщины в домах терпимости, а я говорю, что нет, и до-кажу. Если люди различны по целям жизни, по внутреннему содержанию жизни, то это различие непременно отразится и во внешности, и внешность будет различная. Но посмотрите на тех, на несчастных презираемых, и на самых высших светских барынь: те же наряды, те же фасоны, те же духи, то же оголение рук, плеч, грудей и обтягивание выставленного зада, та же страсть к ка-мушкам, к дорогим, блестящим вещам, те же увеселения, танцы и музыка, пенье. Как те замани-вают всеми средствами, так и эти. Никакой разницы. Строго определяя, надо только сказать, что проститутки на короткие сроки — обыкновенно презираемы, проститутки на долгие — уважаемы».

Симона де Бовуар, «Второй пол»:

«Если подходить с экономической точки зрения, то положение проститутки ничем не отличается от положения замужней женщины. „Между теми, которые торгуют собой посредством проституции, и теми, которые продаются способом замужества, есть единственная разница — она в цене и длительности соглашения“, — говорит Марро в работе „Половая зрелость“. И для одной, и для другой половой акт означает служение, тогда как у проститутки много клиентов и каждый платит за себя. Первую — один мужчина, ее муж, охраняет от всех остальных, вторая же защищена множеством мужчин от тирании одного-единственного. И в том, и в другом случае прибыль,

извлекаемая обеими за счет своего тела, ограничена конкуренцией; муж всегда помнит о своей возможности в случае чего взять в жены другую женщину: выполнение „супружеских обязанностей“ — это не одолжение, не любезность, не милость, это соблюдение условий соглашения, это подразумевается заключением супружеского акта» Г. Газданов, «Ночные дороги»:

«При самом беспристрастном отношении ко всем, я не мог не заметить, что разница между ними была всегда невелика, и в этом оскорбительном уравнении женщина в бальном туалете, живущая на avenue Henri Martin, немногим отличалась от ее менее удачливой сестры, ходившей по тротуару, как часовой, от одного угла до другого; и люди почтенного вида на Passy и Auteuil1 так же униженно торговались с шофером, как выпивший рабочий с rue de Belleville; и доверять никому из них было нельзя, я в этом неоднократно убеждался.»

J. S. Mill, Subjection of women:

«This dependence, as it exists at present, is not an original institution, taking a fresh start from considerations of justice and social expediency — it is the primitive state of slavery lasting on, through successive mitigations and modifications occasioned by the same causes which have softened the general manners, and brought all human relations more under the control of justice and the influence of humanity. It has not lost the taint of its brutal origin. No presumption in its favour, therefore, can be drawn from the fact of its existence.

And this, indeed, is what makes it strange to ordinary ears, to hear it asserted that the inequality of rights between men and women has no other source than the law of the strongest.

In the case of women, each individual of the subject class is in a chronic state of bribery and intimidation combined. If ever any system of privilege and enforced subjection had its yoke tightly riveted on the those who are kept down by it, this has. I have not yet shown that it is a wrong system: but everyone who is capable of thinking on the subject must see that even if it is, it was certain to outlast all other forms of unjust authority».

J. S. Mill, Subjection of women:

«Though the truth may not be felt or generally acknowledged for generations to come, the only school of genuine moral sentiment is society between equals. The moral education of mankind has hitherto

emanated chiefly from the law of force, and is adapted almost solely to the relations which force creates. In the less advanced states of society, people hardly recognise any relation with their equals. To be an equal is to be an enemy. Society, from its highest place to its lowest, is one long chain, or rather ladder, where every individual is either above or below his nearest neighbour, and wherever he does not command he must obey. Existing moralities, accordingly, are mainly fitted to a relation of command and obedience. Yet command and obedience are but unfortunate necessities of human life: society in equality is its normal state. Already in modern life, and more and more as it progressively improves, command and obedience become exceptional facts in life, equal association its general rule.
We have had the morality of submission, and the morality of chivalry and generosity; the time is now come for the morality of justice. Whenever, in former ages, any approach has been made to society in equality, Justice has asserted its claims as the foundation of virtue. It was thus in the free republics of antiquity. But even in the best of these, the equals were limited to the free male citizens; slaves, women, and the unenfranchised residents were under the law of force».

ГЛАВА 16. РОМАНТИЗМ НА ОСТРОВЕ ЭПШТЕЙНА. ГИБЕЛЬНОСТЬ КУЛЬТУРЫ РОМАНТИЗМА

1. ЛЮЦЕФЕРСКИЙ БУНТ ДВИЖЕНИЯ РОМАНТИЗМА КАК ПРАКТИЧЕСКОЕ ОРУДИЕ В РУКАХ САДОМАЗОХИЗМА

Мы могли видеть из файлов Эпштейна, что он не просто обманывал и соблазнял несовершеннолетних детей и продавал их за деньги клиентам, но создал Романтику Магических авторитетов вокруг своего острова.

Так, по отчету СМИ, из файлов Эпштейна следует, что он поддерживал отношения с элитами всех слоев общества: с политиками, с премьер-министрами, с президентами, с королями, королевами и принцами, с бизнесменами и даже с академической верхушкой. И конечно же с элитой шоу-бизнеса — с режиссерами, с голливудскими звездами, с Майклом Джексоном и самыми красивыми моделями мира.

Таким образом, вовлекая маленьких девочек, он рассказывал им о том, как свидетельствует Джуффре, что им предстоит «встреча со сказочными Принцами», и обещал им помощь в карьере. Вот так просто, вся возвышенная Культура Романтики мира Дарвиновской парадигмы подготовила и оправдала самую подлую и самую низкую проституцию.

Задолго до острова Эпштейна, русский циник и американский писатель Владимир Набоков, показал, как можно пользоваться Движением Романтизма, чтобы приукрасить даже изнасилование ребенка. Более того, оправдать насилие над детьми и детскую проституцию как систему!

Все смотрели фильм с разоблачениями педофилии Майкла Джексона. По настоящему страшный фильм, после которого творчество этого человека, хорошее оно лили плохое само по себе, абсолютно перестало меня интересовать. Почему люди, которым доступно абсолютно все, становятся низкими извращенцами и ищут растления детей?

Потому что Раса Господ Верхней Эгозащиты Притяжения Самолюбия — это мертвая мысль и мертвая совесть маньяков, которая душит и убивает их своей мертвенностью. Вот почему их не удовлетворяет больше ничего. Он ищут то что потеряли, и то что составляет основу жизни любого человека — они ищут энергию духа, Божий дух, который они в себе умертвили! И не находят его больше нигде! Задыхаясь без кислорода основы жизни человеческой, они обращают свои взгляды к невинным детям. Педофилы подобны тем сатанистам, которые пытаются кровью детей вернуть себе молодость.

А. Камю описывает Люциферский бунт Движения Дендизма как сатанизм «упертости против бога».

Тесла Л. Хугаева, Любовь и Ненависть в Корнеллском Университете, 2020:

> «Моя статья о Набокове наделала много шума в Корнелле. Прежде всего ее расценивали как выпад против традиций университета. Потом как выпад против толерантности и даже либерализма, поскольку в статье я четко провела черту между истиной и ложью, давая понять, что компромисс между ними в виде «многих истин» невозможен. Наконец, мои слова о «яром идеологическом враге» трактовали и в прямом и в переносном смысле, как официальное заявление о конце романа с Андре Филлипсом, с которым мы вместе ставили пользовавшиеся успехом спектакли несколько последних месяцев. Это был такой откровенный и сокрушительный удар по репутации «черепов», что скандал разразился невероятный. Эта шумиха принесла нашей небольшой компании из восьми человек (мы всегда считали маму Уэйна неотъемлемой частью нашего коллектива) широкую популярность в стенах университета. Наши майки с рисунком Гии стали пользоваться большой популярностью. Университет поделился на две большие группы: тех, кто поддерживал нас, и тех кто

стоял за черепов и театральную труппу Андре Филлипса. Нас стали называть «селинджеровцами» или «реалистами», а их «набоковцами» или «романтиками». Искреннее волнение охватившее академический город, населяемый студентами и профессорами было настолько неожиданным своей интенсивностью и страстностью, что глубоко потрясло нас всех. И в то же время придало нам сил в этой нелегкой борьбе, которая грозила стереть нас с лица земли.

Вот эта статья.

«Набоков и дендизм

Поскольку Набоков оказался моим явным идейным врагом, и при этом большим авторитетом в современной культуре (то есть его нельзя игнорировать как неприятный пустяк, а можно только опровергнуть), пришлось преодолеть брезгливость и отвращение и перечитать его Лолиту, его интервью, его лекции о Флобере, Сервантесе, Прусте, Толстом. Пожалуй, второй такой неприятный парадокс представляет «Голый завтрак» Берроуза, написанный на ту же тему, только с добавлением содомии, наркотиков и убийств. И надо сказать что Naked lunch также входит в 100 лучших романов века по версии Times и прочие прочие длинные ряды титулов этих небоскребов современной культуры.

Однако, сам Набоков, не уступавший своим героям в ощущении собственной гениальности, презрительно хмыкал, что все эти непристойности не являются «даже тенью его тени», что на него никто не похож, и что сам он сумел прочитать мировую классику и не попасть под ее влияние. Заявление интересное само по себе, потому что мысль человечества не обрывается ни в пространстве, ни во времени, это единый процесс разворачивания человеческого интеллекта, так что всякий учёный всегда отчётливо чувствует, что просто стал следующим звеном в этой эстафете, и в свою очередь передаст мысль дальше.

Да, работа больших мыслителей может отличаться в деталях, они могут ошибаться, могут иметь разный стиль и художественные предпочтения, но сама мысль всегда одна и та же, она просто разворачивается, раскрывается и на сегодня составляет фонд всего культурного наследия человечества, систему его научных знаний.

Есть конечно ещё другая мысль. Ее отличие от этого мейнстрима нельзя назвать ошибкой, поскольку сама мысль бутафорная. Настоящая мысль анализирует реальность, познаёт ее законы, находит истину — ту самую единую истину современной науки которая существует молчаливым укором всем субъективистским и антиинтеллектуалистским теориям, которые ее отрицают. Существует в технике, которую мы производим и которой пользуемся каждый день.

Такова настоящая мысль: она объективна и признает реальность и науку. Бутафорная мысль — это миражи фантазии, иногда скреплённые формальной логикой, чаще сказочными мифами, а иногда прямо противоречащие логике, как например мистическое единство и борьба противоположностей диалектики у Гегеля.

У таких мыслителей свой диалог, никак не связанный с дискуссией настоящей науки, звучащей сквозь века для всего человечества. Вы знаете этих писателей: иррационалистов, антиинтеллектуалистов, субъективистов, сюрреалистов, и нигилистов. Не все они одинаково далеко ушли от настоящей интеллектуальной дискуссии, но все изъяты из магистрали научного мышления.

Набоков — классический пример такого бутафорного мышления. Он восхищается Прустом, учеником Бергсона, за их отказ признавать реальность, разум и истину, и смеётся над попытками Флобера казаться «реалистом». Он считает, что отважно идёт против общественного мнения, разнося в пух и прах Дон Кихота Сервантеса, как «старую рухлядь». Госпожа Бовари Флобера и Дон Кихот Сервантеса — два романа, уничтоживших наивный романтизм. Набоков считает себя могучим «художником», титаном, способным отразить сокрушительный удар этих двух великих романов по романтике. Он сам рыцарь романтических фантасмагорий и будет защищать их, даже если придётся погибнуть в бою. Относительно насмешки Сервантеса он высказывается прямо — рухлядь, о Флобере он говорит уклончиво: это не романтическая литература свела ее с ума, просто она «плохая читательница». Дескать, Флобер виноват не в том, что обвинил романтику в глупости, он просто рассказал о «плохих читателях».

Ну и как все субъективисты, он «имморалист» в том смысле как Ницше представил мораль в «генеалогии морали»: морали нет, все ценности относительны и только настоящие художники способны смело создавать свои собственные миры и противопоставлять их обществу и общественному мнению. Он прямо говорит в своих интервью о гуманизме как о первостатейной пошлости. «я ненавижу четырёх докторов: доктора Фрейда, доктора Живаго, доктора Кастро и доктора Швейцера». Того самого Альберта Швейцера, видимо, который открыл клинику в Африке, автора «Культуры и этики». Такая книга должна была казаться Набокову несмываемым грехом, как Что делать? Чернышевского. Такой же пошлостью в его глазах выглядят разговоры о реализме (особенно литературы), социальный и политический анализ в литературе, наконец жизнь «трудящихся». Он гордится тем, что никогда не работал в конторе и на судоверфи.

Его нападки на «доктора Фрейда» тем интереснее, что его собственное творчество развивается в русле теории Фрейда о сексуальности

как животной природе человека. Но поскольку Набоков не способен вразумительно объяснить в чем же собственно состоит его мировоззрение, ведь волшебство художественного вдохновения исключает убогость рационального восприятия, то его не смущает этот диссонанс. Нигде в интервью он не даёт вразумительного объяснения замысла Лолиты, несмотря на тот факт, что он называет роман своим главным произведением. Напротив он обиженно пишет, что дураки издатели и критики задаются вопросом «Что он хотел сказать этим?» и «Зачем он это написал?». И только вдумчивые читатели «умеют лучше» него объяснить, зачем он все это писал. Действительно, он в одном и том же интервью говорит, что не он, а Гумберт считает глубоко аморальным поведение педофила, сам Набоков выше вопросов добра и зла, мораль и гуманизм он считает пошлостью, как мы помним. И там же даёт резко моральную оценку Гумберту — «пустой и жестокий негодяй, которому удаётся казаться трогательным». Причем, когда журналист говорит, что в принципе женитьба на подростках была нормальна не только для Рима, но и в современной Америке вполне имеет место, Набоков ему возражает. В Лолите речь не о браке с молодой девушкой, а о любви маньяка к детям, к нимфеткам, так что 14 — это стареющая любовница для Гумберта. А о том, зачем он писал об этом жестоком негодяе он не может сказать ничего, кроме того, что в нем «начала пульсировать идея».

Гумберта он представляет маньяком, сумасшедшим человеком с половыми извращениями. Но это только прямая мысль, высказанная в книге, которая ни в коем случае не является ее мейнстримом. Основная мысль автора — это троллинг читателя с его «пошлостью» общепринятой гуманистической морали, психиатров, которые подобно Фрейду думают, что умеют провести границу между реальностью и бредом, всей «чопорной культуры», которая считает, что может уместить реальность художника в свои вульгарные рамки рационализма и гуманизма.

Он пишет внешне о больном человеке, но превращает своё повествование в поэзию подрастающей женской красоты, ее хрупкости и изысканности. Он превращает своё изложение не в манию грубого педофила, а в романтику Данте и Петрарки, возлюбленным которых тоже было от 9 до 13 пишет он (Данте увидел свою Беатричи, когда ей было девять, но стремится он к взрослой замужней женщине 24 лет, какой она была в момент смерти. А Петрарка, как пишут, познакомился с Лаурой когда ей было двадцать).

Однако в отличии от Набокова ставившего целью посмеяться над реалистами и гуманистами, романтики говорили именно о молодых

девушках, о метафизике, о духовном рае в единении с любимой, о божественном браке заключённом на небесах.

Набоков намеренно игнорирует тему «молодых девушек» и обращается к теме детей, чтобы ввести тему маньяка педофила. Но приступает к теме как искушённый романтик романист, со всеми ссылками на Данте и Петрарку, на Пруста и Венеру Боттичелли, точной копией которой оказывается в конце книги эта самая Лолита — в точности как Одетта Пруста.

В итоге тема маньяка с навязчивой мыслью о преследовании детей сливается, и ее место заступает классическая романтика незаметно для читателя, который оказывается в ловушке: неужели педофилия может быть красивой. Этого и добивается Набоков, большой поклонник романтики и имморализма. Тема троллинга общественного мнения и особенно психиатров идёт красной линией через всю книгу: он прямо пишет что в «санатории» (психушке) он сам себя вылечил тем что научился издеваться над психиатрами, рассказывая то что они ждут и потешаясь над их диагнозами, которые бесконечно далеки от того что он чувствовал в реальности. И этот его эксперимент так ему понравился, что он остался еще на месяц, а потом «еще на неделю. Вспоминая психоаналитиков, он пишет, что уверен, что те уже следят за его сюжетом как «загипнотизированные кролики».

Наконец тема красоты, о которой так много говорят, чтобы оправдать это пустое произведение Набокова. Он пишет о «нимфетках» как о тончайших цветах, в которых уже видны все черты будущей женственности, но пока хранят всю изысканность и прелесть бутонов. Это взгляд поэта, не маньяка. Маньяк конечно писал бы о своей навязчивой идее иначе.

Троллинг Набокова состоит в том, что он приписывает свою поэзию маньяку и с усмешкой ждёт взрыва возмущения у тупого и благонамеренного читателя. Он ставит фоном этой нежности бутона эрегированный член «большого Гумберта», вменяющего ребёнку в обязанности три раза в день его обслуживать за деньги. Ухмыляется когда описывает разницу «в размерах» и о том расстоянии между «нимфетками» и большими Гумбертами, которое нужно чтобы «дьявольское наваждение» стало возможно. В самом начале, подражая любимому Прусту, он пишет о пространстве и времени с тем, чтобы извлечь «демонический остров нимфеток» из реальности трёх измерений.

В конечном итоге Набоков хотел посмеяться последним. Доказать себе свою гениальность, увидев как удался его троллинг. Как персонаж, о котором прямо пишется, что он маньяк был принят за поэта, воспевающего красоту, как чопорные читатели, с готовностью отка-

зались от общепринятой морали, признав педофила эстетом. Как гуманистическая культура признала его роман одним из лучших романов века, и номинировала на Нобелевскую премию.

К счастью один почтенный швейцарец устоял против троллинга и все четыре раза твёрдо отказывал: нив коем случае автору аморального и успешного романа Лолита. Сам Набоков смеётся в послесловии к Лолите, что были те, кто так далеко ушёл в поисках смысла книги, которого он сам не знал, что стал говорить об аллегории «старая Европа совращает молодую Америку», или наоборот, пишет он «молодая Америка совращает старую Европу». Ещё он приводит слова другого критика о том, что эта книга развязка «романа с романтическим романом» у Набокова. Ему почти понравилось это определение. И мне кажется удачным: как бы он не защищался от Дон Кихота и госпожи Бовари, романтический роман умер. И все попытки его воскресить путём скрещивания старой романтики с фантазиями педофила дадут только такое убогое произведение, в котором поэзия обгажена сексуальными извращениями маньяка, а история болезни претендует на статус поэзии.

Ниже выдержки из Бунтующего человека Камю, которого он судя по его интервью тоже терпеть не мог, отказывая ему в статусе писателя. Что, впрочем, вполне ожидаемо. Сад, о которых пишет Камю, упоминаются в романе Набокова».

2. МЕМУАРЫ ВИРДЖИНИИ ДЖУФФРЕ. РОМАНТИЗМ НА ОСТРОВЕ ЭПШТЕЙНА

Не так много книг на сегодняшний день, которые заявили бы о том ядовитом влиянии, которое несет миру Движение Романтизма. (Я показала в первой части истоки романтизма из незрелого интеллекта Гибрис-Эго. Для Гибрис-Эго Романтизм был игрой в литературу, сами они не могли использовать свою философию на практике из –за сломанного физического контроля)

«Бунтующий человек» Камю.

«Крейцерова соната» Л. Толстого

«Ночные дороги» Г. Газданова

«Второй пол» де Бовуар

«Госпожа Бовари» Г. Флобера

«Казус Вагнер» Ницше

«Ночные бдения» Ф. Шеллинга

«Над пропастью во ржи» Сэлинджера

«Болезнь к смерти» С. Кьеркегора

Честертон в Апологии Христианства

Б. Рассел в Истории западной философии

Л. Толстой «Что такое искусство»

Однако, совсем иначе обстоит дело с Сатанами Расы Господ, которые научились использовать литературу и то что стало «культурой» Романтизма, книгами и фильмами, мемами из самых громких их работ, живописью и пьесами, театром и звездами кино — научились использовать все это, чтобы как-то оживить «унылую порнографию» обыденного рабочего Садомазохизма, как он описан в «Ночных дорогах» Газданова.

Они научились использовать культуру Романтизма для своего собственного воображения, чтобы не чувствовать себя такими мертвыми, и чтобы не было так скучно спать с уничтоженными ими женщинами в проституцию и «кликушество».

И гласное они научились его использовать, чтобы обманывать романтизмом свои жертвы.

Э. Фромм как всегда очень четко оценил негативную роль Кино в Идолопоклонстве Эроту современного магического сознания. По той же причине книга Сэлинджера «Над пропастью во ржи» — одна из пророческих книг своего времени — он очень четко определяет роль кино как культа движения романтизма самыми черными красками в одурачивании людей, в развитии магического сознания идолопоклонства.

Э. Фромм, «Человек для себя»:

«Более точную картину моделей успеха дают другие источники. Иллюстрированные журналы, газеты, кинохроника на разный лад демонстрируют портреты и жизненные истории преуспевающих людей. Ту же функцию выполняет и реклама. Преуспевающий служащий, чей портрет помещен в рекламе мужской одежды, это образец того, как нужно выглядеть и каким быть, если хочешь заработать „большие деньги“ на современном личностном рынке. Самое важное средство передачи

обычному человеку образа желательной личности — это кино. Молодая девушка старается в выражении лица, в прическе, в жестах подражать высокооплачиваемой звезде, считая все это самым многообещающим путем к успеху. Молодой человек старается быть похожим на героя, которого видит на экране. Хотя обычный человек имеет мало контактов с жизнью самых преуспевающих людей, его отношения со звездами кино — дело другого рода. Да, он не имеет реального контакта и с ними, но он может снова и снова видеть их на экране, может написать им и получить их карточку с автографом. В отличие от тех времен, когда актер был социально унижен, но, тем не менее, передавал своей аудитории творения великих поэтов, наши кинозвезды не служат передаче великих творений или идей, их функция — служить как бы связующей нитью между обычным человеком и миром „великих". Даже если обычный человек и не может надеяться стать таким же преуспевающим, как они, он может стараться подражать им: они его святые, и благодаря своему успеху они воплощают определенные нормы жизни».

Когда Сатанам современной Расы Господ пришла в голову безумная мысль соблазнить в проституцию Автора Великого Открытия, — только потому что женщина и только потому что нет дохода кроме пенсии по инвалидности и находится под страшным прессом — мне стали присылать множество картинками со всякого рода знаменитостями. В том числе с известными всему миру голливудсткми звездами

Рекомендации для Вас — так называлась рубрика в которой они показывали эти фото, а я публиковала их в постах на Фейсбуке, чтобы показывать людям безобразия этих негодяев. Я ни в коем случае не думаю, что звезды были в курсе тогда. Хотя сейчас обо мне уже слышали все. Дело не в актерах, дело в том, как Сатаны используют «Магические Авторитеты» Славы и Романтизма в своих силах. Ведь актеры части того, что сегодня составляет культуру нашего мира — культуру Романтизма. С другой стороны, мне регулярно показывали картинки «женственности» с ведущими красавицами мира! Мне, ученому и калеке они ста-

рались привить Притяжения Самовлюбленности Романтизма также, как маленькой цветущей и глупой девочке!

И эта культура в сфере искусства есть гибельное последствие Дарвиновской парадигмы в сфере науки.

Мемуары Вирджинии Джуффре, которые этот героический борец за правду успел опубликовать перед тем, как силы пожиравшие ее все это время, поглотили ее окончательно, со всей ясностью показывают как использовали эту культуру Романтизма для вовлечения и соблазнения девочек.

Как в конечном итоге, обманув их картинками о прекрасном будущем, чтобы они не превращались так явно в тех «кликуш» и «истеричек», в ту «унылую порнографию» забитых в дебилизм скучных проституток, в конечном итоге с ними обходились также.

Потому что Притяжение Самовлюбленности — это Миф о Равенстве на поле Эгосистемы, который придумали люди, неспособные сами применить его на практике, так как это притяжение сломало им физический контроль поля Эгосистемы. И этот миф как то, что мир лженауки посчитал «культурой» остался жить как иллюзия и греза. И этому мифу нашли практическое применение люди с нормально функционирующим Садомазохизмом — Сатаны Расы Господ Притяжения Самолюбия.

Украшать свою мертвенность и обманывать молодых и наивных.

Я говорю об этом так много, чтобы привлечь внимание общественностик пролеме культуры Романтизма. Как все то ложное, что принес незрелый интеллект и лже-наука, они останутся в истории человеческой мысли навсегда, чтобы служить предупреждением и т тренажером зрелой мысли.

Но они не должны оставаться в качестве Реальной культуры, и реальной мудрости настоящего искусства. Иначе, это ведет к плачевным последствия поддержания активности поля Эгосистемы в обществе.

V. Guiffre, «Nobody's girl»:

> «What's more, as I describe the chronology, transgression by transgression, I worry that the awful details distract from a broader

truth. Yes, I was sexually abused. My body was used in ways that did enormous damage to me. But the worst things Epstein and Maxwell did to me weren't physical, but psychological. From the start, they manipulated me into participating in behaviors that ate away at me, eroding my ability to comprehend reality and preventing me from defending myself. From the start, I was groomed to be complicit in my own devastation. Of all the terrible wounds they inflicted, that forced complicity was the most destructive. I was about to spend more than two years in Epstein and Maxwell's orbit. My job: to do whatever they asked whenever they asked it. There were no bars on the windows or locks on the doors. But I was a prisoner trapped in an invisible cage.

…Epstein must've sensed my qualms, though, because he walked around his desk, picked up a grainy photograph, and handed it to me. The image had been taken from some distance, but it was unmistakably my little brother. Skydy was walking away from the camera; I could see his backpack, and the outline of the side of his face. I felt a stab of fear. Why did Epstein have a photo of the person I loved most in the world? «We know where your brother goes to school,» Epstein said. He let that sink in for a moment, then got to the point: «You must never tell a soul what goes on in this house.» He was smiling, but his threat was clear: should I ever be tempted to betray him and go to the authorities, he would hurt Skydy. I stared at him. He stared back. «And I own the Palm Beach Police Department,» he said, «so they won't do anything about it.»

….SO MANY YOUNG women, myself included, have been criticized for returning to Epstein's lair even after we knew what he wanted from us. How can you complain about being abused, some have asked, when you could so easily have stayed away? If you didn't like feeling dirty, you could simply have never gone back. But that stance wrongly discounts what many of us had been through before we encountered Epstein, as well as how good he was at spotting girls whose wounds made them vulnerable to him. Several of us had been molested or raped as children; many of us were poor or even homeless. Before meeting Epstein, one of his victims had watched her father beat an eight-year-old boy to death; another was present when her boyfriend killed himself. We were girls who no one cared about, and Epstein pretended to care. At times I think he even believed he cared. A master manipulator who excelled at divining the desires of others, he threw what looked like a lifeline to girls who were drowning, girls who had nothing, girls who wished to be and do better. If they wanted to be dancers, he offered dance lessons. If they aspired to be actors, he said he'd help them get roles. If they said the only thing they yearned to do

was paint, he bought them canvases and introduced them to key people in the art world. And then, he did his worst to them.

….Once the three of us were behind closed doors, he directed the scene, with me and this young woman as his costars. He told us how to touch one another and how to touch him, and each of us dutifully played our parts. We were so different — in our looks, in our origin stories — but Epstein had forced us to be the same: submissive, resigned victims of his abuse. I don't know how to reconcile this sordid scene with the worldly reputation that Epstein seemed intent on projecting. This was a man who displayed framed photographs of himself with the Dalai Lama, with the pope, and with members of the British royal family. A photo in his Palm Beach house showed Epstein posing behind the podium of the White House briefing room. This was a man who'd had former president Bill Clinton over for dinner (I was at the table that night) and who'd hosted Al and Tipper Gore as well (again, I was there). More than once, I'd been on Little Saint James when Epstein hosted his friend Leslie Wexner, the billionaire founder of L Brands, which owned Victoria's Secret and Abercrombie & Fitch. (Epstein often told girls, falsely, that he was a Victoria's Secret «scout.») Epstein had managed some of Wexner's money at one time, and Wexner was the previous owner of Epstein's lavish Manhattan home, which by some accounts he'd sold to Epstein for one dollar. I'd met all these people because I was in Epstein's orbit. Can you forgive me for wanting to feel that some of their power and importance might rub off on me? If someone as well connected as Epstein thought I had the makings of someone special, as he often said, I wanted to believe he was right. Sometimes after Epstein had lent me out to someone with a boldface name, he'd reward me with a solo trip to Zorro Ranch.

…The next morning, on March 10, 2001, Maxwell woke me up by announcing in a singsongy voice: «Get out of bed, sleepyhead!» It was going to be a special day, she said. Just like Cinderella, I was going to meet a handsome prince! Her old friend Prince Andrew would be dining with us that night, she said, and we had lots to do to get me ready. Maxwell and I spent most of that day shopping. She bought me an expensive purse from Burberry and three different outfits. When we got back to her house, I laid them out on the bed. There were two sexy, sophisticated dresses she'd picked out and a third option that I'd lobbied for: a pink V-necked, sleeveless mini-T-shirt and a sparkly, multicolored pair of jeans embroidered with a pattern of interlocking horses. After I showered and dried my hair, I put on the jeans and top, which left a strip of my stomach exposed. Maxwell wasn't thrilled, but like most teenage girls then, I idolized Britney Spears and Christina

Aguilera, and the third outfit was something I imagined the two of them might wear. I told Maxwell it felt more like «me.» When Prince Andrew arrived at the townhouse that evening, Maxwell was more coquettish than usual. «Guess Jenna's age,» she urged the prince, after she introduced me. The Duke of York, who was then forty-one, guessed correctly: seventeen. «My daughters are just a little younger than you,» he told me, explaining his accuracy. As usual, Maxwell was quick with a joke: «I guess we will have to trade her in soon.»

….Life went on. Every once in a while, I'd be reading the news or watching TV when I'd stumble across a name or a face that I recognized. Numerous other well-known men who Epstein and Maxwell had forced me to service sexually would pop up in my newsfeed. Almost as disorienting was when I'd see a photo in the newspaper of some other boldfaced name who hadn't abused me but whom I clearly remembered meeting. Bill Clinton would be in the news — traveling to Haiti with George W. Bush, say, to coordinate recovery efforts after a terrible earthquake — and I'd flash on the hard-to-believe fact that once, in what felt like a former life, I had actually met this man who'd served as commander in chief.

….Maxwell was proud of her friendships with famous people, especially men. She loved to talk about how easily she could get former president Bill Clinton on the phone; she and Epstein had visited the White House together when Clinton was in office. Maxwell also enjoyed repeating that once, at some random event, she'd taken the actor George Clooney into a bathroom and given him a blow job. Whether that was true or not, we'd never know.

…It's taken me a long time to understand that Epstein and Maxwell solidified their power over me by offering me a new sort of family. Epstein was the patriarch, Maxwell the matriarch, and these roles were not merely implied. Maxwell liked to call the girls who regularly serviced Epstein her «children.» She and Epstein once took me to a boat show in Palm Beach and spent the afternoon introducing me as their daughter, just for kicks. As bizarre as that sounds, it felt kind of good to me. Less good, given my history, was that Epstein sometimes insisted that I call him «Daddy» during sex. While I was hardly equipped to judge, it often seemed to me that Epstein and Maxwell behaved like actual parents. The first time we ate a meal together, for example, they were appalled by my table manners. So Maxwell taught me how to hold a knife and fork, just so, and to fold my napkin in my lap, the way civilized people do. Soon, she'd be telling me how to do my makeup, how to dress, and where to get my hair cut (the celebrity stylist Frédéric Fekkai groomed many of the girls in Epstein's world, including me).

…So when the professor asked at one point for «one of your famous massages that Jeffrey has told me so much about,» I complied, taking him to a cabana and giving him a rubdown that ended with intercourse. We only had sex once, though. The next night, the man told me he wanted to watch movies instead. I showed him how to use the remote control on Epstein's largest TV and how to turn it off when he was done, and I went to bed. I was glad for the night off, but I remember feeling worried that I'd somehow disappointed the professor in a way that he'd share with Epstein. The psychologist was only the first of many academics from prestigious universities who I was forced to service sexually. I didn't know it then, but Epstein had spent years campaigning to keep company with the world's biggest thinkers and bestselling scientific authors — among them the physicist who discovered the quark, for example, and the computer scientist who consulted with Stanley Kubrick for his iconic film 2001: A Space Odyssey. At one point, Epstein would even host the theoretical physicist Stephen Hawking, among others, at a symposium organized around the question «What is gravity?» Epstein had convinced himself that he — a college dropout — was on the same level as degree-holding innovators and theoreticians, and because he funded many of their research projects and flew them around on his jets, he was largely welcomed into their fold. Then Epstein offered some of them a bonus: sex with one of us girls. In the coming months, I would be told to service many men whom I'd later learn were illustrious in their fields. On any given night, Epstein would tell me to wait in the massage room until one of these strangers entered, clearly expecting sex.

…Just when I thought things couldn't get worse for me, they did: Epstein trafficked me to a man who raped me more savagely than anyone had before. We were on Epstein's island when I was ordered to take this man to a cabana. Immediately it was clear that this man, whom I've taken pains to describe in legal filings only as «a well-known Prime Minister,» wasn't interested in caresses. He wanted violence. He repeatedly choked me until I lost consciousness and took pleasure in seeing me in fear for my life. Horrifically, the Prime Minister laughed when he hurt me and got more aroused when I begged him to stop. I emerged from the cabana bleeding from my mouth, vagina, and anus. For days, it hurt to breathe and to swallow. Afterward, I tearfully begged Epstein not to send me back to the Prime Minister. I got down on my knees and pleaded with him. I don't know if Epstein feared the man or if he owed him a favor, but he wouldn't make any promises, saying coldly of the politician's brutality, «You'll get that

sometimes.» Today I know that Epstein liked to tell friends that women were merely «a life-support system for a vagina.» I didn't know that then. Today I know that Epstein made the following chilling distinction: «I'm not a sexual predator; I'm an «offender.» It's the difference between a murderer and person who steals a bagel.» I didn't know that then either. Today I see how little he cared about the girls and women he abused. But for a long time, I couldn't see it. Or maybe I didn't want to see it. My experience being brutalized by the Prime Minister — and the way Epstein glossed over it — changed that for me. Before the Prime Minister's attack, Epstein had me fooled. I thought that Epstein's predilection for childlike girls was a sickness, but that in his twisted way he meant well. After the attack, I couldn't stay a fool. Having been treated so brutally and then seeing Epstein's callous reaction to how terrorized I felt, I had to accept that Epstein meted out praise merely as a manipulation to keep me subservient. Epstein cared only about Epstein. At that point, I hit bottom. I now knew I wouldn't survive. I saw only two possible options: either someone Epstein trafficked me to would kill me or I would take my own life. About eight weeks or so after my encounter with the Prime Minister, Epstein informed me, as he often did, that he wanted me to service an important friend on one of his jets. Epstein told me what time to be at the private airport in Palm Beach and said I'd only be up in the air for an hour. Taking him at his word, I got Tony and some of his friends to drive me there, then asked them to stay and wait until I returned. I had no idea who I was meeting that day as I climbed the stairs that led to the plane. Then I ducked my head and stepped inside. «Hello again,» said the Prime Minister, the man I feared more than any other. The blood rushed to my head, and I could barely breathe. «Will he kill me this time?» I wondered, and for a dizzy moment, I thought I might faint. The pilot discreetly closed the door to the cockpit, and we took off. For the next hour, I was on high alert, braced for a fatal blow. As it turned out, this second encounter with the Prime Minister was more typical of those I'd had with other men — his only goal was ejaculation. Still, it was the longest sixty minutes of my life as I anticipated the Prime Minister once again injuring and asphyxiating me. When the airplane touched down, I emerged in a daze, stumbling back to the car where Tony and his friends were waiting».

18 ФЕВРАЛЯ 2026 МАРИЯ БЕРК, ИРИНА РИНАЕВА

«Дьявольские оргии Джеффри Эпштейна: «Кабаны ели других животных, за этим наблюдали кричащие дети»

«Многие уверены, что никакой мистики в вечеринках Эпштейна (на фото) не было. Только грязь, а посреди нее — обрюзгшие богатеи… Фото: Epstein Estate/House Oversight/Keystone Press Agency/Global Look Press

Оргии, которые устраивал финансист-педофил Джеффри Эпштейн в особняке на Манхэттене, поместье во Флориде и на частном острове Литтл Сент-Джеймс, стали частью мрачного мифа о тайных сообществах в кругах мировой элиты.

Многие уверены, что никакой мистики в происходившем не было. Только грязь, а посереди нее — обрюзгшие богатеи, привыкшие к безнаказанности, и затянутые в секс-рабство девушки. Но параллельно с официальным расследованием на первый план вышли конспирологические теории.

Особое внимание привлекла к себе история с перформансом сербской художницы Марины Абрамович под названием «Духовная кухня». В девяностые Абрамович прибегала к оккультной символике — во время арт-акций рисовала на стенах свиной кровью, писала тексты с ведьминскими рецептами вроде: «Смешай свежее грудное молоко со свежей спермой. Пей в ночи землетрясения».

На одном из представлений художница предлагала гостям, среди которых были певица Леди Гага и актер Хью Джекман, полакомиться «кровью» и «плотью» женщины, лежащей в гробу, наполненном красной жидкостью (говорят, что это был окрашенный мед).

В 2016 году перфоманс «Духовная кухня» оказался в центре политического скандала после обнародованной проектом Джулиана Ассанжа WikiLeaks переписки главы предвыборного штаба Хиллари Клинтон — Джона Подесты: Абрамович приглашала Подесту на званый ужин с аналогичным названием. Этого оказалось достаточно, чтобы Клинтон обвинили в причастности к тайному сатанинскому* обществу.

Имя Абрамович не раз встречается в файлах Эпштейна, финансист нахваливал ее творчество и рекомендовал знакомым.

Билл Клинтон на фотографии из «Файлов Эпштейна». Фото: Epstein Estate/House Oversight/Keystone Press Agency/Global Look Press

«БАЛ САТАНЫ*» В ЗАМКЕ РОТШИЛЬДОВ: ЧТО ОБЩЕГО У ЭПШТЕЙНА С БАНКИРАМИ

Дополнительную пищу для домыслов дала фотография, на которой Абрамович позирует с банкиром Джейкобом Ротшильдом на фоне картины конца XVIII века «Сатана*, призывающий свои легионы» кисти Томаса Лоуренса. Масла в огонь подлила обнародованная Минюстом США переписка Эпштейна с главой банка Edmond de Rothschild Group Арианой де Ротшильд, в которой, кроме деловых, нашлись и фривольные сообщения — банкирша спрашивала, может ли она показать сыну фото обнаженных женщин.

Марина Абрамович и Джейкоб Ротшильд у картины Томаса Лоуренса «Сатана*, призывающий свои легионы».

Семья Ротшильдов, считают конспирологи, входит в тайное мировое правительство и добивается разрушения традиционной семьи и перевода извращений в норму.

Одним из главных доказательств этой теории называют события, которые развернулись в замке Ротшильдов под Парижем 12 декабря 1972 года. Туда съехались две сотни гостей, получивших секретные приглашения: художник Сальвадор Дали и модельер Ив Сен-Лоран, актрисы Одри Хепберн и Брижит Бардо, итальянская принцесса Мария Габриэлла ди Савойя и министр культуры Франции Мишель Ги — плюс скрытые под масками финансисты и политики.

Впоследствии это действо окрестят «балом Сатаны*», хотя хозяева именовали его скромно — «сюрреалистический ужин». Гости выглядели жутко — в масках из звериных голов или в виде сразу нескольких лиц, с рогами.

Фасад замка подсветили кроваво-красным светом. Гостей встречал человек в костюме черного кота. Среди изысканных блюд на столах лежали пупсы с оторванными конечностями и выдранными волосами. Приглашенные вызывали дьявола и принесли ему жертву — женский манекен на ложе из роз.

Долгое время о таинственном маскараде знали только его участники. История всплыла лишь в конце 1970-х, когда барон де Реде опубликовал сделанные в ту ночь фото и описание вечеринки. Считается, что так он отомстил Ротшильдам за сорванную ими сделку по покупке своего имения.

ЗАКРЫТЫЙ КЛУБ ЭКС-ПРЕЗИДЕНТОВ США И СТРАННЫЕ ОБРЯДЫ

После публикации материалов Эпштейна наблюдатели предположили: режиссер Стэнли Кубрик своим фильмом 1999 года «С широко закрытыми глазами», герои которого попадают в жуткую секту, хотел предупредить мир о тайном сообществе влиятельных извращенцев. Мол, и скоропостижная смерть Кубрика — от сердечного приступа, всего через несколько дней после окончания монтажа картины — была неслучайна.

Кадр из фильма Стэнли Кубрика «С широко закрытыми глазами»
Год спустя американский документалист Алекс Джонс проник в калифорнийский летний лагерь для взрослых «Богемская роща», принадлежащий мужскому клубу, куда входили экс-президенты США — от Никсона до Буша-младшего. Джонс скрытой камерой снял церемонию открытия лагеря: участники в плащах и масках, с факелами, на фоне 12-метровой бетонной совы совершали символическое жертвоприношение фигуры человека. В клубе отвергли обвинения в сатанизме*, назвав действо способом «сжечь заботы» перед летним отдыхом.
ЧТО ТВОРИЛОСЬ НА ОСТРОВЕ ДЖЕФФРИ ЭПШТЕЙНА: «ХРАМ» И ПОДЗЕМНЫЕ ТУННЕЛИ
Ну а что же связано непосредственно с Эпштейном? Из мемуаров его уже покойной жертвы Вирджинии Джуффре (была в прошлом году найдена мертвой на ферме в Австралии, официальная версия — самоубийство) мы узнаем, что с каждым годом аппетиты миллионера росли: он, скажем, мог выписать на остров 12-летних французских тройняшек, а со временем пристрастился к садистским секспрактикам.
Вирджиния Джуффре скончалась в апреле 2025 года.
Фото: EASTNEWS/AP/FOTOLINK.
Вот как Джуффре описывала обстановку в нью-йоркском особняке миллионера: «В спальне висело зловещее настенное панно, от которого меня бросало в дрожь — на нем были изображены дикие кабаны, поедающие туши других животных, за этим наблюдали кричащие дети».
В файлах Эпштейна есть письмо информатора в ФБР: во время оргий якобы убивали детей и занимались каннибализмом (правда, автор на допросе пояснил, что сделал такой вывод из обсуждений на форумах).
Есть там и послание от анонима: две садистски задушенные девушки были закопаны на ранчо магната в Нью-Мексико. Сейчас там наконец хотят провести обыски, хотя ранчо давно принадлежит другому человек».

Ницше, «Казус Вагнер»:

«В театре царит другой дух с тех пор, как там царит дух Вагнера: требуют самого трудного, порицают сурово, хвалят редко — хорошее, выдающееся считается правилом. Вкус уже больше не нужен; даже голос. Вагнера поют только разбитым голосом: это действует «драматично». Даже дарование исключено. Espressivo во что бы то ни стало, как этого требует вагнеровский идеал, идеал decadence,

плохо уживается с дарованием. Для него нужна просто *добродетель* — хочу сказать, дрессировка, автоматизм, «самоотречение». Ни вкуса, ни голоса, ни дарования: сцене Вагнера нужно только одно — *германцы*... Определение германца: послушание и длинные ноги... Полно глубокого значения то, что появление и возвышение Вагнера совпадает по времени с возникновением «империи»: оба факта означают одно и то же — послушание и длинные ноги. — Никогда лучше не повиновались, никогда лучше не повелевали. Вагнеровские капельмейстеры в особенности достойны того века, который потомство назовёт некогда с боязливым почтением *классическим веком войны*. Вагнер умел командовать; это-то и сделало его великим учителем. Он командовал, как непреклонная воля к себе, как дисциплинирование себя всю жизнь — Вагнер, который, быть может, являет собою величайший пример самонасилия в истории искусств (он превзошёл даже близкородственного ему в остальном Альфьери. Примечание туринца).

Это познание, что наши актёры более достойны уважения, чем какие-либо прежние, не соединяется с пониманием того, что они менее опасны... Но кто ещё сомневается в том, *чего* я хочу, — каковы *три требования*, которые на этот раз влагает в мои уста моя злоба, моя забота, моя любовь к искусству?

Чтобы театр не становился господином над искусствами.

Чтобы актёр не становился соблазнителем подлинных.

Чтобы музыка не становилась искусством лгать.

Постскриптум

Приверженность к Вагнеру обходится дорого. Немцы совсем недавно утратили нечто вроде страха перед ним — желание *освободиться от него* являлось у них при всяком случае. — Помнят ли ещё то курьёзное обстоятельство, при котором совсем под конец, совсем неожиданно снова проявилось старое чувство к Вагнеру? При погребении Вагнера первое немецкое Вагнеровское общество в Мюнхене возложило на гроб его венок, *надпись* которого тотчас же стала знаменитой. «Спасение спасителю!» — гласила она. Каждый удивлялся высокому вдохновению, продиктовавшему эту надпись, каждый удивлялся вкусу, на который приверженцы Вагнера имеют привилегию; однако многие (это было довольно странно!) сделали в ней одну и ту же маленькую поправку: «Спасение *от* спасителя!» — Вздохнули свободнее.

Приверженность к Вагнеру обходится дорого. Измерим её по её действию на культуру. Кого собственно выдвинуло на передний план вызванное им движение? Что всё более и более взращивало оно? — Прежде всего, наглость профанов, идиотов в искусстве. Они органи-

зуют теперь ферейны, они хотят насаждать свой «вкус», они хотели бы даже разыгрывать судей in rebus musicis et musicantibus. Во-вторых, всё большее равнодушие ко всякой строгой, аристократичной, совестливой выучке в служении искусству; на её место поставлена вера в гений, по-немецки: наглый дилетантизм (- формула для этого имеется в Мейстерзингерах). В-третьих, и это самое худшее: *театрократию* — сумасбродную веру в *преимущество* театра, в право театра на *господство* над искусствами, над искусством… Но надо сто раз говорить прямо в лицо вагнерианцам, *что* такое театр: всегда лишь *под* искусства, всегда лишь нечто второе, нечто огрублённое, нечто надлежащим образом выгнутое, вылганное для масс! Тут и Вагнер не изменил ничего: Байрейт — большая опера, — а вовсе не *хорошая* опера… Театр есть форма демолатрии в целях вкуса, театр есть восстание масс, плебисцит *против* хорошего вкуса… *Это именно и доказывает казус Вагнер*: он покорил толпу, он испортил вкус, он испортил даже наш вкус к опере!

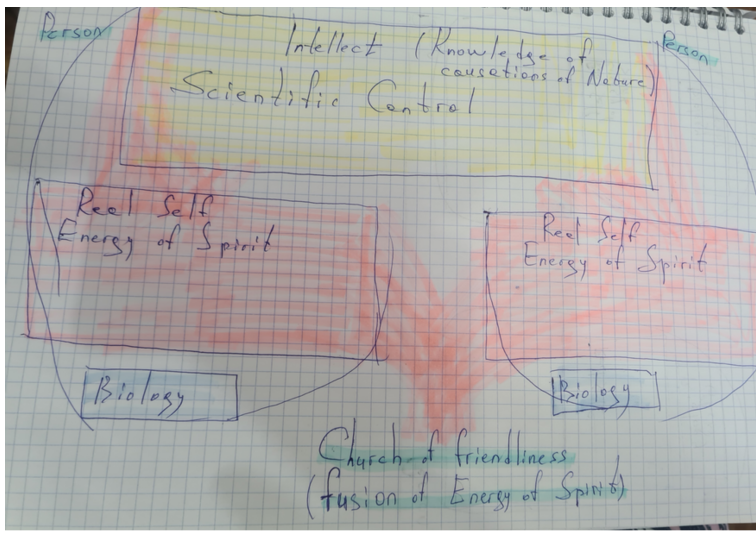
Приверженность к Вагнеру обходится дорого. Что она делает с умом? *освобождает ли Вагнер ум?* — Ему свойственна всякая двойственность, всякая двусмысленность, вообще всё, что убеждает невежд, не доводя их до сознания, *для чего* их убедили? Это делает Вагнера соблазнителем высокого стиля. Нет ничего усталого, отжившего, жизнеопасного и поносящего мир в духовной области, что не было бы взято его искусством тайно под защиту, — это самый чёрный обскурантизм, скрываемый им под светлыми покровами идеала. Он льстит каждому нигилистическому (- буддистскому) инстинкту и переряжает его в музыку, он льстит каждой христианственности, каждой религиозной форме decadence. Откройте свои уши: всё, что выросло на почве *оскудевшей* жизни, вся фабрикация фальшивых монет трансценденции и потустороннего, имеет в искусстве Вагнера своего высшего защитника — *не* формулами: Вагнер слишком умён для формул, — а убеждением чувственности, которая в свою очередь снова делает ум дряблым и усталым. Музыка, как Цирцея… Его последнее произведение является в этом его величайшим шедевром. Парсифаль вечно сохранит своё значение в искусстве обольщения как *гениальный приём* обольщения… Я удивляюсь этому творению, я хотел бы быть его автором; за отсутствием этого факта *я понимаю его*… Вагнер никогда не был более вдохновенным, чем в конце. Утончённость в соединении красоты и болезни заходит здесь так далеко, что как бы бросает тень на прежнее искусство Вагнера: оно кажется слишком светлым, слишком здоровым. Понимаете ли вы это? Здоровье, светлость, действующие как тень? почти как *возражение*?.. Настолько мы уже *чистые глупцы*… Никогда ещё

не было более великого мастера в удушливых гиератических благовониях, — никогда ещё не жил равный знаток всего *маленького* бесконечного, всего дрожащего и чрезмерного, всех феминизмов из идиотикона счастья! — Отведайте только, друзья мои, волшебного зелья этого искусства! Вы нигде не найдёте более приятного способа энервировать ваш дух, забывать о вашем мужестве под розовым кустом… Ах, этот старый чародей! Этот Клингзор из Клингзоров! Как воюет он этим с *нами*! с нами, свободными умами! Как угодливо говорит он каждой трусости современной души чарующими звуками девичьего голоса! — Никогда не существовало такой *смертельной ненависти* к познанию! — Надо быть циником, чтобы не быть здесь обольщённым, нужно иметь способность кусать, чтобы не боготворить здесь. Хорошо, старый обольститель! Циник предостерегает тебя — cave canem…

Приверженность к Вагнеру обходится дорого. Я наблюдаю юношей, долго подвергавшихся его инспекции. Ближайшим сравнительно невинным действием является порча вкуса. Вагнер действует, как продолжающееся употребление алкоголя. Он притупляет, он засоряет желудок. Специфическое действие: вырождение ритмического чувства. Вагнерианец называет в конце концов ритмическим то, к чему я применяю греческую поговорку «мутить болото». Уже гораздо опаснее порча понятий. Юноша становится недоноском — «идеалистом». Он перегнал науку; в этом он стоит на высоте маэстро. Взамен этого он разыгрывает философа; он пишет байрейтские листки; он разрешает все проблемы во имя отца, сына и святого маэстро. Худшим, конечно, остаётся порча нервов. Пройдитесь ночью по большому городу — вы услышите всюду, как с торжественной яростью насилуют инструменты — к этому примешивается порою дикий вой. Что там происходит? Юноши молятся Вагнеру… Байрейт смахивает на водолечебницу. — Типичная телеграмма из Байрейта: bereits bereut (уже покаялись). — Вагнер вреден для юношей; он является роковым для женщины. Что такое, с точки зрения врача, вагнерианка? — Мне кажется, что врач должен бы поставить молодым женщинам со всею серьёзностью следующую альтернативу совести: одно *или* другое. — Но они уже выбрали. Нельзя служить двум господам, если один из них — Вагнер. Вагнер спас женщину; женщина построила ему за это Байрейт. Вся — жертва, вся — покорность: нет ничего, чего бы ему не отдали. Женщина беднеет на благо маэстро, она становится трогательной, она стоит перед ним нагая. Вагнерианка — самая прелестная двусмысленность из существующих нынче: она *воплощает* дело Вагнера, — она является знамением *победы* его дела… Ах, этот старый разбойник! Он крадёт у нас юношей, он крадёт

> даже наших жён и тащит их в свою пещеру… Ах, этот старый Минотавр! Чего он уже нам стоил! Ежегодно приводят ему в его лабиринт вереницы прелестнейших дев и юношей, чтобы он проглотил их, — ежегодно взывает вся Европа: «собирайтесь на Крит! собирайтесь на Крит!..»

ГЛАВА 17. РЕАЛЬНАЯ СИЛА ЭНЕРГИИ ДУХА



1. СИЛА ЧЕЛОВЕКА — ЭТО ПРОСТРАНСТВО-ВРЕМЯ ИНТЕЛЛЕКТА ЭНЕРГИИ ДУХА

Для Сатанов Физического контроля возникает таким образом парадокс: они стремятся к Силе, и потому вынуждены втаптывать в Слабость то, что они хотят «любить». Их притяжение Самолюбия, которое дает им чувствовать себя Господами, Силой, может «любить» только притяжение Влюбленности, которое дает их жертвам чувствовать себя Рабами, Слабостью — таков механизм Садомазохизма Физического контроля. И парадокс

здесь в том, что в конечном итоге, именно потребность быть всегда Силой внушает Сатанам отвращение к своим собственным жертвам — к Влюбленным в ним Рабам. И это портит им все «удоовольствие», которые они так жаждут найти в насилии над жертвами. Более того, мертвенность материальной энергии Притяжения Самолюбия Сатанов не дает им чувствовать от силы своего физического контроля в насилии над другими людьми ничего кроме того, что они «нажрались бетоном», как хорошо выразился Ремарк о некоторых военных командирах. Активность их поля Эгосистемы убила в них жизнь — поле энергии духа. Они мертвы, и они не могут этого не чувствовать. Их психика мертва, и все усилия почувствовать себя живыми они сосредотачивают на биологических процессах организма — они становятся обжорами, пьяницами, наркоманами и развратниками в первую очередь. И вот здесь опять, все их попытки получить удовольствие от рабского подчинения своих жертв заканчиваются отвращением к жертвам, которых они презирают. Они доходят до того, что насилуют детей. Потом они доходят до того в своих усилиях почувствовать себя живыми, что жрут свои жертвы. Но они мертвы, и они чувствуют себя мертвыми.

Таков абсурд закона сохранения силы физического контроля на поле материальной энергии.

Сам факт, что сегодня Сатаны Расы Господ сумели сосредоточить в своих руках какую-то реальную силу — это факт очень короткого времени, связанный с переходным периодом Интеллекта человечества, застрявшего между Научным контролем в материальных энергиях (техника) и старым магическим сознанием абориген в обществе, где правит лже-наука. Вот почему стало возможно, что Сатаны сумели подчинить себе ученых, которые производят и управляют техникой, и тем самым отчасти приобщились силе Научного контроля.

Однако, не может быть никаких сомнений в том, что ситуация эта очень временная, и что очень скоро такому ненормальному положению вещей, где Сатаны магического сознания правят людьми научного интеллекта, придет конец. Как только информа-

ция о закономерностях двух энергий получит распространение и здоровые люди научного сознания сумеют защитить себя от коварства и обмана хитрых Сатанов — этому ненормальному положению будет навсегда положен конец. Больше никогда власть не окажется в руках людей недостаточно образованных, чтобы управлять учеными. Больше никогда мертвая совесть подлецов не будет управлять честными людьми. Шеллинг говорил, что Зло может существовать только маскируясь под правду — и это залог того, что с ростом знаний у людей зло исчезнет. Действительно, «Люди Тьмы» как говорит Евангелие, сильны только до тех пор, пока они не выходят на свет. Современные политики, как бы порочны они на самом деле не были, могут оставаться во власти только до тех пор, пока они публично заявляют себя честными людьми с чистой совестью и служением истине. Только так и никак иначе им не удастся оставаться у руля власти. Им Надо, Необходимо маскировать себя под Добродетель, чтобы обладать общественной силой. Феномен Гитлера вовсе не в том, что он был самым плохим из всех известных Рас Господ, а в том, что ему первому, после Неронов Древнего Рима, пришло в голову заявить о себе как о Расе Господ, стремящейся поработить мир, открыто. И именно это привело его к такому громкому падению, как Неронов Древнего мира, потому что Зло, когда выходит на свет божий, навлекает на себя все силы сопротивления Энергии Духа в основе человеческого существование. Зло существует только до тех пор, пока оно прикрывается маской Добра, и в этом Шеллинг был абсолютно прав.

И прав он также в том, что именно это и приведет к уничтожению зла. Как только люди научатся понимать что такое Вранье, Коварство и Предательство Сатан-Эго Верхней Эгозащиты Притяжения Самолюбия — больше никогда Сатаны Расы Господ не будут править учеными и честными людьми. И больше никогда мир не будет подвергнут такой страшной опасности, о которой говорят Оруэлл и Рассел — опасности сосредоточения власти над техников в руках безумных маньяков. К скольким мировым и локальным войнам это привело, мы уже

видели. Перед последней ядерной войной их останавливают только остатки инстинкта самосохранения. Однако, если Открытие не положит конец их власти — нет никаких сомнений что безумие людей материальной энергии обязательно приведет их к этой последней для человечества войне.

Для здоровых людей энергии духа не возникает такой нелепой проблемы — любить силу с одной стороны, и нуждаться в том, чтобы втаптывать людей в «слабость» прежде, чем сможешь «получить удовольствие» от контакта с ними. Нормальные люди во всем рациональны и последовательны, их закон сохранения силы — настоящий закон сохранения силы, а не иллюзия энергии-паразита, пожирающей их здоровье. Нормальные люди стремятся к силе и получают эту силу — и в себе, и в тех, кого они любят. И именно потому люди Церкви Дружбы и любят друг друга что глубоко уважают силу и здоровье друг друга. И в этом нет никакого противоречия, как в случае с Сатанами, которые хотят любить силу, но вынуждены калечить тех кого они «любят» в дебилов и рабов.

Для здоровых людей энергии духа единственной «слабостью», которую они признают в людях, является поле Эгосистемы материальной энергии, и оба Притяжения ее физического контроля — Самолюбие и Влюбленность как две стороны садомазохизма. Потому они одинаково презирают и Самолюбие и Влюбленность, но ненавидят только Сатанов Самолюбия, Верхней Эгозащиты Насилия и Господства. К их жертвам, забитым в рабов, Христос учил проявлять доброту и терпение и стремится всеми силами содействовать их излечению.

Здесь, поскольку мы ставим акцент на рассмотрении спецификам закона сохранения силы на поле Эгосистемы (физический контроль) и поле Интеллекта энергии духа (научный контроль) — наша цель показать сравнительные характеристики двух энергий с точки зрения «силы», которую оба контроля способны достичь.

Сатан-Эго, уставшие от унылой порнографии Садомазохизма, насилия и подчинения, господства и рабства, стремятся

оживить свои ощущения в романтике Самовлюбленности, где якобы возможно Равенство на поле Эгосистемы. Однако, Романтизм — это попытки наклеить маски «идеалов всесилия», в храбрости или в красоте на живых людей. Конечно, такие попытки обречены на провал — Романтизм, ищущий Равенства на поле Эгосистемы — всего лишь сломанный физический контроль и совершенно нежизнеспособен. Фромм в «Искусстве любить» указывает два вида патологии в «любви»: Садомазохизм Самолюбия-Влюбленности (Господства и Подчинения — Романтизму двух СамоВлюенностей (Равенства Идеалов всесилия), как два вида патологических типов «любви»: садомазохистской и идолопоклоннической. Этим двум видам патологии он противопоставляют «любовь-дружбу» или «братскую любовь» здоровых людей, которая основана на настоящем равенстве уважения к Истинному Я природы человека.

2. АБОРИГЕНЫ СОЦИАЛЬНЫХ ДЖУНГЛЕЙ

Прежде всего, надо начинать с понимания самого термина «Силы».

И здесь опять уместно вернутся к опыту дикарей.

Что для нас «сила» природы?

Мы открыли уже множество материальных энергий, которые вкупе составляют тот чувственный феномен, который мы воспринимаем как факты окружающей нас природы. Когда Платон говорил, что существуют вечные идеи Дерева, Птицы, Солнца, Луны и тп — он ошибался. Конкретные факты природы, которые мы воспринимаем чувственно, не есть часть Пространства-Времени Интеллекта. Однако, Платон был прав в том, что существуют «вечные идеи» энергий природы — закономерности интеллекта элекромагнитизма, биохимии, гравитации, электричества! Увидеть эти факты космоса можно только интеллектуальным зрением — и именно на этом уровне Пространства Времени интеллекта существуют вечные идеи Платона.

Итак, мы видим мир другими глазами — мы видим закономерности природных энергии в основе нашего чувственного восприятия неба и земли. И под «силой» природы мы понимаем эти конкретные природные энергии: сила электричества дает нам и свет, и тепло, и компьютеры и много других конкретных и таких разных удобств, что мы никоим образом не можем свети это все к одой абстракции количественного давления, как делали аборигены.

Ведь что значит их магическое понимание природы? Они понимают ее количественную абстракцию силы, какого то давления, направленного против их «Эго» по поле Эгосистемы. И больше ничего. Их магия — это только попытка подсчитать чье количественное давление, чья сила как пресс направленный против другого окажется победителем в схватке между Эго и СуперЭго поля Эгосистемы? Кто победит СуперЭго окружающего мира над Эго дикаря, кто победит «Я или не-Я»? Вот в чем смысл понятия «Силы» на поле Эгосистемы, к которому сводятся все реальные энергии природы, с их различными системами законов и с их различными качествами и удобствами, когда речь идет об их реальной силе.

Сила электричества в природе дает нам свет и компьютеры, силы биохимии дает нам контроль биологической энергии и наши познания в медицине, изучение электромагнетизма позволяет нам делать рентгеновские снимки, и так далее. Когда мы говорим о доступе научного контроля к «силе» природных энергий, мы имеем в виду эту реальную силу природных энергий быть частью нашего существования, увеличивать наш комфорт, и помогать нам в нашем взаимодействие с гармонией природы.

Когда Колдуны аборигены «командуют» силами природы, поклоняются Тотемам, просят у них защиты или угрожают им оставить их без даров за самое наглое пренебрежение их низкопоклонством они имеют ввиду совсем другое понимание «силы» природы. Для них «сила» природы — всего лишь количество давления, оказываемое на них какой то единой противостоящей им силой (загрузки внешнего мира как СуперЭго). Это и есть

«магия» и «сверхъестественные силы» их искаженного чувственного восприятия.

Понятно, что уже исходя из самого чудовищного искажения самого понятия «силы» всякое дальнейшее рациональное проведение закона сохранения силы физическим контролем будет невозможно. Физический контроль оказывается таким образом всего лишь механизмом обеспечивающим функционирование материальной энергии — и в этом смысле он «хранит» силу материальной энергии. Однако, постольку поскольку эта энергия никакого отношения к истинному Я людей — к их энергии духа не имеет, а является энергией паразитом, — то и закон сохранения силы этой энергии будет действовать как разрушение истинной силы энергии духа. Уже начиная с ложной информации которую чувственное отражение поля Эгосистемы дает о самом понятии «силы».

Альфред Адлер:

> *«Стремление к достижению превосходства проявляется настолько сильно, что при сравнительном психологическом анализе выявляется, что любой душевный феномен наряду с видимым проявлением содержит в себе еще и другую черту — желание освободиться от чувства слабости, чтобы достичь высот,. Или подняться „снизу вверх", превзойти всех, используя свои уловки, которые часто бывает нелегко проследить. Чтобы создать педантичный порядок в антиципации, мышлении и понимании мира и тем самым средства защиты, невротик хватается за разного рода правила и вспомогательные формулы, соответствующие по своей сути примитивной антитезной схеме. Так, он придает значение только чувственным ценностям, соответствующим понятиям „верх" и „низ", и пытается — насколько я мог в этом убедиться — постоянно связывать их с реальным для него противопоставлением „мужское — женское". ...Примитивную апперцепционную схему пациента, благодаря которой все его впечатления оцениваются с крайних позиций и тенденциозно группируются (вверху — внизу, победитель — побежденный, мужское — женское, ничто — все и т. д.), всегда можно доказать и разоблачить как незрелую, несостоятельную, но имеющую тенденциозную склонность к длительной борьбе»*

Мы уже видели много раз, что эту картину Магических Авто-

ритетов (Тотемов) человек перенес с природы на современное ему общество. Теперь люди изучают в школе математику и физику, химию и биологию, географию и ботанику — и нет таких наивных, кто будет понимать силу природы как Магические Авторитеты Тотемов (то есть количества Силы направленной против них). Люди знают об энергиях природы и о том какую пользу в реальности они несут людям, и как получить контроль над их реальной силой и пользоваться ей в технике.

Однако, с социальным миром все осталось по старому. Люди ничего не знают о духовной и материальной энергии скрытой в их психике, и не умеют смотреть на мир глазами научного контроля: то есть глазами Полотна истории Священной Войны Добра и Зла, и отличать реальную пользу энергии духа от реальной патологии материальной энергии.

Вместо этого они применяют физический контроль поля Эгосистемы и смотрят на социальный мир через «Загрузки СуперЭго». Ничего удивительного, что теперь Общество предстает Иерархией Социальной Лестницей, где задача бороться со всеми по мере движения наверх, к «всесилию» Магических Авторитетов, Тотемов самой большой количественной абстракции. Это опять сведение реальной пользы и реальной сущности энергии духа — всего лишь к уровням количественного давления, которое дают разные уровни социальной лестницы.

Важно помнить, что «Магия» сознания дикарей (и современных людей поля Эгосистемы) не имеет ничего волшебного и «сверхъестественное». Значение слово «магия» здесь в том что это искажение восприятия энергий природы через чувственное отражение физического контроля закона сохранения силы в Количественную абстракцию силы давления «СуперЭго» против «Эго». Это два полюса поля Эгосистемы, чья информация запускает «голод» (страх) запускает Эгозащиту, то есть функционирование материальной энергии. Дальше этот «страх сверхъестественных сил», или иначе «голод тщеславия» или иначе «культура стыда» — всегда лежит в основании мотивации материальной энергии.

Этот тот страх перед учеными, которых простые люди воспринимают как «магические авторитеты», который заставил людей в эксперименте Милграма пойти против своей совести, чтобы угодить приказам ученых. И это тот страх невротиков, о котором пишут Карен Хорни, Альфред Адлер, Эрих Фромм, и другие психологи и философы гуманистического направления как о базовой мотивации поля Эгосистемы материальной энергии. Еще раз подчеркнем, что этот страх, созданный картиной искажения информации о себе и о мире как двух количеств силы противостоящих друг другу (где сила внешнего мира изначально много больше), есть тот «дисбаланс», неравновесие, тот дефицит, та боль, тот «голод» материальной энергии психики, который запускает ее круговращение циклического гомеостаза от неравновесия к равновесию. И поскольку эту изначальную картину противостояния Эго и СуперЭго невозможно преодолеть пока активно поле Эгосистемы, то «равновесие», «покой победы над СуперЭго», «снижение страха» всегда очень кратковременно, и вновь автоматически запускается поведением человека, закрытого от реальности шорами кривого зеркала своего поля Эгосистемы.

Карл Юнг:

> «Результат проекции — изоляция субъекта от его окружения, поскольку вместо подлинной связи со средой, отныне существует только иллюзорная связь. Проекции заменяют реальный мир репродукцией собственного неизвестного лица субъекта. Поэтому, в конечном счете они приводят к аутоэротическому и аутистическому состоянию; в таком состоянии человек выдумывает мир, реальность которого остается навсегда недосягаемой. Возникающее в результате чувство неполноценности, и еще более тяжелое ощущение бесплодности, в свою очередь объясняется — благодаря проекции — недоброжелательностью окружения, что по механизму порочного круга, ведет к дальнейшему усилению изоляции. Чем больше проекций втискивается между субъектом и окружением, тем труднее эго видеть сквозь собственные иллюзии, что же в действительности происходит. (...) Часто печально наблюдать, как вопиюще человек портит свою жизнь и жизни других *людей, и вместе с тем остается совершенно неспособным понять, что вся эта трагедия порождается*

в нем самом и что он беспрестанно подпитывает ее и не дает ей прекратиться. Не сознательно конечно, ибо сознательно он оплакивает и проклинает вероломный мир, все больше и больше удаляющийся от него. Скорее это бессознательный фактор прядет иллюзии, скрывающие его мир. А то что прядется становится коконом, который в конце концов полностью окутывает его».

Альфред Адлер:

«Состояние застоя. Больной как бы оказывается в заколдованном круге, не позволяющем приблизиться к фактам жизни, увидеть настоящее, приспособиться, испытать свои силы и ответить на вопрос, что он собой представляет. Как только в качестве жизненного вопроса появляются производственные задачи, экзамены, общественные, любовные и супружеские отношения, они тут же становятся актуальным поводом для развития невроза.»

Юнг говорит здесь о «чувстве неполноценности» в основе бессознательной проекции, которая дурной иллюзией становится между человеком и реальностью. Это чувство неполноценности и есть «голод тщеславия», «страх стыда» — ведь для аборигена социальных джунглей «сверхъестественными силами» количественной абстракции «давления силы» становятся Магические Авторитеты Верхов Социальной Лестницы. «Голод тщеславия» и есть потребность физического контроля быть на верху «лестницы количества силы», а «страх стыда» есть страх получить Удар от Магических Авторитетов по Эго.

Стыд как страх социальных магических авторитетов и потребность в Тщеславии (славе среди магических авторитетов) — это два полюса полюса Эгосистемы, Плюс силы тщеславия и Минус слабости стыда. Понятно, что для энергии духа совершенно другие полюса силы и слабости: Плюс силы правды и совести и Минус слабости отсутствия знаний и угрызений совести. Поэтому Фромм разделил поле Эгосистемы и поле Интеллекта как «Авторитарный стыд против гуманистической совести».

Герберт Уэллс, «Новый мировой порядок»:

«Если вы продолжите прощупывать его вопросами и наводящими предложениями, вы начнёте понимать, насколько большую роль

в его складе ума играет потребность в славе перед его товарищами (кстати, отметьте, пожалуйста, своё тайное удовлетворение от того, что выдерживаете спор с ним). Если вы сопоставите поведение исследуемого субъекта с поведением детей, вас самих и окружающих вас людей, вам станет ясно, насколько всем необходимо ощущение триумфа, необходимо быть лучше и делать лучше, чем ваши товарищи, и чтобы кто-то почувствовал это и об этом узнал. Это более глубокий и устойчивый импульс, чем сексуальная страсть; это разновидность голода. Это ключ к нелюбви при столь сексуальной жизни, к садистским импульсам, к алчности, к накопительству, к бесконечному невыгодному обману и предательству, которые дают людям ощущение того, что они лучше кого-то, даже если они не одерживают верх».

А. Адлер, Наука жить:

«Ключ к социальному процессу в целом дает нам понимание того, что человек всегда стремится найти ситуацию, в которой он превосходит всех. Так, дети с развитым чувством неполноценности намеренно избегают более сильных детей, и играют с теми, кто слабее их, кто позволяет управлять собой и подавлять себя. Это — ненормальные, патологические проявления чувства неполноценности»

Карен Хорни, Невротическая личность и рост:

«Хотя это не всегда видно непосредственно, погоня за славой — самое могущественное влечение. Оно похоже на одержимость дьяволом: человека словно пожирает чудовище, им же и созданное. Поэтому и должна быть ужасной реакция на фрустрацию. На это указывает ужас перед гибелью и позором, которые для столь многих людей входят в понятие неудачи. Реакции паники, депрессии, отчаяния, ярости по отношению к себе и другим за то, что они полагают „неудачей", очень часты и совершенно несоразмерны действительной важности происшествия»

Карен Хорни, Невротическая личность и рост:

«Страх, тревога, паника могут быть реакциями на унижение или в предвидении его. Страшные предчувствия могут касаться экзаменов, публичных выступлений, появлений в обществе, свиданий; в таких случаях его обычно называют «страхом перед сценой». Это хороший описательный термин, если мы используем его метафори-

чески, для обозначения некоего иррационального страха, предшествующего публичному или частному «спектаклю». Он включает ситуации, в которых мы или хотим произвести хорошее впечатление (например, на новых родственников, на важное лицо, да даже на официанта в ресторане), или начинаем что-то новое, беремся за новую работу, принимаемся рисовать, отправляемся учиться на оратора. Те, кого мучает этот страх, часто говорят о нем, как о страхе перед неудачей, позором, насмешками. Кажется, что это как раз то, чего они боятся. Тем не менее, не стоит идти этим путем, потому что он ошибочно предполагает рациональный страх перед реальной неудачей. Он оставляет в стороне факт, что неудача — вещь очень субъективная. «Неудачей» может быть любая неполнота славы или совершенства, и предчувствие такой возможности — самая суть мягких форм «страха перед сценой». Человек боится выступить менее великолепно, чем требуют его Надо, а потому боится, что пострадает его гордость. Есть и более тяжелая форма этого страха, которую мы поймем позднее; при ней бессознательные силы, управляющие человеком, блокируют его способность к самому акту выступления. Страх перед сценой — это страх человека, что из-за своих саморазрушительных тенденций он будет смешон и неловок, забудет текст, «захлебнется» и покроет себя позором вместо победной славы.

Другая категория страшных предчувствий касается не качества выступления, а перспективы, что придется делать нечто, задевающее гордость, — просить повышения или снисхождения, подавать прошение, подойти к женщине с предложением — потому что это включает в себя возможность отказа. Страшные предчувствия могут наступать перед половым актом, если он означает возможность быть униженным.

Страх может наступать вслед за «оскорблениями». Многие люди дрожат, их трясет, у них перехватывает дыхание, или они испытывают прочие реакции страха в ответ на недостаток почтения или высокомерное поведение по отношению к ним».

Э. Фромм, «Человек для себя»:

«Авторитарный стыд — это голос интериоризованного внешнего авторитета, авторитета родителей, государства или кого бы то ни было, кто окажется авторитетом в той или иной культуре. Если отношения людей к авторитетам остаются внешними, не имеющими этической санкции, мы едва ли можем говорить о совести; такое поведение просто сообразуется с требованиями момента, регулируется страхом наказания и надеждой на вознаграждение, всегда зависит от внуши-

тельности данных авторитетов, от их осведомленности и мнимой или реальной возможности наказывать и награждать. Зачастую переживание, которое люди принимают за чувство вины, порожденное их совестью, фактически является не чем иным, как страхом перед такими авторитетами. Собственно говоря, люди в таких обстоятельствах испытывают не чувство вины, а страх»

Карен Хорни, Невротическая личность и рост:

«Общее значение этих нарушений в жизни пациента вполне очевидно. То, что он не является активным определяющим фактором своей собственной жизни, создает у него чувство глубокой неуверенности, неважно, насколько оно прикрыто вынужденной жесткостью. Он не чувствует своих чувств, и это делает его неживым, неважно, насколько велика его поверхностная живость. Он не отвечает за себя, и это отнимает у него внутреннюю независимость. Вдобавок, бездеятельность его подлинного я оказывает значительное влияние на развитие его невроза. Именно здесь яснее всего видна та грань отчуждения от себя, которую составляет механизм порочного круга. Сам являющийся порождением невроза, он становится причиной его дальнейшего продвижения. Ибо чем больше отчуждение от себя, тем более беспомощной жертвой гордыни становится невротик. У него все меньше и меньше живой силы, чтобы ей сопротивляться».

….Хотя это не всегда видно непосредственно, погоня за славой — самое могущественное влечение. Оно похоже на одержимость дьяволом: человека словно пожирает чудовище, им же и созданное. Поэтому и должна быть ужасной реакция на фрустрацию. На это указывает ужас перед гибелью и позором, которые для столь многих людей входят в понятие неудачи. Реакции паники, депрессии, отчаяния, ярости по отношению к себе и другим за то, что они полагают «неудачей», очень часты и совершенно несоразмерны действительной важности происшествия»

В этих цитатах следует обратить особое внимание на то, как различные авторы обобщают свои выводы о «Боли», «Голоде», «Страхе» поля Эгосистемы как резкой всепоглощающей боли, которая становится основой Мотивации всего поведения невротиков (то есть людей с активным полем Эгосистемы). Это «Неравновесие» Голода Тщеславия или иначе «страха сверхъестественных сил» (в нашем случае социальных аборигенов страха Магических Авторитетов общества, Стыда перед Магиче-

скими Авторитетами) — есть основной фон всей деятельности Сатанов Расы Господ Физического контроля.

И именно эта мотивация объясняет как их жестокость — ведь недаром говорят все садисты трусы, так и их ненасытность. Ведь одолеть это фундаментальное чувство Голода поля Эгосистемы невозможно, оставаясь на этом поле.

Заострить внимание на Мотивации циклического гомеостаза материальной энергии необходимо с тем, чтобы дать понятное объяснение примитивности того, что эти люди называют «Силой» и ради чего случаются мировые войны, пока они стоят у власти.

Вся эта Пирамида Магии Власти — то есть Лестница разных количеств давления — не может дать им ничего кроме короткого чувства снижения напряжения, вызываемого их постоянным «Голодом неравновесия», постоянным «страхом магических авторитетов». Вот собственно то, что эти люди понимают под «Силой» когда крушат страны и убивают невинных людей — потребность немного подняться по лестницы или немного подняться в глазах магических авторитетов с тем, чтобы немного снизить уровень напряжения этого пожирающего их голода тщеславия аборигенов социальных джунглей.

3. ЦАРСТВИЕ НЕБЕСНОЕ ПРОСТРАНСТВА-ВРЕМЕНИ ИНТЕЛЛЕКТА

Как в этой связи не вспомнить слова евангелия, цитируемые Кьеркегором: и что же за польза тебе, если ты приобретешь весь мир, а душу свою потеряешь? Ведь Сатаны забрались на верхи общества, которое они своими глазами аборигенов видят Магию Лестницы Силы Давления, и могут таки нажать на кнопку и разрушить полмира. Это в своем роде реальная сила, нельзя отрицать. Но что дает им такая реальная сила? Что может дать она любому человеку? Кроме моментального снижения давления голода тщеславия, снижения страха перед другими магическими авторитетами? Понятно что все их поведние настолько безумно

что объективно постоянно ведет к эскалации конфликтов, так что недостатка в росте страха и напряжения у них никогда не будет несмотря на уровни власти разрушения в их руках. Но что им это дает, кроме увеличения того чувства «бетона», что дает нарастание физического контроля мертвой материальной энергии в сознании человека?

Кьеркегор, «Или-Или»:

> *«Возможно тебе и без того удастся осуществить многое; возможно, ты сумеешь даже привести в изумление мир (я ведь не молочен); и все же тебе будет недоставать высшего, единственного, что поистине сообщает жизни смысл, — ты можешь приобрести весь мир и потерять себя»*

Кьеркегор «Болезнь к смерти»:

> *«Но растрачивает себя понапрасну только сознание, которое столь обольщено радостями и печалями жизни, что оно никогда не приходит как к решающему приобретению вечности, к сознанию того, что оно есть дух, Я, иначе говоря, никогда не замечает и не ощущает в глубине существования Бога или же того, что само оно, это Я, существует ради этого Бога. Однако такое сознание, такое обретение вечности достижимо лишь по ту сторону отчаяния. А это иное горе!»*

Царствие Небесное, которое проповедовал Христос, вовсе не было его фантазиями. И доказать это очень просто тем фактом, что человек приобщается этому Царству не после смерти, но еще при жизни, как и говорил Христос: Царствие Божие внутри вас.

Наличие у человека Активного Интеллекта, Мышления сделало его Повелителем физического мира материальных энергий, о чем тоже упоминается в Писаниях. Мы не просто энергия природы наряду с другими материальными энергиями детерминированные законами, вложенными в нас Творцом. Мы еще и Контрольная энергия, которая способна познавать эти законы и контролировать их, в том числе и законы собственной психической энергии. И таким образом получать доступ к силе — энергий. Наш контроль не дает нам силы ме-

нять законы вселенной, установленные Творцом. Но он дает нам доступ к силе материальных энергий, а также возможность контролировать здоровье совей собственной психической энергии.

Именно как Контрольная энергия мы получили доступ в Царствие Божие еще при жизни — в Пространство-Время Интеллекта.

Действительно, в отличии от других материальных (детерминированных) энергий природы, которые знают только Неравновесие Циклического Гомеостаза как толчок к движению (а для живой биологической энергии — это вечный ненасытимый Голод), Энергия Духа людей имеет Мотивацию удовольствия. Когда потребность в базовом знании удовлетворена, человек продолжает работать с удовольствием упражняя свой научный контроль, свою компетентность, свою потребность в творчестве. Много раз я приводила цитаты о том, что высшим удовольствием и высшей мотивацией для работы великих ученых всегда была их страсть к своей работе. Хотя конечно, они всегда чувствовали и свой долг.

Эти уникальные характеристики Энергии Духа Поля Интеллекта, которые рождаются из научного контроля и есть доказательство того факта, что человек здоровой энергии Духа обитатель Царствия Небесного Пространства-Времени Интеллекта :

— линейное движение (в отличие от циклического гомеостаза материальных энергий),

— поток позитивных эмоций (в отличии от мотивации Боли, Голода, Неравновесия материальных энергий),

— Устойчивое равновесие (в отличие от кратковременных спадов напряжения материальных энергий),

— Способность Роста в накоплении Энергии (в отличии от замкнутых в системе Боли и Неравновесия материальных энергий).

С. Кьеркегор, «Равновесие между эстетическим и этическим в развитии личности»:

> «Поскольку тут было показано, что всякое эстетическое мировоззрение есть отчаяние, единственно правильно теперь будет предпри

нять движение, благодаря которому появляется этическое начало. Вот то сокровище, которое я собираюсь оставить в наследство тем, кого люблю в этом мире. Это сокровище заложено в твоей внут ренней сущности: существует «или-или», делающее человека пре восходнее ангелов. Когда все вокруг человека затихает, становится торжественным, как ясная звездная ночь, когда душа остается в одиночестве в целом мире, — тогда перед ним является не какое то выдающееся человеческое существо, но сама вечная сила, тогда небеса как бы раскрываются, — и «я» выбирает самое себя, или точнее получает самое себя. Тогда душа видит высшее, то что не способен увидеть никакой смертный взор, она видит то, чего никогда больше не сможет забыть, — тогда личность обретает ры царское посвящение, которое облагораживает ее на всю вечность. Ибо величие состоит не в том, чтобы быть тем или этим, но в том, чтобы быть самим собой, а на это способен любой человек, если он только этого пожелает. при выборе важно не столько умение выбирать верно, сколько энер гия, серьезность и пафос, с которы ми человек выбирает. В таком вы боре личность возвещает о себе в своей внутренней бесконечности, и благодаря ему личность еще больше укрепляется в своем един стве. Потому что даже когда человек выбирает неверно, он и мо жет — именно опираясь на энергию с которой он выбирает, — обна ружить, что выбрал неверно. Как раз потому, что выбор был сделан 36 ВЕК ДЬЯВОЛА. НИЦШЕ И КРУШЕНИЕ РАЦИОНАЛИЗМА со всем внутренним содержанием личности, все существо человека очищается, и сам он приводится в непосредственное отношение с той вечной силой, которая вездесущим образом проницает собой все его наличное существование. Тот же кто выбирает только эстети чески, никогда не достигает этого преображения, этого высшего по священия. Несмотря на всю страсть, ритм его души является только лишь spiritus lenis (слабое придыхание). Возможно тебе и без того удастся осуществить многое; возможно ты сумеешь даже привести в изумление мир (я ведь не мелочен); и все же тебе будет недоставать высшего, единственного, что пои стине сообщает жизни смысл, — ты можешь приобрести весь мир и потерять самого себя. Ибо тот кто живет эстетически не выбирает, — а тот кто выбирает эс тетическое после того, как ему явилось этическое начало, живет не эстетически, так как он уже согрешает и подлежит теперь этиче ским определениям — пусть даже жизнь его приходится определять как неэтическую. В этом то и заключается печальная сторона, когда мы рассматрива ем человеческую жизнь, — сплошь многие проживают свои жизни в состоянии тихого проклятия; они переживают самих себя, они ис

чезают, как тени, их бессмертные души уносятся прочь, и они не страшатся вопроса об их бессмертии; ибо души эти уже рассея лись уже до смерти.

Абрахам Маслоу, «Дальние рубежи человеческой природы»:

«Трансценденция может означать вид на жительство в высшей реальности, умение говорить языком высшего Бытия, высшее постижение без срока и конца. Мы знаем трансценденцию как пиковые, предельные мгновения высшего постижения, но она может означать также спокойное и сосредоточенное познание. Человек, пере живший инсайт, великое откровение, мистический опыт, прозрение или просветление, однажды успокоится, привыкнет к новизне, к хорошему и великому, и будет от случая к случаю, по-соседски навещать познанные им райские кущи, накоротке общаясь с вечностью и бесконечностью. Он переживет изумление и потрясение и зажи вет спокойной и безмятежной жизнью среди платоновских идей, среди высших ценностей. Чтобы отличать предельные, эмоционально-острые переживания прозрения, высшее постижение от такого рода спокойного, величаво-божественного постижения, я буду называть последнее. Высшие переживания действительно пережива ются человеком как транс. Однако свет истины навсегда остается с человеком. Человек не в состоянии, даже если бы захотел, вер нуться к прежней наивности, к прежнему неведению, он просто не может и впредь быть таким, каким был до озарения. Он не мо жет постигнутое. Он не может снова стать слепым. Должен быть язык, которым можно было бы описать обыденное откровение, ежедневное прозрение, жизнь в Эдеме»

Маслоу, «Мотивации личности»:

«В любом случае, психологическая жизнь личности, во многих ее аспектах, проживается в одном ключе, когда личность зациклена на „ликвидации дефицита", и совершенно в другом, когда она руководствуется „метамотивацией", то есть сосредоточена на самоактуализации. Практически все известные в истории и современные теории мотивации едины в том, что рассматривают потребности, наклонности и мотивирующие состояния, как тревожные, раздражающие и, в принципе, нежелательные явления, от которых следует избавляться. Мотивированное поведение, целенаправленность, стремление довести начатое до конца — все это, таким образом, лишь способы ликвидации этих неприятных ощущений. Это отношение красноречиво выражают такие широко используемые определения

мотивации, как удовлетворение потребностей, снятие напряжения, ослабление внутреннего импульса и преодоление состояния тревоги. Как бы то ни было, когда мы изучаем людей, у которых преобладает мотивация развития личности, концепция „стремления к покою" становится совершенно бесполезной. У таких людей удовлетворение потребности усиливает, а не ослабляет мотивацию, обостряет, а не притупляет удовольствие. Их аппетиты разгораются. Такие люди поднимаются над самими собой и вместо того, чтобы хотеть все меньше и меньше, хотят все больше и больше знаний, например. Человек, вместо того, чтобы обрести покой, становится более активным. Утоление жажды развития разжигает, а не ослабляет ее. Развитие, само по себе, является восхитительным и приносящим удовлетворение процессом. В качестве примера можно указать на удовлетворение желания быть хорошим врачом: приобретение желанных навыков, типа игры на скрипке или резьбы по дереву; развитие умения разбираться в людях, или во вселенной, или в самом себе; применение творческого подхода в любой избранной профессии: наконец, самое главное — просто удовлетворение желания быть хорошим человеческим существом».

Э. Фромм, «Человек для себя»:

«Иррациональное желание также проистекает из дефицита, но из дефицита другого рода: из неуверенности и тревоги, которые заставляют человека ненавидеть, завидовать или покорствовать; удовольствия, получаемые от исполнения этих страстных желаний, берут свое начало в исходном отсутствии плодотворности. И физиологические {Биология}, и иррациональные психические потребности {поле Эгосистемы} входят в систему дефицита. Но кроме сферы дефицита существует еще сфера избытка {Энергия Духа}. Хотя даже у животных наличествует излишек энергии и выражается он в игре, сфера избытка — это по существу человеческий феномен. Это сфера плодотворности, внутренней деятельности. Она возможна лишь там, где человеку не приходится трудиться только ради добывания средств к существованию и истощать таким образом большую часть своей энергии. Для эволюции человеческого рода характерно расширение сферы избытка, излишка энергии, расходуемой на достижение чего-то большего, чем простое выживание. Все специфически человеческие достижения имеют своим источником избыток»

Вся история движения цивилизации человечества — то есть его базисной энергии духа — это история «переселения» чело-

вещества из физического пространства-времени материальных энергий — в Пространство-Время Интеллекта его воистину королевской по отношении к материальным энергиям энергии духа. Эти истинные вершины человеческой Элиты видели уже много одиночек скалолазов, которые достигали самых высот как великие мыслители и как религиозные гении, и которые всему человечеству еще предстоит осваивать. Но тропинки к ним расчищены и победные вершины давно взяты и ждут своих поселенцев. Мой скромный труд состоял в том, чтобы собрать вместе труды всех этих первопроходцев, объединить их на базисе Научной Революции Энергетика, и показать людям единую карту, которая раскрывает перед ними Царствие Небесное Пространство-Времени Интеллекта.

В связи с тем, что до сих пор людей вела ложная доктрина Дарвиновской парадигмы, воображение человечества было занято Искусством в виде Романтизма и его фальшивых страстей «Идеалов Всесилия» поля Эгосистемы и «Идолопоклоннической любви» полов, как говорит Фромм. Если хотели говорить о высоком и красивом говорили об этой фальши, не уместной в реальной жизни ни в Садомазохизме свинского физического контроля, ни в религии дружбе здоровых людей энергии духа.

Поэтому огромным провалом современного искусства и современных социологических исследований являются провалы в Исследовании Феномена Дружбы Великих людей. Особенно у великих людей. Я старалась в своих работах об Открытии сконцентрировать внимание на дружбе выдающихся людей как основном феномене особых позитивных эмоций, доступных человечеству.

И если приводить цитаты иллюстрирующие положения этой главы об особенных позитивных эмоциях здоровых людей энергии духа, то надо говорить об этих случаях дружбы великих людей.

Например, превосходной иллюстрацией являются Письма Плиния. Или «Былое и Думы» Герцена — совершенно уникальное наследие именно с этой точки зрения, хотя там пытались ис-

кать теоретические системы, и потом решили, что у книги нет веса. Это исключительный памятник того, что вскоре будет известно как первые церкви дружбы. Конечно, огромное место среди этих первых зародышей великой церкви дружбы человечества будущего занимает ранняя (увы, только ранняя) христианская церковь Отцов Церкви, и прежде всего самого Христа и его окружения, чей религиозный гений дал такой мощный толчок церкви дружбы на следующие много столетий.

Примера ради стоит упомянуть известную всему миру сказку о дАртяньяне и Трех мушкетерах, которая продолжает будоражить воображение каждого подрастающего поколения. Ни тем она славна и жива в народе, что мушкетеры гоняются за прекрасными дамами и воюют с королями. А тем она прекрасна и славна, что как и его учитель Вальтер Скотт, Александр Дюма сосредоточил внимание на дружбе мушкетеров, которые отчаянно ведут борьбу со злом сквозь Полотно Истории. В этом и состоит секрет такого колоссального успеха самых знаменитых романов Вальтер Скотта, и прежде всего, Айвенго, Квентина Дорварда, Роб Роя, и романов его талантливого ученика — Дюма. И я хочу подчеркнуть, что будущее принесет серьезные исследования в области дружбы, и серьезное искусство, которое вытеснит Романтизм как псевдо-искусство современности.

Подобно тому как до сих все истинное искусство, составляющее сокровищницу чудес нашей цивилизации все еще покоится в шедеврах христианских гениев Готических соборов и Сикстинских капел, точно также с победой Научной Революции Энергетики придет новая волна истинного религиозного вдохновения, которое построит гигантское Полотно Истории Священной Войны Добра и Зла.

И Научный контроль Зла, материальной энергии, который станет осуществлять Церковь Дружбы цивилизованного человечества, раз и навсегда вызволит людей из темных подвалов душного циклического гомеостаза материальной энергии психики.

Вот тогда и произойдет громадный всплеск энергии духа, который настолько сильно преобразит духовную жизнь людей,

что нам это даже трудно представить. Однако в самых общих чертах — именно описание этого здорового общества будущего и является целью настоящей работы.

Вы сами можете попытаться представить себе насколько более комфортной будет духовная жизнь людей, которые будут лучше и глубже нас понимать механизмы Зла материальной энергии и в то же время чувствовать себя в относительной безопасности, владея научным контролем, влдея Полотном Истории, которое станет их редигиозным и в то же время интеллектуальным культом. Ведь вся система образования будет построена вокруг фактов истории как Борьбы Энергии Духа со злом поля Эгосистемы материальной энергии.

Понятно, что в самом первом приближении мы можем понимать эти общества как то чувство величественной радости, что дарят романы Вальтера Скотта, когда читаешь приключениях рыцарей духа в их непримиримой войне со злом и нежном единстве Церкви Дружбы. А также с Клубами Камаридери Г. Честертона, где будет кипеть интеллектуальные баталии о Сатанах прошлого, чье невежество и чей позор в низости морального падения они смогут оценивать уже в условиях относительной безопасности от этих чудовищ. Нам вот, тем кто все еще барахтается в ядовитых отходах их жизнедеятельности, все еще не до смеха совсем.

4.РЕАЛЬНАЯ СИЛА ОБЩЕСТВА ДЛЯ ЦИВИЛИЗОВАННЫХ ЛЮДЕЙ НАУЧНОГО СОЗНАНИЯ

Теперь мы можем сравнить что есть сила в представлении Аборигенов социальных джунглей и что есть сила в представлении Цивилизованных людей научного сознания.

Если начертить прямую координат с центром в точке Ноль, то то, что Магическое сознание понимает под силой находится в Минусе, то есть там, где дело еще вообще не дошло до чистого позитива эмоций реальной силы энергии духа. Ведь глазами

аборигенов общество получается иерархией количества силы давления, нужных только немного и ненадолго снизить напряжение боли. Они не способны сами даже к научному контролю силы материальных энергий, не только контролю своей собственной энергии.

Напротив, реальная сила энергии Духа уходит далеко в Плюс позитива чистоты и глубины эмоций и мощности научного контроля.

Здесь достигается то, во что культура Романтики материальной энергии только играется: здесь достигается Уважение и Восхищение к Мысли, Совести, Свободе, Творчеству, Храбрости, Юмору, Работоспособности Божьего Духа друг в друге. Здесь достигается Любовь Равенства Силы Энергий — что есть залог настоящей любви и настоящего тепла. Ведь никакая любовь между полами невозможно без Базиса в Церкви Дружбы! И вся глубина и чистота и мощь позитива эмоций настоящей любви между мужчиной и женщиной покоится на глубина и чистоте эмоций Церкви Дружбы!

Здесь следует добавить еще те факты, о которых в своих исследованиях писали А. Маслоу и Э. ФРомм. О том, что качество биологического комфорта и глубины переживаний человека всецело зависит от того, какая именно энергия психики у человека руководящая. Если это энергия духа — то и биология становится источником здорового наслаждения жизнью. Если это материальная энергия Садомазохизма — то и биология становится такой же мертвой и такой же болезненной как поле Эгосистемы Садомазохизма.

Поэтому, поясняет Маслоу, хотя для его здоровых людей «романтика» любви полов никогда не бывает центральной мотивацией жизни, как для большинства обычных людей, в то же время говорит Маслоу, его впечатление в том что половая жизнь у них много здоровее, и при свободе их взглядов в общем, они все тяготеют к моногамии. Причем любовь его здоровых самоактуалов — это любовь церкви-дружбы, и Маслоу подчеркивает, что у них нет «полоролевого разделения» и что основа их отношений

не в романтике всесильных идеалов и тем более не в Господстве и Подчинении варваров, а в дружбе человеческого взаимопонимания, в восхищении и уважении друг друга, в юморе и удовольствии общения, в интересе общения с развитым собеседником. Таким образом, так реализуется Здоровая Любовь Полов, когда обе Стороны есть настоящая, реальная Сила Энергии Духа. То сеть наличие умственного и эмоционального развития, здоровья эмоций от извращений поля Эгосистемы, что рождает взаимное восхищение и уважение. На этом уровне Пространства-Времени Интеллекта, где сняты ограничения душной пещеры циклического гомеостаза, и открыт доступ к Росту силы Энергии — люди получают возможность наслаждаться общением таких же сильных и развитых людей как они сами, вместо мертвых масок поля Эгосистемы, и забивания женщин или целые классы общества на «Слабость» Притяжения Влюбленности. Для здоровых людей есть только одна слабость — поле Эгосистемы в целом, потому они равно избегают и Господ и Рабов, и имеют «демократически характер», как говорит Маслоу. По той же причине, гни «исключительно избирательны в общении» — и дружат только с такими же здоровыми людьми как они сами, хотя вполне ощущают что «человечество есть одна семья» пишет Маслоу. Он подчеркивает эту их особую чувствительность к «кровным узам человечества», которые они подобно Газданову больше чувствуют как «симфонию», нежели могут дать четкое определение. Тем не менее на службу обществу поставлены их талант, их воля, их знания, их энергия — они не эгоистичны, и служат обществу, имеют какую то объективную цель принести пользу и исправить зло.

Понятно поэтому почему здоровые люди предпочитают моногамию, а поле Эгосистемы Садомазохизма доходит до безумия в постоянной смене партнеров. По мере общения у здоровых людей растет и уважение друг к другу и знание друг друга и радость общения друг с другом, близость и общий опыт жизни, общие друзья и так далее. Их жизнь есть всегда рост энергии и чем больше они живут вместе, тем больше радости им приносит этот опыт общения. Совершенно иначе все обстоит

для Садомазохизма поля Эгосистемы, где одни люди намерено разрушают других людей, а их жертвы помогают им в этом. Здесь совершенно неминуем «циклический гомеостаз» в кругах неравновесия-равновесия вечного голода тщеславия, никогда ненасытимого в этих варварских вакханалиях. Отвращение которое внушают останки употребленной жертвы (или как говорит Рассел обескровленной жертвы) обязательно приведет к разрыву в поисках нового румяного и наивного, кого можно будет употребить. Это сатанинский порочный круг Садомазохизма материальной энергии, из которого нет и не может быть выхода, кроме полной нейтрализации поля Эгосистемы.

Вот небольшая выдержка из исследования самоактуалов Маслоу:

«Мотивация и личность»:

> «Исходное клиническое определение самоактуализирующейся лич ности, на базе которого мы отбирали испытуемых, состояло из пози тивного и негативного критериев. В качестве негативного критерия мы избрали отсутствие неврозов, психозов, психопатических черт характера, а также выраженных невротических или психопатиче ских тенденций. В качестве позитивного критерия мы приняли нали чие признаков самоактуализации — этот набор симптомов до сих пор точно не определен. В самом общем виде мы определяли само актуализирующегося человека как индивидуума, который в состоя нии осуществлять свои таланты, способности, возможности. Эти лю ди развивают или развили потенции, заложенные в их природе, — как самобытные, никому более не присущие, так и общевидовые.
> Позитивный критерий предполагает не только удовлетворенность базовых потребностей (в безопасности, принадлежности, любви, уважении и самоуважении), но и удовлетворение потребностей ко гнитивного уровня — потребности в познании и понимании, а ино гда и способность человека подчиниться им. Другими словами, все отобранные нами испытуемые не только были уверенными в себе, добрыми, благожелательными, уважаемыми людьми, они обладали глубоко личными философскими, религиозными и аксиологическими убеждениями.
> Два очевидных примера самоактуализации из живших в прошлом людей (Линкольн в последние годы его жизни и Томас Джефферсон); Семь очень условных примеров самоактуализации известных людей и исторических личностей (Эйнштейн, Элеонора Рузвельт, Джейн

Адамс, Уильям Джемс, Швейцер, Олдос Хаксли и Спиноза);
Потенциальные или предположительные примеры самоактуализа
ции (примеры, использованные и исследованные другими учеными):
Карвер, Юджин Дебс, Томас Эйкинс, Фриц Крейслер, Гёте, Пабло Ка
сальс, Мартин Бубер, Данило Дольчи, Артур Морган, Джон Ките, Дэй
вид Хилберт, Артур Уоли, Дайсэцу Судзуки, Эдлай Стивенсон, Шолом
Алейхем, Роберт Браунинг, Ральф Уолд Эмерсон, Фредерик Дуглас,
Иозеф Шумпетер, Боб Бенчли, Ида Тарбелл, Гарриет Табмен, Джордж
Вашингтон, Карл Мюнзингер, Йозеф Гайдн, Камиль Писсарро, Эд
вард Байбринг, Джордж Уильям Рассел, Пьер Ренуар, Генри Уодсуорт
Лонфелло, Петр Кропоткин, Джон Альтгельд, Томас Мор, Эдуар Бел
лами, Бенджамин Франклин, Джон Маир, Уолт Уитмен
Наше предварительное определение личностного синдрома уста
навливает, что он представляет собой упорядоченную, структуриро
ванную совокупность составляющих (типа поведения, мыслей, по
буждений к действию, ощущений и т.д.) которые, однако, при более
тщательном исследовании обнаруживают имеющееся у них един
ство

ЭФФЕКТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ РЕАЛЬНОСТИ

Первое, на что обращаешь внимание, общаясь с самоактуа
лизирующимся человеком, так это на его поразительную способ
ность распознавать малейшее проявление лжи, фальши или
неискренности. Оценки этих людей удивительно точны. По ходу
исследования я все больше убеждался в том, что такого рода
эффективность восприятия, обнаруженная поначалу только
в сфере взаимоотношений с людьми, нужно понимать гораздо
шире. Она распространяется на очень многие аспекты реально
сти — практически на все исследованные нами. Живопись, музы
ка, интеллектуальные и научные проблемы, политические и об
щественные события — в любой сфере жизни эти люди умели
мгновенно разглядеть скрытую сущность явлений, обычно оста
вавшуюся незамеченной другими людьми. Их прогнозы, ка
ких бы сфер жизни они ни касались и на сколь бы скудные фак
ты ни опирались, очень часто оказывались верными.
Ведь если нам удастся это доказать, то последствия, которые
повлечет за собой признание этого факта, будут поистине рево
люционными. Английский психоаналитик Мони-Кирл уже за
явил, что невротик — это не просто малоэффективная личность,
это личность абсолютно неэффективная. Мы можем сказать так
хотя бы потому, что невротик не может воспринимать реаль
ность настолько же ясно и эффективно, как воспринимает ее

здоровый человек. Невротик болен не только эмоционально — он болен когнитивно! Тогда мы определим здоровье и невроз соответственно как верное и неверное восприятие реальности. Воистину, этих людей можно назвать интеллектуалами, ис следователями, учеными; очень легко счесть, что все дело здесь и состоит именно в интеллектуальной мощи, однако нам извест но множество примеров высокоинтеллектуальных людей, кото рые несмотря на свой высокий IQ, то ли в силу слабости, то ли из-за боязни, то ли по причине конвенциональности или в силу каких-то иных личностных дефектов, всю свою жизнь занима лись мелкими проблемами, отшлифовывали до блеска давно из вестные факты, объединяя их в группы и разделяя на подкатего рии, — словом, занимались всякой чушью, вместо того чтобы свершать открытия, как подобает настоящему ученому.

СЛУЖЕНИЕ

Мы выявили еще одну особенность исследованных нами людей. Я говорю о присущей им сосредоточенности на пробле мах внешнего порядка. Если попытаться найти название этой особенности, то я бы предложил назвать ее служением в про тивоположность эгоцентрическим тенденциям. В отличие от неуверенных, тревожных людей с их склонностью к посто янному самоанализу и самокопанию, этих людей мало беспо коят личные проблемы, они не слишком склонны размышлять о себе. Почти у каждого из них есть призвание и дело, кото рым они служат, которым они посвящают себя без остатка, по чти каждый из них озабочен какой-то важной проблемой, ре шение которой требует от него всех сил и энергии.

Это не обязательно любимое занятие, не обязательно дело, которого человек желал, или занятия, к которым он стремился, это может быть дело, которым он чувствует себя обязанным за ниматься. Именно поэтому я говорю о служении, о жизненной миссии, а не просто о «любимом» деле. Эти люди, как правило, не озабочены проблемами личного, эгоистического характера, они в большинстве своем думают о благе других людей — всего человечества, своих сограждан или же о благе близких и доро гих им людей.

За небольшим исключением практически у всех наших ис пытуемых мы отметили одну характерную особенность. Эти лю ди склонны к размышлениям об основополагающих проблемах человеческого бытия, они задаются теми вечными, фундамен тальными вопросами, которые мы называем философскими или

нравственными. Можно сказать, что они живут в глобальной си
стеме координат. В частном они умеют видеть общее, и никакие,
даже самые яркие частные проявления не скроют от них общей
картины. В основе их системы координат или системы ценно
стей никогда не лежит местечковый патриотизм, как правило,
в ней отражен опыт всей истории развития человечества, она от
вечает не сиюминутным запросам, не социальному заказу,
а требованиям эпохи. Одним словом, эти люди в каком-то смыс
ле, несомненно, философы, хотя их философия не обязательно
наукообразна, иногда это то, что можно назвать житейской фи
лософией.
Разумеется, такая установка сказывается практически на всех
аспектах их жизни. Так, например, один из главных симптомов,
с которого мы начинали изучение целостного синдрома самоак
туализации и который был обозначен нами как широта (или не
мелочность), несомненно, есть проявлением этой более общей
характеристики. Способность вознестись над обыденностью,
умение отрешиться от частностей, расширить горизонты воспри
ятия, посмотреть на вещи в перспективе, sub specie aetemitatis
имеет огромное социальное значение. По-видимому, именно
этой способностью объясняется умиротворенность, свойственная
самоактуализирующимся людям, их умение сохранять спокой
ствие, не тревожиться по пустякам, — свойства, которые облегча
ют жизнь не только им самим, но и окружающим их людям.
Люди, не достигшие уровня самоактуализации, движимые
потребностями дефициентных уровней, нуждаются в других лю
дях, поскольку только от других людей они могут получить столь
необходимые им любовь, безопасность и уважение. Совсем дру
гое дело — самоактуализирующиеся индивидуумы. Для того,
чтобы испытать истинное счастье, им не нужны другие люди; на
против, другие могут даже мешать им, могут стать препятствием
на пути развития. Источники удовлетворения самоактуализиру
ющегося человека интраиндивидуальны и никак не опосредова
ны социумом. Эти люди достаточно сильны, чтобы не зависеть
от мнения других людей; они не ищут одобрения, похвалы,
не ищут даже любви. Признание, популярность, слава, почести,
любовь — несущественны для них; все эти вещи не идут ни в ка
кое сравнение с гложущей их потребностью в саморазвитии,
с неутолимым стремлением к внутреннему росту

ДРУЖБА

Если в самых общих чертах обрисовать отношения самоакту

ализирующегося человека с близкими ему людьми, то можно сказать, что они гораздо глубже, чем отношения обычного взрослого человека. Самоактуализирующийся человек склонен полностью забыть о себе, о своих нуждах, он сливается с близким ему человеком, растворяется в нем, становится его частью. Его интимные отношения служат примером абсолютного, предельного отождествления. Однако, одним из непременных условий таких отношений служит соответствие партнера. По моим наблюдениям, сблизиться с самоактуализирующимся человеком могут только здоровые люди, люди, приблизившиеся к самоактуализации. Если же мы вспомним, что таких людей относительно немного, то, пожалуй, стоит сделать вывод о разборчивости самоактуализирующегося человека в его взаимоотношениях с людьми. Одним из следствий этой его разборчивости или избирательности становится тот факт, что у самоактуализирующегося человека, как правило, немного друзей. Круг его общения достаточно узок — пожалуй, хватит пальцев одной руки, чтобы пересчитать тех людей, которых он действительно любит, с которыми поддерживает по-настоящему дружеские отношения. Отчасти это можно объяснить высокой его требовательностью к качеству этих отношений, любовь и дружбу самоактуализирующийся человек понимает как отношения, требующие от человека огромной самоотдачи и огромных затрат времени.

Во взаимоотношениях самоактуализирующегося человека с близкими ему людьми нет места слащавости, сюсюканью и «телячьим» нежностям. Он может быть жестким и даже резким по отношению к своим близким, если они заслуживают того; особенное неприятие вызывают у него напыщенность, самодовольство, претенциозность. Но в повседневном общении самоактуализирующиеся люди, даже имея дело с неприятными им людьми, не считают нужным демонстрировать свою неблагосклонность.

ДЕМОКРАТИЧНОСТЬ

Каждого из моих испытуемых можно охарактеризовать как демократичного человека, и это не внешняя, не показная демократичность, она заложена в его характере. Я делаю этот вывод на основании исследования авторитарной и демократичной структур характера, — это достаточно сложное исследование, и поэтому я не стану здесь подробно останавливаться на глубинной подоплеке демократичности, опишу лишь внешние ее проявления. Самоактуализирующийся человек демократичен в своем

поведении. Он готов общаться с любым человеком вне зависимо сти от его классовой принадлежности, уровня образования, по литических убеждений, цвета кожи. Порой может сложиться впе чатление, что он просто не замечает, искренне не осознает этих внешних различий, которые для среднестатистического человека столь принципиальны, столь существенны.

Пожалуй, можно предположить, что именно демократич ность лежит в основе такой особенности самоактуализирую щихся людей, как их готовность к обучению. Они не боятся по казаться несведущими, они готовы учиться у всякого, кто может открыть им что-то новое. Они не стремятся во что бы то ни ста ло доказать собеседнику свое превосходство, они не щеголяют эрудицией, не пытаются произвести впечатление своим высо ким статусом или жизненным опытом. Пожалуй, можно даже сказать, что они не прочь признать свою незначительность. Каждый из них отдает себе отчет в том, сколь малы его позна ния в сравнении с тем, что он мог бы знать, с тем, что известно другим людям. С искренним пиететом они относятся к людям, которые знают больше них или умеют делать что-то такое, чего не умеют они. Они готовы восхищаться мастерством столяра, сапожника, шофера, — любой мастер своего дела может рас считывать на их уважение и даже на восторг.

Эта демократичность не имеет ничего общего с неразбор чивостью, со слепой уравниловкой. Самоактуализирующийся человек прекрасно знает цену разным способностям и разным людям. В дружбе он очень даже разборчив, его друзья, как правило, — из числа элиты, но их элитарность определяется не породой, не происхождением, не цветом кожи, титулом или общественным положением, а исключительно характером, спо собностями и талантами.

Демократичность самоактуализирующихся людей проявля ется еще в одном присущем им качестве, и это качество, хотя и не столь очевидно, служит, на мой взгляд, абсолютной формой выражения рассматриваемой характеристики. Самоактуализиру ющиеся люди с уважением относятся ко всякому человеку. В лю бом человеке, будь это подзаборный пьянчуга, преступник, зако ренелый подлец, они видят человека. Это не значит, что им неведомы понятия «добро» и «зло», напротив, их представления о добре и зле совершенно четкие и однозначные, они твердо знают, «что такое хорошо и что такое плохо». Оказавшись лицом к лицу со злом, они не прячутся за сомнениями, не демонстри руют ложное великодушие, но смело вступают в единоборство

с ним.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ДИХОТОМИЙ

Невротический антагонизм между Ид, Это и Супер-эго

у этих людей преодолен, он трансформирован в отношения

синергизма и сотрудничества. Психическая жизнь этих людей

целостна и едина, ее невозможно расчленить на отдельные

сферы, их когнитивные процессы существуют в неразрывном,

организмическом, анти-аристотелевском единстве с их влече

ниями и эмоциями. Их высокое начало пребывает в полном

согласии с низким, животным началом, в результате чего то,

что прежде было дилеммой, становится единством, новой сущ

ностью или, как это ни парадоксально, перестает быть дилем

мой. Если мы знаем, что противоборство между мужским

и женским началом — это не что иное, как признак незрело

сти, ущербности, отклонения от роста и развития, то надо ли

делать выбор между этими двумя крайностями?“ „Мотивация

и личность»

«ЛЮБОВЬ И САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ

Удивительно, но проблема любви до сих пор почти не иссле
довалась экспериментальными методами. Особенно странным
кажется мне молчание психологов, ибо кто, если не они, должны
говорить о любви?
Эти люди предельно спонтанны в любви, они не считают
нужным «таиться», «сдерживаться», соблюдать приличия или
играть в ролевые игры, они не стремятся утвердить свое пре
восходство над партнером. Другими словами, любовь для
них — не способ преодоления, а форма самовыражения. Лю
бовь этих людей по мере расцвета становится все более ис
кренней и интимной, взаимоотношения с партнером обретают
все более экспрессивный характер, что достаточно редко мож
но наблюдать в близких отношениях обычных людей. Самоак
туализирующийся человек, рассказывая о своих отношениях
с любимым человеком, как правило, говорит о том, что с ним
он может чувствовать себя совершенно естественно, непринуж

денно, что он может оставаться самим собой, может позволить себе расслабиться, может не думать о том, как скрыть свои недостатки, как физические, так и психологические.
В такой любви нет тайн и секретов, любящие не стремятся сохранить ореол таинственности, перестают быть загадкой друг для друга. В такой абсолютной открытости, в такой беззащит ности очень мало от общепринятого романтизированного по нимания любви, как и от психоанализа. Тот же Рейк, например, полагает, что нельзя в одно и то же время быть и другом, и лю бовником, что дружба и любовь — взаимоисключающие поня тия. Мои же данные, или вернее, мои впечатления подталкива ют меня к прямо противоположному заключению.
Эти же впечатления не позволяют мне согласиться с расхо жим представлением о противостоянии и даже о вражде муж ского и женского начал. Враждебность и подозрительность по отношению к представителям другого пола, склонность к пря молинейному отождествлению с представителями своего пола, сам термин «противоположный пол» — все это так привычно и в то же время так невротично! Со всей определенностью я мо гу заявить, что самоактуализирующимся людям не свойственна подобная невротичность, по крайней мере, тем из них, которых изучал я.
Хочется поделиться еще одним впечатлением от моих на блюдений. Оно идет вразрез с житейской мудростью, оно проти воречит также и разнообразным «эзотерическим» концепциям сексуальности и любви. Я говорю здесь о том, что самоактуали зирующийся человек по мере развития любовных отношений с партнером получает от них все большее и большее удовлетво рение. Самоактуализирующийся индивидуум умеет получать удовольствие от знакомого, привычного, фактор новизны для него не имеет решающего значения. Спору нет, известный эле мент новизны, элемент неожиданности может способствовать половому удовлетворению, но я бы не решился заявить, что это утверждение справедливо для всех представителей рода чело веческого и тем более для самых здоровых его представителей.
В каком-то смысле здоровую любовь, или любовь здорового, самоактуализирующегося человека можно определить как со стояние беззащитности или, иначе говоря, как состояние пре дельной спонтанности и абсолютной искренности. Здоровая лю бовь предполагает естественность партнеров, помогает им по стоянно открывать друг в друге все новые качества и черты и при этом любить друг друга. При этом очевидно, что взаимное

познание доставляет удовольствие партнерам, что им нравятся те черты, которые они обнаруживают друг в друге. Ведь если человек плох, то чем ближе его узнаешь, тем меньше радости будет приносить общение с ним, и в результате это приведет не к упрочению отношений, а, напротив, к разрыву всяких связей. Здесь прослеживаются те же самые тенденции, которые я обнаружил при исследовании фактора привыкания на восприятие произведений живописи. Я обнаружил, что хорошая картина никогда не надоедает, наоборот, чем дольше и чем чаще мы смотрим на нее, тем больше она нравится нам, тем большее наслаждение мы получаем от нее, тогда как плохая картина, наоборот, вызывает у нас все большее неприятие и даже отвращение. В то время я счел этот критерий необъективным, а других, более объективных критериев для оценки произведений живописи так и не нашел, и потому не решился обнародовать свои наблюдения. Но сейчас я уже не боюсь показаться субъективным и готов во всеуслышание заявить: хороший человек — это такой человек, которого чем лучше узнаешь, тем больше любишь, с плохим же лучше и вовсе не знаться, чтобы не испытать разочарования

САМОАКТУАЛИЗАЦИЯ, ЛЮБОВЬ И СЕКС

Исследование сексуальности самоактуализирующихся людей помогает нам понять очень важные вещи. У меня есть все основания предполагать, что любовь и сексуальность у здоровых людей во многом переплетены. Я понимаю, что для науки мало пользы от смешения двух самостоятельных понятий, но факт остается фактом — в жизни здорового человека «секс» и «любовь» нераздельны. Я остерегусь от излишней горячности, я не стану утверждать, что человек, способный получать сексуальное удовлетворение без любви, — больной человек, но мои наблюдения ведут меня именно в этом направлении. Я совершенно определенно могу заявить, что самоактуализирующиеся люди, как мужчины, так и женщины, не ищут секса ради секса, что в половом акте они получают не только сексуальное удовлетворение. Я не готов заявить, что эти люди полностью отвергают для себя возможность секса без любви, но мне известно множество случаев, когда они отказывались от половых отношений или откладывали их, не будучи уверенными в своих чувствах к партнеру.

В любви самоактуализирующихся людей проявляются многие аспекты их общего отношения к жизни, в частности их способность к приятию себя и других. Они терпимы по отношению

к таким вещам, которые, скорее всего, покажутся неприемлемы ми для обычных людей. Крайне редко они заводят интрижки на стороне, хотя способны испытать половое влечение не только в семейном кругу. По моим наблюдениям их отношения с пред ставителями противоположного пола складываются очень про сто и естественно; самоактуализирующиеся люди естественно принимают факт полового влечения, но не считают себя обязан ными идти у него на поводу, как это принято у обычных людей. На мой взгляд, они гораздо более свободны, раскованны в раз говорах на половые темы по сравнению все с тем же среднеста тистическим человеком, причем их рассуждения о сексе лишены обычного ханжества. Подводя черту под своими наблюдениями, хочу сказать, что общее приятие жизни в различных ее проявле ниях и то глубокое удовлетворение, которое получают эти люди в любви, освобождает их от необходимости поиска компенса торного секса на стороне. В данном случае мы имеем дело с крайне любопытным случаем несоответствия между отноше нием и поведением. Чем легче относится человек к сексуально сти, тем легче ему быть моногамным

ще одна особенность здоровой любви состоит в том, что ей чуждо традиционное противопоставление полов; здоровая лю бовь не заставляет партнеров играть так называемые половые роли, не вынуждает женщину к пассивности, а мужчину — к без удержной активности. Здоровые, самоактуализирующиеся люди настолько уверены в своей половой принадлежности, что не считают унизительным отступить от канонов, предписывае мых половой ролью. Из общения с этими людьми я вынес еще одно впечатление. Я говорю о свойственной им уверенности в своей мужественности или женственности. Ум, сила, уверен ность, решительность и прочие «мужские» черты в женщине не пугают здорового мужчину, он не воспринимает их как угрозу собственной маскулинности, напротив, обычно они привлекают его. И опять же, на примере любовных отношений самоактуали зирующихся людей мы можем еще раз увидеть, как самоактуа лизация способствует разрешению привычных дихотомий, свой ственных нездоровью.

Одной из важнейших характеристик здоровой любви высту пает отождествление потребностей любящих людей или объеди нение иерархий базовых потребностей партнеров в единую иерархию. В результате такого объединения у партнеров возни кают общие потребности, они не делят потребности на свои лич ные желания и желания партнера. Эго каждого из них расширя

ется, принимая в себя Эго другого до такой степени, что иногда можно сказать, что два любящих человека сливаются в единое целое, становятся одним человеком, одним Эго. Эту мысль впервые высказал Альфред Адлер. Несколько позже Эрих Фромм в своей книге «Man for himself» предложил такое определение любви: «Любовь — общее чувство двух любящих людей, по крайней мере, до тех пор, пока существует связь между объектом любви и собственным Я человека. Истинная любовь есть выражением продуктивности личности, она предполагает заботу, уважение, ответственность и знание. Любовь — не эмоция и не аффект, это активное стремление к возвеличиванию любимого человека и к его счастью, берущее начало из способности любящего любить»

А. Адлер, Понять природу человека:

«Вымысел о неполноценности женщин поддерживается в наше время законом и традицией, хотя все, кто сколько-нибудь разбирается в психологии, его отрицают. Поэтому мы должны быть начеку всякий раз, когда этот вымысел появляется на свет, и исправлять ложные социальные установки, которые его порождают. Мы должны так поступать не из-за какого-то патологически преувеличенного почтения к женщинам, но из-за того, что нынешнее неправильное отношение к ним подрывает логику всей нашей общественной жизни.

Причиной всех этих малоприятных ситуаций являются заблуждения, присущие нашей цивилизации. Если для цивилизации характерны какие-либо предрассудки, эти предрассудки касаются всех сторон этой цивилизации, и их признаки можно обнаружить повсюду. Заблуждения относительно неполноценности женщин и, соответственно, превосходстве мужчин постоянно разрушают гармонию между полами. Из-за этого во все сексуальные отношения привносится в высшей степени нежелательный элемент конфликта, угрожающий любой возможности счастья между полами и даже подрывающий ее. Этот конфликт отравляет, искажает и разъедает всю нашу чувственную жизнь. Этим объясняется, почему гармоничные браки так редки; этим объясняется, почему столь многие дети вырастают, считая, что брак — нечто чрезвычайно трудное и опасное.

Предрассудки вроде описанных нами выше могут в значительной степени не позволить детям правильно понять жизнь. Вспомните, сколько молодых девушек считает брак лишь каким-то аварийным выходом в жизни, и подумайте о мужчинах и женщинах, видящих в браке лишь неизбежное зло! Трудности, возникшие первоначально из-за этого конфликта между полами, сегодня приняли поистине ги-

гантские масштабы. Чем меньше склонны женщины играть роль послушной самки и чем больше стремятся мужчины сохранить свое привилегированное положение, тем ожесточеннее становится этот конфликт.

Товарищество и дружба — признаки действительного примирения со своей половой ролью и реального равновесия между полами. Подчинение одного индивидуума другому так же невыносимо в сексуальных отношениях, как и в международной жизни. Каждому следует анализировать эту проблему с большой тщательностью, поскольку ошибочная социальная установка может привести к серьезным трудностям для обоих партнеров. Эта сторона человеческой жизни настолько важна, что в нее вовлечен каждый из нас. Еще большую сложность приобретает она в наше время, когда детей принуждают следовать поведенческим установкам, которые включают в себя пренебрежение к другим людям и их неприятие.

Спокойное воспитание могло бы, разумеется, преодолеть эти трудности, но мы живем в суетное время, когда ощущается недостаток действительно испытанных и апробированных воспитательных методов. Особую проблему представляет собой лежащий в основе всей нашей жизни принцип конкуренции, доведенный и до детской. Все эти факты жестко, даже слишком жестко определяют ход нашей последующей жизни. Страх, заставляющий столь многих людей избегать основанных на любви отношений, вызван главным образом бессмысленным давлением, которое заставляет любого мужчину доказывать свою мужественность при любых условиях, даже если для этого он вынужден прибегать к предательству и злобе или силе.

Очевидно, что, взаимодействуя друг с другом, эти факторы лишают межчеловеческие отношения всякой искренности и доверия. Донжуаны — это мужчины, не уверенные в собственной мужественности и нуждающиеся для ее подтверждения во все новых победах. Недоверие между полами, приобретшее всеобъемлющий характер, не позволяет людям быть откровенными друг с другом, и вследствие этого страдает все человечество. Преувеличенно мужественный идеал означает постоянный вызов, постоянное подстегивание самого себя, постоянную тревогу, которые приводят только к тщеславию, самовосхвалениям и сохранению установки на «привилегированность». Все это, разумеется, не способствует оздоровлению общественной жизни»

Вальтер Скотт, «Талисман или Ричард В палестине»:

«– Мне жаль тебя, рыцарь, — сказал эмир, — я мог бы разгневаться из-за твоих слов, если бы не сознавал, что это проистекает из твоего

невежества. Если следовать правилам твоей веры, то, пожалуй, придется выбирать себе в жены только одну женщину и быть ей верным всю жизнь — земную и загробную. Наш пророк позволил нам наслаждаться выбором всевозможных красавиц и обещал за пределами гроба дать нам на утеху чернооких гурий.

— Клянусь именем чтимого мною Создателя, что ты заблуждаешься, мусульманин. Скажи, тот бриллиант, который сверкает у тебя на пальце, ты считаешь очень драгоценным камнем?

— Да, ни в Бальсоре, ни в Багдаде я не находил ничего подобного. Но я не могу понять, что общего между этим вопросом и нашим разговором?

— Подожди немного, и тебе станет ясно, к чему я клоню. Возьми мою секиру и разбей ею на мельчайшие куски твой бриллиант: каждый обломок отдельно, а также сложенные вместе — они ведь потеряют всю свою ценность.

— Ну, хорошо, — нетерпеливо перебил его эмир, — это ясно и малому ребенку. Осколки этого драгоценного бриллианта по цене не составят и сотой доли целого камня.

— Вот видишь, сарацин, — продолжал, не смущаясь, рыцарь, — любовь к одной женщине есть целый бриллиант. Те же чувства, которые ты расточаешь в избытке твоим женам, невольницам и подругам, так же ничтожны и малоценны, как осколки твоего дорогого камня. …Сарацин, тебе, верно, не приходилось встречать женщины, достойной любви воина. Если бы ты видел наших европейских женщин, то тебе стало бы понятно постоянство любви рыцарей. Мне кажется, одного взгляда на них достаточно, чтобы навсегда почувствовать отвращение к жалким невольницам, украшающим ваши гаремы»

5. ПУТИ К РЕАЛЬНОЙ СИЛЕ ОБЩЕСТВА ЛЮДЕЙ

Когда наша псевдокультура хочет показать захватывающие дух вершины счастья, она обращается все к той же банальной до тошноты теме Ромео и Джульетты в самых разных ее вариантах. И как мир не смеялся над «Дульсинеей Табусской» после Сервантеса, а все же до сих пор нет реальной альтернативы в искусстве, кроме декадентского, как говорит Ницше в Казус Вагнер, Романтизма. А Романтизм не знает ничего лучше, как греческую трагедию несчастной любви героев-полубогов, всесильных идеалов красоты и мужественности.

«Сильные эмоции» — они все или в несчастьях Движения Романтизма, которые иногда заманчиво мигают счастливой развязкой свадьбой полубогов, или же их нет вообще. По крайней мере в том, что сегодня принято называть нашей культурой. Посмотрите Оперу и Балет — там до сих пор царят сюжеты глупых сказок, и классический романтизм «Кармен» и «Ромео и Джульетты». Посмотрите пьесы и живопись (за исключением истинного искусства христианской тематики).

Все же что настоящее и связано с жизнью нормальных здоровых людей, тех самых известных чеховских персонажей — оно все тихо, неслышно, словно их и нет вовсе.

На самом деле, по настоящему глубокие переживания дает чистота позитивных эмоций, знакомая только здоровой энергии духа, свободной от материальной энергии.

Как представляется исследователи скажут много о глубине эмоций средневековых святых и других людей энергии духа в их глубоком религиозном экстазе — ведь любовь к Господу, если не мешать ей возникнуть в здоровых сердцах есть одно из самых глубоких переживаний счастья доступных человечеству.

Я уже говорила о Наслаждении Работой у ученых — и множестве материала на эту тему в психологии, биографиях, автобиографиях великих мыслителей. Дело в том, что другой особенностью энергии духа является способность Продуцирования Энергии.

Способность к росту энергии у Энергии Духа имеет несколько источников:

— Сам процесс Научного контроля не только имеет результатом доступ к силе других материальных энергий. Он также продуцирует полотно эмоций энергии духа — это и ощущается как особая любовь к работе, которой невозможно даже вообразить на поле материальной энергии, где работают только из страха

— далее тот самый доступ к силе материальных энергий через посредство научного контроля. Опять таки Сатаны контроли-

руют технику сегодня только потому что они подчинили своим лицемерием и дурной «наукой» себе труд ученых. Однако, сами они со своей мертвой мыслью не способны быть инженерами такого уровня. Поэтому как только их разоблачат и лишат власти, они никогда больше не получат доступ к силе материальных энергий, к силе научного контроля

— Наконец, Церковь Дружбы — это Процесс Соединения Чистоты и Глубины Позитивных Эмоций энергии духа! Вот почему этот процесс опять таки переживается как Благодать абсолютной радости жизни. Ибо великий дар Господа — это единение людей Божьего Духа в одну ткань эмоций и мысли в доме Отца своего!

— Наконец, есть еще один источник продуцирования энергии духа — это процесс контроля собственной материальной энергии, процесс контроля поля Эгосистемы человечества, который дает громадную волну высвобождения здоровой энергии духа. Маслоу назвал этот процесс Философским Юмором, и другие ученые задались вопросом об этом феномене Чистоты и Глубины Эмоций Настоящего Юмора, Настоящего Смеха.

Опять таки это как раз та сфера, которая наряду с феноменом дружбы как редким на сегодня феноменом единения энергии духа людей, свободной от материальной энергии — это те сферы что будут очень детально и всесторонне изучаться.

Потому что именно здесь найдут самые глубокие проявления пиковых переживаний, глубины и чистоты эмоций здоровых людей — той великой радости жизни, которую мы, задыхающиеся под Ядерным Грибом материальной энергии Сатанов, даже не можем себе представить.

Потому Честертон прав, когда говорит, что в основе всего настоящего искусства ирония философского юмора — ирония смеха над полем Эгосистемы всего человечества. Ибо — смех есть радость человечества по поводу своего излечения, по поводу своего избавления из материальной тюрьмы, из пещеры душного мрака садомазохизма в высшие сферы Царствия Небесного Пространства-Времени Интеллекта, Совести и Дружбы человеческого гения!

Когда Эразм Роттердамский пишет в своей пошленькой и глупенькой «Хвале Глупости», что настоящее веселье достойно только Глупости, потому что богачи приглашают на свои пиры дурачков и шутов и забавляются с ними сальными шуточками на пахабные сюжеты — это конечно не то веселье, о котором мы говорим, как о философском юморе высвобождения гигантской энергии духа из тюрьмы поля Эгосистемы. Глупость не знает веселья именно потому что ее злорадство не есть процесс продуцирования или высвобождения громадного позитива энергии духа. Комедиантство, «валяние дурака», «злорадство» — это просто способ «снизить напряжение» Голода Тщеславия на поле Эгосистемы, уязвив Эго других людей. Этот процесс не имеет ничего общего с волной высвобождения чистого позитива энергии духа в процессе философского юмора высмеивания поля Эгосистемы как общей болезни всего человечества — ведь такой подход гарантирует освобождение от поля Эгосистемы.

A. Herzen, «The Letter to Michelet»:

> «Первым русским произведением, снискавшим огромную популярность, было не послание, обращенное к императрице, не ода, на которую вдохновили поэта бесчеловечные опустошения и кровопролитные победы Суворова, а комедия, едкая сатира на провинциальных дворянчиков. Тогда как Державин сквозь ореол славы, окружавшей трон, видел одну лишь императрицу, Фонвизин, ум сатирический, видел изнанку вещей; он горько смеялся над этим полуварварским обществом, над его потугами на цивилизованность. В произведениях этого писателя впервые выявилось демоническое начало сарказма и негодования, которому суждено было с тех пор пронизать всю русскую литературу, став в ней господствующей тенденцией. В этой иронии, в этом бичевании, не щадящих ничего, даже личность самого автора, мы находим какую-то радость мести, злорадное утешение; этим смехом мы порываем связь, существующую между нами и теми амфибиями, которые, не умея ни сохранить свое варварское состояние, ни усвоить цивилизацию, только одни и удерживаются на официальной поверхности русского общества. Неутомимый протест неотступно преследовал эту аномалию. Он был горячим, беспрестанным. Анализ общественной патологии определил преобладающий харак тер современной литературы. То было новое отрицание существу-

ющего порядка вещей, которое вырвалось, наперекор монаршей воле, из глубины пробудившегося сознания, — крик ужаса каждого молодого поколения, опасающегося, что его могут смешать с этими выродками. Под московским небом все в душе его становится мрачным, пасмур ным, враждебным. Он продолжает смеяться, даже больше, чем пре жде, но это другой смех: он может обмануть лишь людей с очень черствым сердцем или слишком уж простодушных. Перейдя от сво их малороссов и казаков к русским, Гоголь оставляет в стороне на род и принимается за двух его самых заклятых врагов: за чиновника и за помещика. Никто и никогда до него не написал такого полного курса патологической анатомии русского чиновника, Смеясь, он без жалостно проникает в самые сокровенные уголки этой нечистой, зловредной души. Комедия Гоголя „Ревизор", его роман „Мертвые души" — это страшная исповедь современной России, под стать раз облачениям Кошихина в XVII веке Присутствуя на представлениях „Ревизора", император Николай умирал со смеху!!! Поэт, в отчаянии, что вызвал всего лишь это августейшее веселье да самодовольный смех чиновников, совершенно подобных тем, кото рых он изобразил, но пользовавшихся большим покровительством цензуры, счел своим долгом разъяснить в предуведомлении, что его комедия не только очень смешна, но и очень печальна, — что „за его улыбкой кроются горячие слезы". После „Ревизора" Гоголь обратился к поместному дворянству и вы тащил на белый свет это неведомое племя, державшееся за кулиса ми, вдалеке от дорог и больших городов, схоронившееся в деревенской глуши, — эту Россию дворянчиков, которые втихомолку, уйдя с головой в свое хозяйство, таят развращенность более глубокую, чем западная. Благодаря Гоголю мы видим их, наконец, за порогом их барских палат, их господских домов; они проходят перед нами без масок, без прикрас, пьяницы и обжоры, угодливые невольники власти и безжалостные тираны своих рабов, пьющие жизнь и кровь народа с той же естественностью и простодушием, с каким ребенок сосет грудь своей матери. „Мертвые души" потрясли всю Россию. Предъявить современной России подобное обвинение было необходимо. Это история болезни, написанная рукою мастера. Поэзия Гого ля — это крик ужаса и стыда, который издает человек, опустившийся под влиянием пошлой жизни, когда он вдруг увидит в зеркале свое оскотинившееся лицо. Но чтобы подобный крик мог вырваться из груди, надобно, чтобы в ней оставалось что-то здоровое, чтобы жила в ней великая сила возрождения. Тот, кто откровенно сознается в своих слабостях и недостатках, чувствует,

что они не являются сущностью его натуры, что он не поглощен ими целиком, что есть еще в нем нечто, не поддающееся, сопротивляющееся падению, что он может еще искупить прошлое и не только поднять голову, но, как в трагедии Байрона, стать из Сарданапала-неженки — Сарданапа лом-героем. Отчего не захотели вы прислушаться к потрясающим звукам нашей грустной поэзии, к нашим напевам, в которых слышатся рыдания? Что скрыло от вашего взора наш судорожный смех, эту беспрестан ную иронию, под которой скрывается глубоко измученное сердце, которая, в сущности, — лишь роковое признание нашего бессилия? Русский роман обращается исключительно в области патологиче ской анатомии; в нем постоянное указание на грызущее нас зло, по стоянное, безжалостное, самобытное. Здесь не услышите голоса с неба, возвещающего Фаусту прощение юной грешнице, — здесь возвышают голос только сомнение и проклятие. А между тем, если для России есть спасение, она будет спасена именно этим глубоким сознанием нашего положения, правдивостию, с которою она обнару живает это положение перед всеми. Тот, кто смело признается в своих недостатках, чувствует, что в нем есть нечто сохранившееся среди отступлений и падений; он знает, что может искупить свое прошлое и не только поднять голову, но сделаться из „Сарданапала-гуляки — Сарданапалом-героем". Великий обвинительный акт, составляемый русской литературой против русской жизни, это полное и пылкое отречение от наших ошибок, эта исповедь, полная ужаса перед нашим прошлым, эта горькая ирония, заставляющая краснеть за настоящее, и есть наша надежда, наше спасение, прогрессивный элемент русской натуры. Каково же значение того, что написал Гоголь, которым славяне так неумеренно восхищаются? Кто другой поставил выше, чем он, по зорный столб, к которому он пригвоздил русскую жизнь?»

Chesterton, «Orthodoxy':

«The mass of men have been forced to be gay about the little things, but sad about the big ones. Nevertheless (I offer my last dogma defiantly) it is not native to man to be so. Man is more himself, man is more manlike, when joy is the fundamental thing in him, and grief the superficial. Melancholy should be an innocent interlude, a tender and fugitive frame of mind; praise should be the permanent pulsation of the soul. Pessimism is at best an emotional half-holiday; joy is the uproarious labour by which all things live. Christianity satisfies suddenly and perfectly man's ancestral instinct for being the right way

up; satisfies it supremely in this; that by its creed joy becomes something gigantic and sadness something special and small. The vault above us is not deaf because the universe is an idiot; the silence is not the heartless silence of an endless and aimless world. Rather the silence around us is a small and pitiful stillness like the prompt stillness in a sick room. We are perhaps permitted tragedy as a sort of merciful comedy: because the frantic energy of divine things would knock us down like a drunken farce. We can take our own tears more lightly than we could take the tremendous levities of the angels. So we sit perhaps in a starry chamber of silence, while the laughter of the heavens is too loud for us to hear. Joy, which was the small publicity of the pagan, is the gigantic secret of the Christian. And as I close this chaotic volume I open again the strange small book from which all Christianity came; and I am again haunted by a kind of confirmation. The tremendous figure which fills the Gospels towers in this respect, as in every other, above all the thinkers who ever thought themselves tall. His pathos was natural, almost casual. The Stoics, ancient and modern, were proud of concealing their tears. He never concealed His tears; He showed them plainly on His open face at any daily sight, such as the far sight of His native city. Yet He concealed something. Solemn super men and imperial diplomatists are proud of restraining their anger. He never restrained His anger. He flung furniture down the front steps of the Temple, and asked men how they expected to escape the damnation of Hell. Yet He restrained something, I say it with reverence; there was in that shattering personality a thread that must be called shyness. There was something that He hid from all men when He went up a mountain to pray. There was something that He covered constantly by abrupt silence or impetuous isolation. There was some one thing that was too great for God to show us when He walked upon our earth; and I have sometimes fancied that it was His mirth»

…In the old Christian pictures the sky over every figure is like a blue or gold parachute. Every figure seems ready to fly up and float about in the heavens. The tattered cloak of the beggar will bear him up like the rayed plumes of the angels. But the kings in their heavy gold and the proud in their robes of purple will all of their nature sink downwards, for pride cannot rise to levity or levitation. Pride is the downward drag of all things into an easy solemnity. One» settles down» into a sort of selfish seriousness; but one has to rise to a gay self-forgetfulness. A man «falls» into a brown study; he reaches up at a blue sky. It is really a natural trend or lapse into taking one's self gravely, because it is the easiest thing to do. It is much easier to write a good Times leading article than a good joke in Punch. For solemnity f

lows out of men naturally; but laughter is a leap. It is easy to be heavy: hard to be light. Satan fell by the force of gravity. Now, it is the peculiar honour of Europe since it has been Christian that while it has had aristocracy it has always at the back of its heart treated aristocracy as a weakness- generally as a weakness that must be allowed»

A. Maslow, «Motivation and personality»:

«PHILOSOPHICAL, UNHOSTILE SENSE OF HUMOR One very early finding that was quite easy to make, because it was common to all my subjects, was that their sense of humor is not of the ordinary type. They do not consider funny what the average man considers to be funny. Thus they do not laugh at hostile humor (making people laugh by hurting someone) or superiority humor (laughing at someone else's inferiority) or authority-rebellion humor (the unfunny, Oedipal, or smutty joke). Characteristically what they consider humor is more closely allied to philosophy than to anything else. It may also be called the humor of the real because it consists in large part in poking f lln at human beings in general when they are foolish, or forget their place in the universe, or try to be big when they are actually small. This can take the form of poking fun at themselves, but this is not done in any masochistic or downlike way. Lincoln's humor can serve as a suitable example. Probably Lincoln never made a joke that hurt anybody else; it is also likely that many or even most of his jokes had something to say, had a function beyond just producing a laugh. They often seemed to be education in a more palatable form, akin to parables or fables. On a simple quantitative basis, our subjects may be said to be humorous less often than the average of the population. Punning, joking, witty remarks, gay repartee, persiflage of the ordinary sort is much' less often seen than the rather thoughtful, philosophical humor that elicits a smile more usually than a laugh, that is intrinsic to the situation rather than added to it, that is spontaneous rather than planned, and that very often can never be repeated. It should not be surprising that the average man, accustomed as he is to joke books and belly laughs, considers our subjects to be rather on the sober and serious side. Such humor can be very pervasive; the human situation, human pride, seriousness, busyness, bustle, ambition, striving and planning can all be seen as amusing, humorous, even funny. I once understood this attitude, I thought, in a room full of „kinetic art," which seemed to me to be a humorous parody of human life, with the noise, movement, turmoil, hurry and bustle, all of it going no place. This attitude also rubs off on professional work itself, which in a certain sense is also play, and which, though taken seriously, is somehow also taken lightly»

G. Allport, «Pattern and Growth in Personality»:

> «Humor. Perhaps the most striking correlate of insight is the sense of humor. In one unpublished study where subjects rated one another on a large number of traits, the correlation between ratings on insight and humor turned out to be.88. Such a high coefficient means either that personalities with marked insight are also high in humor, or else that the raters were not able to distinguish between the two qualities. In either case the result is important. The personality of Socrates shows the close association of the two traits. Legend tells how at a performance of Aristophanes' Clouds he stood up in order that the amused audience might better compare his face with the mask that was intended to ridicule him. Possessed of good insight, he was able to view the caricature in a detached way, and to aid the jest by laughing at himself. What, then, is a sense of humor? The novelist Meredith says it is the ability to laugh at the things one loves (including, of course, oneself and all that pertains to oneself), and still to love them. The real humorist perceives behind some solemn event — himself, for instance — the contrast between pretension and performance. The sense of humor must be distinguished sharply from the cruder sense of the comic. The latter is a common possession of almost all people, children as well as adults. What is ordinarily considered funny — on the stage, in comic strips, on TV — consists usually o£ absurdities, horse play, or puns. For the most part it consists in the degredation of some imagined opponent. The aggressive impulse is only slightly disguised. Aristotle, Hobbes, and many others have seen in this „sudden glory" of one's own ego the secret of all laughter. Related to aggressive wit (which derides the other fellow) is laughter at the risque which seems due to the release of suppressions. Aggression and sex are at the basis of much that they call comic. A young child has a keen sense of the comic, but seldom d ever laughs at himself. Even during adolescence the youth is more likely to view his failings with acute suffering than with laughter. There is evidence that people who are less intelligent, who have low esthetic and theoretical values, prefer the comic and lack a sense of humor based on the real relationships in life. The reason why insight and humor march hand in hand is probably because at bottom they are a single phenomenon — the phenomenon of self-objectification. The man who has the most complete sense of proportion concerning his own qualities and cherished values is able to perceive their incongruities and absurdities in certain settings. It is only fair to state that up to now psychologists have had very little success in measuring either insight

> or the sense of humor. We are dealing here with the subtler reaches of personality — a territory which we hope psychologists will explore with more success in the future than in the past»

Mark Twain:

> «It is enough to provoke both laughter and tears when one sees then that all this knowing and understanding exercises no influence upon the lives of these men, that their lives do not in the remotest way express what they have understood, but rather the contrary. One involuntarily exclaims at the sight of a disproportion at once so sorrowful and so ludicrous. So then, such an ironic-ethical correction might very well be what our age needs, and perhaps the only thing it really needs; for it is evident that this is the thing it least thinks of. It is highly important that, instead of going further than Socrates, we simply return to the Socratic dictum that to understand /and to understand are two things — not returning to it as a result [once for all acquired], for in the end that only helps men into the deepest wretchedness».

S. Kierkegaard, «Sickness unto death»:

> «Commonly such a despairer is infinitely comic. Think of a self (and next to God there is nothing so eternal as a self), and then that this self gets the notion of asking whether it might not let itself become or be made into another…than itself. And yet such a despairer, whose only wish is this most crazy of all transformations, loves to think that this change might be accomplished
> as easily as changing a coat. For the immediate man does not recognize his self, he recognizes
> himself only by his dress, he recognizes (and here again appears the infinitely comic trait) he recognizes that he has a self only by externals. There is no more ludicrous confusion, for a self is just infinitely different from externals. When then the whole of existence has been altered for the immediate man and he has fallen into despair, he goes a step further, he thinks thus, this has become his wish: «What if I were to become another, were to get myself a new self?»
> Yes, but if he did become another, I wonder if he would recognize himself again! It is related of a peasant who came cleanly shaven to the Capital, and had made so much money that he could buy himself a pair of shoes and stockings and still had enough left over to get drunk on — it is related that as he was trying in his drunken state to find his way home he lay down in the middle of the highway and fell

> asleep. Then along came a wagon, and the driver shouted to him to move or he would run over his legs. Then the drunken peasant awoke, looked at his legs, and since by reason of the shoes and stockings he didn't recognize them, he said to the driver, «Drive on, they are not my legs.» So in the case of the immediate man when he is in despair it is impossible to represent him truly without a touch of the comic; it is, if I may say so, a clever trick to talk in this jargon about a self and about despair.
> …It is impossible to represent truly this sort of despair without a certain admixture of satire. The comical thing is that he will talk about having been in despair; the dreadful thing is that after having, as he thinks, overcome despair, he is then precisely in despair. It is infinitely comic that at the bottom of the practical wisdom which is so much extolled in the world, at the bottom of all the devilish lot of good counsel and wise saws and «wait and see and «put up with one's fate» and «write in the book of forgetfulness» — that at the bottom of all this, ideally understood, lies complete stupidity as to where the danger really is and what the danger really is. But again this ethical stupidity is the dreadful thing.

Spinoza, «Ethics»:

> Between derision (which I have in Coroll. I. stated to be bad) and laughter I recognize a great difference. For laughter, as also jocularity, is merely pleasure; therefore, so long as it be not excessive, it is in itself good (IV. xli.). Assuredly nothing forbids man to enjoy himself, save grim and gloomy superstition. For why is it more lawful to satiate one's hunger and thirst than to drive away one's melancholy? I reason, and have convinced myself as follows: No deity, nor anyone else, save theenvious, takes pleasure in my infirmity and discomfort, nor sets downtomyvirtuethetears, sobs, fear, and the like, which axe signs ofinfirmity of spirit; on the contrary, the greater the pleasure wherewith we are affected, the greater the perfection whereto we pass; inother words, the more must we necessarily partake of the divine
> nature
> Corollary I. — Envy, derision, contempt, anger, revenge, and other emotions attributable to hatred, or arising therefrom, are bad.
> It is indispensible condition of philosophical humor — capacity to discern the Field of magic mentality as disease of humankind. Nietzsche in his attempts to find Spirit on the Field of magic mentality could not escape the complete failure.

Nietzsche, «Thus spoke Zarathustra»:

> «This crown of the laughter, this rose-garland crown: I my self have put on this crown, I myself have consecrated my laughter. No one else have I found to-day potent enough for this. Zarathustra the dancer, Zarathustra the soothsayer, Zarathustra the sooth-laugher, I myself have put on this crown!

Mark Twain

> What is it that strikes a spark of humor from a man? It is the effort to throw off, to fight back the burden of grief that is laid on each one of us. In youth we don't feel it, but as we grow to manhood we find the burden on our shoulders.
> — Interview in New York World Sunday Magazine, November 26, 1905
> Mark Twain
> «Will a day come when the race will detect the funniness of these juvenilities and laugh at them — and by laughing at them destroy them? For your race, in its poverty, has unquestionably one really effective weapon — laughter. Power, Money, Persuasion, Supplication, Persecution — these can lift at a colossal humbug, — push it a little — crowd it a little — weaken it a little, century by century: but only Laughter can blow it to rags and atoms at a blast. Against the assault of Laughter nothing can stand»
> «The Chronicle of Young Satan,»
> Mysterious Stranger Manuscripts
> Mark Twain
> Humor is the great thing, the saving thing after all. The minute it crops up, all our hardnesses yield, all our irritations, and resentments flit away, and a sunny spirit takes their place. —
> «What Paul Bourget Thinks of Us»
> Mark Twain
> Humoris mankind's greatest blessing. —
> Mark Twain, a Biography
> Mark Twain
> Humoris the good natured side of a truth. —
> quoted in Mark Twain and I, Opie Read
> Mark Twain
> Humor must be one of the chief attributes of God. Plants and animals that are distinctly humorous in form and characteristics are God's jokes. —
> Mark Twain, a Biography
> Mark Twain

> Against the assault of laughter, nothing can stand. —
> «The Chronicle of Young
> Satan,» Mysterious Stranger Manuscripts
> Mark Twain
> Humor must not professedly teach, and it must not professedly preach,
> but it must do both if it would live forever. —
> Mark Twain in Eruption

Поскольку Слабость для здоровых людей — это все поле Эгосистемы, и Верхнее Притяжение Самолюбия Расы Господ еще больше чем нижнее Притяжение Влюбленности, а сила — это здоровье энергии духа, то понятно, что Образ Сатаны на Полотне истории останется наряду со Змеем Бесхребетным также и одалиской с танцем живота. Ведь это сатаны придумали, что Слабость -это женщина, а Женщина — это Слабость, и таким образом установили прочную ассоциативную связь между этими понятиями.

Потому что Сатанам необходима Слабость для их Садомазохизма — необходимы рабы для подчинения их Господству. И наоборот, энергии духа нужны только такие же здоровые и мощные личности как они сами для церкви дружбы, и для последующей любви между полами. Для церкви Дружбы Дух женщины так же силен как Дух мужчины, а поле Эгосистемы мужчин также слабо и отвратительно, как поле Эгосистемы у женщины.

Но если Сатана обзывает Слабостью женщин только потому, что они исторически не могли быть такими же циничными и жестокими мертвыми машинами как они сами, то необходимо образ Сатаны останется также и образом порабощённых и развращённых ими женщин. Ведь гибкость лжи этих Змеев Бесхребетных в их материализме, в приспособлении материальной энергии к давлению окружающей среды. Энергия Духа, в мужчинах и женщинах, никогда не приспосабливается ко злу. Мученичество христиан, мученичество революционеров, мученичество всех великих героев в противостоянии большей силе — это добровольная гибель Божьей энергии духа, неспособного к превращению в материальную энергию даже под угрозой смерти.

И это доказательство бессмертия Божьего духа в людях. Так, я писала об этом феномене мученичества энергии духа, не прогибающегося под силовое давление материальной энергии, как доказательстве бессмертия души в Пространстве — Времени Метафизики Интеллекта в книге о творчестве Газданова:

Однако, главное — это философское единство авторов, кото

рые оба озабочены тем, чтобы выразить старые христианские

трансцендентные истины Царства Небесного и Церкви Дружбы

праведников на новом рациональном, научном языке современ

ного знания.

Так оба подчеркивают, что бесстрашие Духовной энергии

перед лицом смерти само по себе свидетельствует о метафизи

ке, поскольку человек не мог бы полагать целей дальше своего

существования: но если он согласен умереть за истину и мораль

духовной энергии — это значит, что его существование не огра

ничено пребыванием в материальном мире.

А. Камю, «Бунтующий человек»:

> «Если индивид готов умереть и в определенных обстоятельствах принимает смерть в свое бунтарском порыве, он тем самым показывает, что жертвует собой во имя блага, которое, по его мнению, значит больше его собственной судьбы. Если бунтовщик готов погибнуть, только бы не лишиться защищаемого им права, то это означает, что он ценит это право выше, чем самого себя. Следовательно, он действует во имя пусть еще неясной ценности, которая, он чувствует, объединяет его со всеми остальными людьми».

Г. Газданов, «Пилигримы»:

> «-Потом, когда все было кончено, я опять начал думать об этом. Я

думал — вот, я хотел бы умереть вместо нее. Значит, существуют ка кие-то вещи, за которые ты готов отдать свою жизнь, то есть един ственное, что у тебя есть. Что это такое? Ты бы не мог об этом поду мать, если бы твоя мысль останавливалась там, где останавливается твоя жизнь. Ты понимаешь? Потому что когда ты готов отдать свою жизнь, то это решаешь ты, а не кто-то другой. Значит, ты продолжа ешь существовать после того, как ты дошел до конца своей жизни.
И яподумал тогда, что, вероятно, смерти нет. Есть страшный переход из одного состояния в другое. Я думаю, что почти для всякого чело века это самое ужасное, что он может себе представить. Но это толь ко переход»

ГЛАВА 18. Я ОБВИНЯЮ!

Я завершаю рассказ о Сатанах Расы Господ современного мира, которые загнали меня в такой страшный угол, о существовании которого я никогда не подозревала.

Сломать человеку позвоночник! Оставить его без сиделок! Запугать всех его родных! Угрожать постоянно дурдомом, где мне дали провести пробных три ночи и три дня! Обзывать седую голову Ангела — проституткой! Засылать мне регулярно в дом отравленные мази! Заселить мне проплаченных соседей, чтобы с их помощью вывезти меня в дурдом! Заставить просить об Официальном Аресте как о великой милости! оставить меня без помощи кого бы то ни было! Это совершенно неслыханная ситуация и я не знаю кары достаточно тяжелой для людей, которые настолько перешли все границы божеского и человеческого!

И все это когда все последние четыре года, после второго нападения регулярно выходят все новые тома Открытия ПЭ на двух языках! Что ВЕСЬ МИР уже в курсе и основных положений Открытия и того невиданного позора, которое Правительство Путина учинила в преследовании Автора ВЕликого Открытия!

Я обвиняю Режим Путина в Надругательстве над Автором Открытия, над Ученым, который принес миру свет Научной Революции Энергетика! Я обвиняю Режим Путина в Хуле на ДУха Святого! Ибо нет преступлений против человечества, если человечество это животные дарвиновской парадигмы! Если Бога нет, то все позволено, как известно!

Есть преступления против Духа Святого!

Что же так никто и не услышит голоса Ангела, пожираемого на глазах у всего мира Чудовищами Сатанами?

Тесла Л. Хугаева, «Романтизм и Реализм», 2020

«Реанимация

Если меня не смогли сломать морально, они все же закончили дело сломав меня физически. Конечно, публикация такой книги не могла пройти без внимания КГБ, хотя на тот момент я ровным счетом ничего кроме аббревиатуры не знала об этой организации, как будто не в совке выросла. Мне было лет 12 когда пришел Горбачев и моя сознательная жизнь прошла уже в ельцинской России, как раз тогда когда про КГБ уже мало кто вспоминал. И некому было мне рассказать. Но зато теперь я все знаю об этой организации. Они попытались помешать публикации книги, но не смогли. За мной повсюду или ходили или ездили эти товарищи, и я реально опасалась за свою жизнь. Я нашла все доступные адреса СМИ и разослала через них свою книгу и сведения о слежке. Я написала на сайт прези дента. Потом на какое-то время все успокоилось. С тех пор я непрестанно работала над своей теорией психической энергии, выпуская одну монографию за другой. Я писала на сайт прези денту, просила обратить внимание на научное открытие. Мне порекомендовали обратиться в РГНФ, я зарегистрировала там заявку, но ответ был отрицательным. Второй раз ко мне в квартиру ворвалась полиция с автома тами и насильно увезла в психиатрическую лечебницу. Это было в пятницу вечером, 7 марта 2015 года, мне пришлось ждать 176 до понедельника выхода врача. И я сумела обмануть санитарку и сделать публикацию на ФБ. Меня отпустили. Поскольку к тому моменту у меня уже был на руках билет, я улетела в Москву до говариваться на факультете психологии МГУ о защите своей диссертации. Уже 22 марта 2015 года я находилась в реанима ции Склифа с четырьмя переломами в позвоночнике и множе ственными переломами ребер. У меня остановилось сердце. На кануне вечером я заснула в хостеле «APPLE» на Маросейке, а очнулась уже в реанимации. Я не знаю, что со мной делали и как сломали спину. Когда я очнулась, мне все время говорили что в области таза все в крови: «У вас геморойчик? У вас мен струация?» Я попросила позвать гинеколога, чтобы она провела профессиональный осмотр и составила заключение. Их ответ меня поразил: «А у нас нет гинеколога! Что, во всем Склифе нет гинеколога? Да, во всем Склифе нет гинеколога!» Вместо этого меня стали уверять, что я прыгала сама, что я чокнутая, и не помню, чего я делала, а чего нет. Уголовное дело закрыли, ни разу меня не допросив, на основании показаний менеджера хостела. Эта женщина сообщила, что видела, как я прыгала из окна, и даже, рискуя своим беременным животом, постаралась меня остановить. Но я ко-

варно ударила ее ногой в беременный живот, и все таки спрыгнула вниз. Все время пока я лежала в Склифе писали, что падение было с шестого этажа, и только когда я стала возмущаться, что находилась на четвер том, они написали на четвертом. На голове не было ни единой царапины, мне каким-то чудом удалось приземлиться на ас фальт, не повредив ни черепа, ни уха, ни челюсти. О том, что происходило в реанимации, лаконично расскажет вот это письмо директору Склифа, которое я опубликовала в ФБ.

44 дня в реанимации Склифа

Я решила написать эту заметку, сидя уже пятый год в моче и пролежнях, не видя солнца и неба, чтобы и вам жизнь раем не казалась, потому что велика доля и вашего участия в моем сегодняшнем состоянии. Нет, позвоночник мой ломали не вы, 177 разумеется, но вы твердили, словно попугай, что это суицид, несмотря на все мои протесты. В ваше отделение общей реани мации меня перевели, когда отказались делать срочную опера цию. В этом вашем отделении я поседела в свои 38 лет. Три недели продержали меня с многоуровневой травмой по звоночника (4 перелома) и множественными переломами ребер. А накануне операции все еще существовала сильная оппозиция врачей, которые были против операции, и вы всегда возглавля ли эту оппозицию. И тогда, и позже, когда вопрос встал о второй операции. А если бы тогда в отделении экстренной реанимации, куда меня доставили сначала, такие как вы не помешали сде лать мне срочную операцию, я бы сейчас стояла на ногах. В лю бом случае, когда взвешивали за и против, обязаны были счи таться с моим мнением. Я помню, как ко мне подошел молодой человек и представился анестезиологом: сейчас мы повезем вас на операцию, подпишите документы. Я подписала, а он чуть поз же извинился: собирается консилиум врачей, где будут обсуж дать вашу операцию. И после этого консилиума меня на целый месяц поместили в ваше отделение общей реанимации. Тогда вы руководили им, и я почему то не удивлена, что теперь всей больницей. Я помню как на потянувшихся бесконечной чередой обхо дах врачей Картавенко Валентина Ивановна, главный научный сотрудник Склифа, часто махала рукой в мою сторону: «Когда можно было делать операцию — не делали, а теперь пошли инфекции, и все». И я уже лежала не только каменная, но и се дая. Я помню, как открыла глаза в реанимации и подобно Грего ру Замзе из «Превращения» Кафки нашла себя превратившейся в страшное насекомое, и как вы торжественно объявили докто рам причину травмы: попытка суицида. — Она пришла в себе. Пусть сама скажет. Это суицид? Види те, говорит, что нет! Но вы

не стали меня слушать: — Так что ж ей теперь говорить! 178 А потом началась эта подлая интрига с психиатром и попыт ками списать все на мою невменяемость. Вы приказали вызвать психиатра и назначить мне нейролептики. Это второй прямой удар по распадавшемуся организму. Не мне вас учить о колос сальном вреде, который несут нейролептики («большие тран квилизаторы») даже организму здорового человека, а уж поды хающему в реанимации... Да, я помню, как потом уже, спустя месяц, когда меня перевели в палату, Е. Павлова, оправдывала нейролептики, которые она также категорично навязывала как и вы, тем, что «они увеличивают проводимость». Как препараты, которые «насильно тормозят нервную систему», могут увеличи вать проводимость? Как можно вообще предполагать какое то позитивное действие на организм подобного яда? Если кто и осмеливается на это, а негодяев и чудаков везде хватает, так против его мнения подавляющее большинство здравых людей и профессионалов. И как же можно было не посчитаться с моим мнением в таком случае? Неужели мое мнение о том, принимать или не принимать препарат со столь очевидными ядовитыми свойствами, чья «польза» определяется лишь субъективным взвешиванием баланса «вреда и пользы» — мое мнение, повто ряю, в такой ситуации ничего не значит? Но вы не только не слу шали мои протесты, но давали указание вводить мне «Серви тель» через зонд, без моего ведома. Фельдшеры, возмущенные тем, что я смею спорить с докторами, сами мне рассказывали: «Мы тебе и так постоянно его вводим через зонд, без твоего ве дома». Алексей Сытник, который делал мне операцию, и которо го тоже попросили вставить словечко за нейролептики, убеждал меня другими мотивами: «Это для вашего комфорта. Чтобы вам было спокойно». А. К. Шабанов считал вредной даже простую седацию, неужели он не знал, что она «комфортна»? На что вы надеялись? Что нейролептик разрушит мой мозг настолько, что я соглашусь повторить вашу версию произошед шего? Я слышала, как вы сказали, когда меня только привезли в ваше отделение: «ну с головой у нее точно все в порядке». 179 И слышала, как вы распорядились позвать психиатра. Противо речие получается. Я помню как Аслан Шабанов, Рюрик Какуба ва, Валентина Картавенко и др говорили, что мои шансы воз растают параллельно моей активности, а Шабанов отказывал даже в легкой «седации», когда я просила снотворного на ночь. Потому что вредно. Но вы и ваш психиатр, насильственно вво дили мне через зонд нейролептики. Повторяю, несмотря на очевидный вред здоровью, риск жизни и мои многочислен ные протесты. И этого бы вполне хватило, чтобы поседеть. Но это еще не все. Как то к нам в палату заехал робот и направился прямо к моей кровати: я была в ужасе, что бы это могло значить. И тут на мониторе

появилось ваше напряженное лицо. Почему вы хо тя бы не улыбнулись, умирающему в реанимации пациенту? Предполагается, что вы отправили свою игрушку-машинку чтобы удостоверится о моем здоровье и здоровье других пациентов? Нет, вы явно ставили себе другую цель. Какую? Напугать? За чем? И ведь не раз заезжала машинка. Потом мне фельдшеры все более менее объяснили: «Это Петриков громадные деньги тратит на игрушки, сотни тысяч евро, когда необходимого обо рудования не хватает. Трудно пятую точку оторвать и прийти са мому». Мне показалась здравой такая точка зрения, вам нет? А в другой раз зашел какой-то очень толстый человек с тремя подбородками в яркой спецодежде, и стал делать мне какие-то уколы. Он представился реаниматологом из четвертого зала, и заходил еще пару раз. Однажды его встретил А. Шабанов и сделал ему строгий выговор: «Что вы здесь делаете? Это мой больной! Я сам ей занимаюсь» И тот ретировался. И с тех пор меня опять стали мучить смутные сомнения. Три недели длились словно вечность, я слышала разговоры о том, что оперировать уже нельзя: «пошли инфекции». Я седе ла. Не столько из страха не выздороветь, сколько из страха остаться в этой тюрьме, без телефона и связи с внешним миром на неопределенное количество времени. Я помню, как жалобно я спрашивала каждую группу врачей на обходах когда опера 180 ция, и как они в конечном итоге стали мне грубить: «Женщина! Вы здесь уже давно! Пора запомнить, что мы из травмотоло гии!» Как бесконечно долго тянулись выходные, и как я опять спрашивала всех врачей на обходе в понедельник: «когда опе рация?» И уже почти оставила надежду… И вдруг А. К. Шабанов торжественно объявил: во вторник, 14 апреля. Неужели я выберусь из этой гробницы? Неужели мне позволят уехать умирать домой? Я не могла заснуть ночью, мне стало плохо, я боялась, что операцию опять отложат. Не смея жаловаться на состояние здоровья, я попросила фельдшера: принесите мне холодного сока из холодильника. «Сейчас брошу все дела и пойду за соком для тебя». Но я справилась, и как ни старались операцию больше не отложили. Мне стало немного лучше после операции. Прооперировали только половину спи ны, два перелома, еще два предстояло делать после того как срастется первая. Все подходили, спрашивали: ноги не чувству ешь? Ногами шевелишь? Но ноги не заработали. Как же я могла шевелить, когда три недели отмирали клетки в позвоночнике? Такие вопросы были бы уместны, если бы операцию сделали сразу, или если бы мне не вводили против моей воли нейролеп тиков. Сытник говорил: сейчас самое трудное время, надо лежать на боках, чтобы зажил шов. А фельдшер, несмотря на мои мно гочисленные просьбы положить полотенце между моей головой и тазиком, над которым она ее мыла, только накричала на ме-

ня, и сделала по своему. В результате замочила шов. Я пожалова лась Сытнику, он пришел, расстроился, просил больше вообще не мыть голову, пока не заживет и махнул рукой: «такую опера цию испортили!» Пошел запах, и он уже думал, что все загнои лось. Но операция срослась, а спинной менингит раз и навсегда положил конец всем разговорам о второй операции. Эта исто рия с замоченным швом не была случайностью, эта фельдшер регулярно мне грубила. Помню, как она криком объяснила мне, что хочу я или нет, а налысо бриться придется. И только заступ ничество врачей спасло меня от плеши, которая в целом бы 181 ла бы очень уместна к образу узника. И конечно никто ее не на казал за этот замоченный шов, который она сама меняла, хотя на первых порах этим строго хирург занимается. Я помню, как вы торжественно объявили мне о спинальном менингите и об отложенной второй операции. Когда воспаление прошло, и ожила надежда на вторую операцию, вы вновь посто янно ее оттягивали. Я помню, как на потянувшихся вновь каждо дневных обходах я спрашивала о дне операции, а вы говорили упертое «нет». Помню, как Валентина Картавенко робко вступа лась за меня и напоминала, что чем скорее, тем лучше, и как она шикала на меня, когда я начинала горячо ее поддерживать. Потом А. Шабанов помог мне отвыкнуть от искусственной вентиляции легких (ИВЛ) и меня перевели в палату, где лечащим врачом была Е. Павлова. Она вновь вызвала психиатра и поста вила вопрос ребром о нейролептиках. Получив жесткий отрица тельный ответ, она заявила, что вторая операция откладывается на неопределенное время. И вскоре меня выписали. Что было настоящим, большим успехом. До последнего охранника Скли фа, до последнего мента на вокзале, я боялась, что мою тележку остановят. Но она выписала меня с вот этой вот выпиской, с «острым психотическим расстройстом» и «сервителем» в числе рекомендаций. Вы начали эту политику, она ее закончила. Я не виню весь Склиф в целом, но хочу сказать, что даже посоль ство царства небесного на земле может превратиться в посоль ство демона, если руководители лишены совести. И здесь тоже, хотя я была избавлена от грубости и издевательств, в документы постоянно пытались вписать какую-либо умственную дефектив ность: от «черепномозговой травмы» до «снижения когнитивно мнестических функций», например. Хорошо хоть до «психотиче ских расстройств» на этот раз дело не дошло. Что характерно, как только я попросила объяснить мне источник этих выводов о моем ментальном здоровье, оказалось это ошибка. И это задо кументировано: я делала здесь посты, где приводила переписку с врачом, который извинялся за подобные ошибки и вновь со вершал их. 182 Что я хочу вам сказать напоследок. Пусть вам будет стыд но. За столь непрофессионально измеренный баланс

«выгоды и вреда» от срочной операции, за психиатра и нейролептики, за спинальный менингит, за отложенную на месяцы вторую операцию. За спастику и пролежни, за то, что я, привыкшая ча сами принимать ванну, не вижу ванну годами, не вижу солнца и неба, за то, что часто сижу в своих экскрементах. За то что не могу полноценно работать. Не вы сломали мой позвоночник, но вы стали соучастником, стараясь прикрыть бандитов. У меня нет никаких сомнений, что это были силовики. Я не удивилась, когда Игорь Яковенко опубликовал статью о вашем участии в судьбе другого оппозиционного активиста, которому силовики действительно причинили мозговую травму, Александра Туровского, если мне не изменяет память. И все таки я счастлива такой развязкой событий, потому что можно жить в своих экскрементах и пролежнях, без солнца, неба и ванны, но невозможно жить в окружении негодяев, тем более в их власти. Самой моей большой удачей в Склифе было то, что я в конечном итоге из него выбралась. А главное им не удался их план, и ваши усилия были напрасны. Да, я не встала на ноги, тут вы достигли цели. Но я написала еще две очень важные книги. А ведь террор был направлен про тив меня как ученого. И вас и меня и этих негодяев не будет уже тысячи лет, а эти книги будут жить. А значит, их планам не суждено было сбыться.

1. Это первая книга: Рационализм против эмпиризма. Дарвиновская парадигма как угроза западной цивилизации.

2. Это вторая книга: Теория психической энергии вместо Социологии и психологии. Тождество народного и научного суверенитета.

Без уважения, Лейла Хугаева»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Греческая Трагедия в Творчестве Гельдерлина 11
Глава 2. Генрих Манн о строгом разделении между Здоровой Интеллигентностью Германии и Расой Господ Третьего Рейха 20
Глава 3. Газданов встречает Ницше 30
1. Газданов и тема раздвоенности сознания в шизоидной цивилизации лженауки 30
2. Ницще знакомит Гайто Газданова с Утопией Здорового Общества 37
3. Gospel on Tesla's Rape 42
Глава 4. Религия Церкви Дружбы Отца Небесного 46
1. Крест Метафизики Интеллекта 46
2. Пространство-Время Интеллекта Энергии Духа Человека 53
3. Международный Институт Естественного Права 59
4. Религиозный культ Церкви Отца Небесного 64
5. Клятва Истинного Я на Полотне Истории Энергии Духа .. 67
Глава 5. Расщепление сознания в Теории Психической Энергии. Случай нормального циклического гомеостаза поля Эгосистемы: Милграм-Эго и Сатан-Эго 72
1. Пять состояний психики согласно Открытию двух силовых полей Сознания 72
2. Специфика Расщепления сознания в случае с Милграм-Эго простых людей. Тотемизм магического сознания 75
3. Эксперименты Милграма о Магии современного сознания простых людей. Доказательство расщепления сознания 83
4. Специфика Расщепления сознания для Сатан-Эго нормального циклического гомеостаза поля Эгосистемы 86
1) Богатство народов — это качественное понятие, а не количественное. Это Здоровье Энергии Духа 87

2) Э. Фромм: Наука Экономика Денежного Эквивалента как Количественная Абстракция поля Эгосистемы физического контроля материальной энергии 93
3). Д. Поррас и Д. Коллинз: В основе деятельности Великих Компаний не обнаружена погоня за прибылью и цель роста ради самого роста 99
4) Э. Фромм, Г. Честертон, Б. Рассел, А. Рэнд о магическом сознании «боссов» — диктаторов физического контроля Садомазохизма 104
5) М. Вебер: Капитализм Протестантов против Капитализма «Поэтов Цифр» 108
6) Г. К. Честертон и Стенли Бинг: Сатан-Эго «деловых кругов». Мертвая мысль и мертвая совесть «Макиавелли» ..114
Глава 6. Расщепление Сознания в Древней Греции. Этическое и эстетическое. Культ Аполлона и Культ Диониса ..125
1. Культура тщеславия и культура вины. Греческая трагедия как эстетика и культура стыда 125
2. Этическое и Эстетическое как Расщепление Сознания в философии Кьеркегора и Ницше 129
3. Греческая Трагедия как культура тщеславия (стыда) и культура совести (вины) в «Расшифрованной Илиаде» Л. Клейна. А также у С. Блэкберна 141
4. Римляне против культуры тщеславия греческой трагедии. Мир в преддверии Христианской победы культуры совести 147
Глава 7. Расщепление сознания Незрелого Интеллекта. Великие реалисты Шекспир, Вальтер Скотт, Г. Лессинг, Н. Чернышевский против Романтизма Гибрис-Эго 152
1. Движение Романтизма и Христианская совесть как Расщепление сознания Незрелого Интеллекта 152
2. Трагедия Совести как оборотная сторона Романтической Трагедии Бунтаря (Гибрис-Эго) 159
3. Великие Реалисты против Романтизма Гибрис-Эго 174
4. Н. Чернышевский о вкладе Г. Лессинга в борьбу с Романтизмом 179

Глава 8. научные Формулы Садомазохизма и Романтики: Нормального и Сломанного Физического Контроля 190
1.Случай Садомазохизма: Нормальный Циклический Гомеостаз поля Эгосистемы 190
2. Случай Романтики: Сломанный циклический гомеостаз поля Эгосистемы 194
3. Случай здоровой Энергии Духа, свободной от поля Эгосистемы 202
Глава 9. Притяжение Самовлюбленности в «Манфреде» Байрона 206
Глава 10. Садомазохизм маркиза Сада против Романтизма Байрона 225
1. Садомазохизм Физического контроля у Маркиза Сада 225
2. Зло Дарвиновской Парадигмы: Сад, Дарвин, Гитлер ... 231
Глава 11. Вклад великих немецких мыслителей в Открытие ПЭ. Г. Лейбниц, Вильгельм Оствальд, В. Дильтей, Г. Лессинг, К. Ясперс, Ф. Шеллинг, Г. Фихте, Э. Кречмер, А. Швейцер, Д. Штраус 240
«Проблемы развития духа. Критика структурализма», 2020 242
Scientific Revolution Energetics in Five Book, 2023 246
Рационализм против эмпиризма. Дарвиновская парадигма как угроза западной цивилизации. 2020 248
«Проблемы развития духа. Критика Структурализма», 2020 252
«Проблемы развития духа. Критика Структурализма», 2020» 255
«Ось мировой истории. Авраамические религии в век разума» 260
2. Философия Ф. Шеллинга. Конец Прогресса в научном контроле Философской Веры 264
Глава 12. Обвинение «„ОПРАВДАНИи НАЦИЗМА“» 277
Часть Вторая 287
Gospel on Tesla's Rape 288
Предисловие 289

Глава 13. Ядерный Гриб Сатанов. заговор Спецслужб и Палачи Теслы, Автора Открытия ... 293
1. Заговор Спецслужб Ядерного Гриба Сатанов. Имена моих палачей, которые мне известны ... 293
2. Ядерный Гриб Сатанов — как Магическое Сознание Варваров ... 299
3. Ядерный Гриб Сатанов на острове Эпштейна. Идолопоклонство и Сатанизм ... 308
7 февраля 2026 Источник: Meduza ... 312
2 февраля 2026 Политика Карина Халикова ... 314
16.02.2026 Элизео Бертолази, Милан ... 317
Глава 14. Садомазохизм Господства и Рабства — Хула на Духа Святого ... 321
1. Порабощение женщин — цитадель рабства на Земле 321
2. Сатаны Расы Господ — это Сила! ... 328
3. «Дебилизация» женщин. «Слабые» женщины отвратительны ... 336
4. Проститутки и Горничные ... 341
Глава 15. Романтизм Самовлюбленности. Поэзия Равенства на поле Садомазохизма ... 354
1. Отравление Культурой Романтизма ... 354
2. Романтический Брак Принцессы Дианы ... 359
3. Брак как форма торговли женщинами ... 368
Глава 16. Романтизм на острове Эпштейна. Гибельность культуры Романтизма ... 374
1. Люцеферский бунт Движения Романтизма как практическое орудие в руках Садомазохизма ... 374
2. Мемуары Вирджинии Джуффре. Романтизм на острове Эпштейна ... 380
18 февраля 2026 Мария БЕРК, Ирина РИНАЕВА ... 389
Глава 17. Реальная Сила Энергии Духа ... 396
1. Сила человека — это Пространство-Время Интеллекта Энергии Духа ... 396
2. Аборигены Социальных Джунглей ... 400
3. Царствие Небесное Пространства-Времени Интеллекта ... 409

4.Реальная Сила Общества для цивилизованных людей научного сознания 417
5. Пути к реальной силе общества людей 432
Глава 18. Я обвиняю! 447

Тесла Лейла Хугаева Тиникашвили

Полотно Истории. Gospel on Tesla’s Rape